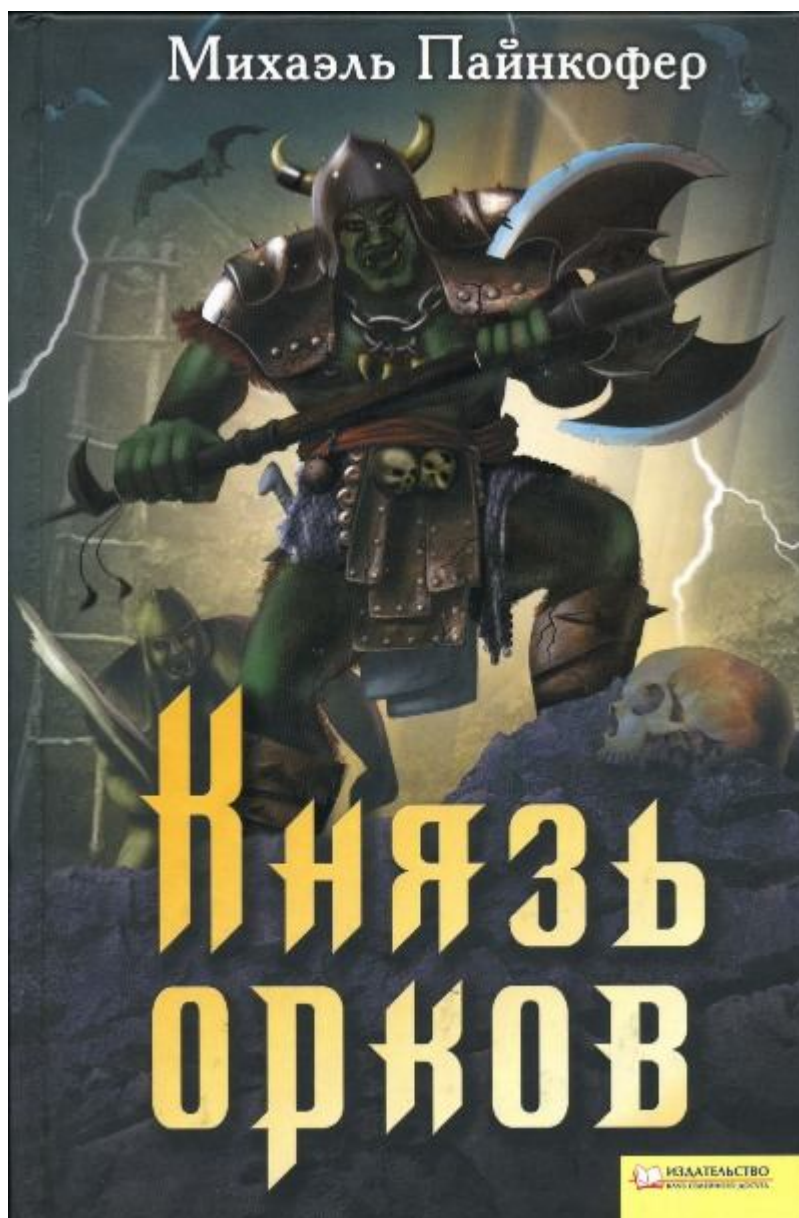

**Михаэль Пайнкофер
Князь орков**

Scan: Alex1979; OCR & ReadCheck: J_Blood <http://oldmaglib.com>
«Михаэль Пайнкофер «Князь орков»»: Книжный клуб "Клуб семейного досуга"; Харьков, Белгород; 2009
ISBN 978-966-14-0520-1, 978-5-9910-0910-2, 978-3-492-26650-5

Аннотация

Когда эльфы — олицетворение всего светлого и справедливого — мельчают, теряют интерес к миру с его занудными дразгмами и будничной, и оттого еще более пугающей, жестокостью, когда лучшие из них забывают о долге и служат своим личным интересам...

Когда искусство карликов никому больше не нужно и великие мастера перебиваются контрабандой и прочими сомнительными занятиями...

Когда люди, чувствуя, что угасает светоч эльфийской мудрости и красоты, пускаются во все тяжкие...

Когда в извечной игре с добром хаос и зло уже потирают руки в предвкушении выигрыша...

...добро в отчаянии кидает кости, ни на что не надеясь, и — судьба мира оказывается в мохнатых когтистых лапах братьев-орков, развеселой парочки, обожающей гниль и темень, не мыслящих жизни без каверз и прочих орочьих штучек.

И фокус в том, что орки — очень последовательная раса, если что-то делают, то от души, и мир спасают хоть и против воли, зато с шутками и прибаутками, приключениями и сражениями и, разумеется, добиваются успеха.

М. Пайнкофер «Князь орков»

Написать эту книгу было бы невозможно без помощи некоторых людей, их я хочу здесь поблагодарить от всего сердца.

Я благодарен Карстен Польцин и, в особенности, Фриделю Варену из издательства «Piper Verlag» за оказанное доверие; Петеру Таннишу за замечательное сотрудничество в редакционной коллегии; Даниэлю Эрнли за чудесную качественную карту.

И наконец, естественно, моей семье, которая сопровождала меня во время этих головокружительных вылазок в Землемирье и поддерживала по мере сил.

У мира было много имен.

Эльфы окрестили его *амбер* много веков назад, когда земля была еще молода и девственна, когда ее еще не успели пропитать кровью сражений.

Гномы звали его *дурумрин*, по имени великана, некогда охранявшего сокровища мира, пока драконы в жадности своей не утащили их в недра земли и не сокрыли их там.

Люди, совсем еще молодые и не обремененные ни мифами, ни прошлым, по своему скромному обыкновению дали ему имя *Землемирье*.

А орки в конце концов назвали его *сохгал*.

От диких, незаселенных земель на западе и до людских империй, начинавшихся к востоку от Острых гор, простирался этот мир. От ледяных равнин на севере и до моря, лизавшего прибрежный песок далеко на юге. А там, за синими волнами, как говорили эльфы, раскинулись Дальние Берега.

Таков был мир, который делили они между собой уже давно и не всегда мирно. Только в те далекие золотые деньки, когда в Землемирье жили одни только эльфы, царило спокойствие; а потом свет времен померк, над Землемирьем сгустились тучи мрачной судьбы. Никем из эльфов не замеченное, свершилось позорное предательство; появились орки, а с ними в Землемирье пришли раздор и война.

Мания величия и тщеславие одного из мятежных эльфов разожгли Первую войну народов, которая спустя годы разрушительных боев завершилась в пользу эльфов. В то время были воздвигнуты гордые крепости Тиргас Дун и Тиргас Лан, вставшие над лесами и равнинами на страже нового мира. Но и он длился не вечно.

Появились новые народы: из глубин земли вышли карлики и гномы, а с приходом людей возник народ, которого до сих пор не знало Землемирье. Ибо хотя они и стремились к добру, но из-за юношеской безудержности и беспечности их было легко сбить с пути истинного. Так и вышло, что ими завладел дух Темного Эльфа. Вместе с орками, с которыми они уже успели побрататься, люди напали на земли гномов и на Эльфийскую империю, и снова началась война.

Лишь благодаря мудрости и мужеству эльфов исход борьбы был решен не в пользу сил Хаоса. Поставив на карту все, рискнув всем, что у них было, эльфы и карлики, нанеся решительный удар, сумели разделить войска орков и людей; первых прогнали в безымянные земли по ту сторону Черногорья, вторых же — на Восточное холмогорье, где они с тех пор и живут.

В то время как орки проявляли неразумие и ни капельки не раскаивались, люди изменились и возвысились под покровительством эльфов. Возникли людские империи на востоке, и с каждым поколением умножались их влияние и власть, а время эльфов, сражавшихся за судьбу мира в двух кровавых войнах, подходило к концу. Они стали тосковать о Дальних Берегах, откуда они некогда пришли в Землемирье и где царили вечное счастье и радость.

Но чем больше удалялись эльфы от мира, тем очевиднее становилось, что люди ничему не научились. Среди них все еще правили зависть и жадность, и, вместо того чтобы вступить во владение наследием эльфов, они затеяли междоусобные войны за власть. Народы Хаоса — орки, гномы и тролли — сумели воспользоваться этим, покинули место своего изгнания по ту сторону гор и прошли по стране кровавыми походами.

Орки сражались с гномами, гномы воевали с людьми, люди — с орками. Началась бессмысленная резня, но эльфов, единственных, кто мог положить конец кровавой бойне, это не волновало. На Землемирье надвигался Хаос, и было только вопросом времени, когда тень Темного Эльфа снова восстанет и обретет власть.

Но на этот раз планы у него были другие...

1. Иомаш намхал

— Они идут.

— Сколько их?

Разведчик, которого посылал Гиргас, принял задумчивый вид. Он наморщил темный лоб, стал вращать желтыми глазами, словом, всячески делал вид, что усердно размышляет. Результата орк не достиг исключительно потому, что Гиргас наградил его ударом кулака, и крючковатый нос шпиона превратился в бесформенный окровавленный комок.

— Идиот! — бушевал Гиргас. — Ты что, считать не умеешь?

— Нет, — прогнусавил тот.

— Клянусь внутренностями Торги! И чего только меня поставили предводителем такой глупой орды? Не подскажешь, ты, червяк, как мне разгадать тактику врага, когда я даже не знаю его численности?

Шпион предпочел промолчать; Гиргас славился приступами ярости и уже не раз укорачивал подчиненных на голову и не за такую провинность. Предпочтя потерять достоинство, но не жизнь, орк отполз назад. Сверкающие яростью глаза предводителя оглядели поляну в поисках нового разведчика.

— Черт побери, здесь что, нет никого, кто умеет считать? Неужели Грайшак посылает меня сегодня в бой с кучкой безмозглых *умбал'хай*.

— Я умею считать! — раздалось — не без гордости — из последнего ряда.

Воины, собравшиеся вокруг своего командира, удивленно расступились, образовав проход. Показался орк, которого Гиргас никогда прежде не видел. То есть, может быть, и видел, но только мимоходом, а по-настоящему никогда не замечал, потому что вожаки, как и все орки, в первую очередь интересуются собственной персоной.

Лицо парня было на удивление бледным, особенно вокруг крючковатого носа, и он был необычайно высок и худ для орка. Редкие волосы жирными прядями торчали из-под шлема, а взгляд его больших глаз, выжидающе смотревших на Гиргаса, казался очень наивным. Ржавая кольчуга орка была чересчур широка и болталась над его тонкими ногами, а *сапарак* выглядел так, как будто долгое время валялся на дне Гнилого озера.

— Ты? — несколько удивленно спросил Гиргас. — Как тебя звать?

— Мое имя Бальбок, — прозвучал ответ, вызвавший среди воинов смех; орков обычно называли по их качествам, а это имя выдавало, что обладатель его — не самый умный в этом мире.

— И ты умеешь считать, Бальбок?

Худой хотел было ответить, но тут его сосед с такой силой ударил его под ребра, что Бальбок едва не упал.

— Не слушай его, Гиргас, — сказал стукнувший Бальбока орк — полная противоположность долговязого: маленький и сильный, почти квадратный, с круглой головой, ровно сидевшей над плотным телом. Кольца кольчуги, казалось, растягивались на его внушительном пузе, а ноги у него были толстенькие и кривые, как у поросенка. — Поверь мне, он мелет чепуху.

— Вот как? — с вызовом спросил Гиргас. — А откуда тебе это известно, позволю поинтересоваться?

— Оттуда, что он мой брат, — просто ответил низкорослый и старательно поклонился, что при его фигуре выглядело довольно потешно. — Мое имя — Раммар.

— И почему это все торопятся мне сегодня представиться? — проворчал Гиргас. — Мне все равно, как вас там зовут, если вы деретесь как положено и помалкиваете! Вы меня поняли?

— Так точно, великий Гиргас.

— Ну, так что? Умеет длинный считать или нет?

— Нет, — заявил Раммар, а брат его в тот же самый миг ответил «да».

— Что за ерунда? — рассерженно зарычал Гиргас. — Вы меня с дерьмом смешать решили?

— Я умею считать! — утверждал Бальбок.

— Нет, не умеешь! — упирался его брат.

— Умею, говорят тебе!

— Не умеешь!

— А я говорю, умею!

— Нет, черт тебя дери! — И, чтобы придать вес своим словам, Раммар схватился за копье, но Бальбок не испугался.

— Наша орда состоит из двадцати восьми орков, — сосчитал он вслух, — включая предводителя Гиргаса. Вместе это будет пятьдесят две ноги, сорок восемь глаз, с учетом тех, у кого ампутированы ноги, и одноглазых.

На это даже его брат не нашелся, что ответить, остальные орки были под впечатлением. Считать было само по себе искусством, а уметь еще в придачу и вычислять — такой способностью обладали только старики и мудрецы (а преклонного возраста достигали очень немногие орки). Гиргас был настроен миролюбиво.

— Хорошо, ты убедил меня. Ты пойдешь и посчитаешь силы гномов. А ты, Раммар, будешь сопровождать его!

— Я — я должен его сопровождать? — Раммар хватал ртом воздух. — Н-но, великий Гиргас...

— *Криок*! — Этим словом предводитель положил дискуссии конец — каждому, кто решился бы еще возражать, должно было стать ясно, что он рисковал своими конечностями.

Тихо ворча себе под нос, Раммар отвернулся, и под злорадными взглядами товарищей братья отправились выполнять свою миссию.

Бегом они оставили позади опушку, на которой собрался отряд, и ринулись в кусты. Каждый из них был вооружен *сапараком* — оснащенным крюком копьем, — любимым оружием орков, которое они использовали в ближнем бою. Кроме того, у Бальбока были стрелы, лук и удобная боевая секира, притороченная к поясу. Братья пошли по той дороге, которой пользовался и предыдущий разведчик, утопающей с двух сторон в густых зарослях папоротника и закрытой крутыми скалами.

— Ты, придурковатый сын еще более придурковатой мамочки! — бушевал Раммар, не обращая внимания, что оскорбляет при этом свою собственную мать. — Ты что, не понимаешь, во что ты меня втянул? Теперь у нас на шее висит это опасное задание!

— И что? — лаконично поинтересовался Бальбок.

— И что? У меня нет ни малейшего желания быть покрошенным на куски воинственными гномами по твоей милости. Я пытался защитить тебя от твоей дурости, но тебе ведь нужно было сделать вид, будто ты — сам мудрый Анартум во плоти! А теперь посмотри, чего ты этим добился — ты не только себя толкаешь на погибель, но и меня!

— Мы не толкаемся, мы бежим! И я не просил тебя в провожатые.

— Как будто недостаточно того, как ты на меня смотрел! Твой взгляд просто молил о помощи. Если бы я только знал, чем заслужил такое. И вот так всю жизнь. И все из-за того, что я — старший, и воля Курула выхаркала меня в *сохгал* впереди тебя! Надо было зарезать тебя, а внутренности скормить болотным коболям, чтобы ты наконец понял, каково...

Внезапно он оборвал себя на полуслове, услышав глухие удары барабанов, и остановился так внезапно, что Бальбок ткнулся ему в спину, и Раммару пришлось пройти еще несколько шагов.

— Ты слышал это? — прошептал Раммар и наострил свои и без того острые уши.

— Да, — последовал односложный ответ. — Это гномы.

— Дурень! — Снова последовал удар под ребра. — Я и без тебя знаю, что это гномы. Но откуда доносится барабанный бой? Понять не могу...

— Оттуда, — быстро ответил Бальбок и указал в соответствующем направлении.

— И откуда ты это знаешь, позволь поинтересоваться?

— Я их чую, — заявил худой, ткнув себя пальцем в нос.

— Что значит — ты их чуешь? Никто не может учуять гномов с такого расстояния!

— А я могу.

— И ты говоришь, что они там?

Бальбок кивнул.

— Замечательно, — неохотно проворчал Раммар. — Давай пойдем и посмотрим. Но смотри мне, если ты мне троллей на уши вешаешь! Тогда мой кулак обеспечит тебе отсутствие нюха на всю оставшуюся жизнь.

Бальбок хотел пойти вперед, но брат остановил его и пошел впереди сам. Все их чувства обострились, когда они пробирались через заросли, и с каждым шагом, который они делали, становилось ясно, что нос орка был прав. Барабанный бой стал громче, и наконец Раммар тоже учуял зловонное присутствие гномов.

Он даже перестал третировать брата руганью. Чем ближе они подходили к лагерю гномов, тем аккуратнее старались двигаться. Бальбок благодаря стройной фигуре легко прокрадывался через заросли папоротника и между скал, ему это удавалось намного лучше, чем брату, который то и дело застревал и иногда выдавал свое присутствие негромкими проклятиями. Неожиданно заросли расступились.

Братья-орки опустились на четвереньки и двинулись к самой опушке, спускавшейся под откос, где папоротник переходил в высокий густой травостой. Отсюда открывался вид на долину, окруженную темными склонами холмов и серыми скалами. На востоке солнце уже посылало первые лучи через гребень Западного хребта, и водопад вспенивал озеро, вокруг которого собрались гномы — низкорослые зеленокожие существа в черных доспехах. И, даже не умея считать, можно было смело сказать — их много!

Очень много...

Пока Раммар негромко ругался, пытаясь решить, хватит ли двадцати восьми орков, чтобы расправиться с силами противника, настолько превосходящими их отряд, Бальбок начал считать, что было довольно непросто, потому что гномы, собравшиеся на дне долины, сновали туда-сюда, перебегали с места на место. И орк не мог быть уверен в том, посчитал ли он уже того или иного гнома или нет. Ему то и дело приходилось начинать сначала, в то время как его брат с беспокойством наблюдал за подготовкой гномов к выступлению.

— Ты скоро закончишь? — прошипел Раммар. — Они вооружены до зубов и совершенно непохоже, что они просто захотели прогуляться по лесу.

— ...сорок два, сорок три... сорок пять... — раздалось в ответ.

— У них лучники и много варгов. Если эти твари нас учуют, нам крышка. Так что поторапливайся!

— ...шестьдесят семь, шестьдесят восемь, шестьдесят девять...

— Мне вот интересно, чего эти зеленые ребята забрались так далеко на юг. Все ведь знают, что Гнилые земли принадлежат оркам. Но, возможно, их маленькие вшивые мозги просто не способны этого понять ввиду своего размера.

—.. восемьдесят пять, восемьдесят шесть, восемьдесят... — Бальбок внезапно замолчал.

— Что такое? — поинтересовался брат.

— Ничего. Я почти закончил.

— Так чего же мы ждем, сын жалкого водоклюя? Давай, нам пора отсюда убираться!

— Не пойдет.

— Вот как? — Раммар с трудом сдержался. — Это еще почему?

— Потому что я не вижу тех, что в траве, — просто пояснил Бальбок. — А если я их не вижу, то и посчитать тоже не могу.

— Что за чушь ты несешь? О каких таких гномах ты говоришь?

— Вон о тех, — ответил Бальбок, указывая на левый склон холма.

Сначала Раммар ничего не увидел, и хотел уже сделать брату выговор, но потом заметил, что трава кое-где подозрительно шевелится, как будто там кто-то крадется.

— Пламя Курула! — вырвалось у него. — Воины гномов! Они направляются к нам! Они нас обнаружили!

И словно бы в подтверждение его слов раздалось отвратительное жужжание, и прямо перед Раммаром, на расстоянии всего лишь ладони от его уродливого черепа, в мягкий грунт вонзилась стрела.

— Клянусь внутренностями Торги!..

И не успели орки опомниться, как из высокой травы внезапно вынырнули четыре зеленые, перекошенные от ненависти физиономии. Вооруженные саблями и луками гномы устремились вверх по склону. Их всклоченные волосы развевались на ветру, глаза сверкали гневом и решимостью сражаться, а из широко раскрытых ртов вырывались дикие воинственные вопли.

— Вот видишь, что ты наделал! — набросился Раммар на брата.

Первый гном был уже рядом, и орк поприветствовал его своим *сапараком*. Атакующий неся прямо навстречу своей гибели: копьё вонзилось ему в грудь, пронзило насквозь, а окровавленный наконечник вышел из спины.

Раммар, чертыхаясь, с трудом стряхнул бьющегося в конвульсиях противника со своего копья, его брат в тот же миг схватился за лук и сразил двух нападающих метко пущенными стрелами. Раммар всегда злился из-за умения Бальбока так ловко управляться с луком и стрелами и страшно завидовал, но сейчас впервые этому таланту порадовался.

Последний из гномов, сумевший подкрасться к ним, с хриплым криком бросился на орков, но, едва добежав до противников, рухнул с отсеченной головой: Бальбок снес ее ударом секиры. Атака захлебнулась зеленым фонтаном гномьей крови.

— С тремя я уже разобрался! ликовал Бальбок.

— Не стоит воображать по этому поводу! — заворчал Раммар на брата. — Из нас двоих лучший воин — по-прежнему я!

Из долины доносились крики. Дозорные гномов, конечно, заметили схватку и забили тревогу — после чего две дюжины воинов устремились вверх по склону, издавая при этом дикий боевой клич.

— А теперь что? — простодушно поинтересовался Бальбок.

— Глупый вопрос, — проворчал его брат. — Беги!

Раммар развернулся и помчался прочь, настолько же быстро, насколько позволяли его коротенькие ноги и немалый вес. Бальбок заткнул за пояс секиру, схватил лук и выпустил несколько стрел вниз по склону. Поскольку гномы взбирались без прикрытия, все стрелы нашли цель, но преследователей это не остановило. Напротив, с каждым упавшим товарищем их ярость только усиливалась. Они взбирались по склону с ужасающей быстротой. В верхней части, где склон был почти отвесным, они карабкались на четвереньках. Темные доспехи и тонкие длинные конечности придавали гномам сходство с огромными жуками.

Тем же путем, каким они пришли сюда, Раммар и Бальбок бросились наутек. Они неслись через лес, причем Раммару на его коротеньких ногах было гораздо труднее перепрыгивать через обломки скал и торчащие корни, чем его стройному, худощавому брату. Он неоднократно повисал на препятствиях, беспомощно болтая ногами, словно попавшее в паутину насекомое, до тех пор пока Бальбок не вызволял его. Затем они снова бросались бежать, а за спиной у них раздавались визги и завывания гномов.

— Раммар? — выдал Бальбок на бегу.

— Что?

— Я должен тебе кое-что сказать.

— Умбал ! — прохрипел Раммар. — Сейчас не время для излияний. Но если тебе обязательно нужно это знать — то я тоже рад, что ты мой брат.

— Я не об этом.

— Не об этом?

— Не об этом. Я только что заметил, что мы не выполнили свою задачу. Мы по-прежнему не знаем, сколько там гномов, и...

— Думаешь, это сейчас имеет какое-то значение?

— Последний раз я насчитал восемьдесят семь. Тех четверых, которых мы зарубили, уже можно не считать, а если еще отнять тех, кого я настиг своими стрелами, то получится...

— Бальбок?

— Да, Раммар?

— Сделай одолжение, — просипел его брат. — Заткнись, черт тебя подери, понял?

— Да, Раммар. Но количество гномов...

— Еще одно слово о цифрах, и тебе больше никогда не придется об этом думать — потому что я тебя зарублю, жалкий *умбал*! Все это — исключительно твоя вина!

Так быстро, насколько им позволили короткие ноги Раммара, братья пробежали через лес и наконец очутились на поляне, где их ждали Гиргас и остальные. При виде лазутчиков предводитель сразу же понял, что что-то не так.

— Что случилось? — крикнул он. — Судя по вашему виду, вы повстречались с самим Курулом.

— Гномы!.. — единственное, что сумел выдавить из себя Раммар, с трудом хватая ртом воздух.

— Что с ними?

— Они... они обнаружили нас и...

— Вас обнаружили? — Глаза Гиргаса расширились.

— Да, великий Гиргас, — прохрипел Раммар. — Мы убили парочку, но теперь они на пути сюда. Нужно бежать как можно скорее, и...

В этот миг раздался крики преследователей, и лес, казалось, дрогнул от топота множества ног.

Орки в ужасе переглянулись. Некоторые хотели было броситься бежать, как и советовал Раммар, но Гиргас преградил им путь. При этом в лапе он держал свой орочий меч, на зазубренном клинке которого были видны засохшие следы зеленой гномьей, красной человеческой, и даже черной орочьей крови, свидетельствовавшие об успешных сражениях.

— Оставайтесь здесь, червяки! — воскликнул он. — Вы, трусы, куда это вы собрались?

— Прочь, прочь отсюда! — крикнул один из воинов, после чего Гиргас моментально рубанул мечем. Голова орка плюхнулась на влажный лесной грунт, сохраняя на лице выражение застывшего ужаса.

— Никто не уходит с опушки! — прорычал Гиргас, перекрикивая вопли гномов, становившиеся все громче и громче. — Вы, жалкие псы, вы останетесь и будете сражаться! Мы покажем этим чертовым гномам, что значит быть орком, и искупаем наши клинки в их вонючей зеленой крови! Вы меня поняли?

В ответ раздался хриплый лай — на большее основная часть воинов была не способна, почуяв запах крови своего товарища. Их желтые глаза отчаянно вращались, у многих на губах выступила пена. Схватив мечи и копья, они повернулись туда, откуда должны были прийти гномы, и Гиргас был в первом ряду.

— Ну, и сколько их? — спросил он стоявшего рядом Бальбока.

— Точно не знаю, — смущенно ответил худой. — Немногим больше восьмидесяти, я полагаю.

Гиргас ненадолго задумался.

— Это больше дюжины? — спросил он затем.

— Да уж.

Искаженные шрамами черты лица Гиргаса искривила ухмылка.

— В таком случае, их действительно много...

Внезапно из лесу раздалось пронзительное, злобное ворчание. Орки как зачарованные уставились на темную листву. Снова раздалось ворчание, затем треск и хруст ломающихся ветвей. А мгновение спустя из кустов вывалилось что-то большое и серое.

При виде несущегося к нему варга, Гиргас издал громкий боевой клич. Варги не были обычными волками, это были огромные бестии с убийственными когтями. Они родились от

темного волшебства во времена Второй войны, и некогда служили оркам ездовыми животными. Прошли века, и другие расы тоже научились подчинять их себе; особенно хорошо укрощать их удавалось гномам. Воин, сидевший на узкой спине варга, хохотал и визжал как сумасшедший, а тварь мчалась прямо на Гиргаса.

Предводитель орков действовал, не мешкая ни секунды.

С быстротой, которую вряд ли можно было ожидать от существа его телосложения, он устремился вперед и поднял вверх свой меч, как раз в тот самый миг, когда варг добрался до него и поднялся на задние лапы. Гиргас вонзил в грудь бестии оружие по самую рукоять, прежде чем смертоносные лапы успели его коснуться. Существо не сразу осознало свой конец; оно все еще стояло перед орком на задних лапах и рычало. Постепенно рычание перешло в хрип, когда Гиргас одним движением вспорол ему брюхо по всей длине.

Внутренности зверя вывалились прямо на Гиргаса, что еще больше разъярило последнего. Когда варг рухнул перед ним, он обезглавил незадачливого всадника прежде, чем тот успел понять, что происходит.

Держа в лапе клинок, с которого капала кровь, Гиргас издал ликующий крик; к нему присоединились и все остальные орки своры. Вопль прогремел над опушкой, несясь, подобно вихрю, навстречу гномам, в следующий миг высыпавшим из зарослей.

Гиргас был прав — их было действительно много. Лес пролился зеленой волной нападающих, и хотя гномы были мельче орков, впечатление они производили угрожающее. Широко раскрыв рты в боевом кличе, они смотрели на орков ослепленными ненавистью глазами, а на них была направлена фаланга смертоносного оружия.

— Лучники! — успел еще крикнуть Гиргас, но далеко не все орки смогли спустить с тетивы смертоносную стрелу. Лишь немногим — и среди них был мужественный Бальбок — удалось это, и бежавшие в первых рядах гномы словно наткнулись на невидимую стену. Но за первой поднялась вторая волна нападающих, и орки оказались вовлечены в ближний бой.

— Вперед, черви! — раздалось громкое рычание Гиргаса. — Или вы собрались жить вечно?

Враждующие полчища столкнулись с ужасающей силой. О правильном боевом построении не могло быть и речи, у орков — потому, что строиться времени уже не оставалось, у гномов — потому, что в азарте битвы они забывали обо всяком порядке. Под громкие боевые кличи они устремились на орков, но для тех атакующих, что возникали непосредственно перед Гиргасом и Бальбоком, предполагалось слишком скорое окончание борьбы.

Издавая хриплые крики, Гиргас размахивал секирой: его меч остался торчать в расколоте черепа врага. Теперь командир орков описывал оружием широкий круг, чтобы держать атакующих подальше от себя. Раны, которые оставляла острая как бритва, секира, были ужасны. Казалось, предводителя орков окружали фонтаны зеленой гномьей крови; они, словно гейзеры, с шипением устремлялись вверх повсюду, где находило себе пищу Гиргасово оружие. Сражавшийся рядом с ним Бальбок отбросил секиру и схватился за свой *сапарак*, на который по очереди насаживал атакующих.

Остальные орки сражались не менее славно, но масса гномьих воинов, высыпавшая на опушку, сильно теснила их. Все больше орков падали наземь, на орошенное кровью болото, в которое превратилась опушка под ногами бойцов. Поначалу бреши, оставленные погибшими товарищами, закрывали другие орки, но вскоре их ряды поредели, и, хотя на каждого убитого приходилось по два мертвых гнома, численное превосходство противника ощущалось все сильнее и сильнее.

Это была беспощадная борьба. Зеленый жизненный сок смешивался с черной кровью орков, пропитывал топкую землю, и пройдут десятилетия, прежде чем на этой опушке что-нибудь сможет вырасти. Запах пота и еще теплой крови напитал утренний воздух, и повсюду сражались, убивали, рубили головы.

В центре сражения был Гиргас. Одному из гномьих воинов он отрубил правую руку и тут же принялся за следующего, которого сразил одним-единственным взмахом своего

мощного оружия. На скрючившегося перед ним гнома с отрубленной рукой он уже не обращал внимания, а тот, хотя и был тяжело ранен, пополз по телам своих мертвых товарищей к ногам Гиргаса, сжимая в оставшейся руке кинжал. И в тот миг, когда Гиргас раздробил череп очередному врагу, однорукий нанес удар.

Предводитель орочьей своры от неожиданности удивленно хрюкнул, опустил взгляд и увидел в своем сапоге гномий кинжал. Его секира взметнулась вверх, и почти небрежным движением, словно орк собирался отмахнуться от назойливого насекомого, убила покалеченного гнома, совершившего этот подлый поступок. И все же на миг Гиргас отвлекся — и этот миг использовали другие противники, окружавшие его.

Когда Гиргас заметил судорожное подергивание своего левого плеча, он сначала не понял, что произошло. Только когда он попытался поднять лапу и это ему не удалось, орк заметил гномью стрелу, вонзившуюся между наплечником и латами. Гномам было недостаточно снабжать свои стрелы наконечниками с крючками — обычно их еще и смазывали ядом. Гиргас уже чувствовал его действие, движения его стали вялыми и замедленными. Но он продолжал сражаться, яростно, преисполненный решимости увести с собой во тьму Курула как можно больше атакующих.

— Только подойдите! — прорычал он. — Варг и пара стрел? Это и все, что у вас есть?

Гномы разъярились сильнее и накинулись на него более решительно. Откуда-то прилетело копье и вонзилось в правую ногу Гиргаса, и он еще только падал на колени, когда к нему, словно рассвирепевший дикий зверь, подскочил один гном. Вцепившись в орка, низкорослый воин умудрился закрыть ему лицо так, что Гиргас ничего не видел, и махал своей секирой вслепую.

— Помогите мне! — крикнул предводитель своим воинам. — Черт побери, червяки безмозглые, да помогите же мне! — Но остальные орки, включая Бальбока, были слишком заняты тем, что спасали собственные шкуры.

Наконец Гиргасу удалось оторвать от себя гнома, закрывшего ему обзор; он и не заметил, что когти врага оставили на коже глубокие кровоточащие царапины. Орк швырнул маленьким зеленым воином в нападающих, но когда вновь поднял секиру, чтобы раскроить череп врагу, чья-то сабля отрубила ему лапу ниже локтя, и секира вместе с по-прежнему крепко сжимавшей ее лапой упала в грязь.

Гиргас поглядел на окровавленный обрубок и зарычал от злости и ярости — и тут гномы навалились на него, словно саранча, и предводитель орков, крича и ругаясь, упал, погребенный под кучей зеленых тел.

Раммар увидел это издали и решил, что на этом битва для него кончается. Пока Гиргас стоял, существовала хоть маленькая, но все же надежда на победу орков в этой стычке. Теперь этой надежды больше не было, а Раммар считал себя еще слишком молодым, чтобы умирать.

Приземистый орк все время держался на краю сражения; поскольку большинство гномов кидалось в самую гущу, фланги подверглись гораздо более слабой атаке. Это было только на руку Раммару. Он еще раз ударил *сапараком* и проткнул им гнома, с криком прыгнувшего на него. Поставил ногу на грудь поверженного врага, рванул *сапарак* и бросился бежать.

Раммар, будучи натурой дальновидной, уже подыскал себе укрытие. На краю поляны, в поросшей мхом скале, была расщелина, достаточно широкая для того, чтобы вместить его, если, конечно, он втянет брюхо и задержит дыхание. Но перед лицом угрожавшей ему опасности он счел эту трудность вполне для себя преодолимой.

Конечно же, Раммар знал, что обязан своему роду. Он огляделся вокруг и увидел своего брата Бальбока посреди беснующейся кучи гномов, бросавшихся на него со всех сторон.

— Прощай, брат! — прорычал Раммар, слегка поклонившись, а затем рванул к расщелине.

В царившей на поле боя суматохе никто не обратил на него внимания, и, похудев, — хотя слово «похудел» здесь совершенно неуместно — Раммар с трудом втиснулся в темное

отверстие.

Там он стал ждать.

Ждать.

И ждать...

А далеко-далеко, в темном мраке древних каменных стен, налитые кровью глаза смотрели в неясную глубь *окулона*.

Увиденное заставило узкую щель, зияющую ниже широко раскрытых глаз, расплзтись в довольной улыбке.

Гномы хорошо справились с заданием. Все происходило так, как он и планировал — теперь оставалось только выжидать.

Совсем скоро то, к чему он так долго стремился, будет принадлежать ему...

— Убейте их, храбрые мои воины-гномы, — тихо промолвил он в *окулон*. — Убейте всех до единого. А самый храбрый из них станет моим орудием...

2. Ойгаш коум

В какой-то момент битва затихла.

Только кое-где раздавались редкие стоны, а с голубого полуденного неба уже доносились крики падальщиков, готовых наброситься на свою добычу.

Хотя укрытие, найденное Раммаром, можно было назвать каким угодно, но только не удобным, он выжидал дольше, чем было необходимо. Он хотел удостовериться, что на поляне не осталось гномов.

В какой-то момент он пришел к выводу, что просидел достаточно долго. Орк выпустил из легких весь воздух и смог выглянуть из узкой расщелины. Осторожно высунув голову и убедившись, что все чисто, он стал протискиваться дальше, и наконец вывалился наружу и приземлился на истоптанную траву.

Когда он снова поднялся на ноги, вид, открывшийся ему, был, мягко говоря, неутешительным. Вся поляна была усеяна убитыми орками. У некоторых были отрублены конечности, у других — вспороты животы, так что из них вывалились все внутренности, еще несколько были утыканы гномьими стрелами. Общим для всех был только ужас на застывших лицах, из-за которого, по мнению Раммара, все они выглядели довольно глупо.

А гномов и след простыл; они ушли, забрав своих павших. На поле битвы остались только мертвые орки, и где-то среди этих окровавленных, беспорядочно сваленных трупов, над которыми роились тучи огромных мух, подумал Раммар, должен лежать его брат Бальбок.

— Ты, жалкий *умбал*! — пробормотал он, обходя поляну в поисках брата. — Как часто я говорил тебе, что не надо строить из себя героя! Что только тупые люди подставляют свою голову за других! Но нет же, ты всегда считал себя умнее меня. Если бы ты слушался старшего брата, то был бы сейчас жи...

Он замолчал, когда услышал доносившийся из кустов шорох. Раммар поднял свой *сапарак* и обернулся. В подлеске затрещали ветки, и Раммар подумал, что сейчас оттуда вывалится гном. Каково же было его удивление, когда из зарослей показалась не зеленая гномья физиономия, а худое лицо брата.

— Бальбок!

На мгновение мрачные черты лица Раммара осветила радость, и он чуть было не кинулся брату на шею — но вовремя напомнил себе, что такое поведение недостойно орка. Он резко остановился, и на его лицо вернулось старое упрямое выражение.

— Раммар! — Бальбок не считал нужным сдерживаться. На его детском лице появилась радостная улыбка, и он бросился на своего толстого брата, чтобы крепко обнять его. Раммар удержал его, выставив перед собой *сапарак*.

— Что это с тобой? — набросился он на него. — Ты что, с ума сошел? Что это значит?

— Я думал, ты умер.

— Не умер я! — засопел Раммар. — И ты не умер, насколько я могу судить. Теперь, когда мы это выяснили, можем снова вести себя разумно. И может быть, ты мне скажешь, как это ты выжил, когда всех остальных поубивали?

— Не знаю. — Бальбок пожал плечами. — Битва уже, собственно говоря, была окончена, гномы убили всех, остался только я. Они окружили меня и напали со всех сторон сразу. Я видел в их глазах жажду убивать и был уверен, что все кончено. Я смотрел в лицо...

— Проклятье, ты орк, а не карлик какой-нибудь! — засопел Раммар. — Не надо мне тут саги рассказывать, скажи лучше, что случилось. Я же не могу слушать тебя целый день.

— Я... я не знаю, — беспомощно повторил Бальбок. — Я думал, что уже все, но внезапно гномы передумали и ушли.

— И все?

— И все, — подтвердил Бальбок, что вызвало у его брата внезапный приступ зависти. Зачем нужно было залезать в узкую расщелину и сидеть там полдня, если точно так же можно было переждать на поле битвы?

— В этом нет никакого смысла, — сказал он. — Кто однажды попал в когти гномам, того они так просто не отпустят. Так почему же они оставили в живых тебя, а?

— Но я действительно не знаю, — продолжал настаивать Бальбок, а потом добавил, и в голосе его слышалась гордость: — Я сражался до конца. Может быть, они испугались и поэтому убежали.

— Испугались? Тебя? — Раммар рассмеялся. — Размечтался.

— В любом случае, я был последним, кто стоял против них.

— А как насчет меня? Я тоже еще жив, как видишь.

— Ты тоже сражался до конца? — удивился Бальбок. Он не припоминал, чтобы брат был на поле битвы.

— Что за дурацкие вопросы? — зарычал Раммар, яростно сверкая глазами. — *Конечно же*, я сражался до конца. Или ты станешь утверждать, что я залез в какую-нибудь узкую щелочку и пережидал, пока кончится бой?

Бальбок медлил с ответом, чем окончательно разъярил брата.

— Ты, дерьмо гномье! — накинулся тот на него. — А я-то все эти годы заботился о тебе, после того как отца сожрал тролль! Научил тебя обращаться с мечом и *сапараком*! Стрелять из лука!

— Стрелять из лука я тебя учил, — заметил Бальбок.

— Не перебивай, когда я говорю! Это признак неуважения, ведь из нас двоих старший все-таки я! И если мне еще раз покажется, что ты меня подозреваешь в том, что я спрятался, то ты познакомишься с моим кинжалом, клянусь тебе вонючими внутренностями Торги!

Из-за ругани или еще почему-либо, но Бальбок больше не спорил. Запуганный, худой, на две головы выше старшего брата, он склонил голову. Смерть товарищей Бальбок воспринял с истинно орочьим равнодушием — нагоняя же от брата причинил ему боль. Уголки рта опустились, на бледном лице появилось грустное выражение, а губы обиженно надулись.

— Что еще? — резко спросил Раммар.

— Ты на меня злишься.

— Да, черт побери, я на тебя злюсь. Даже очень. Я просто выносить не могу, когда ты... — Когда Раммар увидел, что лицо брата еще больше вытянулось, а выражение лица стало еще грустнее, он перебил себя: — Нет, я на тебя не сержусь, — вздохнув, сказал он.

— Правда, не сердись? — Бальбок поднял взгляд.

— Нет. Но если ты еще раз скажешь, что я бежал с поля боя, то я тебе зубами кишки выгрызу. Ты меня понял?

— Понял, — усмехнулся Бальбок.

— Тогда давай подумаем, как нам отсюда убраться. Что бы там ни заставило гномов бежать — уйти далеко они не могли. А мне что-то не очень хочется встретиться с ними еще

раз.

— А что с Гиргасом? — спросил Бальбок.

— А что с ним должно быть?

— Он наш предводитель.

— Он *был* нашим предводителем, — поправил его Раммар.

— Наш долг велит принести назад его голову, чтобы он мог достичь вечности после ритуала *шроук-коум*.

— Ритуала *шроук-коум*? — недоверчиво переспросил Раммар. — Ты всерьез предлагаешь тащить домой тяжелую черепушку Гиргаса только для того, чтобы сделать из нее чучело?

— Таков закон, — ответил Бальбок, пожав плечами. — Если мы не сделаем этого, мы будем изгнаны из племени, а наше добро отнимут.

— Честно? — недоверчиво уставился на него брат.

— Так говорит закон, — ответил Бальбок.

— Тогда нам нужно отыскать эту черепушку и отнести ее домой! — вздохнул Раммар, оглядываясь на поле боя. — Вопрос только, где нам начинать поиски.

— Вон там! — сказал Бальбок, указывая на место неподалеку от опушки, где торчали воткнутые в землю штандарты орочьей своры. Знамя Гиргаса, на котором был нарисован сжатый кулак, разорванное, трепыхалось по ветру вместе со скальпами карликов и гномов, украшавших его древко.

И действительно, там они обнаружили труп Гиргаса, наполовину увязший в болоте. Это произошло потому, что на него навалилось слишком много гномов. Соответственно, труп был сильно обезображен: зеленолицые буквально разрубили и разорвали Гиргаса на куски — казалось, будто мертвеца сначала растерзал и пожрал варг, а потом, не переварив до конца, изрыгнул, и то, что осталось, растер по земле. Но Раммар изрыгал проклятия при виде трупа вовсе не поэтому: на плечах Гиргаса уже не было его головы!

Ну, ладно, бывает в пылу сражения такое, что голова отделяется от туловища. Поэтому братья принялись за поиски черепа предводителя своры. Однако, не обнаружив его и по прошествии довольно долгого времени, они пришли к выводу, что гномы, отступая, захватили голову Гиргаса с собой: башка предводителя орков была украдена!

— Будут неприятности, — высказал предположение Бальбок.

— *Шнорш*, — буркнул Раммар.

В переводе на человеческий язык слово *больбоуг* обозначает поселение или деревню. Но в действительности человеческий язык передает значение этого слова не до конца, потому что *больбоугом* орк называет только ту деревню, в которой он родился, а все остальные деревни называются *куун*, то есть чужие.

Поскольку по этой причине оркам никогда не приходило в голову давать своим деревням и поселениям имена — ведь разговаривая между собой, они знали, о какой именно деревне идет речь, — то со временем это привело к большой путанице. Когда бы ни заходила речь о *больбоуге*, племена начинали спорить, о чьей именно родине идет речь, и были такие хронисты среди людей и карликов, которые утверждали, что поражение орков во Второй войне среди прочего объясняется тем, что никогда нельзя было точно знать, где нужно собрать войско.

Раммар и Бальбок были далеки от подобных размышлений, когда на четвертый день после битвы в пограничных землях вернулись в ту область, где обитало их племя. Еще издали они учуяли запах гниения, витавший над пещерами и ассоциировавшийся для всякого орка с уютом. А учуяв еще и запах свежетушеной человечины, Бальбок и вовсе почувствовал себя дома.

— Наконец-то! — сказал Раммар, сворачивая в ущелье, на отвесных склонах которого располагались пещеры и домики *больбоуга*. — Для начала я хочу как следует глотнуть кровавого пивка, а потом завернусь в гниющую листву в нашей пещере и буду несколько

дней спать.

— Да, — негромко ответил Бальбок. — Если нам позволят.

— Что такое? Ты опять за свое? — Раммар раздраженно покачал головой. — Сколько тебе говорить, что беспокоиться не о чем. Я уж как-нибудь растолкую Грайшаку историю с головой Гиргаса.

— Но закон говорит...

— Мне все равно, что там говорит закон. Гномов было больше, а головы Гиргаса после битвы не было на месте. И что нам было делать? Быстренько новую вырезать?

— Но закон...

— Да прекрати же ты наконец! — набросился Раммар на брата. — Если ты еще раз что-нибудь скажешь про закон, я убью тебя голыми руками, ты меня понял?

— Да.

— Очень хорошо. Ты просто молчишь и предоставляешь мне слово, уразумел? Тогда все будет в порядке, вот увидишь.

Бальбок уже не спорил, и Раммар посчитал, что дело временно улажено. Он гордо поднял вверх штандарт своры (точнее, то, что оставили от него гномы) и понес его по скалистой дороге в ущелье. По обе стороны узкой тропинки возникли мрачные фигуры — воины, охранявшие вход в *больбоуг*, и выставили вперед свои *сапараки*.

— Эй, вы там! Какой пароль?

— Уничтожай, — небрежно ответил Раммар. — Но почему ты спрашиваешь, Ленивый? Что, не узнаешь нас? Я — Раммар, а это — мой брат Бальбок.

— Не знаю я, кто ты такой! — недовольно проворчал капитан стражи. — Не могу же я знать в харю всех, живущих в *больбоуге*. А что это с вашим штандартом? И где ваш предводитель?

— Мертв, — просто ответил Раммар. — Гномы.

— А где вы дели его голову? Закон говорит...

— Знаю я, что говорит закон, — вздохнул Раммар и укоризненно взглянул на Бальбока, как будто это он допустил этот разговор. — Просто пропустите нас, мы пойдем к Грайшаку и объясним ему ситуацию.

— Вы точно этого хотите? — Капитан поднял бровь над единственным оставшимся глазом — второй он потерял в битве. — На вашем месте я бы как следует подумал. Грайшак в этом деле шуток не понимает.

— Я тоже! — недовольно проворчал Раммар, и стражники отступили, пропуская их. Братья спустились по выдолбленной в скале лестнице и очутились в своей деревне.

Орки архитекторами не были — талант их заключался не в том, чтобы что-то возводить, а скорее в том, чтобы во что-нибудь вгрызаться. Соответственно, жили они либо в пещерах, созданных самой природой, либо в развалинах того, что осталось от других. В *больбоуге*, где жили Раммар и Бальбок, встречалось и то и другое. Пещеры, зиявшие в отвесных скалах по обе стороны ущелья, были естественного происхождения, но они служили кому-то жилищами задолго до того, как здесь осело племя Грайшака.

Говорили, что тогда пещеры населяли люди-дикари — волосатые, горбатые существа, еще более отвратительные, чем сегодняшние люди с их светлыми глазами и молочными лицами. Что случилось с теми людьми, никто не знал. Возможно, бежали, возможно, их скосила болезнь. Может быть, их племя уничтожил тролль. Главное, что они расширили пещеры и построили висячие деревянные мосты, соединявшие между собой каменные норы по обе стороны ущелья. Поскольку дерево было древним и прогнившим, а орки никогда ничего не обновляли, время от времени один из мостов выходил из строя и кто-нибудь падал, ломая себе шею, что вызывало у остальных орков исключительно приступы веселья.

Хотя Раммар и Бальбок были рады снова оказаться дома — во время их продолжительного марша им то и дело приходилось прятаться от гномьих патрулей, — от них не ускользнули взгляды, которыми награждали их соотечественники. Изодранный штандарт свидетельствовал о том, что они побывали в битве, а факт, что вернулись они одни,

красноречиво свидетельствовал об исходе боя. Поскольку орки не поддерживали родственных отношений — братья Раммар и Бальбок были скорее исключением, — не было никого, кто скорбел бы о Гиргасе и других. *Больбоуг* охватил гнев — гнев на врагов, которые победили орочью свору, а вместе с ней и все племя.

Поскольку Бальбок и Раммар страшно устали, охотнее всего они сначала отдохнули бы, но им обоим было ясно, что они не имеют права делать этого, пока не доложат главному — ведь стражам все уже было известно. Грайшак не любил дурных вестей, но еще меньше он любил узнавать обо всем последним.

Дом Грайшака располагался в конце ущелья. Там сильнее всего пахло гнилью и плесенью, а на нескольких колыях, торчавших справа и слева от входа в пещеру, красовались головы убитых врагов. В основном черепашки гномов, но была среди них и одна человеческая голова, обладатель которой, наверное, был так неосторожен, что решился идти через ущелья и леса Черногорья. Хотя пещера Грайшака была самой большой во всем *больбоуге*, она была всего лишь прихожей еще одной, более обширной скальной пещеры. Она принадлежала Курулу, темному демону, которого орки, с одной стороны, почитали как своего создателя, а с другой — боялись как своего истребителя. Туда приносили они свои дары, там же хранились и чучела голов предводителей орков, чтобы однажды они вместе с Курулом попали в преисподнюю Лурака, где их сначала будут переваривать целую эпоху, а потом извергнут.

Пещеру Грайшака охраняли орки, сильнее и крупнее тех, что стояли на входе в ущелье. То были *файхок'хай*, лучшие, самые отчаянные воины племени. Быть избранным в охрану главного было честью для каждого орка (не считая того, что там была также лучшая еда и большая часть добычи во время грабежа).

Из-под кованых шлемов *файхок'хай* сверкали колющие взгляды, недоверчиво оглядывавшие обоих братьев. Их пропустили только после того, как пришедшие повторно назвали пароль.

— Ну, входите же, — подтолкнул их один из стражников, и взгляд, которым он одарил братьев, совершенно не понравился Раммару. — Вы как раз вовремя, у главного аудиенция.

И, словно в подтверждение опасений Раммара, из освещенной факелами полутьмы показались два орка, несущие труп третьего. Кто-то проломил парню череп.

— Внутренности Торги! — прорычал Раммар. — Что произошло?

— Он перднул в присутствии Грайшака, — ответил один из тех, кто нес труп.

— Но ведь обычно главному это не мешает, — сказал Раммар ничего не понимающим тоном: среди орков считалось абсолютно нормальным громко пускать ветры.

— Обычно — нет, но сегодня его мучают газы, — ответил орк, как будто это объясняло все. А потом носильщики ушли.

— Ой-ой, — прошептал Бальбок. — Похоже, Грайшак в плохом настроении.

— Просто заткнись и предоставь говорить мне, — напомнил ему Раммар. — Что бы ни случилось, молчи, понял меня?

— Похоже, понял.

— Тогда пошли.

С гордо поднятой головой, подняв повыше штандарт предводителя своры, Раммар шел по короткой штольне, которая вела в пещеру Грайшака. За ним шел Бальбок, для верности держась позади брата, чтобы тот в случае чего оказался между ним и гневом Грайшака.

Вонь, поднимавшаяся из пещеры главного, была отвратительной и притягательной одновременно. Запах разложения, сопровождавший орков на каждом шагу, смешивался с соблазнительным ароматом свежего густого супа, и тонкий нюх Бальбока сообщил ему, что в супе присутствует человечина. Орк вспомнил о голове у входа, и, поскольку он вот уже несколько дней толком ничего не ел, в животе у него громко заурчало.

— Тихо! — зашипел на него Раммар. — Я тебе что говорил?

— Но это не я, — шепотом возмутился Бальбок. — Это мой живот.

— Так скажи ему, чтобы вел себя тихо, а не то я его вспорю, дошло?

От этих слов у живота Бальбока отнялся дар речи, и оба они вошли в пещеру главного. Широкий свод, казалось, поддерживали сталактиты и сталагмиты, похожие на огромные колонны. На них были закреплены факелы. В их мерцающем свете стоял обтянутый тролльским мехом трон, по обе стороны которого стояли два охранника. На троне сидел огромный и жирный орк, правая половины головы которого была закрыта пластиной из кованой стали.

Грайшак.

Все орки *больбоуга* знали, что металлическая пластина была напоминанием о битве: гномья секира раскроила главному череп, и темная магия таинственным образом сохранила ему жизнь, но с тех пор он перестал быть самим собой. Некоторые утверждали, что кто-то оказывал на него магическое влияние, другие говорили, что удар секиры отрезал ему слишком много мозгов. Известно было одно: он вернулся с поля битвы и вызвал на бой Грайшака, тогдашнего главного племени. Оторвав противнику голову голыми руками, он стал его преемником и сам провозгласил себя главным. Тот факт, что он взял себе и его имя, объяснялся традициями орков. Орки не ведут счета своим правителям как люди, не поют песни об их деяниях, не воздвигают памятников — слишком сильно каждое поколение поглощено собой, и, кроме того, орки — ужасные певцы и совсем не придают значения искусству. Тот, кто в присутствии Грайшака отваживался говорить о его предшественнике, должен был быть готов к расставанию со своим языком.

Это по меньшей мере...

— *Ахгош доук*, — выразил Раммар почтение главному традиционным приветствием, при этом униженно кланяясь. Бальбок сделал то же самое, только вот поклонился не так низко.

— Мне ваши морды тоже не нравятся, — ответил Грайшак, лениво развалившись на троне и держа в лапе кружку кровавого пива. — Говорите, что собирались. Живее, не то мне станет скучно, и я велю вас четвертовать!

— Мы были в своре Гиргаса, — начал докладывать Раммар. — Мы получили задание разведать наличие гномов на границе.

— И что? — спросил Грайшак между двумя глотками пива. — Вы наткнулись на гномов?

— Можно сказать и так, — несколько смущенно ответил Раммар, подняв взгляд на изодранный флаг. — Мы... что ж, мы попали в западню. Все воины нашей своры были убиты — кроме нас двоих.

— *Что-о-о*? — Грайшак наклонился вперед, и его глаза превратились в две узкие щелочки.

— Мы ни при чем, — поспешил заверить его Раммар. — Нас с братом послали в разведку, но нас обнаружили, и мы побежали назад, чтобы предупредить остальных, но было уже слишком поздно, потому что...

Грайшак перебил его, и в его рычании сквозила злость:

— Что ты хочешь этим сказать — «было слишком поздно»?

— Я хочу этим сказать, великий Грайшак, что мы были бессильны перед численным превосходством врага. Мы сражались храбро, можете нам поверить. Наш предводитель Гиргас в одиночку убил большого варга, а мы с братом толпами бросали гномов в темную яму Курула. Мы до последнего сражались рядом с нашим предводителем, плечом к плечу.

— Правда? — Грайшак обнажил в хитрой ухмылке свои желтые зубы. — Как же тогда получилось, что вы выжили в этой битве?

— Этим мы обязаны исключительно своей храбрости, великий Грайшак. В то время как другие орки бежали, прятались в расщелины в скалах и земле, мы продолжали сражаться. И даже когда наш предводитель, утыканный стрелами, опустился на землю, мы все равно не сдались. Наверное, в конце концов гномы решили, что нет смысла сражаться с нами дальше, и предпочли оставить поле боя.

— Они бежали? Разве не говорили вы, что они превосходили вас силами?

— Так оно и было, — подтвердил Раммар, — но когда такого воина, как я, охватывает гнев, великий Грайшак, и он впадает в *саобх*, то он сражается и лютует, словно берсеркер, приводя в ужас своих врагов. Мой брат помогал мне, но в основном это я один обратил гномов в бегство.

— Понятно, — сказал Грайшак, и снова хитрая улыбка мелькнула на его лице. — В таком случае, воины мои, вы заслужили славу, и почет, и место за моим столом. Скоро весь *сохгал* будет знать ваши имена и чтить вас как воинов, обративших в бегство целое войско гномов. Остается только один вопрос...

— Да? — спросил Раммар, наострив уши.

— Где голова вашего предводителя? — недовольно поинтересовался Грайшак. — Дурацкий череп Гиргаса. Где, черт возьми, вы его потеряли?

— Это, великий Грайшак, очень хороший вопрос, — согласился Раммар, и быстро повернулся к брату. — Бальбок, где голова нашего предводителя? Где благородная голова Гиргаса? Последний раз я видел ее у тебя.

Бальбок очень хотел возразить, но помнил о запрете, наложенном на него братом. Поэтому ему не оставалось ничего другого, кроме как смущенно улыбнуться, сдвинуть шлем на затылок и почесать лоб.

— Мне очень жаль, великий Грайшак, — заявил Раммар. — Я безутешен, но похоже, что мой глупый братец потерял голову нашего предводителя.

— Он ее *потерял*?

— Попробуйте понять. Это было в битве. Повсюду сновали гномьи воины, в воздухе было черно от ядовитых стрел, рычали варги...

— Это не извинение! — пролаял Грайшак. — Голова павшего в битве предводителя своры должна быть принесена в *больбоуг*, и по древней традиции из нее нужно сделать чучело, в противном случае он не сможет воссоединиться с Курулом, а это принесет несчастье всему племени. Это закон Курула — один из немногих, которых мы придерживаемся.

— Это прекрасно, — подтвердил Раммар. — Но, может быть, великий Курул сможет сделать в этом случае исключение? Ведь голова Гиргаса безвозвратно потеряна — гномы забрали ее с собой.

— Гномы?

— Да, главный. Когда мы огляделись вокруг, пришлось признать, что враг забрал голову Гиргаса и унес ее с собой.

— Вот как? — Глаза Грайшака сверкнули. — Как у них так получилось, когда они бежали в панике перед вашей силой?

Вопрос был справедлив, только вот Раммар не знал на него ответа. По дороге к пещере главного он все точно продумал, но теперь приходилось признать, что история звучала не настолько правдиво, как ему казалось.

— Что это с тобой? — обратился он к своему брату, не зная, что делать. — Да не стой ты, Бальбок. Быстро открой рот и говори!

— Не могу, — пожав плечами, ответил Бальбок. — Ты же сам говорил, что я должен предоставить говорить тебе, а сам — заткнуться.

— Великолпно, но теперь я велю тебе говорить. Объясни нашему главному, как так случилось, что ты потерял голову Гиргаса.

— Да, — с ухмылкой подтвердил Грайшак, — объясни мне. Я тебя внимательно слушаю.

— Ну ладно, — ответил Бальбок, который теперь не видел никаких препятствий говорить. — На самом деле все было совсем не так. Раммар кое-что перепутал.

— Что?

— Не слушайте его, главный! — закричал Раммар. — Он немного не в себе и...

— Может быть и так, но ты рассказал все совершенно неправильно, — решительно заявил Бальбок. — У меня вообще не было головы Гиргаса. Когда мы обнаружили его труп,

гномы уже забрали его голову.

— Да что ты говоришь... — презрительно пробормотал Раммар.

— Так оно и было, клянусь. А потом мы ушли с поля битвы, потому что в лесах было еще полно гномов. Мы позаботились о том, чтобы убраться поскорее, и оставили труп Гиргаса там, где он лежал. Зато, — Бальбок с гордостью указал на жалкие останки штандарта, — мы же принесли его знамя.

— Знамя они принесли... — кивнул Грайшак. — Итак, если я все правильно понял: гномы украли голову вашего предводителя, и вместо того, чтобы последовать за ними и вернуть ее, как полагается воинственным оркам, вы бежали и прибежали обратно в *больбоуг*, правильно?

— Правильно, — подтвердил Бальбок, а в это время его брат, втянув голову в плечи, пятился к выходу.

Бальбок заметил это и удивленно посмотрел на него.

— Ты чего? — спросил он.

— Ничего, — донесся шепот в ответ.

— Нет, что-то не так, я точно знаю. Что я неправильно сделал?

— Ничего. Совсем ничего. — Раммар говорил так тихо, что его почти не было слышно.

— Ты можешь сказать мне это совершенно спокойно.

— Да замолчи же наконец, черт побери! Ты сейчас нам петлю на шею наговоришь!

— Да что ты, — убежденно сказал Бальбок. — Я ведь все объяснил — все, что ты напутал. Можешь поблагодарить меня.

— Поблагодарить тебя? — Это уже оказалось для Раммара чересчур. На мгновение он забыл о том, что находится в пещере главного и ходит по самому краю ямы Курула. Его лицо потемнело от гнева, и, сжав лапы в кулаки, он набросился на брата. — Ну все, с меня довольно! Ты, жалкий пердун! Твои жалкие для орка отговорки! Это был последний раз, когда ты втягиваешь нас в *инорш*! Я вспорю твоё брюхо и засуну твою голову в твои же собственные внутренности, и ты будешь там, пока...

— *Криок*!

Хриплый окрик Грайшака заставил обоих вздрогнуть и прервал ссору. Главный вскочил со своего трона, и взгляды, которыми он наградил Раммара и Бальбока, жалили не хуже кинжалов.

— А ну, разошлись быстро, вы оба, или я вам языки повыдергиваю и заставлю вас их съесть, понятно?

Раммар и Бальбок испуганно поглядели на него и кивнули.

— Вот и ладно, — сказал Грайшак, угрожающе приближаясь к братьям. — Поскольку мы все выяснили, то расскажу я вам, странным птичкам, одну историю. А потом мы подумаем, что с вами будет. Дошло?

Снова судорожное кивание головами. Братья забыли о ссоре.

— Так слушайте меня хорошенько. Много лет назад, в одну особенно суровую зиму, орочья свора отправилась совершить набег на северные приграничные земли. В своре был один мужественный и сильный орк, он безумно любил охотиться на людей и раскраивать гномам черепа. Но до этого дело не дошло. Потому что, когда свора попыталась укрыться от снежного бурана в одной ложине, на них напали. То были наемники, карлики с Восточных земель, и они захватили орков врасплох, как раз когда те собирались подкрепиться тем немногим *байшем*, что у них был. И вот, орку, про которого я рассказываю, чертовски не повезло. Он получил по черепу секирой — а битва еще толком и не начиналась. Его товарищи, однако, пустились наутек, бежали, и просто-напросто бросили его. — Грайшак сделал паузу и, прищулив глаза, посмотрел на братьев. — Понимаете, почему я вам рассказываю эту историю?

— Нет, — простодушно ответил Бальбок, а Раммар не подал виду, что что-нибудь понял.

— Тогда я буду говорить еще яснее, — с подозрительным спокойствием сказал

Грайшак. — Этот орк выглядел довольно-таки мертвым, но на самом деле не умер. Если бы он пошел за своей сворой, то подход бы самым жалким образом. Но судьба была к нему благосклонна и оградила его от преждевременного прыжка в темную яму Курула. Ну, как, доходит потихоньку?

— О да, — заверил его Раммар, снова обретая надежду. — Но могу уверить вас, о великий главный, что Гиргас был более чем мертв, когда мы оставили его там — ведь у него уже не было головы. А я и представить себе не могу, чтобы орк без головы, да еще и без такого уродливого черепа, как у него...

— Молчать! — накинулся на него Грайшак. — Мне все равно, скопытился ли Гиргас или нет, — вы бросили своего предводителя в беде и драпанули, точь-в-точь как те трусливые червяки в тот холодный зимний день.

— Ну при чем тут одно к другому? — наморщив лоб, сказал Бальбок, который, в отличие от своего брата, все еще не понял, о чем идет речь.

— Все очень просто. Этим орком, которого тогда бросили подыхать, был я! — провозгласил Грайшак голосом, прерывающимся от злости и бешенства. — С тех пор я терпеть не могу, когда воины бросают в беде своих товарищей — мертвых или живых. Вот эта вот штука, — он постучал когтем по стальной пластине, вставленной в череп, — вечное напоминание о том дне. Я не забыл о том, как отвратительны и жалки трусы. Тогда я убил их всех, тех, кто оставил меня, включая предводителя. Таково наказание, которое полагается всем трусам, — а теперь скажите мне, что я должен сделать с вами обоими?

— Милосердия! Милосердия! — взмолился Раммар, бросаясь на колени перед главным. — Смените гнев на милость и вспомните, что мы храбро сражались до последнего, в этом я вас уверяю!

— Может, мне спросить твоего брата? — прорычал Грайшак. — Я уверен, он скажет мне что-нибудь другое. Только один из вас мог пережить ту битву, второй же лжет, как карлик на ходулях.¹ Так скажите же мне, как мне с вами быть?

Раммар и Бальбок поспешно переглянулись. Один сидел, скрючившись, на полу, второй стоял с опущенной головой. Обоим было ясно, что они вляпались в *шнорш* по самые уши. Братья представляли себе, какую смерть выдумает для них изобретательный по этой части Грайшак, и в то же время спрашивали себя, почему главный уверен в том, что лишь один мог пережить сражение, а второй целенаправленно лжет.

— Встань! — набросился Грайшак на Раммара. — Бери пример с брата. Он точно так же, как и ты, испытывает *ахгал*, но не показывает этого, как и подобает орку.

— Нет, — возразил Раммар, тяжело поднимаясь, — он просто слишком глуп, чтобы понять, что заврался по самые уши и что его казнят.

— Его не казнят, — возразил Грайшак.

— Не казнят?

— Нет. И тебя тоже нет, толстячок — по крайней мере, пока. Но не воображай, что это твои вопли заставили меня передумать — я глух к подобным вещам.

— Знаю, — поспешил заверить его Раммар — поскольку во время атаки гномов Грайшак лишился левого уха, эти слова можно было понимать буквально, по крайней мере, наполовину.

— Я оставляю вас, неудачников, в живых по одной-единственной причине — чтобы вы могли исправить свою ошибку.

— Мы должны исправить ошибку?

— А разве я сказал что-то другое?

Раммар попытался скрыть удивление. Грайшак не славился снисходительностью. Так что же это с ним? Отчего он просто не прикажет резать их на месте, набить их брюха луком и чесноком и подать на стол во время пиршества в честь Гиргаса?

¹ Крылатое выражение орков.

Раммар задавался этим вопросом, но перспектива спасения была чересчур соблазнительной, чтобы он раздумывал слишком долго. А доброму Бальбоку было неохота рассуждать, теперь-то, когда он вновь обрел надежду.

— Вы знаете, где была битва с гномами, — сказал Грайшак. — Так возвращайтесь туда и принесите мне голову Гиргаса. Если принесете ее до конца кровавля,² я подарю вам жизнь. Если же нет — велю своим *файхок'хай* гнать вас по всей стране и щедро награжу их за каждую часть ваших тел, которую они принесут мне. Вы меня поняли?

— К-конечно, — пробормотал, заикаясь, Раммар. — Смею ли я еще раз вам напомнить о том, что гномы украли голову Гиргаса? Возвращаться на место битвы не имеет смысла, потому что ее там нет.

— Но там есть следы, по которым вы можете пойти. У вас есть носы и инстинкт. Куда бы ни пошли гномы, вы пойдете за ними и принесете голову Гиргаса до конца кровавля. Считайте это приговором Курула.

— А если мы и гномов не найдем? Или если они куда-то подевали голову Гиргаса?

— Молись Курулу, чтобы это было не так — потому что, если вы вернетесь с пустыми руками, я подам вас главным блюдом на пиршестве в честь Гиргаса. Это понятно?

— Да, — в один голос подтвердили братья, а Раммар пришел в ужас от того, насколько же хорошо он знал главного.

— Так не теряйте же времени. Немедленно отправляйтесь в путь.

— Немедленно? — испуганно переспросил Бальбок. — Но... мы же только что вернулись.

— Точно, — поддержал его брат в редком приступе солидарности. — Нельзя ли нам сначала немного отдохнуть?

— Нет! — яростно прорычал Грайшак. — Вы выступаете — и причем немедленно!

— Но... — снова начал Бальбок, чтобы тут же умолкнуть, увидев, как глаза главного засветились жадной убийства.

Раммар уже повернулся и пошел к выходу. Брат последовал за ним и догнал его. Прежде чем Бальбок успел что-то сказать, Раммар повернулся к нему, всунул ему штандарт и прошептал:

— Сделай одолжение и помолчи, хорошо? Хоть раз...

Бальбок промолчал, и они вышли из пещеры главного. Снаружи уже собрались десятки орков, привлеченные дикими криками Грайшака. В их глазах читалась неуголимая кровожадность — и они были разочарованы, увидев, что оба брата живы и выходят из пещеры.

А потом Раммар и Бальбок слышали ироничный смех; похоже было, что стражники рассказали, в чем дело, а у Бальбока в лапах все еще было истерзанное знамя их своры, которое всучил ему Раммар.

Хотя орки в целом считаются мрачными существами и веселятся намного меньше, чем, к примеру, люди или известные своей общительностью гномы, среди своих они смеются довольно часто; правда, юмор у них изрядно груб. Так, например, один орк, которому гномья стрела вонзилась в *асар*, из-за чего он упал и сломал себе шею, считался среди себе подобных редким весельчаком.

Шутка, которой орк мог поделиться с сородичами, чаще всего оставалась неизвестна, в основном потому, что эти существа в силу своего природного нетерпения не могли дожидаться сути; они, как правило, заранее убивали рассказчика, потому что это было гораздо веселее.

Сами того не желая, Бальбок и Раммар наилучшим образом укладывались в представления своих соплеменников о юморе: два воина, единственные выжившие после битвы, вернулись без головы предводителя, неся под мышкой изодранное знамя своры —

² Четвертый месяц орочьего календаря.

шикарная мишень для всяческих насмешек и издевок.

На них показывали пальцем. Некоторые орки повернулись к братьям спиной и спустили штаны.

— Вон идут Бальбок и Раммар, — неслось отовсюду. — Расступитесь, ребята. Идут великие и могучие воины!

— А как гордо они несут штандарт своей своры! — крикнул орк с широким шрамом на лице и громко расхохотался.

— Жалко только, что они забыли кое-что другое! — добавил другой орк, и смех стал еще громче.

Главный, вышедший следом из пещеры, с недовольным лицом подошел к Бальбоку и вырвал штандарт у него из лапы.

— Вы не достойны носить знамя своры! Вы позорите память своих павших товарищей!

— Идти без штандарта? — в ужасе громко воскликнул Бальбок. — Но ведь... мы же орки! Нам нужен штандарт!

В ответ главный плюнул им под ноги и ушел вместе со штандартом, а собравшиеся вокруг пещеры орки продолжали хохотать и рычать.

Повесив головы, братья брели по узкому проходу в беснующейся толпе. С мостов на них мочились дети орков, а потом, хихикая, убегали прочь. В другой ситуации Раммар схватил бы их (если бы, конечно, догнал) и повыкручивал лапы. Но сейчас братьям хотелось убраться из деревни, и думали они только о том, как бы поскорее дойти до конца ущелья.

— Хорошенько ищите голову Гиргаса! — злорадно кричали им вслед. — И смотрите, без нее не возвращайтесь!

— Вы — позор всего *больбоуга* !

— Вы не орки!

— Червяки вы жалкие!

— Червяки!

— Чер-ви! Чер-ви...

Сопровождаемые насмешками и улюлюканьем, эхом отражавшимися от склонов, Раммар и Бальбок наконец-то выбрались из ущелья. Вернуться в свою пещеру, собрать провиант и хоть немного отдохнуть им не позволили. Поэтому их поклажей была только одежда, а этого, не считая доспехов и оружия, было довольно мало.

Под громкую ругань их обоих выгнали из деревни и, чтобы быть уверенными в том, что они вернутся не скоро, вслед им бросали камни.

— Ай! — крикнул Раммар, получив одним из них по шее, и сжал лапы в кулаки. — Немедленно прекратите, мы же уже уходим! Но мы вернемся и швырнем голову Гиргаса вам под ноги! Вы еще увидите!

Ответом ему был смех; тут же прилетел еще один, последний камень и сделал Раммару вмятину на поржавевшем шлеме. А потом братья вышли из зоны обстрела и скрылись в лесу.

Тропка была обрамлена высокими, поросшими лианами деревьями и настолько узка, что идти рядом орки не могли. Поэтому двигались они гуськом. Молча, не обменявшись ни единым словом.

Шедший впереди Раммар скорчил такую мину, которая сделала бы честь любому троллю: лоб прорезали гневные морщины, рот сжался до узкой щелки, глаза, казалось, метали молнии.

Бальбок, который, повесив голову, плелся следом, выглядел не столько разъяренным, сколько несчастным. Он был настоящим орком, как из книжки, и ни угрозы Грайшака, ни насмешки остальных не могли его ни задеть, ни потрепать. Раммар злился на него, это расстраивало Бальбока, а молчание давило сильнее, чем сознание того, что им придется пробираться в глубь вражеских земель и что, возможно, оттуда им не вернуться.

— Раммар? — спросил он через некоторое время, когда уже не мог больше терпеть.

Тишина.

— Раммар?

— Заткнись! — последовал ответ, который Бальбок расценил как добрый знак.

— Ты злишься на меня? — робко спросил он.

Внезапно Раммар остановился и обернулся к брату.

— Злюсь ли я на тебя, спрашиваешь ты? Нет, конечно же, нет. Чего это я должен на тебя злиться? Ты ведь не виноват, что Курул набил твой мозг деревянной стружкой. И не виноват ты в том, что выставил меня перед Грайшаком лжецом и трусом. Конечно, это не твоя вина, что нам теперь приходится уходить, чтобы искать дурацкий череп Гиргаса, который уже, вероятно, торчит на колу перед какой-нибудь гномьей пещерой. И не виноват ты в том, что это может стоить нам жизни. Чего это я должен на тебя злиться? Назови мне хоть одну причину!

Раммар засопел и яростно зашагал дальше.

Он так сердито топал, будто хотел наказать землю под своими ногами за ту несправедливость, которая приключилась с ним. При этом он задал такой темп, что даже худощавый Бальбок с трудом поспевал за ним.

— Но ведь я не хотел, Раммар! — заверял он, спеша догнать брата. — Я не хотел, чтобы все так вышло.

— Да что ты говоришь!

— Правда, Раммар. Я ведь не знал, что Грайшак так разозлится!

— Об этом нужно было думать раньше, а теперь уже поздно. Ты опять вогнал нас в *инори* по самые уши, и я уже по горло сыт тем, что из-за тебя попадаю в неприятности. Знаешь что? — Раммар еще раз обернулся, и злобное выражение, застывшее в его глазах, не предвещало ничего хорошего.

— Ч-что? — испуганно спросил Бальбок.

— Отныне мы с тобой не соратники. Я больше не хочу быть твоим братом, ты меня понял?

— Но...

— Все кончено, баста! — засопел Раммар. — Можешь вляпываться в будущем без меня. И даже не думай о том, чтобы последовать за мной. Ты меня понял?

Его голос был настолько резок, а взгляд — пронзителен, что Бальбок не решился возразить. Все, что он смог сделать, это только грустно кивнуть, а уголки губ его при этом опустились вниз.

Раммар еще раз сердито засопел, потом повернулся и зашагал прочь по тропе. Несколько шагов — и он скрылся за поворотом.

Бальбок стоял как громом пораженный.

— Р-раммар? — тихо позвал он.

Но ответа не последовало.

3. Ошда ур'бруник'хай

— Ох уж этот дурак! Этот идиот! Ошибка природы с непредсказуемыми последствиями! Ну почему меня наказали таким братом? Неужели же недостаточно того, что Курул выплюнул меня в мир с такими короткими ногами и без шеи? Почему мне еще достался брат, у которого разума не больше, чем у личинки?

Постоянно бормоча что-то себе под нос, толстый орк шагал через лес. Тропинка давно потерялась в густом подлеске, так что Раммару оставалось полагаться только на свой инстинкт. Орки не умеют определять стороны света по созвездиям (как делают это эльфы и люди) хотя бы потому, что солнце, луна и звезды редко появляются в небе над местами, где обычно живут орки.

Зеленый лиственный покров деревьев был настолько густым, что не пропускал ни единого лучика солнца. Именно этому сумеречному свету, царившему здесь целый день, и был обязан этот лес, простиравшийся от Гнилого озера на западе и до Черногорья на востоке,

своим названием — Сумеречный лес. Черногорье же в свою очередь было названо так из-за леса, занимавшего все склоны гор — от подножия до острых вершин — из-за этого горы издалека казались черными.

Раммар понятия не имел, куда потащили гномы башку Гиргаса, и точно так же представить себе не мог, зачем зеленокожим понадобилось ее красть. Как и приказывал Грайшак, толстяк собирался вернуться на поле битвы и попытаться найти следы. Тот факт, что он толком не помнил дорогу (удирая от гномов, он как-то почти не думал о запоминании примет), не слишком заботил его. Злость на брата перекрывала все остальные чувства. Если бы Раммар был честен с собой, то признал бы, что из них двоих лучшим следопытом был Бальбок, и вообще-то из них двоих именно ему, Раммару, помощь была просто необходима. Но Раммар скорее дал бы вырвать себе язык, чем произнес что-то такое. Лучше целый день бродить по лесу в поисках нужной тропы, чем связываться с этим придурком.

— Ну, урод! Ну, глупец! — талдычил орк, едва его ярость начинала утихать. — Это в последний раз ты втянул меня в неприятности! Все, брата у меня больше нет. Все кончено, раз и навсегда!

Первую ночь в лесу Раммар провел под мертвым деревом, в которое недавно ударила молния; кора его почернела, отмершие ветви походили на гигантский скелет. Вокруг дерева, казалось, совсем не было жизни, то есть не было ни ядовитых змей, ни скорпионов, поэтому Раммар решил, что это самое подходящее место для того, чтобы отправиться на боковую. Так как он не ел целый день, то в животе у него урчало, и через некоторое время он почти пожалел, что в гости к нему не наведались змея или скорпиончик, чтобы можно было хоть что-нибудь пожевать. Он невольно вспомнил о Бальбоке, и безошибочное чутье подсказало ему, что его глупому братцу снова повезло больше и длинный как раз лакомится птицей или кроликом. При мысли о сладком вкусе еще не остывшей крови у Раммара потекли слюнки, а затем он провалился в глубокий сон. Спал он без сновидений.

Когда орк проснулся, уже серело, сквозь густой полог леса, раскинувшийся черным небом над погибшим деревом, пробивался слабый свет. Урчание в животе стало еще громче; оно, собственно, и разбудило Раммара, поэтому толстяк решил для начала отправиться на поиски пищи. Поскольку с собой у него ни лука, ни стрел не было, на охоту он вышел с *сапараком*, но после того как безуспешно попытался убить зайца, решил отказаться от охоты и стал искать что-нибудь съедобное под ногами. Добычу его составили два гриба, один дождевой червяк, личинки мух и корешки, уже старые и, соответственно, довольно жесткие. Даже на орочий вкус еда была так себе. Но этого было достаточно, чтобы хоть на время утолить голод. После этого Раммар продолжил свой путь.

Чем дальше он продвигался на северо-восток, тем выше забирался в горы и тем чаще среди густого леса встречались каменные валуны. Удирая от гномов, они почти все время спускались под гору. Теперь Раммару приходилось проделывать обратный путь в гору, что было довольно затруднительно из-за влажной лесной жары. Раммар пыхтел и сопел, вскоре у него начали болеть мышцы коротеньких ног, а вслед за этим снова заурчало в животе.

— Ох уж этот придурок, безмозглое создание, — снова наладился он ругать брата, чтобы отвлечься от мыслей о еде. Но вскоре обнаружил, что, во-первых, для смачной ругани ему не хватает дыхания, а во-вторых, выяснилось, что гораздо приятнее, когда объект ругани тебя при этом слушает. Идти по лесу одному, покинутому всеми орками, и при этом без умолку браниться себе под нос внезапно показалось Раммару бессмысленным, и поэтому он решил поберечь дыхание.

С наступлением темноты орк снова отыскивал место для сна. Поскольку он уже забрался в горы, повсюду было довольно много пещер и скальных навесов, в которых или под которыми можно было устроиться на ночлег. Под большой скалой, похожей на клюв огромной хищной птицы, Раммар и нашел пристанище. На этот раз, уснув, он видел странные, бессвязные картинки: он видел Бальбока и голову Гиргаса, словно мячик плясавшую по равнине и преследовавшую его, а в ушах при этом отдавался громкий смех орочьей своры.

Обливаясь потом, Раммар проснулся.

Было еще темно, но звуки просыпающегося леса сообщили ему, что скоро наступит день. Приятные крики летучих мышей стихли, зато отвратительно запели птицы.

С громкими проклятиями Раммар поднялся со своего ложа из влажного мха. На завтрак у него было несколько жирных личинок майского жука, которых он нашел в сгнившем грибе, а жажду утолила вода из бившего неподалеку родника. Как и вся вода, стекавшая с Черногорья по Сумеречному лесу, она была затхлой, безвкусной и отдавала смертью. Иными словами — в самый раз для орка.

Чтобы окончательно проснуться, Раммар окунул голову в воду. А затем продолжил путь. Приходилось признать, что он уже точно и не знает, где находится. Орк то и дело останавливался и смотрел под ноги, но никаких следов не обнаруживал. Кроме того — в отличие от местности, по которой он шел вчера, — лес и горы казались ему совершенно незнакомыми. Более того: прокарабкавшись по отмершим корням и скалам, к полудню он снова оказался у похोжей на клнов горы. Он ходил по кругу! Но как же так? Он ведь все время поднимался вверх! Значит, по кругу он не мог ходить!

Или мог?

Раммар ни за что не сказал бы этого вслух, даже шепотом не произнес бы — но Раммар был бы ужасно рад, окажись сейчас рядом с ним брат.

— Чушь собачья! — сказал он сам себе. — Не нужен мне Бальбок. Вполне вероятно, что этот *умбал* давным-давно провалился в какую-нибудь расщелину и переломал все кости. Или побегал обратно в деревню, и его зарубили. Без меня этот глупец и двух дней не протянет. И двух дней, клянусь всем...

И вдруг Раммар умолк. Что-то защекотало его крючковатый орочий нос, запах, вызвавший отвращение — гномы!

Раммар запрокинул голову и принюхался. Сомнений быть не могло. Он чуял мерзкий запах зеленокожих, а поскольку нюх у него был не очень, то это значило, что гномы совсем рядом, иначе бы он их и вовсе не почувал.

Из его горла вырвался рык, он схватился за *сапарак*. Чтобы пользоваться длинным копьём с загнутым наконечником в ближнем бою, ему пришлось взять его за середину древка, а потом он оглядел близлежащие кусты.

Гномов не было ни видно ни слышно, и все же они были где-то рядом, в этом Раммар был уверен. Орк заметил, что пульс его участился и задергался нос, что очень часто бывает у представителей его расы, когда им угрожает опасность. Более чем когда-либо ему захотелось, чтобы Бальбок был рядом, ведь умение брата обращаться с луком и стрелами стоило жизни не одному гному.

— Ах ты, жалкий глупец, — прошептал себе под нос Раммар. — Ну где тебя носит, когда ты мне так нужен? Если гномы доберутся до меня, виноват в этом будешь только ты...

Он умолк, прошел немного вверх по горе и забрался в подлесок. Листва здесь была настолько плотной, что он почти ничего не видел, но ведь и гномы тоже ничего не увидят. Эта мысль немного успокоила толстяка. Он то и дело принюхивался, и у него возникло ощущение, что запах гномов стал слабее. Очевидно, он удалялся от них.

Раммар приободрился. Так тихо, как только мог, он крался по зарослям, становившимся с каждым шагом чуть пореже, и довольно быстро продвигался вперед. Своими коротенькими ногами он делал широкие шаги, чтобы побыстрее увеличить дистанцию между собой и гномами, — когда ему в голову пришла отвратительная мысль.

Он шел не в том направлении!

Здоровый инстинкт самосохранения и орочий разум вынуждали его повернуться к врагу спиной и бежать как можно дальше. Но если он хотел выполнить свою миссию и принести домой голову Гиргаса, то двигаться нужно было в противоположную сторону, не прочь от гномов, а к ним.

Раммар неохотно замедлил шаг, и вдруг случилось нечто непредвиденное.

Мягкий лесной грунт, на котором он стоял, внезапно просел. Затрещали сучья, ветки

под весом орка сломались, и толстяк внезапно начал проваливаться. Издав глухой крик, Раммар попытался за что-нибудь ухватиться, но лапы его не поймали ничего, кроме пустоты.

В следующий миг он стал падать вертикально вниз, и вокруг него не осталось ничего, кроме тягучей, пахнущей плесенью темноты.

Падение его завершилось в грязной луже. Раммар приземлился в нее своим задом с такой силой, что во все стороны полетели брызги, грязь побежала вниз по отвесным стенам ямы. Громогласно ругаясь, толстенный орк попытался подняться, что при его кривых ногах удалось не сразу. Наконец все же получилось. Диаметр ямы составлял четыре *кнум'хай*,³ и Раммар одновременно яростно и беспомощно смотрел на недостижимый для него верхний край ямы.

— Что за... Клянусь внутренностями Торги!..

Он с ужасом увидел остатки того, что накрывало яму, сквозь что он провалился: сплетение веток и сучьев, по которым раскидали мох. Ловушка, понял Раммар.

О том, кто устроил ее, долго размышлять не пришлось, поскольку он снова почувствовал резкую вонь, исходившую от гномов. Сверху до него доносились шуршание и шорохи шагов, он слышал резкие кричающие голоса, произносившие слова на непонятном ему языке. Затем на краю ямы показались две зеленомордые головы, смотревшие на него и при этом радостно хихикавшие.

— Эй вы, мерзкие, противные создания! — закричал Раммар, не зная, на кого злиться больше — на гномов, которые устроили западню, или на самого себя, так глупо в нее попавшегося. — А ну, немедленно прекратите свой дурацкий смех! Вытащите меня отсюда, и я покажу вам, что значит ставить ловушки на орков. Я разможжу ваши маленькие зеленые черепушки, клянусь!

Но хихиканье не прекратилось, а стало только громче — к двоим гномам прибавились еще пятеро.

— Ах, вот как? — сердито прорычал Раммар. — Вам, похоже, мало того, что я сижу в вашей ловушке? Вам еще нужно численное превосходство надо мной, иначе вы не решаетесь напасть! Сколько вас там, наверху?

Количество зеленых гномов удвоилось, и на краю ямы началась небольшая давка. Гномьи сабли сверкали в неярком свете, и Раммар увидел также копья и луки, на натянутых тетивах которых лежали ядовитые стрелы. Он сбавил тон, а потом и вовсе перестал кричать — страх сковал ему горло.

В яму спустили узкий, очищенный от веток и сучьев ствол дерева. К нему были прибиты планки, служившие ступенями. Орку велели подняться, и Раммар неохотно выполнил требование, а дерево жалобно трещало и скрипело под его весом. Запыхавшийся от напряжения Раммар перебросил свою тушу через край, и его тут же встретили несколько гномьих воинов. Их отвратительные физиономии блестели от пота и усердия. Охотнее всего Раммар сдался бы в плен.

Он попал во власть целого взвода — доброй дюжины зеленомордых уродов, одетых в черную кожу рептилий: в болотах, простиравшихся к северу от Черногорья, водились всевозможные твари, на которых гномы охотились и из кожи которых шили себе одежду и доспехи. Раммар предположил, что именно кожа являлась одной из причин, вони, сопутствующей гномам на каждом шагу.

На миг, на очень короткий миг он задумался, не взяться ли за *сапарак*, который снова висел на ремне у него за спиной, чтобы ввязаться в ожесточенную битву с гномами, как и подобает орку. Но уже в следующую секунду он опомнился. Раммар никогда не считал нужным жертвовать собой без веских на то причин, а более бессмысленной вещи, чем быть зарубленным ордой гномов в густом лесу, и придумать было сложно.

Когда зеленокожие потребовали сдать оружие, он вручил его пленителям не

³ Орочья мера длины: 1 *кнум* — ок. 30 см.

сопротивляясь, и не возразил против того, чтобы ему связали лапы за спиной. Ноги ему оставили свободными — наверное, затем, чтобы он мог идти — Раммар подумал, что, может быть, у него появится возможность бежать.

Орка взяли на прицел несколько лучников, наконечники стрел которых были смазаны ядом, а остальные члены отряда принялись совещаться. Поскольку Раммар языка гномов не знал, понять, о чем они шептались, не мог. Но, судя по жестике и выражению зеленых лиц, спорили два гнома — очевидно, предводитель отряда и его помощник — и наконец перешли на жуткий крик. О чем шла речь, Раммар мог только догадываться — вероятно, убить ли его на месте или же предварительно немного помучить.

Спор продолжался некоторое время, а потом стороны, похоже, сошлись во мнении. Зазвучали приказы, и отряд двинулся в путь. Несколько гномов шли впереди, за ними следовал предводитель с лучшими воинами, затем охраняемый лучниками Раммар, а завершал строй заместитель вместе с несколькими воинами.

Так и двигались они через лес в направлении строго на север, взбираясь все выше по отвесным склонам. Лес стал светлее, подлесок поредел, на земле все меньше встречалось мха и темной травы. Только один раз гномы позволили пленнику немного отдохнуть, а затем продолжили путь.

Дисциплина, царившая у гномов, поразила Раммара; до сих пор он считал их примитивными созданиями, сильно уступающими столь высокоразвитой расе, как орки. Но то, что он видел и переживал сейчас, доказывало как раз обратное: эти гномы могли быть какими угодно, только не глупыми (иначе они вряд ли смогли бы устроить *ему* западню), и то, как они молча шли друг за другом, чтобы не выдать своей численности, произвело бы впечатление на любого предводителя своры.

Короче говоря: эти гномы были совершенно не такими, с кем Раммар когда-либо встречался. Казалось, ими руководила сильная воля — или страх.

Страх перед чем-то.

Или перед кем-то...

По отвесной тропе, вившейся между скал и одиноких деревьев, взбирался гномий отряд. Солнце стояло высоко в небе, превращая скудную землю в самую настоящую печь, и Раммар с трудом поспевал за пленителями. По его спине водопадом лился пот. Орки не любят ни солнечного света, ни тепла; они предпочитают прятаться в пещеры и щели, туда, где темно и влажно.

Но гномы не обращали внимания ни на пристрастия орка, ни на его значительный вес. Они безжалостно гнали его, и, когда день стал клониться к закату, Раммар уже с трудом держался на ногах. Он брел, покачиваясь и постоянно падая.

С покрытой валунами местности, по которой они шли, хорошо были видны окрестности; по ту сторону предгорий и Сумеречного леса на западе расстилалась матово-серая поверхность Гнилого озера. Но Раммару было все равно. Все, чего он хотел — это привала, чтобы отдохнуть и дать отдых ноющим ногам.

Но до этого было еще далеко.

С последними лучами солнца гномы провели его по естественному скальному мосту, протянувшемуся над ущельем. В глубине между отвесными склонами Раммар разглядел верхушки деревьев, меж которых в вечернее небо поднимались гнилостные испарения. И в то время как запад расцветило кроваво-красным заревом заката, что, по поверьям орков, должно предвещать битву, гномы взбирались по голому горному хребту.

Отсюда открывался вид на бедный ландшафт Черногорья: острые зубцы, похожие на челюсти хищника, образовывали широкую арену, склоны которой были усеяны булыжниками и обломками скал. Трещины и расселины пронизывали скалу — издали они казались похожими на застывшие молнии — и придавали панораме неживой, унылый вид. Растений, кроме лишайника и мелкой травянистой поросли, не было, и звери старались держаться отсюда подальше. Иными словами — для орка уютнее места не найти.

Некогда эта земля принадлежала народу Раммара. Ущелья Черногорья, от Сумеречного леса и до Граничной реки на юго-востоке, были территорией орков давно, еще до Второй войны. Поражение в битве с эльфами и карликами стоило оркам их родных земель, потому что в то время, как люди присоединились к победителям и торжественно дали клятву стать лучше, орков начали преследовать, их прогнали за гребень Черногорья, вглубь Сумеречного леса. Поскольку большинство их предводителей и генералов пало в боях или были казнено победителями, некогда огромное войско орков распалось на отдельные племена. В последующие годы орки то и дело пытались вернуть свои бывшие земли, но их усилия не увенчались успехом — каждая попытка оборачивалась кровавой неудачей.

Поначалу эльфы сами защищали завоеванные крепости и бастионы, некогда принадлежавшие оркам. Позднее первая раса отступила и предоставила гномам отобранное у орков. Для последних Гнилые земли стали второй родиной, и между ними и гномами разгорелась вражда.

Раммар лихорадочно размышлял, пытаясь понять, что гномы собираются с ним делать, параллельно ломая голову над тем, как выпутаться из этой неприятной ситуации. При этом он кое-что заметил.

На другой стороне широкой котловины, на отвесной стене, Раммар различил одинокие огоньки — факелы, трепетавшие на усиливавшемся ночном ветру. Орк сузил глаза, превратив их в щелочки, и ему показалось, что в слабом свете огня он различил стройные башни, прижавшиеся к скалам высоко над ущельем. Раммар был абсолютно убежден в том, что это были башни *рарка*, укрепленного замка, некогда принадлежавшего оркам. И если Раммар правильно истолковал возбужденное бормотание гномов, то именно там и находилась цель их путешествия: древняя крепость орков стала прибежищем для гномов.

Ночь опустилась на горы. Кроваво-красное сияние в небе померкло, и далекий замок будто скрылся за черной завесой.

Поскольку гномы видели в темноте намного лучше орков, отряд прошел еще немного, пока наконец не достиг плато. От него над зияющей пропастью протянулся еще один мост, и мост этот был не природного происхождения; он был создан существами, жившими в Черногорье задолго до орков. Они оставили свои следы и на плато, являясь и строителями замков, в которых в далекие времена жили предки Раммара.

Большие тесанные камни, на которых то тут, то там встречались полуистертые символы давно забытой письменности, окружали плато, загораживая его со всех сторон. Гномы остановились и под защитой скал разбили лагерь. Раммара они привязали к одному из камней, да причем стоя.

— Черт возьми! — застонал он. — Что вы делаете? Я же шел целый день — мне нужно отдохнуть! Ну положите меня на землю, если вам уж очень нужно привязывать меня! Что за тупые зеленые ребята...

Гномы оставили его жалобы без внимания. Привязав пленника к скале ремнями из тролльских сухожилий, они затянули путы настолько крепко, насколько это вообще было возможно. А потом, хихикая, удалились. Оба предводителя принялись назначать стражу и снова ненадолго поссорились. Остальные гномы улеглись спать, и в лагере стало тихо. Только три факела, связанные в перевернутую треногу и стоявшие в центре круга, освещали плато. Затянутое тучами небо было безлунным, только кое-где сквозь серую пелену поблескивали звезды.

Настроение у Раммара совершенно упало. Не только потому, что у него болели ноги, что его мучили голод и жажда и он смотрел в лицо своей смерти; теперь у него еще начались проблемы с перевариванием пищи. После тяжелого дневного марша его кишки грозились прорваться поносом.

Но перед гномами Раммар не хотел показывать свою слабость. Поэтому он сжал зубы покрепче, так, что они заскрежетали, и стал ждать.

Ждать.

Ждать...

Пока на лбу у него не выступил пот и отвратительное давление в нижней части туловища не сообщило ему о том, что ждать он больше не в силах.

— Эй! — крикнул толстяк, чтобы привлечь к себе внимание одного из стражников. Судя по храпу, остальные гномы уже спали.

Стражник поднял голову и подошел к нему.

— Мне нужно, — шепотом сказал ему Раммар. Ну почему, черт возьми, он все время попадает в подобные ситуации?

Гном ответил что-то непонятное и повращал глазами. Очевидно, он не понял.

— Мне нужно, — повторил Раммар и, поскольку лапы его были привязаны к скале и он не мог жестикулировать, стал издавать соответствующие звуки, чтобы стражник понял, что имеется в виду.

После таких объяснений зеленая мордочка посветлела, и гном злорадно захихикал. Вместо того чтобы отвязать Раммара и позволить ему справить естественную нужду, он вернулся к своему товарищу.

— Нет, — умолял его Раммар. — Не надо...

Словно хорошую шутку, которой непременно нужно поделиться, гном рассказал другому стражнику о большой нужде Раммара, и второй гном визгливо расхохотался.

— Прекрасно, — кисло прокомментировал Раммар. — Смейтесь громче, чтобы все знали.

Оба гнома фыркали, показывали на него своими зелеными пальцами и корчились от смеха.

— Может, объясните, что тут такого смешного? Мне нужно, и ничего тут такого нет. А с гномами такого что, не бывает?

Стражники расхохотались еще громче, а одному из них пришла в голову идея ткнуть Раммара в живот тупым концом копья.

— Нет! — в ужасе воскликнул орк. — Зачем? Прекратите немедленно!

Словно понимая, что сказал Раммар, гном немедленно опустил копье. Более того, он прекратил хихикать, лицо его потеряло всякое выражение — а потом воин вдруг упал.

В спине у него торчала стрела.

Его товарищ успел еще издать удивленный звук, затем и его настигла оперенная смерть, прилетевшая из темноты.

— Кто, черт?..

Раммар еще до конца не понял, что произошло, когда из темноты вынырнула фигура со знакомым лицом: для орка оно было необычайно бледным и узким, с длинным подбородком, большими, почти детскими глазами и ртом — ухмыляющимся от уха до уха.

— Бальбок, брат мой! — прошептал Раммар, совершенно забыв о том, что у него больше нет брата. — Это действительно ты?

— Конечно, я, — ответил тот, вынимая свои стрелы из мертвых гномов и засовывая их обратно в колчан. — Я пришел, чтобы освободить тебя.

— Да что ты говоришь! — В Раммаре немедленно проснулась былая злость. — А почему, черт возьми, ты так долго с этим возился? Эти гномы могли убить меня, разве ты не понимал этого?

— Извини, — улыбка исчезла с лица Бальбока. — Мне ведь нужно было дожждаться, пока они уснут.

— Вот как, нужно было? — засопел Раммар. — Ну, как знаешь. Да отвяжи же меня, наконец — хотя я, вообще-то, не должен был с тобой разговаривать.

— Ты что, все еще сердись на меня? — Бальбок перерезал кинжалом тролльские сухожилия.

— Вообще-то, да, — проворчал Раммар, потирая ноющие запястья. — Подожди здесь. У меня срочное дело.

— Мне ждать здесь? — Бальбок обеспокоенно поглядел на спящих гномов. — Но ведь...

— Жди! — приказал ему Раммар и исчез за одним из валунов. Мгновение Бальбок размышлял над тем, что могло заставить брата пойти туда, — пока хриплый стон и звуки, напоминающие небольшую грозу, не подсказали ему ответ.

Бальбок испуганно обернулся на гномов — первый уже проснулся от канонады. Сонно приподнялся и вытаращился на безжизненно лежавших стражников.

Его рот открылся было, чтобы издать громкий крик, но прежде чем это ему удалось, стрела Бальбока нашла его горло.

Поскольку концерт Раммара на другой стороне плато стал еще громче, этот гном был не единственным, пробудившимся ото сна. Вот уже с громким воинственным кличем вскочил второй.

У Бальбока не оставалось времени на то, чтобы натянуть тетиву со второй стрелой. Он бросил лук и схватился за копье. Издавая яростные крики, гном подскочил к нему — и сам себя насадил на копье, бросившись грудью прямо на *сапарак*.

Пока Бальбок занимался тем, что стряхивал смертельно раненного противника с зазубренного наконечника, проснулись и остальные. Боевой клич товарища разбудил их. Они тут же повскакали, схватились за оружие и бросились на Бальбока.

— Раммар! — крикнул теснимый орк.

— Не сейчас, — слышался сдавленный голос. — Я занят...

Гномы бросились к нему, и Бальбоку не оставалось ничего другого, кроме как сжать свои желтые зубы и сражаться. Он насадил на *сапарак* сразу двоих нападающих. Оставив копье в трепыхающихся телах, он схватился за секиру, гораздо лучше подходившую для ближнего боя.

Еще один гном — это был второй предводитель отряда — хотел подкрасться к орку сзади, чтобы вонзить в спину саблю, но Бальбок краем глаза увидел его тень и крутнулся вокруг своей оси. При этом острое как бритва лезвие секиры свистнуло в воздухе и обезглавило гнома, башка которого, описав широкую дугу, улетела прочь.

Высоко подпрыгивая, на тощего набросились остальные — зеленокожие фигурки, похожие в своих черных доспехах на насекомых. Бальбок размахнулся секирой, словно отгонял назойливых мух, издавая при этом пронзительные вопли. Гномы, никогда не видевшие подобной техники боя, на мгновение растерялись — мгновение, стоившее некоторым из них жизни. Где бы ни опускалось смертоносное оружие, оно пробивало брешь в толпе противников и проливали зеленую кровь.

Гномье копье метнулось вперед и едва не задело Бальбока. Орк взял реванш, опустив на голову нападающего плашмя лезвие секиры. На раздробленной голове врага шлем расплющило до такой степени, что он стал гладким, словно Гнилое озеро ясным зимним утром, а владелец шлема рухнул прямо под ноги своему предводителю. Тот яростно завопил, и гномы снова ринулись на долговязого орка, который тем временем забрался в круг из камней и принялся ожесточенно отбиваться.

— Раммар! — снова позвал орк брата, но, судя по звукам, доносившимся из-за камня, было ясно, что рассчитывать на его скорое появление не приходится.

Для Бальбока дело начало принимать скверный оборот. Ему уже становилось трудно защищаться. Гномы размахивали саблями, теперь нацеливаясь на его ноги. Достать их было легче всего, поскольку большинство зеленолицых едва достигало бедра орка. А если бы удалось повалить противника, то бой можно было бы считать выигранным.

Опустив секиру вертикально вниз, Бальбок рассек череп одному подлому атакующему, а потом вынужден был отпрянуть. Сталь ударялась о сталь, высекая искры, а глаза гномов светились жадной крови.

Внезапно Бальбок наткнулся спиной на препятствие — это был покрытый древними письменами камень, с обратной стороны которого Раммар отправлял свои естественные потребности.

— Раммар! — крикнул Бальбок. — Теперь я бы не отказался от твоей помощи!

— Проклятье! — слышалось из-за каменной глыбы. — Нельзя ли потише? Мне

нужно сконцентрироваться!

— Извини, — пробормотал Бальбок, отпрыгивая в сторону. К нему подскочил гном с копьем в руках, и наверняка проткнул бы его, если бы Бальбок не ушел от удара в последний момент. Поэтому оружие вонзилось в камень и сломалось, а его незадачливый хозяин свел кровавое знакомство с секирой Бальбока.

Оставались всего четыре противника, и в битве наступило небольшое затишье, во время которого гномы с сопением зыркали на орка. Затем предводитель издал хриплый вопль и зеленомордые пошли в последнюю, отчаянную атаку.

Столкновение было настолько же сильным, насколько коротким.

Два гнома, напавшие на долговязого с двух противоположных направлений, целясь в верхнюю часть бедра противника, насадили друг друга на копья, когда Бальбок прыгнул вперед. Еще одному зазубренное лезвие секиры угодило прямо по лицу с такой силой, что раздался хруст ломающихся костей и брызнула кровь — череп раскололся на две половинки.

Теперь оставался один предводитель. С диким визгом, обхватив саблю двумя руками, гном бросился вперед. Древком секиры Бальбок отразил яростную атаку, чтобы в следующий миг схватить атакующего за шиворот, поднять и, как следует раскрутив его, послать в ночь, в зияющую за плато пропасть.

Громкий крик предводителя гномов замер вдали, и воцарилась тишина. Затих даже ураган по ту сторону каменной глыбы, зато слышался шорох шагов по скалистому грунту, и появился Раммар, с очевидным выражением облегчения на лице.

— А вот и я, — объявил он то, что и так было очевидно. — Я что-то пропустил?

— Абсолютно ничего, — отвечал запыхавшийся Бальбок. Его лицо и нагрудник были полностью залиты зеленой кровью, а в трепещущем свете факелов Раммар увидел лежащих на земле мертвых противников.

— Черт возьми! — взревел он. — Почему ты меня не подождал, *умбал*? Опять хотел получить все удовольствие в одиночку? А я, может быть, охотно помог бы тебе поубивать этих отвратительных, мерзких зеленых ребят. Ты об этом не подумал?

— Нет, — покаянно ответил Бальбок.

— Ну ладно... — Раммар махнул лапой. — Не хочу придирааться. В конце концов, ты же хотел как лучше, пусть даже моя помощь тебе была и не нужна.

— В таком случае — ты не сердишься?

— Нет, — угрюмо покачал головой Раммар. — Даже твоя глупая физиономия лучше, чем все эти мерзкие зеленые рожи. Как ты сюда вообще попал?

— Шел по твоему следу. Он вел в неправильном направлении, поэтому...

— Что значит «он вел в неправильном направлении»?

— Ну, битва-то между нашей сворой и гномами произошла гораздо севернее. Поэтому я подумал, что лучше пойти за тобой, пока ты не потерялся. А потом...

— Пока я не потерялся? — Лицо Раммара исказилось от гнева. — Об этом не может быть и речи, глупец! Конечно же, я знал, что нахожусь гораздо южнее. Но по пути я нашел след этих гномов и подумал, что неплохо было бы пойти за ними.

— Ах, вот как все было... — Бальбок задумчиво почесал затылок, при этом шлем съехал на переносицу. Он поправил его, чтобы удивленно уставиться на Раммара. — Так ты что, нарочно прыгнул в яму-ловушку?

— Конечно, а как ты думал? — засопел Раммар. — А теперь хватит задавать дурацкие вопросы. Нам еще нужно выполнить задание: найти голову Гиргаса, и как можно скорее.

— Об этом я не забыл, — широко ухмыляясь, заверил его Бальбок, постучав когтем по своему черепу. — А еще я знаю, где нам ее искать.

— Ах, и где же?

— Вон там! — Бальбок указал на другую сторону котловины, где в темноте скрывалась укрепленная крепость.

— С чего ты взял? — удивленно спросил Раммар.

Бальбоку понравилось, что хоть раз он знает о чем-то больше своего рассудительного

брата.

— Эти гномы, — пояснил он, — очевидно, направлялись вон в тот *парк*. Они были из племени, против которого мы сражались.

— Да что ты говоришь! А откуда тебе об этом известно?

— Штандарт! — Бальбок указал на сшитое из костей и нескольких клочков ткани изображение. — Ты его не узнаешь?

— Конечно, узнаю! — резко ответил Раммар. — Я просто хотел тебя проверить. Я сразу понял, что это те самые ребята, которые напали на нас, и то, что направлялись они в ту крепость.

— И ты дал взять себя в плен, чтобы попасть в крепость, — удивленно продолжил его мысль Бальбок. — Это очень хитро и разумно с твоей стороны.

— Правда? — фыркнул Раммар. — Все шло наилучшим образом, но потом тебе понадобилось появиться и освободить меня. Но я-то знаю, что ты хотел как лучше, поэтому не сержусь.

Раммар великодушно кивнул брату, и прежде чем тому пришлось в голову задать еще несколько неприятных вопросов, быстро сказал:

— А теперь давай подумаем, как нам попасть в крепость. Пока что ясно одно: нам нужно быть чертовски осторожными. Эти гномы не такие, как те, с которыми мы когда-либо встречались. Я за свою жизнь повидал много зеленых, но таких дисциплинированных мне видеть еще не доводилось. С ними что-то не то. Похоже было, будто ведет их чья-то чужая воля. Ты понимаешь, о чем я?

— Нет.

— Как бы то ни было — разгадку мы найдем только там, на другой стороне ущелья.

— Разгадку? — Бальбок нахмурил лоб. — Я думал, мы ищем голову Гиргаса.

— Дурачина! — покачал головой Раммар. Иногда Бальбок мог быть очень ловким, но, как говорится в одной старой орочьей поговорке, *кудашд дарр хгул лорг альхарк* — и слепой гуль может найти рог.

— Когда мы выступаем? — спросил Бальбок.

— Тропа узка и очень опасна. Идти по ней ночью — самое настоящее самоубийство. Поэтому выступим перед самым рассветом и прокрадемся под прикрытием утреннего тумана. Если мы найдем чертову Гиргасову черепушку и вернем ее в *больбоуг*, в конце концов те, кто оскорблял нас, жестоко об этом пожалеют.

Раммар и его брат решительно кивнули — ни один из них не догадывался о том, что оба они давным-давно избраны для более великих дел.

4. Корцоул ур'дхруурц

Как и планировал Раммар, они выступили еще до рассвета.

Остаток ночи орки провели на плато, дежуря по очереди. Потом Раммар и Бальбок перешли по каменному мосту и двинулись по тропе, ведущей вдоль отвесных склонов по другую сторону котловины. Поскольку дорога кое-где осыпалась, обоим несколько раз приходилось предпринимать рискованные шаги; они взбирались на острые скалы и пересекали ненадежные, осыпающиеся склоны, на которых каждый неверный шаг мог означать смерть.

Раммар заставлял себя не смотреть в зияющую пропасть, упорно переставляя ноги одну за другой, и к тому времени, когда стало светать, оркам удалось преодолеть половину пути. До сих пор они старательно прятались в тумане, молочными клочьями висевшем на склонах холмов, защищая братьев от обнаружения. Но чем ярче светило солнце, тем прозрачнее становилась мерцающая дымка и тем отчетливее обозначались перед орками очертания крепости.

Башни твердыни высились на фоне утреннего неба подобно гигантским *санарак'хай*, и точно так же похожи на крючья были их острые выступы на вершинах. Между ними

протянулись многовековой древности стены, зачерненные смолой и частично прорезанные трещинами, но все еще мощные, упорные.

Орки попытались представить себе, каково было раньше, тысячу лет назад, когда их раса еще царила в Черногорье. Крепости орков защищали страну от захватчиков с востока. Под стенами этих крепостей бушевали кровавые битвы, горы содрогались от боевых кличей орков и их врагов, а в долинах было черно от армий. Только тень осталась от тех славных времен; поскольку орки не ведут счет истории, постепенно славное прошлое забылось, в их бывших цитаделях теперь поселились гномы и другие мерзкие создания. Гномы тоже не были великими строителями, брали то, до чего могли дотянуться; с этой точки зрения они от орков не отличались. И все же — то, что они называли крепости своими, в то время как другие вынуждены были ютиться в расселинах и пещерах, возмущало Раммара до глубины души.

Чем ближе орки подбирались к крепости, тем яснее становилось, в каком жутком состоянии она находится. Дело было не только в том, что стены потрескались и кое-где разрушились. Даже крыши башен частично провалились. И только главную башню, поднимавшуюся в центре сооружения и торчавшую из склона, словно острый скальный зуб, пощадило (по крайней мере, так казалось) время.

Впечатляли и ворота крепости. Они напоминали череп огромного *ухл-бхуурца*, чудовища древних времен. Створки представляли собой пасть зверюги, а факелы, притаившиеся под похожими на острые уши угловыми башенками, — глаза. В неярком утреннем свете казалось, что монстр уставился на орков, что совершенно не понравилось Бальбоку.

— Эй, Раммар, — сказал он, — мне это не нравится.

— Что ты имеешь в виду?

— Крепость — она нас видит.

— Что за чушь? — Раммар остановился. — Это же просто кучка камней.

— Я чувствую это, Раммар. За нами наблюдают.

— Чепуха. Заткнись и предоставь мне чувствовать и думать, заметано?

— Заметано, — ответил худощавый, но до конца убежден он не был. И оказался совершенно прав, как выяснилось впоследствии...

Братья приближались к крепости по узкой тропе, которая вела вдоль стены, почти отвесной со стороны долины. Туман все больше редел, но в бледном свете две грязно-коричневые фигуры на фоне темной скалы были почти не видны.

В конце концов орки достигли массивной каменной глыбы, вокруг которой вилась тропа. За глыбой на некотором расстоянии высилась цитадель.

Орки осторожно выглянули из-за камня. Насколько они видели, тропа обрывалась перед смертельной бездонной пропастью, по другую сторону которой вздымалась на головокружительную высоту древняя крепость. Пропасть была чересчур широка, чтобы ее можно было преодолеть одним прыжком. Однако, к своему великому удивлению, Раммар и Бальбок выяснили, что подъемный мост, торчавший из рта каменного чудовища словно гигантский язык, был опущен и буквально приглашал войти. Стражников нигде не было видно, ни у ворот, ни на стенах.

— Мне это не нравится, — повторил Бальбок, снова спрятавшись за скалой.

— И что тебе не нравится? — заворчал Раммар. — Нам просто повезло, вот и все.

— Очень повезло, — заметил Бальбок, — или очень не повезло. Это может быть ловушка.

— Ловушка? Глупости! Чтобы поставить нам ловушку, они должны для начала узнать, что мы здесь. Вот что я тебе скажу, дурачина, — они опустили мост и открыли ворота потому, что ждали возвращения отряда. Но он не придет, это уж точно. — И Раммар громогласно захихикал.

— И тем не менее. — Лицо Бальбока вытянулось. — Надо поискать другой путь, чтобы попасть в крепость.

— Другой путь? И как ты это себе представляешь?

— Можем попытаться зайти с севера.

— С севера? Ты имеешь в виду, по отвесной скале? Ты что, совсем разум потерял? — Раммар смерил брата с головы до ног уничтожающим взглядом. — Мы свалимся и переломаем себе все кости. Кроме того, с меня довольно этого верхолазанья. Я говорю: мы возьмем главные ворота.

— А я говорю, что мне это не нравится.

— Ну, ладно. — Раммар ненадолго задумался, а потом хитро спросил: — Может быть, ты хотел бы, чтобы один из нас остался снаружи в качестве возможного подкрепления? Только на тот случай, если с первым что-нибудь случится и он попадет в плен? Тогда второй сможет его освободить.

— Это было бы здорово.

— Хорошо. — Широко ухмыляясь, Раммар щелкнул зубами. — Тогда пойдешь *ты*. А я останусь здесь держать позицию, чтобы атаковать, если у тебя возникнут трудности.

— Мне... мне идти одному?

— Я же это только что сказал, разве нет?

— А почему именно я?

— Да иди же скорее, у нас времени не так уж много!

Бальбок нахмурился и еще раз почесал затылок, но ничего противопоставить логике брата не сумел. Поэтому он поправил шлем и приготовился выступить: свою секиру, которая могла бы помешать ему, если придется быстро бежать, он оставил и взял с собой только копье и кинжал. Вооружившись таким образом, он кивнул Раммару на прощание. Затем отважился выглянуть из укрытия и, согнувшись, побежал к цитадели. Мощные брусья загрохотали под его шагами, и в следующий миг его поглотила каменная пасть ворот.

Когда Раммар увидел, что брат скрылся в темноте, его охватило странное беспокойство и (довольно-таки тихий) внутренний голос сказал ему, что не нужно было отсылать Бальбока одного.

— Чушь! — сказал он себе. — У этого *умбала* везения больше, чем разума, а ко мне неудачи липнут, как *шнорш* к тролльской заднице. Он уже достаточно большой, чтобы мог позаботиться о себе сам, и достаточно силен, чтобы в одиночку принести голову Гиргаса.

Успокоив таким образом свою совесть, Раммар почувствовал себя в укрытии гораздо лучше — но ненадолго. Потому что внезапно, когда орк снова с любопытством выглянул из-за скалы, он почувствовал болезненный укол в спину.

Он обернулся — и уставился в зеленые лица пяти гномов. Они бесшумно спустились на канатах с отвесной стены и теперь угрожали ему оружием.

Раммар еще успел понять, что его брат находится в серьезной опасности, когда на его шлем с громким стуком опустилась булава, с такой силой, что он свалился без сознания.

Обхватив орочье копье двумя лапами, Бальбок пробирался в темноту неизвестности.

По ту сторону ворот обнаружилась большая круглая караульня, в центре которой стоял обложенный камнями колодец. Бальбок осторожно подкрался к колодцу и заглянул внутрь. Волосы у него на спине встали дыбом, когда он вгляделся в черноту, потому что у него возникло отвратительное чувство, будто оттуда, из бездонной тьмы, на него тоже кто-то смотрит.

Отойдя от колодца, он внимательно обшарил все глазами, но не обнаружил ничего подозрительного. Поэтому двинулся дальше и прошел в ворота на противоположной стороне. Он попал в длинный туннель, где было так темно, что Бальбоку не видно было даже собственной лапы под самым носом. И все же он осторожно крался дальше. От окружавшей его вони, которая сообщала, что гномы близко, его едва не вывернуло наизнанку.

Но почему не видно никого из зеленолицых?

Опасения, что он идет прямехонько в ловушку, усиливались, заставляя быть еще более осторожным. Держа *сапарак* обеими лапами, Бальбок двигался сквозь тьму. Он наступил на

что-то ногой; оно лежало на полу — что-то тонкое, гладкое, — как выяснил орк, опустившись на колени и ощупав предмет. Бальбок понятия не имел, что это, но как оказалось, дальше этими странными предметами был усеян весь пол туннеля.

Коридор сделал поворот и внезапно закончился. Дальше начинался внутренний двор крепости. Бальбока ослепил неяркий утренний свет, хлынувший на орка. Когда его глаза привыкли, он увидел, что за предметы в таком количестве покрывали пол туннеля.

Это были кости.

Белые обглоданные кости.

Среди них были кости людей и карликов, что Бальбоку в принципе не очень мешало — но, когда на него уставился мертвыми глазницами орочий череп, все внутри него восстало. Как, пламя Курула, могли гномы пойти на подобное варварство? Все ведь знают, что орки на вкус просто отвратительны...

Осторожно, стараясь не издавать лишних звуков, Бальбок сошел с костяного ковра и, держась стены, постепенно приближался к выходу.

Добравшись, он замер, чтобы осмотреться и составить представление о том, что его ждет. Лежавший перед ним внутренний двор был окружен крепостными стенами с ходами, и здесь тоже не было ни души. В центре двора возвышалась каменная статуя. Она изображала существо, никогда прежде не виданное Бальбоком: у него были большие крылья, жуткие когти и оскаленная пасть с острыми зубами. Хотя существо было всего лишь каменным, да к тому же очень старым и потрепанным временем, у Бальбока возникло чувство, что статуя вот-вот оживет.

— Спокойствие, — шепотом напомнил он себе. — Если бы Раммар был здесь, он сказал бы, что я, жалкий трус, должен собраться. Я — храбрый орк, и мне нужно выполнить задание...

Бальбок заставил себя покинуть туннель. Перебежав внутренний двор, он достиг статуи и спрятался в ее тени, где снова замер, чтобы оглядеться.

И по какому из ходов ему идти? Где искать голову Гиргаса? И почему, внутренности Торги, ему еще не встретился ни один гном? Где эти мерзкие зеленые ребята?

Бальбок поднял взгляд на статую, которая теперь, когда орк стоял у ее ног, казалась еще величественнее и страшнее. Он невольно спросил себя, не имеет ли отношения эта штука к исчезновению гномов...

В следующий миг вопрос решил сам собой. Только что ходы в крепостной стене были пустынные, и вдруг со всех сторон показались угрюмые зеленые морды, а их обладатели нацелили на Бальбока стрелы, наложенные на тетивы луков.

— Это таки была ловушка, — проворчал худощавый и, несмотря на опасность ситуации, кивнул, довольный тем, что оказался прав.

Оскалившись, он поглядел на гномов, подняв *сапарак*, чтобы провести свой последний бой — живым сдаваться гномам он ни в коем случае не собирался. Казалось, время во внутреннем дворе на мгновение остановилось, и Бальбок подготовился ко встрече По Ту Сторону с безголовым Гиргасом, который, конечно же, осыплет его отборной бранью.

Но вышло иначе — потому что Бальбока внезапно настиг удар, словно от невидимого молота. Шлем его загудел, орк закачался. Еще секунду он держался на ногах, а потом опрокинулся, словно поваленное дерево, да так и остался лежать на спине.

Он в ужасе пытался понять, откуда был нанесен удар — и в какой-то миг, перед потерей сознания, ему показалось, что каменная статуя шевельнулась, повернула свое отвратительное лицо и уставилась на него горящими глазами, а затем на него опустились черные крылья, и его наконец поглотила тьма.

Пробуждение Раммара было крайне неприятным. Сначала ему показалось, будто он плавает в огромной клоаке, из которой некогда выскочили все орки. Затем пульсирующая боль в черепе сообщила ему о том, что он давным-давно уже родился, а также напомнила о нападении врагов.

Моргая, орк-толстяк открыл глаза, пытаясь определить, где находится: потолок был сделан из серых каменных плит, на которых виднелись непонятные чужие письмена, а на каменных же стенах были видны изображения каких-то мерзких идолов вниз головами. Но еще удивительнее было то, что пламя факелов, торчавших из стен, тоже было направлено вниз.

Прошло некоторое время, прежде чем Раммар понял, что это не мир встал вверх ногами, а он сам. Орк озадаченно посмотрел вниз (ну, или вверх) и увидел, что свисает с потолка вниз головой на ржавой цепи. Доспехи, шлем и оружие у него, конечно же, отобрали.

Поскольку лапы у Раммара не были скованы, и он мог ими размахивать, то ему удалось повернуться. Он увидел висящего рядом Бальбока. У того тоже отобрали доспехи и шлем, в голове его зияла рана, вокруг которой запеклась кровь. На мгновение Раммар испугался было, что брат его уже рухнул в темную яму Курула, но потом заметил, что лапы Бальбока подрагивают, и услышал его тихий стон. Раммар облегченно вздохнул.

Однако испытывал он облегчение недолго, потому что увидел, что с высокого свода свисают еще цепи, и было уже непонятно, чье из этих наполовину разложившихся тел принадлежало когда-то человеку, гному или орку. И причина была не только в том, что тела были разложившимися. Всех существ пытали и страшно изуродовали, прежде чем они умерли ужасной смертью.

Едкий запах гниющих трупов не беспокоил Раммара, зато мешал раздавшийся внезапно ехидный смех, исходивший, казалось, отовсюду.

— Кто это там смеется? — спросил Раммар, снова заработав лапами, чтобы повернуться на цепи. — Кто осмелился...

Он издал шипящий звук, когда увидел источник смеха — старого человека в черной мантии, настолько черной, что, казалось, она поглощает свет факелов. Даже для человека выглядел он отвратительно: свисающая до пупа седая борода, острый нос и колющий взгляд глубоко посаженных глаз. По длинному посоху, который старик держал в правой руке, орк понял, что перед ним не обычный представитель расы, а колдун. Посох был вырезан из темного дерева, казалось, его обвивала змея, до самого навершия в виде черепа, в глазницах которого сверкали изумруды.

Вместе с колдуном в темницу вошел отряд вооруженных гномов. У некоторых из них были части доспехов Раммара и Бальбока. Зеленомордые подошли к пленникам, стали тыкать в них копьями и мерзко хихикать.

Бальбок очнулся и издал громкий визг. Не от боли — резкий звук был выражением удивления по поводу необычности своего положения.

— Черт возьми, что это еще такое? — завопил Раммар. — А ну, прекратите это, вы, мерзкие, жалкие недоноски...

— Довольно! — повелительно воскликнул колдун, и гномы тут же перестали мучить орков.

Старик сделал шаг вперед и некоторое время рассматривал пленников.

— Вы должны извинить их поведение, — сказал он затем. — Мои гномы привыкли причинять боль другим созданиям, и чаще всего они делают это по моему поручению.

— Вы кто? — удивленно спросил Раммар. Колдун в черной мантии не только производил на него впечатление сильного человека, он еще и внушал толстяку ужас. Раммар в достаточной степени владел языком людей, поэтому решил выбрать вежливую форму.

— Всему свое время, — ответил колдун низким грудным голосом, заставившим орка содрогнуться. — Мне нужно поговорить с вами.

— С нами? — озадаченно воскликнул Раммар и поглядел на брата. — Ты слышал, мешок со *иноршем*? С нами хотят говорить!

Как раньше Раммар, Бальбок тоже был удивлен тем, что мир перевернулся. Кроме того, давала о себе знать рана на черепе. Он совершенно не заметил, что его брат с кем-то разговаривает.

— Ч-что случилось? — пробормотал он.

— Дурацкий вопрос, — проворчал Раммар. — Тебя обнаружили, и ты дал гномам себя завалить, и теперь мы находимся во власти колдуна.

— Колдуна? — Бальбок огляделся и, увидев мрачную фигуру старика, вздрогнул. — Рурак, — в ужасе прохрипел он.

— Что ты там бормочешь? — проворчал Раммар.

— Рурак, — повторил Бальбок.

— Чепуха. — Раммар покачал головой, хотя от этого у него голова еще сильнее заболела. — Рурака на самом деле не существует. Это просто образ из сказок, которыми пугают маленьких орчат.

— Ты в этом уверен, друг мой? — прозвучал в ответ низкий грудной голос колдуна, а то, как старик при этом посмотрел на Раммара, тому совершенно не понравилось.

Гномы захихикали, снова нацелив на орков свои пики, чтобы опять мучить пленников, как только им позволит их господин и повелитель. Они еще держались поодаль, но в их мерзком хихиканье слышалось желание унизить своих кровных врагов, орков, и доставить им ужасные страдания.

— Ру... Рурак? — бесцветным голосом спросил Раммар, испуганно разглядывая колдуна.

— Это одно из моих имен, — подтвердил тот, с достоинством кивая. — Одно из многих, которые я принимал и сбрасывал с тех пор, как брожу по этому свету. Меня радует, что орки не предали меня забвению.

— Вообще-то нет, — заверил его Раммар.

Хотя орки не ведут исторических записей и почти не интересуются прошлым, имя колдуна им тем не менее было знакомо. Во время Второй войны Рурак был одним из предводителей, боровшихся против господства эльфов, и, хотя в войне он выступал на стороне орков, его боялись сильнее, чем некоторых врагов. Рурак Палач называли они его, и имели на то основания. Колдун был известен тем, что жестоко карал непослушание и трусость перед лицом врага; говорили даже, что в приступе гнева он посадил на кол всех выживших в проигранной битве.

— В-вторая война давным-давно закончилась, — пробормотал Раммар, цепляясь за призрачную надежду, что мрачный старик просто шутит над ними. — Даже колдуны столько не живут. Или живут?

— Все зависит от того, каким волшебством они пользуются, — загадочно ответил Рурак, при этом на губах его играла хитрая ухмылка. — Но не беспокойтесь, мерзкие мои друзья. С вами ничего страшного не произойдет — по крайней мере, пока вы исполняете то, что я от вас потребую.

— П-правда? — Раммар недоверчиво заморгал; зато гномы были, казалось, разочарованы: ведь они надеялись поиграть с обоими пленниками. — А что вы потребуете от нас, о великий волшебник? — спросил орк.

— А я вам скажу, — сказал Рурак. — Но для начала покажу, что вас ждет, если вы откажетесь от моего предложения.

Из-под черной мантии волшебника высунулась похожая на лапу рука; казалось, она состояла из одних костей, морщинистой кожи и острых длинных ногтей. Он небрежно махнул ею. — Посмотрите, что находится под вами!

Раммар и Бальбок бросили взгляд на пол — но пола уже не было, только глубокая яма!

В ней клокотал кипящий гной, от которого поднимался отвратительно пахнувший едкий пар. Ослизлые щупальца высывались из бурлящей слизи навстречу обоим братьям, и сквозь пары проглядывали жадные глаза монстра.

Оба орка пронзительно взвизгнули, не понимая, почему раньше не заметили ямы.

Визг стал громче, когда костлявая рука Рурака сделала другое движение.

— Думаю, — сказал колдун, — пришло время избавить вас от пут.

И тут цепи, на которых висели орки, со скрипом стали опускаться с потолка — и

Раммар с Бальбоком полетели навстречу пузырящейся слизи и глядящим на них глазам. Их голоса смешались — так громко вопили орки. Мгновение — и братья грохнулись на твердый каменный пол.

Если бы орки не были сложены гораздо грубее некоторых людей, Раммар и Бальбок переломали бы все кости.

Яма с кипящей слизью и отвратительным монстром исчезла, а когда братья слышали раскатистый смех Рурака, то поняли, что стали жертвой иллюзии, вызванной колдуном при помощи его искусства.

Но не успели пленники перевести дух, как их снова окружили гномы с нацеленными на них копьями.

— Скажите, неловкие мои друзья, — сказал Рурак своим пленникам, пока те сидели на полу и чесали свои травмированные черепушки, — вы когда-нибудь слышали о Шакаре?

— Шакаре? — призадумался Раммар. — Нет, — сказал он через секунду.

Ответа своего брата он даже не дождался; этот *умбал*, кажется, был полностью занят пересчетом своих костей.

— В таком случае, я поведаю вам, о чем идет речь, — благодушно сказал Рурак. — Шакара — это такое место на севере, по ту сторону Черногорья и болот, на другой стороне Северного вала и...

— В Белой пустыне? — ошарашенно спросил Раммар — и вскрикнул. Гном кольнул его копьем, потому что он своим вопросом перебил Рурака. — Мелкий подлец! — прошипел Раммар.

— Да, в Белой пустыне, — подтвердил Рурак, повелительным жестом велел гномам держаться от пленников подальше. (Раммар бросил уничтожающий взгляд на уколотившего его поганца и потер плечо). — Там, где зима никогда не заканчивается, — продолжал Рурак, — где земля укрыта саваном вечного снега. Шакара находится посреди этой земли из звящего льда. Это последнее из святых мест, еще сохранившихся у эльфов в этом мире.

— Х-храм? — спросил Бальбок.

— Вот именно.

— Как интересно, — притворился заинтересованным Раммар; на самом же деле ему было глубоко безразлично, чем там занимаются эльфы. После поражения во Второй войне орки научились избегать узкоглазых и гораздо охотнее занимались людьми...

— Да, интересно — верное слово, — пробормотал колдун, а глаза его загорелись странным огнем. — Как вы, вероятно, знаете, эльфам не долго уже пребывать в Землемирье. Они тоскуют о Дальних Берегах, своей потерянной родине, откуда они некогда пришли. Немало их уже исчезло в том направлении, а те, кто пока остается, ждут не дождутся момента, когда можно будет покинуть этот край. Долгое время эльфы определяли историю здешних мест, но теперь время их подходит к концу. Все больше их покидают Тиргас Дун, и с ними исчезают воспоминания о Землемирье — кроме одного.

— Шакара, — подсказал Раммар. Речь колдуна не произвела на него особого впечатления, поскольку он понял из нее менее половины. Но ему хотелось наконец узнать, чего хочет от них Рурак, что им нужно сделать, чтобы покинуть это ужасное место.

— Да, Шакара, — задумчиво кивнул Рурак. — Храм в вековых льдах скрывает тайну древности: оваянную легендами карту Шакары, которая указывает путь к истинному знанию. Я желаю получить ее.

— Карта Шакары? — Раммар и Бальбок посмотрели друг на друга широко раскрытыми глазами.

Один из гномов вновь расценил вопрос Раммара как вмешательство в священный монолог повелителя и кольнул его копьем. Раммар снова вскрикнул. Колдуну это надоело. Он сердито взмахнул рукой, и проявившего инициативу зеленомордого объяло пламенем.

Один-два удара сердца его лизали яркие языки пламени, а потом обуглившиеся косточки сложились аккуратной горкой, а дымящийся череп откатился к ногам Раммара.

Пока толстяк и долговязый ужасались, а остальные гномы пятились от пленников,

колдун невозмутимо продолжал.

— Это карта, на которой обозначен путь к тайному месту и великой тайне, — пояснил Рурак. — Сделка, которую я вам предлагаю, заключается в следующем: идите на север, в Белую пустыню, проникните в эльфийский храм и принесите мне карту. Ее и только ее желаю я — за это я готов подарить вам жизнь.

Услышав последние слова старика, гномы разочарованно переглянулись.

— Великолепно, — сказал Раммар, притворяясь невозмутимым. — Только нам это все равно не поможет. Даже если вы нас отпустите, наша жизнь не будет стоять и гнилого сморчка.

— Полагаю, ты намекаешь на пропавшую голову вашего предводителя, — сказал Рурак с холодной усмешкой. — Вы должны принести ее в свою деревню до того, как исполнится кровавль. Если не принесете, на вас начнется охота, и вас жесточайшим образом накажут.

— Д-да, — озадаченно подтвердил Раммар. — А откуда вы знаете?..

— Я — колдун, — сказал Рурак, как будто это все объясняло. — Конечно же, я отдам вам голову предводителя, если вы успешно справитесь со своей миссией.

— У вас голова Гиргаса?

На этот вопрос Рурак ответил новым жестом костлявой руки. Одна из каменных плит, покрывавших стены комнаты, бесшумно отъехала в сторону и открыла взору нишу. В ней стоял сосуд, прозрачный, наполненный желтоватой жидкостью, — а в этой жидкости, к немалому изумлению обоих орков, плавала голова Гиргаса.

Раммар и Бальбок вздрогнули, так как выражение лица предводителя их своры было настолько яростным и живым, что они уже начали бояться, что голова зарычит на них и проклянет за небрежность, из-за которой его оставили на поле боя. Но Гиргас был мертв — мертвее не бывает, — а голова его находилась на вполне преодолимом расстоянии.

— Как видите, — сказал Рурак, — я говорю правду. Голова вашего предводителя у меня. Я передам ее вам, как только вы выполните свою миссию и принесете карту. Вам все ясно?

— Ясно! — Бальбок был восхищен. — Мы приносим карту и получаем за это голову Гиргаса. Разве это не прекрасно, Раммар?

— Да уж, действительно прекрасно, — проворчал Раммар и засопел. — А еще прекраснее было бы, если бы ты подумал, прежде чем открывать рот. Напряги свои скудные мозги, *умбал* ! Грайшак дал нам срок до конца кровавля. Ты хоть представляешь себе, сколько нужно времени, чтобы преодолеть болота и Северный вал? Не говоря уже об опасностях, которые будут подстерегать нас в пути, и эльфах, которые охраняют храм. С учетом всего этого мы можем и сами вспороть себе брюхо.

— Вы, конечно, можете отказаться от моего предложения, — согласился с ним Рурак. — Тогда я сейчас уйду, а мои гномы поступят с вами таким же образом, как вон с теми. — Он указал на измочаленные, наполовину разложившиеся трупы, свисавшие на цепях с потолка, а гномы подло захихикали. — Или могу открыть темное болото, от которого вы только что были на волосок.

— Б-болото с монстром, у которого щупальца? — испуганно спросил Раммар. — Я думал, что это была иллюзия.

— Может быть. — По лицу колдуна ничего нельзя было прочесть. — А может быть, и нет. Это ваше решение, не мое.

Раммар и Бальбок переглянулись. Долго совещаться нужды не было. Судя по ситуации, выбор очевиден. Похоже, Курул сейчас настроен против них. Сначала гномы, разбившие их свору, затем неприятности с Грайшаком, а теперь вот еще колдун, который шантажирует их самым бессовестным образом. Что бы они ни делали, казалось, а попадали в еще большие неприятности, и Раммар не был уверен в том, что во всем виноват один только его брат (пусть даже Бальбок и виноват в большей части всех неприятностей).

— Великий Рурак, а почему эта карта так важна для вас? — поинтересовался он.

— Это не должно вас интересовать. Мне нужна карта, чтобы привести в исполнение

мои планы. А для вас, непосвященных, она совершенно не представляет ценности. Вы просто должны принести ее, это все.

— А эльфы? Сколько их охраняет храм? С ними опасно связываться.

— Эльфы ослабели, стали тенью тех существ, которыми когда-то были. С ними у вас не должно возникнуть сложностей. Будущее Землемирья принадлежит другим.

— Может быть, оркам? — с надеждой спросил Бальбок.

— Да, — тихо рассмеялся Рурак. — Может быть, оркам. В любом случае, будущее принадлежит тем, кто вовремя примет нужную сторону — выберет верных союзников. Если бы орки сделали это раньше, теперь им не пришлось бы жить в мрачных норах, они пребывали бы в эльфийских дворцах.

Ни Раммар, ни Бальбок не сумели возразить — союз с людьми в последней войне оказался ошибкой с далеко идущими последствиями...

— А почему именно мы? — задал Раммар последний вопрос, давно уже вертевшийся у него на языке.

— Потому что вы были избраны для этого, — прозвучал простой и исчерпывающий ответ Рурака. — Ну, так каково же ваше решение?

Братья снова переглянулись, чтобы потом с мрачными физиономиями решительно кивнуть друг другу.

— Мы сделаем это, — торжественно провозгласил Раммар, и немного тише добавил: — Все равно у нас нет другого выхода.

— Ну и славно, — сказал Рурак. — И помните о том, что без карты вы не получите голову своего предводителя. Вас станут преследовать, и что с вами сделает ваш главарь, Грайшак... — Он не закончил; возможно, даже всей фантазии Рурака Палача не хватало, чтобы представить это.

Пока Бальбок еще размышлял над тем, сколько времени им понадобится для долгого пути на север, Раммар занялся практическими вещами.

— Нас нужно обеспечить, — потребовал он, — доспехами, оружием, провиантом.

— Вы все получите, — заверил их Рурак.

— А еще нам нужен штандарт, — добавил Бальбок. — Ни один уважающий себя орк не отправится выполнять опасное поручение без штандарта.

— И как мы все унесем? — застонал Раммар, закатив глаза.

— Не беспокойся, мой простодушный друг, — сказал Рурак, обращаясь к Бальбоку. — Получишь ты свой штандарт. Вы понесете с собой полевое знамя Рурака Палача, когда отправитесь к храму во льдах, и все враждебные существа побегут в страхе при виде его. Вас защитит его магическая аура.

— Это правда? — спросил Раммар. — В таком случае я должен в порядке исключения согласиться с братом, о великий волшебник. Ни один уважающий себя орк не отправится выполнять опасное поручение без штандарта. Мы понесем ваше знамя с гордостью, заверяю вас.

— Ничего иного я и не ожидал. А теперь отправляйтесь в оружейную, мы и так потеряли много времени. Эпоха подходит к концу, должна начаться новая — а история не ждет!

5. Ур'Торга Сгудар'хай

— Штандарт, нам нужен штандарт! — пропел Раммар, подражая мелодичному голосу брата. — Ни один уважающий себя орк не отправится выполнять опасное поручение без штандарта!

— И что? — спросил Бальбок, который шел за ним по узкой тропе. — Ты ведь тоже был за то, чтобы понести знак Рурака.

— А как же, — кисло подтвердил Раммар, — но тогда я еще не знал, что эта чертова штука *такая тяжелая* !

Засопев от возмущения, он остановился и поднял взгляд на длинный деревянный шест, который нес в лапах. На верхнем его конце был шар величиной с голову, сделанный из загадочного черного материала; поверхность шара блестела и сверкала, но ничего не отражала. Штандарт Рурака не был украшен ни волосами троллей, ни гномьими косточками и выглядел просто смешно, но это было полдела. Что по-настоящему раздражало Раммара, так это вес шара; он был просто неподъемный.

— Ты хотел взять это с собой, ну так и неси, — проворчал толстяк, решительно сунув шест в лапы растерянному брату. Бальбок, и так нагруженный тяжелым ранцем, в котором лежали провиант для путешествия и теплая одежда, тихонько застонал, но не осмелился возразить. Когда у Раммара было дурное настроение, лучше всего было вообще его не трогать.

Они молча продолжали путь — крепыш Раммар с одним только *сапараком* на кожаном ремешке за спиной, худощавый Бальбок — нагруженный остальным оружием и вещами, с тяжелым штандартом в лапах.

Дорога вела круто в гору. Тропа, которую проложили в камнях дождь и ветер, вывела их в зажатый между двумя высокими скалами кар, осыпь которого терялась в глубоком ущелье где-то далеко под ними. По другую сторону острых скалистых зубцов, окружавших кар с севера, можно было различить в дымке потрескавшиеся отроги Черногорья.

— Наконец-то, — пробормотал Раммар. — Я уже подумал, что эти чертовы горы никогда не закончатся. Мы в пути уже два дня, а видели только скалы да туман. Я сыт этим по горло.

— Это страна наших предков, — с упреком напомнил ему Бальбок.

— Ну и что? И все равно я сыт этим по горло. Я хочу, чтобы эти проклятые горы наконец-то остались позади, чтобы мы могли исполнить свое поручение. И скорее очутиться снова дома. Но это, наверное, никак не втемяшить в твою дурную чере...

Больше Раммар сказать ничего не успел, потому что его желание по поводу скорого спуска исполнилось значительно быстрее, чем ему того хотелось. Во время своего монолога он неосторожно ступил туда, где начиналась зыбкая каменистая осыпь, и внезапно земля под кривыми ногами орка пришла в движение. Камни сдвинулись с места и с грохотом понеслись вниз, в долину, и размахивающий лапами Раммар — вместе с ними!

— Черт побери! — успел крикнуть орк, катясь вниз. — Сделай же что-нибудь, ты, жалкий *умбал* !..

Мгновение Бальбок стоял в растерянности и с удивлением наблюдал за тем, как брат неся по склону, сначала балансируя на двух ногах, потом уже на заднице, — и наконец перекувыркнулся и покатился в долину, словно один из камней, с грохотом следовавших за ним. При этом Раммар кричал и жаловался так громко, что эхо отражалось от стен долины.

— Иду, Раммар! — крикнул Бальбок и, презрев смерть, устремился вниз по склону. В отличие от брата, он перенес вес назад, и, поскольку он быстро вогнал каблуки сапог между камней, ему удалось удержаться на ногах.

И все же спуск вниз был самой настоящей дорогой в ад, потому что камни скользили и Бальбоку с трудом удавалось удержать равновесие и не полететь кубарем, как его брат, поскольку на спине у него был тяжелый груз. Штандарт, который ему всучил брат, оказался очень даже кстати. Используя его как посох, Бальбок смог держаться ровно, и в то время как Раммар неуклюже катился вниз в компании небольшой лавины, брат следовал за ним не в пример элегантно и на двух ногах.

У подножия кара, на входе в ущелье, они снова обрели друг друга. Раммар, стена, лежал на земле. Не только потому, что получил множество ран. Новехонький нагрудник из оружейной Рурака был совершенно помят, и на новом шлеме тоже красовалось несколько вмятин. Одежда, состоявшая из кожаной юбки и шерстяной накидки, испачкалась и порвалась, и, кроме всего прочего, Раммар чувствовал себя совершенно униженным и пристыженным.

— Все в порядке? — поинтересовался Бальбок, достигший дна долины без единой

царапины, ухмыляясь от уха до уха, радуясь тому, что брат жив.

— Нет, все не в порядке, — прозвучал осипший от злости голос. — Я упал и поломал себе не знаю что. Помогите мне хоть на ноги встать, ты, неуклюжий увалень! И, черт тебя подери, прекрати ухмыляться!

Бальбок сгрузил поклажу и подал брату правую лапу, за которую тот недовольно ухватился. Раммар со стоном позволил поставить себя на ноги и потер ноющий *асар*.

— Ну как? — спросил Бальбок. — Сломал что-нибудь?

— Нет, и в этом твое счастье. Не то я бы уши тебе понадира. Это все ты виноват. Если бы ты не спорил, я мог бы смотреть, куда иду.

— В любом случае, — заметил Бальбок, глядя вверх, на сыпучий склон, вершина которого теперь была едва различима, — теперь мы внизу. Ты ведь этого хотел, не правда ли?

Раммар поглядел в темное ущелье.

— Если колдун сказал правду, нам следует просто идти по главному ущелью, чтобы попасть к болотам. Но нужно быть осторожными. Черногорье с этой стороны пронизано бесконечными ущельями и расселинами. Уже не один путник потерялся в этом лабиринте. Помнишь Рухгу?

— Ты имеешь в виду предводителя своры *нуарранаш*?

— Именно его. Однажды он и его свора выступили, чтобы поохотиться на северных склонах Черногорья. Ни один не вернулся. Их поглотили внутренности Торги.

— Внутренности Торги?

— Скажи-ка, ты что, вправду ничего не знаешь? — с упреком проворчал Раммар. — По легенде, Торга был демоном, который оспаривал у отвратительного Курула господство над Черногорьем. Однажды он предложил Курулу сделку с целью обмануть его. Но Курул разгадал его умысел, вспорол Торге брюхо и разбросал внутренности по северной части гор. Они были ядовитыми, поэтому ввелись в скалы, так появились ущелья. Что ты теперь скажешь?

— Злой ты мой орк, — удивленно ответил Бальбок. — И сколько же ты всего знаешь!

— Правда? Можешь радоваться, что я рядом с тобой, иначе ты бы давно пропал. Так что бери свою поклажу и давай...

— Тихо, — вдруг сказал Бальбок, хватаясь за копьё.

— Что такое?

— Я кое-что почуял, — пояснил худощавый, наморщив кривой нос. — *Намбал*.

Когда брат произнес слово «враг», пульс у Раммара участился. Но уже в следующий миг он успокоился и сказал:

— Не утруждайся. Я не поведусь на это.

— Ты о чем? — спросил Бальбок, сторожко оглядывавшийся по сторонам.

— Ты делаешь это только потому, что тебя злит, что я знаю больше тебя.

— Нет, Раммар, что ты. Я кое-что почуял...

— Не злись, брат. Так всегда и было — из нас двоих я умный, а ты — глупый. Примирись с этим, бери поклажу и давай выдвигаться. Я хочу оставить это ущелье позади еще до темноты.

Бальбок поднял взгляд к краю ущелья, подставив нос негромко завывающему ветру. Но, не учуяв больше ничего подозрительного, опустил копьё и снова взял ношу, включая и штандарт колдуна Рурака.

Как и прежде, Раммар шел первым. Но чем темнее становилось в ущелье, тем больше сокращал он расстояние между собой и братом.

Путь через внутренности Торги оказался гораздо длиннее и сложнее, чем предполагали орки, и им приходилось быть настороже, чтобы не заблудиться в одном из боковых ущелий. Главный же каньон диким зигзагом вгрызался в скалы. Раммару уже несколько раз приходила мысль, что они сбились с пути и находятся не в центральном ущелье, но чтобы не выказать слабинку перед Бальбоком, он продолжал идти дальше, как будто точно знал, что

делает. А Бальбок, в свою очередь, доверял брату и послушно топал следом, таща провиант и штандарт.

Около полудня погода заметно ухудшилась; посвистывание ветра, дувшего в узких расселинах, превратилось в жуткое завывание, а небо, которое и так сузилось для путников до размеров зигзагообразной полосы, потемнело. Вдали уже слышались глухие раскаты грома, когда Бальбок внезапно остановился.

— Ну что еще? — раздраженно спросил Раммар. — Идем уже, ты, *умбал*, нам нужно найти укрытие прежде, чем начнется гроза.

И словно в подтверждение его слов черное небо разрезала молния, на мгновение осветив ущелье.

Бальбок не двигался с места.

— Он снова здесь, — выдавил он.

— Кто? Что?

— Этот запах. Враг, которого я почуял еще на входе в ущелье.

— Ты опять за старое?

— Он здесь. — Бальбок был убежден в своей правоте. — Я в этом совершенно уверен.

— Вот как, — прорычал Раммар, пытаясь перекрыть усиливающийся ветер, — а почему же я его не вижу? Вот именно сейчас понадобилось тебе опять выпендриваться. Давай лучше поищем пещеру, пока дождь не пошел.

Бальбок, отбросив штандарт и взявшись за копье, недоверчиво озибался. Но поскольку снова ничего не заметил и не почуял, то снова повесил копье на кожаный ремешок за спиной, поднял штандарт и двинулся за Раммаром искать укрытие.

Небо быстро стало иссиня-черным. День превратился в ночь, но, когда молнии разрезали тучи, на секунду становилось светло. Прозвучал адский раскат грома, потрясший, казалось, горы до основания. Эхо металось между стен ущелья, даже не думая затихать. Ветер становился все холоднее и сильнее. Вот-вот должен был хлынуть дождь, чтобы превратить дно сухого каньона в русло быстрой реки. Оркам нужно было поторопиться убраться с ее дороги.

— Вон, наверху! — вдруг крикнул Раммар. — Пещера! Там наше спасение!

Бальбок тоже увидел темное отверстие в скале, и они помчались туда — Раммар на редкость проворно, Бальбок — из-за поклажи — гораздо тяжелее, чем обычно. Толстяк быстро вскарабкался на уступ скалы. Пещера находилась достаточно высоко, так что ее не должно было затопить. То, что Бальбоку, волокущему поклажу, было трудно поспевать за кривоногим братом, последнего не волновало. Он добрался до сухого места — как раз, когда начался дождь.

Словно потоп обрушился на ущелье; на дне моментально начала собираться вода. Бальбоку удалось дотащиться до входа, и он обессилено рухнул наземь.

Но ненадолго.

Едкий запах, который он чуял и раньше, снова прокрался ему в ноздри, но на этот раз он был гораздо сильнее.

Бальбок вскочил.

— Да что такое? — спросил Раммар. — Ты все никак не уговонишься? Говорю тебе, нет ничего, чего бы тебе стоило опасаться. Кроме, может быть, непогоды. Даже подумать страшно, что было бы, будь мы снаружи...

Бальбок не ответил. Он просто с ужасом смотрел на толстяка, и глаза его при этом становились все больше и круглее.

— Мне постепенно начинает надоедать твое странное поведение, — проворчал Раммар. — Ты что, никак не можешь признать, что с моей стороны было на редкость разумно подыскать нам убежище? Тебе обязательно нужно строить из себя дикого орка?

Бальбок молча отложил штандарт, медленно снял поклажу и поднял *сапарак*.

Вдруг Раммар понял, что брат смотрит не на него, а на что-то над ним. И тут же тоже учуял едкую вонь, почувствовал, как что-то капает сверху ему на плечо. Что-то тягучее,

липкое, медленно стекающее по доспехам.

Раммару стоило немалых усилий поднять взгляд, а когда он сделал это, то увидел множество черных холодных глаз и беззубый, но с виду кусачий рот. Жвалы во рту внезапно вытянулись вперед и задвинулись назад, щелкнув друг о друга. Четырехчленные псевдоподии, располагавшиеся справа и слева от жуткой пасти, при помощи которых чудовище могло ощупывать пространство вокруг, задрожав, потянулись к Раммару, словно хотели схватить его. Передняя часть тела монстра покоилась на восьми длинных пятичленных ногах на потолке пещеры, а сзади находилась массивная, покрытая черной щетиной задняя часть тела.

— *Кудах !* — непроизвольно вырвалось у Раммара. — Проклятый паук!..

Все знали, что в узких ущельях Черногорья живут пауки, но ни одному из орков еще никогда не доводилось видеть *настолько* огромное животное — передняя и задняя часть его туловища вместе были размером с повозку. Тварь молниеносно метнулась по потолку на своих длинных ногах, и Раммар увидел ядовитое жало гиганта, выдвинувшееся из задней части брюха для безжалостной атаки.

Раммар инстинктивно отпрянул, быстрее, чем этого можно было ожидать от орка его комплекции. Жало длиной в руку пронеслось на волосок от его носа. Раммар упал на пол и увидел, как паук быстро передвигается на своих восьми ногах; он еще раз обернулся вокруг своей оси, чтобы предпринять новую атаку.

— Осторожно, Раммар! — прорычал Бальбок и бросил копьё как раз в тот момент, когда задняя часть туловища паука дернулась вниз, к лежащему брату. Оснащенное крючьями копьё вонзилось прямо в один из восьми глаз, и Раммара забрызгало желчеобразной массой. Пауцище снова промахнулось, поскольку отпрянул назад. В следующий миг худощавый Бальбок оказался рядом с братом, держа в лапах секиру, и, расставив ноги, встал над Раммаром.

— Назад! Назад, жалкая тварь! — крикнул он, поднимая топор на паука, который, в свою очередь, атаковал его жалом. Когда и эта попытка не увенчалась успехом, чудовище попыталось достать орка жвалами; ими легко можно было оттяпать орку лапу, а то и голову.

По-пластунски Раммар отполз на безопасное расстояние и выбрался из пещеры; удивительно, но дождь внезапно перестал ему мешать.

Бальбок решился на отчаянную атаку, и он лишил паука-монстра еще одного глаза, когда лезвие орочьей секиры полоснуло по передней части туловища паука. Яростно зашипев, гигант бросился на орка, чтобы похоронить его под своим весом, а тело расчленил жвалами.

Но Бальбок ускользнул от паука, быстро отскочив назад и при этом нанеся еще один удар секирой. Лезвие попало на одно из щупалец, не причинив никакого вреда. Раздался только скрежет, как будто лезвие ударилось о камень. Долговязый тут же отпрыгнул назад, споткнулся, упал и с криком выкатился из пещеры.

Он оказался под проливным дождем, рядом с Раммаром. У брата в лапах был *сапарак*, но он не мог заставить себя вступить в битву.

С громким шипением паук выбрался из пещеры на своих восьми лапах. При этом ему пришлось буквально протискиваться через узкий вход. Сначала показались два щупальца, потом две ноги, потом еще две, потом передняя и задняя часть туловища, а потом паук вытянул две оставшиеся ноги.

Мерцающие в небе вспышки осветили монстра, и в то время как Раммар в ужасе застыл, Бальбок с громким воинственным кличем бросился на чудовище. Размахивая секирой, которую он держал в обеих лапах, орк атаковал паука, с шипением отпрянувшего назад. Но уже в следующий миг гигантское животное перешло в контратаку и кольнуло жалом.

На этот раз Бальбок был обязан жизнью только своим врожденным инстинктам. Он снова ударил секирой — и на этот раз острое лезвие глубоко вонзилось в заднюю часть тела монстра, после чего на орка вылилась волна дурно пахнущей жидкости.

Она натекла Бальбоку в глаза, из-за чего он на некоторое время ослеп. Зато услышал боевой клич брата, наконец-то бросившегося к нему на помощь. Держа *сапарак* как можно дальше от лезвия, направив острие вверх, Раммар поднял его для *кро-бухга*, смертельного удара, и бросился вперед. Но, выбросив вперед одну из псевдоподий, паук отклонил *сапарак* в сторону и испортил блестящий выпад, и орк изо всех сил вонзил копьё в одну из ног паука.

Запишав, животное встало на дыбы и, пытаясь ужалить Бальбока, ударило Раммара одной из своих ног. От удара орк перевернулся в воздухе и грянулся о стену ущелья. Раздался гулкий звук; если бы на орке не было шлема, то сила твари размозжила бы ему череп. Толстяк скользнул вниз по стене и остался лежать, совершенно небоеспособный.

Бальбок был удивлен, когда ядовитое жало внезапно отстранилось от него. Но облегчение сменилось ужасом, когда он увидел, на кого теперь нацелился паук. Монстр переступил через него на своих длинных лапах и зашагал к Раммару, который потерял копьё и не мог обороняться. Орк сидел оглушенный, прислонившись к скале.

Издав вопль ярости, Бальбок понесся вслед за пауком, размахивая секирой. Он попал по одной из задних лап прямо под туловищем, и острое лезвие аккуратно отрезало монстру ногу. Отрубленная конечность брызнула вонючей кровью, смешавшейся с дождевой водой. Все больше воды, стекавшей по отвесным стенам ущелья, собиралось на дне. Там уже образовалась небольшая река, в которую брызгала кровь чудовища.

Но если Бальбок полагал, что теперь паук отстанет от его брата, то он здорово ошибался. Гигантское животное упорно продолжало ползти к Раммару, который только что снова пришел в себя и теперь тарасился на семиногую смерть.

Бальбок в отчаянии наблюдал за тем, как тело паука поднялось над Раммаром, и, несмотря на шум ливня и раскаты грома, Бальбок слышал отчаянные крики брата, звавшего на помощь.

Что же делать?

Так же внезапно, как внезапно освещает небо молния, на Бальбока снизошло озарение. Разве не говорил колдун, что его штандарт защищает от опасностей? Что нужно только показать его врагам, и они в страхе разбегутся?

Другого выхода Бальбок не видел. По щиколотку в воде, он помчался на другую сторону ущелья, где находился вход в пещеру и где он бросил штандарт.

— Бальбок! — услышал он крик брата. — Жалкий трус! Не бросай меня!..

Но Бальбок не слушал. Он ворвался в пещеру и схватил палку с шаром на конце. А затем вместе с ней ринулся через вздувшийся поток воды к месту битвы, где паук уже готовил Раммару смертельный удар.

Бальбок увидел, как ядовитое жало, задрожав, замерло над круглым животом брата. Раммар заорал, он не мог увернуться от паучьих лап, которые решеткой стояли вокруг него, а у Бальбока не было возможности добежать до него. Кроме того, вода поднималась все выше и выше. Если ядовитое жало чудовища не убьет Раммара, то он утонет в этой клетке из мохнатых конечностей чудовища.

— Эй, ты! — заорал Бальбок, пытаясь перекрыть шум дождя и грома. — Эй, ты! — крикнул он снова, когда паучище не отреагировал. — Эй, сюда смотри! — Он размахивал штандартом, пытаясь привлечь к себе внимание паука. — А ну, смотри на меня, когда я с тобой разговариваю!

Наконец паук сделал ему одолжение. Бальбок проглотил охватившее его при этом неприятное чувство.

— Сюда смотри! — крикнул он в приступе отчаяния и ткнул штандартом в направлении паука. Но если он думал, что при виде шара паук в панике бросится наутек, то он жестоко ошибался.

Чудовище только засопело — по крайней мере Бальбок принял звук этот за сопение — и плюнуло в него вязкой желчью. Внезапно он весь оказался покрыт вонючим секретом, который в следующий миг затвердел. Это было тайное оружие паука — слюной он обездвиживал жертву, а ядовитым жалом убивал.

Бальбок посмотрел на штандарт, испуганный и растерянный из-за того, что тот не оказал обещанного Рураком эффекта. Он беспомощно поднял тяжелый предмет вверх, а паук тем временем полз к нему, неотступно приближаясь, не с молниеносной быстротой, как раньше, но медленно и осторожно — то было высокомерие охотника, полагающего, что теперь жертва от него не уйдет.

Бальбок стоял под проливным дождем, вспышки молний озаряли стены каньона, а вода все поднималась и поднималась. Орк был уверен, что настал его смертный час, когда произошло кое-что неожиданное.

Внезапно шар на штандарте наполнился загадочным свечением — и в следующий миг из него вылетел луч, которого прежде не видели ни Раммар, ни Бальбок. Он состоял не из света, а из его прямой противоположности: густая тьма покинула шар, казалось, поглотив весь свет вокруг, а в следующий миг она окутала паука. То, что случилось потом, было настолько невероятно, что Бальбок и Раммар не могли толком сказать, что, собственно, произошло.

Темный луч окутал паука, и Бальбок и Раммар, словно замороженные, смотрели, как чудовище поднялось на своих лапах и словно взбесилось, окруженное черными-пречерными молниями, державшими его, словно в кулаке. При этом паук шипел, плевался желчью и, казалось, сражался с невидимым противником. Но противник этот состоял исключительно из тьмы, поглощавшей чудовище.

Хотя от луча не исходило тепло, а любой огонь под таким проливным дождем погас бы немедленно, щетина на задней части туловища и семи оставшихся лапах была опалена. Затем ноги подломились, словно трухлявое дерево, а массивное тело в несколько мгновений превратилось в черную булькающую массу.

Так же внезапно, как и появился, луч из тьмы исчез, оставив в качестве напоминания дымящиеся останки паучины.

Когда на почерневшее существо попадал дождь, раздавалось шипение. Бальбок хотел было осторожно приблизиться к монстру, когда он еще раз поднялся, чтобы снова рухнуть с отвратительным треском. Река, образовавшаяся на дне ущелья, заклокотала вокруг труп, который развалился на части и, подхваченный течением, поплыл в бурлящем потоке.

— Теперь ты знаешь, что бывает, когда нападаешь на столь мужественных воинов, как мы! — проворчал Раммар, поднимаясь на ноги и угрожая останкам паука поднятым кулаком. — И не показывайся мне больше на глаза, понял?

— Знаешь что, Раммар, — протянул Бальбок, глядя на штандарт со смесью удивления и испуга, — у меня такое чувство, что мы и впрямь больше никогда не увидим этого паука.

Мокрые до нитки, грязные, сплошь израненные, стоя по колено в воде, орки посмотрели друг на друга — чтобы в следующий миг разразиться громким смехом. Они с хрюканьем и визгами выдыхали скопившееся напряжение и испуг и с облегчением ощущали себя живыми. Редкий случай братского единодушия.

6. Богаш-хгул'хай

На следующий день после битвы с пауцищем орки добрались до северной оконечности Черногорья.

На мгновение они застыли при выходе из лабиринта ущелий, именуемого среди орков внутренностями Торги. Ни один из братьев еще никогда не забирался так далеко на север, поэтому вид, открывшийся путникам, произвел на их заскорузлые души сильное впечатление: насколько хватало глаз, простиралась скудная болотистая местность.

— А я-то думал, где-нибудь здесь будет трактир, где мы сможем получить хороший орочий засоритель желудка, — разочарованно сказал Бальбок.

— Можешь засунуть себе свой засоритель желудка знаешь куда, — раздраженно заметил Раммар. — Отсюда — и до гор Северного вала нет ничего, кроме непроходимых болот. Здесь почти ничего не растет, только голые деревья и мох; нас подстерегает

множество опасностей, мы постоянно должны быть начеку...

Как оказалось, описание Раммара было абсолютно точным, потому что местность, простиравшаяся по ту сторону Черногорья, была действительно самым унылым клочком земли, который когда-либо доводилось видеть Бальбоку. Деревья, поднимавшиеся из бурой болотистой почвы, походили на скелеты, тянувшие свои конечности навстречу серому небу, и только кое-где кустики травы или темный мох были словно островки посреди булькающей трясины. Путников подстерегали опасные окна, которыми болота были утыканы точно так же, как *асар* орка — фурункулами. Здесь очень легко было заблудиться, поскольку солнце пряталось за плотным слоем облаков.

А еще здесь был туман.

Вездесущий густой туман, из-за которого видеть можно только на расстоянии полета камня. Холодом и вязкостью окутывал он легкие, при дыхании создавая в груди орков звуки, похожее на скрип заржавевшей кольчуги; а они шли все дальше и дальше, надеясь, что пока еще не заблудились.

Время от времени раздавались жуткие звуки: то плеск, то бульканье. Хотя это и не бросалось в глаза, болото кишело живностью, которая вряд ли радовалась незваным гостям. Некогда в этой ужасной местности жили гномы, и, если бы все было так, как хотелось Раммару, этот порядок вещей не изменился бы и по сей день, потому что зеленокожим очень подходила эта безрадостная болотистая местность, а вот оркам — ни капельки!

— Как будто мало того, что гномы живут в наших горах, — недовольно пробормотал Раммар, тупо переставляя ноги одну за другой. — А теперь еще двум отважным оркам приходится брести по мерзкой клоаке, в которой когда-то жили зеленомордые!

К вечеру братья нашли место для лагеря, поскольку было в принципе все равно, где остановиться, — пещеры или какого-нибудь другого укрытия не было и в помине. А даже если бы и было, то оно не защитило бы от влажного тумана и клейкого холода. Поэтому не оставалось ничего иного, кроме как поплотнее укутаться в плащи и спать сидя — искусство, которым владеет всякий орк. На дежурстве они сменяли друг друга; ведь в конце концов им не хотелось, проснувшись утром, обнаружить собственную голову у своих же ног или вообще всего себя целиком в желудке какого-нибудь чудовища...

О живущих в болотах тварях рассказывали в *больбоуге* всякое: о болотных кобольдах и летающих рыбах, о гигантских скорпионах и змеях, о пиявках величиной со взрослого орка и червях. Что из этого соответствовало действительности, а что было плодом больного воображения, Раммар сказать не мог, потому что, сколько он себя помнил, никто из тех, кто уходил в болота, так и не вернулся. Утешало одно — за прошедшие дни они не встретили ни единого животного, вообще никого. И орк тешил себя надеждой, что так будет продолжаться и дальше. А вообще, если бы у него был выбор, ему и в голову никогда бы не пришло шляться по болотам.

Бальбок воспринимал действительность гораздо проще; с поклажей на спине и штандартом в лапах он просто топал за Раммаром. Беспокоиться он начинал только тогда, когда ему казалось, что из тумана вот-вот вынырнет враг; в таких случаях он останавливался, вонзал штандарт в трясины, вынимал из-за пояса секиру и, сузив глаза в щелочки, осматривался. До сих пор Бальбоковы опасения не оправдывались, и на поверку врагами оказывались чахлые деревца, торчащие во все стороны ветки которых он принимал за руки. Зато Раммар каждый раз, когда Бальбок останавливался и хватался за оружие, пугался не на шутку.

— Клянусь темной ямой Курула! — ругался он, когда Бальбок хватался за топор или начинал лихорадочно оглядываться по сторонам. — Ты прекратишь когда-нибудь? Пора уже понять, что мы здесь совершенно одни.

— Я кое-что слышал, — оправдывался Бальбок.

Раммар кивал.

— Я тоже.

— Честно?

— Конечно. Я постоянно что-то слышу. То плеснет что-то, то зашуршит. Но в основном я слышу чавкающие звуки твоих шагов по болоту и ужасающее урчание в собственном желудке, который свисает у меня до колен.

— Мой тоже урчит и свисает, — признал Бальбок. — Может быть, не стоило сразу съедать весь провиант.

— Чушь. Виноват в нашем несчастье один ты, потому что ничего больше нести не захотел. Если бы ты взял из кладовой Рурака побольше *байша*, у нас сейчас было бы достаточно еды и нам не пришлось бы терзаться от голода.

Бальбок не нашелся, что ответить, и удрученно уставился в землю. Его и без того длинное лицо вытянулось еще больше, уголки губ опустились.

— Этого еще не хватало! — застонал Раммар. — Опять корчишь из себя несчастного орка? Смотреть на тебя тошно. Оставайся здесь и предавайся грусти сколько угодно. А я пойду дальше и поищу что-нибудь съедобное. Должно же в этом болоте водиться что-то, что можно сжевать...

Бальбок услышал, как голос Раммара стих вдалеке, и поднял взгляд, чтобы с ужасом обнаружить, что брат исчез!

Как обычно, когда день начинал клониться к закату, туман сгустился. В это время он был особенно плотным и мрачным. От деревьев вокруг остались одни только силуэты, да и звуки, доносившиеся до ушей Бальбока были приглушенными.

— Р-раммар? — негромко позвал он. Собственный голос показался орку чужим и жутким в этом густом тумане, да и ответа он не получил.

— Раммар, ты еще здесь?

Бальбок прислушался, и на миг ему показалось, будто бы он услышал бормотание брата. Облегченно вздохнув, он бросился в том направлении. Ранец и штандарт он взял с собой, хотя они и мешали ему бежать, но если бы он их бросил, то ни за что не нашел бы потом в густом тумане.

— Подожди меня, Раммар! — кричал Бальбок. — Мне очень жаль, что я взял слишком мало провианта. Я помогу тебе что-нибудь поймать, чтобы мы...

И вдруг он увяз!

В густом тумане, покрывавшем землю, он сошел с твердой почвы и в следующий миг погрузился по колено в болото. Сапоги тут же промокли, а поскольку Бальбок, как многие орки, считал штаны гнусным изобретением мерзких людишек, то в следующий миг почувствовал, как в ногу впицась пиявка.

— Вот и ладно, — сказал он себе, превращая неприятность в удачу. — Напивайтесь до отвала, жалкие тварюки, увидите, что из этого выйдет. Остается только дожидаться, чтобы вы присосались как следует, а потом я всех вас отдеру и приготовлю нам с Раммаром из вас замечательный ужин...

Орк стоял и ухмылялся, игнорируя боль, причиняемую множеством впившихся в него ртов. Штандарт выпал у него из лап, когда он так внезапно провалился в болото; он лежал на краю окна, и был в безопасности. Бальбок настолько воодушевился своей идеей по поводу ужина из пиявок, что даже не заметил, как болото засасывает его все глубже и глубже. И только когда темная вода, поверхность которой напоминала зеркало, достала ему до пупа, он обнаружил, что тонет.

— Что за?..

Бальбок стал вертеться, хотел вытащить себя из болота, но не обнаружил ничего, за что можно было бы ухватиться. Впитаться когтями во влажный грунт не получалось. Спасение обещал только одинокий кустик травы. Бальбок покрепче вцепился в него и попытался вылезти из трясины. Но засасывавшая его жижа была слишком сильна, и вскоре спасительный пучок травы оказался в лапах у Бальбока, а сам он провалился еще глубже. Орк инстинктивно заработал лапами и ногами, но только ускорил свое погружение.

— Раммар! — выкрикнул он в туман имя брата. — Раммар, помоги мне!

Но на этот раз услышал только далекое эхо.

Бальбок начал подозревать, что совершил ошибку. На пиявок, которые уже десятками сосали его кровь, внимания он не обращал. Главной проблемой была трясина. Если ему не удастся выбраться, то вскоре он утонет. Вода уже доходила ему до груди, и чем большая часть его оказывалась под водой, тем скорее, казалось, он погружался. Орк предпринял еще одну отчаянную попытку ухватиться за плотную почву, но соскользнул и провалился еще глубже. Гнилая вода доходила ему до подбородка и подбиралась к ушам.

Долговязого охватила паника, и он стал сильнее работать лапами, отчаянно пытаясь найти под ногами опору. Но там не было ничего. Болото беспощадно поглотит его и больше не отпустит.

— Раммар, помоги мне! Раммар!..

Бальбок звал скорее по привычке, чем в надежде на то, что брат действительно придет на помощь. Даже если бы Раммар услышал его крики, он просто не нашел бы его в этом густом тумане. Бальбок приготовился к ужасному, отвратительному концу.

Его крик перешел в клочкотание, когда рот его оказался под водой. Орк бросил еще один полный отчаяния взгляд на край окна, где лежал штандарт колдуна, а затем его поглотило болото. Последнее, что осталось торчать на поверхности — его поднятые в поисках опоры лапы...

Внезапно — Бальбок не понял, что произошло, — кто-то схватил его за лапу и потянул изо всех сил.

Бальбок лихорадочно вдохнул, и облечение его не знало границ, когда он увидел Раммара, стоявшего на краю окна. Брат, уперев пятки в мягкую землю, пытался вытащить Бальбока.

— Раммар...

— Я здесь. Я тебя спасу.

Сжав зубы и стараясь во всю мочь, Раммар и вправду смог освободить Бальбока из ледяных объятий топкой жижи. Худощавый орк, пыхтя, лежал на берегу, совершенно грязный, мокрый и не помнящий себя от счастья.

— Раммар, — прохрипел он, — я этого тебе никогда не забуду...

— Ну ладно, ладно. — Раммар обнажил желтые зубы, что в исполнении орка должно бы означать улыбку. — Зачем же еще нужны друзья, а?

— Друзья? — Бальбок ответил на оскал. — Мы — братья, Раммар, и я по-настоящему горжусь тем, что у меня есть такой брат, как ты. Уж можешь мне поверить.

— Конечно, — кивнул Раммар, и на лице его промелькнуло странное выражение. — Братья.

— Знаешь, — сказал Бальбок, — когда ты недавно вот так просто ушел, я подумал, что никогда больше тебя не увижу, потому что я... я... — Бальбок засмутился. Охотнее всего он обнял бы брата и прижал его к сердцу, как обычно делают люди, но оркам такое не пристало. А сказать кому-нибудь, что он тебе нравится, считается в их среде несказанной обидой.

Поэтому смущению Бальбока не было предела, когда брат снова оскалился и сказал:

— Я знаю, брат. Я тоже вполне могу тебя терпеть...

Тем временем Раммар уверенно шел вперед.

— Этот придурочный орк! Неудачник! — негромко бурчал он себе под нос. — С меня хватит! Почему мой брат должен быть таким *умбалом*? Почему я наказан за то, что выбрался из того же чрева? С меня довольно его глупой физиономии, с меня довольно того, что он повсюду за мной таскается. Такой брат меня только позорит. Неудивительно, что нас вышвырнули из *больбоуга*...

Сопя от злости, Раммар прекратил свою тираду и обернулся, чтобы грозно взглянуть на брата, шедшего в нескольких шагах позади него, — но Бальбока не было! Вокруг не было ничего, кроме густого тумана, в котором терялись следы, оставленные Раммаром на болотистой почве.

— Б-бальбок?

Раммару показалось, что его собственный голос звучит как-то жутковато, а еще ему показалось, что голые деревья, схематично вырисовывавшиеся в тумане, выглядят довольно угрожающе. Он инстинктивно снял со спины *сапарак* и обхватил оружие обеими лапами.

— Бальбок, ты куда спрятался?

Буквально секунду назад Раммару хотелось, чтобы брат оказался на другом конце света — а теперь, когда долговязый действительно пропал, все изменилось. Перспектива остаться одному среди болот совершенно не прельщала Раммара. Орк испуганно огляделся — но тут ему пришло в голову объяснение загадочного исчезновения Бальбока, и ухмылка осветила орочье лицо.

— Бальбок, — громко сказал он, — прекрати немедленно прятаться. Я совершенно точно знаю, что ты где-то здесь, так что давай, выходи. Так ты меня не напугаешь. — Раммар в ожидании огляделся, но в поле зрения ничто не шелохнулось.

— Ну, выходи уже! — крикнул приземистый орк. — Обещаю больше не ругаться, хотя ты это и заслужил!

И снова никакого ответа. Раммару стало не по себе, и он вновь попытался прогнать страх, как следует разъярившись.

— Может быть, — сказал он сам себе, — этот *умбал* упал где-нибудь по дороге в окно и самым жалким образом утоп. И поделом ему, за дурость.

Шумно сопя, как и полагается яростному орку, Раммар хотел продолжить свой путь, когда раздался тихий треск. Подняв *сапарак*, он стал им размахивать.

— Кто здесь?

В густом тумане ничего нельзя было разобрать, но он услышал чавкающие шаги по болоту. И в следующий миг в сером воздухе показалась худощавая фигура.

— Бальбок?..

Хотя Раммар скорее откусил бы себе язык, чем признался в этом, — он был рад, когда из тумана вынырнул худощавый орк, и перед ним возник Бальбок, на лице которого читалась смесь раскаяния и страха.

— Вот ты где. Где ты был? — строго спросил Раммар.

— Я... я спрятался, — тихо раздалось в ответ. — Я боялся тебя.

— И правильно — после всего того, что ты мне сделал! — Раммар сжал лапы в кулаки. — Не забывай — я все еще старший из нас двоих. И почему я не прибил тебя давным-давно — не знаю, но если ты еще раз попытаешься выставить меня дураком, то берегись, понял?

— Да, Раммар.

— Тогда идем дальше. Не знаю, почему, но эта местность мне не нравится. Поищем место для ночлега где-нибудь подальше — а в качестве наказания за свое дурацкое поведение ты первым будешь стоять на страже. И что ты себе думал, а?

Раммар двинулся вперед, уверенный, что Бальбок тащится следом. Но когда он опять не получил ответа, а вместо этого услышал странное шлепанье и чавканье, обернулся и ужаснулся — как будто перед ним был сам Курул во плоти.

Бальбок снова исчез.

Там, где только что был долговязый, стояло существо, рожденное, должно быть, самым жутким кошмаром — огромное, опасное, с раскрытым беззубым ртом и слизистой, похожей на тину кожей.

— *Хгул*, — прошептал Раммар.

— Тебе помочь? — заботливо спросил Раммар брата, сидевшего на корточках и отрыгивавшего пиявок. От своих намерений приготовить из них ужин Бальбок отказался; весь аппетит куда-то пропал. И тем не менее он время от времени засовывал одну-две насосавшихся крови пиявок между зубами, чтобы восполнить потерю крови.

— Я уже почти закончил, — ответил он и тут же втянул голову в плечи в ожидании вспышки гнева, который вот-вот снова должен был грянуть. Мысленно худой орк уже

слышал новую порцию брани: это он — Бальбок — виноват во всех их неудачах, и это он — Раммар — не желает больше ждать, и им пора отправляться. Как обычно бывает, когда Раммар сердится, у него надуваются жилы на лбу, ноздри раздуваются и...

К безграничному удивлению Бальбока, Раммар понимающе произнес:

— Не торопись, я подожду.

Бальбок смутился, но кивнул и поднялся. Потом с прищуром посмотрел на Раммара, потому что заподозрил неладное.

Раммар был его братом. Они выросли вместе, многое делали вместе — оскальпировали первого гнома, впервые напились кровавого пива, убили первого тролля. Но за все эти годы Раммар ни разу не был приветливым и понимающим.

Бальбок посмотрел на собеседника в упор.

— Ты не Раммар, правда? — спросил он.

— Что?

— Ты не Раммар! — повторил Бальбок, на этот раз абсолютно уверенный в своих словах, потому что настоящий Раммар давным-давно выбрал бы его за этот дурацкий вопрос.

Собеседник ответил ему язвительным смехом, и внезапно внешность его начала меняться. Знакомое лицо Раммара исчезло, а под ним оказалась грязно-коричневая морда, на которой не осталось ничего орочьего — да и вообще ничего: два глаза смотрели на мир с потерявшего очертания лица, казалось, слепленного из мокрой глины и постоянно изменяющегося. У существа был широко раскрытый беззубый рот, но Бальбок не сомневался в том, что этот беззубый рот может проглотить его со всеми потрохами. Весь облик существа, как и лицо, постоянно трансформировался; с длинных рук капала тина, чтобы тут же смешаться с болотной жижей, а по ногам поднималась очередная порция, чтобы тут же слиться с телом существа.

Хотя Бальбоку никогда не доводилось видеть подобных уродов, он понял, с чем столкнулся. С гулем!

Гули, также именуемые духами болот, были необычайно опасны, хотя не являлись духами в прямом смысле этого слова. То были ужасные создания, потому что обладали способностью к превращению и изменению своей внешности по своему желанию. Ни в одной из войн прошлого гули не становились ни на одну из сторон; они жили глубоко в болотах и интересовались только собой. Путник, попавший в их лапы, был обречен...

— Молот Наркода! — вырвалось у Бальбока, и орк схватился за топор, когда руки противника превратились в щупальца. Гуль не стал ждать и напал на Бальбока, поднявшего оружие, чтобы отразить атаку. Одно из щупалец обхватило топор и попыталось вырвать его у Бальбока, второе нанесло болезненный удар, от которого лопнула толстая орочья кожа.

Бальбок упрямо тянул свою секиру, и ему удалось вернуть ее. Издав злобное рычание, жуткое создание снова выбросило вперед длинные руки, на этот раз целясь Бальбоку в шею, и орку пришлось пригнуться, чтобы удар не снес ему голову с плеч. Затем он прыгнул вперед, и орку удалось провести удар, направленный в незащищенную грудь гуля.

Бальбок был уверен в том, что бой на этом закончится, но там, где только что была грудь гуля, внезапно не оказалось ничего — в центре тела существа зияла дыра, и топор Бальбока рассек пустоту!

Орк издал удивленный возглас, а гуль злорадно рассмеялся. С обеих сторон, словно плети, взметнулись лапы, но Бальбок молниеносно упал на землю, и выпад его не настиг. Долговязый бросался из стороны в сторону, размахивая топором, и ему удалось отсечь одно из щупалец.

Гуль печально завыл, когда потерял часть тела — и к вящей радости Бальбока новое щупальце не отросло. Похоже, потерянный кусок был чересчур велик, чтобы болотное чудовище могло его просто нарастить, и орк понял, что может победить, если только ему удастся тяжело ранить гуля. Урод не кровоточил и, похоже, не испытывал боли, но непобедимым не был.

— Ну, погоди! — прорычал Бальбок, размахивая смертоносной секирой. — Я тебя научу связываться с орками! Разрублю тебя на кусочки, если понадобится. Иди сюда!

К сожалению, гуль воспринял его слова буквально и снова атаковал. С головокружительной скоростью исчадие трясины бросилось к нему, исполнило обрубком руки финт, причем тина, описав полукруг, полетела на Бальбока, угодив в глаза. Пока орк лихорадочно вытирался, уцелевшая рука-щупальце метнулась вперед и обвилась вокруг Бальбоковой шеи. Она затягивалась, словно удавка, и в мгновение ока Бальбок начал задыхаться.

Воинственный клич замер у него на губах, превратившись в жалкий хрип, а сам орк тем временем отчаянно пытался разорвать удушающую хватку гуля. Вонзив когти в состоящее из тины щупальце, он занес секиру. Но удары его не находили цели, они были слишком поспешны, чтобы представлять опасность для гуля, и с каждым мигмом они становились все более вялыми и слабыми.

Напрасно пытался Бальбок сделать хоть маленький вдох. Перед глазами его уже плясали черные круги, и он снова заподозрил, что конец его близок.

Ему стало жаль, что он не сделал в своей жизни ничего, чем действительно стоило бы гордиться. Когда он был совсем молодым орком, он мечтал о том, чтобы стать великим и могучим воином, а вместо этого останется в памяти как один из *умбал'хай*, которые были настолько глупы, что не смогли вернуть в *больбоуг* украденную голову предводителя своры.

Бальбок понял, что сможет продержаться недолго. Он еще раз взмахнул секирой, а потом силы оставили его. Оружие вывалилось из его лапы и ухнуло в болото, а вслед за ним рухнул его хозяин, который был уже не в силах держаться на ногах. Бальбок грузно опустился на землю, понимая, что бой окончен.

Гуль снова трансформировался. Его ноги и тело слились в кашеобразную массу, разлившуюся на поверженного врага. Остались только верхняя часть туловища с рукой-щупальцем и голова.

Бальбок почувствовал живую тину на своей коже, невольно вспомнил о пиявках, которым он позволил сосать свою кровь. Тогда он наивно полагал, что стоит на вершине пищевой цепи. Как оказалось, это было ошибкой: гуль всосет в себя его плоть и внутренности, так что в конце концов от него останутся одни только косточки.

Бальбок, собрав остатки сил, сделал отчаянную попытку защититься, но гуль обвился вокруг него уже до половины, и бой был окончен.

По крайней мере, так думал Бальбок.

И тут из грудной клетки гуля выглянул наконецник *сапарака*. Болотный дух тут же выпустил орка из своих тинистых объятий, и, пока он трансформировался, сердито шипя, Бальбоку удалось окончательно освободиться.

Он повел лапой в поисках секиры, ухватился за рукоять и тут же пустил ее в ход. Вертикальный удар, который он нанес гулю, рассек его пополам, и шипение внезапно стало доноситься из двух горл одновременно. Гуль развалился на две половинки и, еще не долетев до земли, превратился в тину и плюхнулся в болото, моментально смешавшись с ним.

Бальбок увидел своего брата Раммара, стоявшего позади гуля и державшего копье обеими руками, с мрачной ухмылкой на лице.

— Раммар! — облегченно воскликнул Бальбок. — Как же я рад тебя видеть!

— Могу себе представить, — оскалившись, ответил тот. — Приди я на пару мгновений позже, то обнаружил бы одни твои обглоданные косточки. Пустоголовый дурак! Разве ты не знаешь, что гули опасны?

— Конечно, знаю, — заверил его Бальбок, с трудом поднимаясь на ноги. — Но он выглядел совсем как ты. У него было твое лицо, твоя одежда. Понимаешь, что я имею в виду?

Раммар раздраженно кивнул.

— А мне пришлось иметь дело с таким, который принял *твой* облик. Представляешь? Сразу два тебя! — Он покачал головой. — До сих пор я не верил, что гули могут принимать

любой облик, но, похоже, что это таки правда. С тобой все в порядке?

— Думаю, да.

— Ну, чего торчишь как пень? Собирай вещи и давай убираться отсюда. У меня нет ни малейшего желания встретиться с еще одной подобной тварью.

Бальбок кивнул и хотел уже поднять поклажу с земли, когда в голову ему пришла беспокойная мысль.

— Раммар? — спросил он.

— Да?

— Если это правда, что гули способны принимать любую форму...

— Да?

— ...тогда ты тоже можешь быть одним из них, разве не так? — Бальбок угрожающе поднял секиру. — Ведь одному же удалось обмануть меня. Да и тебя тоже.

— Это что еще за чушь? — вскипел Раммар. — Ты, жалкий, безмозглый идиот! Ты что, брата родного не узнаешь, *умбал* ты этакий? — Вены на лбу его вздулись, ноздри затрепетали. — Мне что, череп тебе размозжить, чтобы доказать тебе, что я это я?

— Нет, — ответил Бальбок, широко ухмыляясь и опуская секиру, — не нужно этого. Теперь я знаю, что ты — настоящий Раммар.

— Вот как? И откуда ты это узнал?

— Потому что ты меня ругаешь. Другой Раммар вел себя довольно странно. Слишком приветливый был и милый, а ты вечно в плохом настроении и ужасно ко мне относишься.

— Вот как, вот как... — Раммар польщено ухмыльнулся, обнажив желтые зубы. Для орка лучший комплимент — назвать его злым и отвратительным.

Бальбок забросил за спину ранец и, подняв полевое знамя Рурака и слегка отряхнув его от грязи, приготовился выступать.

— Еще один вопрос, — сказа он, когда Раммар уже собрался идти.

— Ну, что еще?

— Ты сказал, что гуль, с которым тебе пришлось иметь дело, выглядел совсем как я...

— Да, и что?

— Как ты понял, что это не тот Бальбок?

В ухмылке Раммара появилось что-то волчье.

— А кто говорит, что я это понял? — удовлетворенно ответил он. — Этот парень выглядел совсем как ты и уже только поэтому действовал мне на нервы — вот я его и прибил...

Скука.

Именно это слово наилучшим образом описывало состояние Аланны.

Запертая между каменными стенами, пленница вечного льда, — дни казались ей бесконечными, наполненными ритуалами, давно потерявшими свой изначальный смысл.

Время...

В этом месте, на краю света, это слово ничего не значило; оно текло так медленно — точь-в-точь как кровь в теле Аланны.

Иногда, когда она просыпалась, у нее возникало чувство, будто сердце ее перестало биться. Тогда она представляла себе, что жизнь ее окончена, что она начала свой путь к Вечным Берегам и по ту сторону туманов смертного мира ее ждет вечная радость.

Заминка была в одном — так быстро Аланна умереть не могла. Она была эльфийкой. И она была обречена вечно влачить рутинное существование.

День за днем.

Год за годом.

Десятилетия.

Столетия...

Было время, когда Аланна была счастлива принадлежать к касте Шакары и быть одной из тех, кто избран нести тайну в будущее. По летоисчислению смертных, это было более

трех сотен лет назад — три сотни лет, когда Аланна не делала ничего, кроме как проводила древние церемонии и ритуалы и хранила память.

Но зачем?

И для кого?

Чем больше задумывалась над этим Аланна, тем сложнее становилось отвечать на эти вопросы. Вначале, только появившись в храме, она была уверена в том, что выполняет важную задачу во имя благополучия народов *амбера* — как называли эльфы Землемирье.

Но по прошествии первого столетия пришли сомнения. Действительно ли есть смысл в ее действиях? Пророчество, произнесенное много сотен лет назад, не исполнилось. А Аланне так хотелось встретиться с кем-то, в чьем лице должно было исполниться предсказание.

Она проводила дни, сидя у окна и глядя на вечные льды, как и теперь. Но отличие от прошедших лет состояло в том, что она перестала верить в то, что пророчество вообще когда-либо сбудется и Белая пустыня принесет того, кто объединит народы *амбера* и начнет новую эпоху.

Никто не говорил об этом вслух, но Аланна была не единственной, кто утратил веру. Раньше Высокий Совет Эльфов каждый месяц посылал делегацию на север, чтобы выяснить положение вещей. Но в последние десятилетия посланники в храм приходили все реже, и было ясно, что это означает: даже старейшины не рассчитывали на то, что пророчество когда-либо исполнится. Они обратили свой взгляд на юг, к морю, по другую сторону волн и валов, где, как они знали, находились Дальние Берега. Там сосредоточились и смысл, и уверенность, в то время как мир смертных все больше погружался в хаос. Эльфийский народ чувствовал, что время его подходит к концу, и каждый готовился к последнему путешествию. Множество кораблей покинули гавань Тиргас Дуна и пустились в плавание, чтобы вернуть эльфов туда, где когда-то все начиналось.

Аланна тоже испытывала в глубине души желание покинуть *амбер*. Но, в отличие от остальных представителей ее народа, она была обречена терпеливо ждать исполнения лживого пророчества.

Эльфийка отвернулась от окна, когда в покои вошла ее служанка, почтительно склонив голову, как в каждый из множества этих бесконечных дней.

— Госпожа, — тихо сказала она, — все готово. Священнослужители ждут вас.

— Конечно. — Аланна обреченно вздохнула. — Верховная священнослужительница храма Шакары должна присутствовать на церемонии. Как всегда.

Служанка подняла голову и обеспокоенно поглядела на свою повелительницу.

— Что-то не так, госпожа? — поинтересовалась она. — Вам нездоровится?

— Ничего, — криво улыбнулась Аланна. — Я чувствую себя великолепно.

А в мыслях снова появилось слово, столь точно передающее ее состояние.

Скука...

7. Фойзахг'хай анн иодашу

На шестой день марша по болотам орки добрались до Северного вала.

Утром по ту сторону стены тумана проступили нечеткие очертания величественных гор, и казалось, братьям нужно пройти всего лишь несколько миль, чтобы добраться до них. Но потребовался еще целый день, пока мягкая топь под ногами не сменилась твердой скалой, а туман наконец-то не исчез. Среди болот торчали кое-где чахлые деревца и одинокие пучки травы, но здесь вообще ничего не росло. Северный вал представлял собой границу между Южной и Северной областями Землемирья. По другую его сторону простиралась Белая пустыня, там были только снега и льды, и даже здесь отчетливо чувствовался холод.

Но вздрагивали орки не только от близости льдов. Они в молчании глядели на серую скалистую стену, вздымавшуюся перед ними почти вертикально и терявшуюся в дымке высоко над их головами. Северный вал вполне соответствовал своему названию.

— Пламя Курула! — простонал Бальбок. — И как нам через него перебираться? Есть

тропа на другую сторону?

— Наверняка есть, — раздраженно проворчал Раммар, — но я понятия не имею, где ее искать, и искать ее кажется мне делом совершенно бесперспективным. Было бы лучше, если бы колдун дал нам карту местности вместо этого треклятого штандарта. Нам не остается ничего другого, кроме как повернуть назад.

— Повернуть? — Бальбок смотрел на брата широко раскрытыми от удивления глазами. — Но ведь это значит, что мы не получим голову Гиргаса. А если мы не получим голову Гиргаса, то лучше никогда больше не показываться в *больбоуге*.

— Поздравляю, ты наконец-то понял это! — угрюмо кивнул Раммар.

— Но... Я так не хочу. Я хочу выполнить поручение колдуна. И чтобы он отдал нам голову Гиргаса, а мы могли вернуться... И если для этого нужно вскарабкаться на эту гору, то... — Бальбок поднял голову и посмотрел на отвесную стену, — ...я сделаю это.

— Тупорылый недоумок! — засопел Раммар. — У меня нет ни малейшего желания рисковать своей башкой непонятно зачем.

— Что ты имеешь в виду?

— Ты никогда не задавался вопросом, почему колдун просто-напросто не пошлет на север своих гномов, чтобы они принесли ему карту?

— Очень просто, — уверенным голосом ответил Бальбок. — Потому что мы, орки, лучше и храбрее, вот почему.

— Чушь! Этот парень нас обманывает! Мы должны таскать из огня каштаны, а он тем временем сидит в своей безопасной крепости и ждет нашего возвращения. Терять ему при этом нечего. Если нам все удастся, то он получит то, что хотел; а если нам не повезет, ему от этого ни холодно ни жарко. Единственные, кому здесь есть, что терять, это мы — потому что кто тебе сказал, что колдун сдержит слово, когда мы передадим ему карту Шакары?

— Он обещал.

— Ты же прекрасно знаешь, что нельзя доверять обещаниям. Орочьим. А человеческим и колдунным и подавно. С тех пор как мы вышли из крепости Рурака, мы едва не погибли, рухнув со скалы, нас чуть было не сожрал гигантский паук, нас почти поглотили болота и нами едва не пообедал гуль.

— И что?

— Я хочу сказать, что, продолжая двигаться дальше, мы подписываем себе смертный приговор, — пояснил Раммар. — До сих пор нам везло, но везение не может продолжаться вечно. Если же мы уберемся подобру-поздорову, то достигнем Восточных земель прежде, чем Грайшак начнет на нас охоту.

— Ты хочешь бежать? — Бальбок ничего не понимал. — Просто смыться, как последний трус?

— Я хочу выжить, — пояснил Раммар в более мягкой форме, — и восток для этого — самая лучшая возможность. Там люди воюют друг с другом. Говорят, в их наемные войска принимают любого, кто умеет держать в руках оружие и сражаться. Так почему бы им не принять двух отверженных орков?

— Не знаю...

— Тут и думать нечего, — убежденно проговорил Раммар. — Если мы попытаемся взобраться на Северный вал, то велика вероятность, что при этом сломаем себе шеи. И даже если нам будет так же везти и дальше и мы успешно переберемся на ту сторону, то потеряем слишком много времени. До полного кровавля мы должны вернуться в *больбоуг*. Один только переход через Северный вал займет десять дней, я уже молчу о марше через Белую пустыню. Не хватит времени. Путь через болота продлился дольше, чем я предполагал. Мы не сможем добраться до *больбоуга* вовремя.

— Но ведь мы должны хотя бы попытаться...

— Зачем? Даже если мы переберемся через горы, на другой стороне нас будут ждать варвары и Белая пустыня. Я уже не говорю об эльфах храма Шакары.

— Грайшаку это не понравится, — заметил Бальбок.

— Знаешь что? Меня ни *шнорша* не волнует, понравится это Грайшаку или нет. Это ведь не он тут рискует жизнью. Это мы, и у меня не осталось никакого желания продолжать этим заниматься. Сам пускай добывает чертов череп Гиргаса, если это так уж для него важно! А я больше не хочу!

Раммар решительно отвернулся и собрался уходить, сопя от ярости. И тут Бальбок обнаружил кое-что, лежащее между скал прямо у него под ногами. Это был маленький металлический предмет, в котором отражался свет заходящего солнца. Бальбок озадаченно схватил его и поднес к глазам — и его неожиданно накрыл новый всплеск надежды.

— Раммар! — крикнул он вслед своему брату.

— Что еще?

— А если есть возможность найти тропу и быстро перебраться через горы?

— Тогда... тогда дело принимает другой оборот. Но такой возможности просто не существует.

— А ты уверен? — Бальбок поднял предмет, и он снова сверкнул в вечернем свете.

— Что у тебя там? — Раммар вернулся и вырвал предмет у него из лап. Это была маленькая гравированная серебряная пряжка. — Пламя Курула! — вырвалось у него. — Карлики носят такие штуки на сапогах.

— Похоже, будто ее совсем недавно отполировали, — заявил Бальбок. — Долго пролежать здесь она не могла.

— *Шнорш* ! — сплюнул Раммар. — Это означает, что карлики недалеко. Только этих жалких орконенавистников нам и не хватало. Еще одна причина сматываться побыстрее!

— Но, возможно, карлики знают дорогу, — произнес Бальбок.

— Ну и что? Ты хочешь пойти к ним и спросить?

— Нет, не то. Но можно пойти за ними. Может быть, они приведут нас к тропе.

— Может быть, а может и не быть! — шмыгнул носом Раммар. Действительно, карлики знали горы так же хорошо, как свои карманы. С другой стороны, перспектива свести близкое знакомство с карликами не приводила толстяка в восторг. — Не стану я рисковать своим *асаром* , — проворчал он, — только потому, что тебе опять приспичило строить из себя геро...

Тут брат прервал его на середине фразы.

— Там! — крикнул Бальбок, указывая на северо-восток, где среди грозно возвышающихся гор внезапно сверкнули оранжевые огни.

Костры...

— Это, должно быть, бородатые, — предположил Раммар. — Только карлики могут быть настолько глупы, чтобы разводить костер в таком месте, где его видно со всех сторон.

— Они что, не боятся привлечь внимание врагов?

— Конечно, боятся, но страх темноты еще сильнее, — криво усмехнулся Раммар. — Странное дело — хотя карлики тысячелетиями вгрызаются в камни и землю в поисках сокровищ, а темноты вот выносить не могут. Поэтому они всегда таскают с собой в туннели *фонари* . — Раммар использовал слово «фонари» из языка людей, поскольку в орочьем языке похожего не было.

— *Фонари* ? — удивленно и огорошено посмотрел на него Бальбок. — Ты имеешь в виду, что карлики не ходят просто в лес, чтобы...

Раммар сердито перебил его.

— *Умбал* ! Я говорю не об *отхожем месте* , а о *фонаре* ⁴ — это такая штука со свечой внутри.

— Да ну! А бывают такие штуки? — Изобретение карликов произвело на Бальбока впечатление.

⁴ Бальбок путает два немецких слова, которые звучат довольно похоже, — *Laterne* (фонарь) и *Latrine* (уборная, отхожее место). — *Примеч. перев.*

Раммар кивнул.

— Приспособление для вшивых *бог-ухг'хай*, которые слишком глупы для того, чтобы держать в лапах факел. Надо бы тебе обновить свои знания человеческого языка, братец. Никогда не помешает знать, о чем болтают между собой бородатые сморчки и вообще все молочноносые.⁵ Как хорошо, что у тебя есть я, потому что я великолепно говорю по-человечески.

— И что? — спросил Бальбок. — Что нам теперь делать?

Раммар призадумался. Конечно, можно было все бросить и бежать на восток. Но, с одной стороны, тогда напрасно все, чего они уже достигли, а, с другой стороны, перспектива быть наемником у людей тоже казалась не слишком привлекательной. Хотя Раммару не хотелось в этом признаваться, но что-то такое было в плане Бальбока — проследить за карликами. Ведь благодаря огню они узнали, где находится лагерь врага, и если подождать, пока наступит ночь, то можно приблизиться к нему, особо не подвергаясь опасности...

— Ну, хорошо, — согласился Раммар после некоторых колебаний. — Мы подкроемся и попробуем разведать, что замышляют бородатые сморчки. Если собираются переваливать через горы, то тайком пойдем за ними.

— Мы сделаем так, как я предложил? — Радости Бальбока не было предела.

— Вот еще! — пролаял Раммар. — Только не воображай ничего. Если эти карлики пойдут в другую сторону или возникнет опасность обнаружить себя, тогда твой дурацкий план провалится, и мы будем делать то, что я скажу. Дошло до твоих мозгов?

— Да, Раммар.

— Тогда мы сядем здесь и будем ждать. А как стемнеет — подкроемся к бородачам.

Добавить было нечего. Бальбок сел там, где стоял, радуясь тому, что может снять ранец и положить тяжелый штандарт. В животе заурчало, но он не осмелился обмолвиться об этом и словом, потому что иначе Раммар снова заведется, мол, он взял с собой слишком мало *байша*. Втайне Бальбок удивлялся тому, что Раммар не бранит его, хотя ведь тоже наверняка голодный. Но долговязый решил молчать. Древняя орочья мудрость гласит, что не стоит будить тролля, пока он спит.

Высота гор, смыкавшихся на западе со склонами Черногорья, сделала сумерки короткими, солнце быстро спряталось за пиками. Ярко-красная заря подожгла облака, а потом удлинившиеся тени слились с сумраком ночи.

Когда совсем стемнело, орки тронулись в путь. Похолодало, и орки набросили шерстяные накидки, грязно-серый цвет которых отлично маскировал их в темных скалах. С близких болот наползал туман, сделавший братьев совершенно невидимыми.

Трудностей с ориентированием у них не возникло; костры, похожие в тумане на расплывчатые островки света, указывали путь, а под конец орки даже слышали голоса: у одного из костров велась беседа — не на языке карликов, которого братья не понимали, а на языке людей с востока, известном каждому орку, поскольку в последней войне они сражались на одной стороне.

Чем ближе подбирались орки к вражескому лагерю, тем осторожнее они становились. За одним валуном Бальбок оставил поклажу и штандарт, и братья стали подкрадываться на четвереньках, а затем, когда достигли круга, освещенного костром, то и вовсе по-пластунски. Бесшумно, словно змеи, ползли они по холодной земле, пока не стали различать обрывки разговора, который велся там, у костра.

— ... вы себе только представьте. Если вас поймают остроухие, то казнят всех до единого. Не то чтобы мне это было важно, но в этом случае пропадет весь груз, чего я себе позволить не могу.

— Не беспокойся, — сказал другой, низкий, грудной голос, говоривший с акцентом карликов. — Нам известно, как обойти стражников на Северном валу. Товар будет доставлен

⁵ Нелестные орочьи обозначения карликов и людей.

вовремя, можешь на нас положиться.

— Я на это очень надеюсь — это в твоих же интересах. Варвары ждут товар через три дня. Как ты со своими людьми собираешься преодолеть горы за это время — для меня остается загадкой.

— Предоставь это нам. Моему народу известны пути, о которых твой народ даже не догадывается. Мы, не напрягаясь, успеем за два дня...

У костра сидели карлик и человек и болтали настолько громко, как будто находились в таверне перед горящим камином. Да и как им могло прийти в голову, что два орка притаились буквально на расстоянии вытянутой руки от них и ловят каждое слово?

Остальные сидящие у огня были карликами, на вид оборванцами с окладистыми бородами, в ржавых кольчугах. Они черпали из стоящих у огня открытых бочонков и молча наливались пивом, опрокидывая его в себя мятыми жестяными кружками. Бородачи угрюмо глядели в огонь, вспоминая, вероятно, лучшие времена.

Карлик, который вел переговоры с молочноносым, был, похоже, предводителем; он был немного крупнее и сложен покрепче остальных, а помятый шлем и царапины на кольчуге выдавали в нем бывалого рубаку. Мощная секира рядом с карликом Раммару совершенно не понравилась. Потертая рукоять и зазубренное лезвие со множеством царапин наводили на мысль, что она укоротила на целую голову не одного орка.

Человек, говоривший с карликом, был высоким, белокожим, с длинными светлыми волосами. Типичный выходец из Восточных земель. Судя по одежде — из зажиточных; вероятно, купец из какого-то приграничного города. А еще было очевидно, что они с карликами заключили сделку на кругленькую сумму...

Кивком головы Раммар велел брату отступать. Для начала они услышали достаточно. Ползком они вернулись за скалу, где Бальбок оставил поклажу.

— Ты слышал, о чем говорили те двое? — прошептал запыхавшийся Раммар.

— Да, — кивнул Бальбок. — Но ничегошеньки не понял.

— Вот это на тебя похоже. Ну ясно же, что эти карлики — контрабандисты.

— Контрабандисты? Такие бывают?

— Причем везде. Среди этих бородатых ребят полно контрабандистских банд.

— Но я думал, что бородатые сморчки — кузнецы, искатели сокровищ, горняки и...

— Так когда-то и было, — мрачно ухмыльнулся Раммар. — Что из сокровищ можно было достать, то эти жадные маленькие ребята давно уже повыковыривали из земли, и теперь им невыгодно заниматься горным делом. А с тех пор как эльфам опостылело Землемирье, не осталось никого, кто мог бы покупать в их кузнях дорожное оружие. Если хочешь держаться на плаву, должен крутиться в поисках источника дохода, а поскольку карлики всегда были предприимчивым народом, то они заделались контрабандистами.

— Понятно. А что они тут провозят?

— Откуда я знаю? Может быть, оружие, может быть, запрещенное трубочное зелье. В любом случае эльфы ничего не должны пронюхать. Похоже, эту штуку собираются доставить варварским племенам по ту сторону Северного вала.

Бальбок был восхищен.

— Нам тоже туда.

— Так оно и есть. И если бородатый сморчок не сильно привирал, то путешествие продлится день, от силы — два. — Раммар обнажил желтые зубы в хитрой ухмылке. — Эти парни с начала времен копаются в земле. Наверное, одна из их тайных штолен ведет на другую сторону гор.

— Думаешь?

— Это единственное разумное объяснение.

— Так почему бы нам тоже не воспользоваться этой штольной? — простодушно улыбаясь, предложил Бальбок. — Если мы преодолеем Северный вал за два дня, то можем успеть до конца кровавля.

— Для этого нам нужно знать, где вход!

— Это совсем не трудно. Мы просто пойдем за карликами, и они приведут нас прямо к нему.

— Дуралей, — закатил глаза Раммар. — Ты что, и вправду думаешь, что все так просто? Карлики умеют хорошо маскировать свои тайные пути. Без ключа внутрь мы не попадем.

— Тогда нам просто нужно войти в туннель вместе с карликами.

— Давно я не слышал от тебя подобных глупостей, — засопел Раммар. — Как ты себе это представляешь? Мне что, укоротить тебе ноги, начистить морду и примотать под шею тролльский мех, чтобы ты стал похож на карлика?

— Кажется, у меня есть идея получше, — сказал Бальбок, жестом приглашая брата следовать за собой.

Раммар снова закатил глаза, мысленно спрашивая себя, что за очередная дурацкая идея пришла в пустую голову его брата. Но, поскольку ему все же было слегка любопытно, он последовал за Бальбоком.

Внезапно один из карликов открыл рот и принялся горланить одну из старых песен карликов, в которой говорилось о славных днях его народа. Остальные присоединились к певцу, и вот уже дюжина хриплых голосов отражалась эхом от скал. У Раммара и Бальбока разом заболели уши.

Орки осторожно стали прокрадываться вперед, и наконец Бальбок указал на край лагеря. Там стояло несколько запряженных быками повозок; вне круга костра Раммар не мог заметить их раньше из-за тумана. Повозки были загружены бочонками и ящиками, некоторые были достаточно велики, чтобы вместить взрослого орка.

— Ты действительно настолько сумасшедший, как я думаю? — с сомнением спросил Раммар брата.

Бальбок только ухмыльнулся.

Они тронулись в путь в рассветных сумерках следующего дня.

Ортмар фон Бут, сын Ортвина, был этому рад. Его раздражала близость болот, он прямо-таки терпеть не мог открытых пространств. Влажный гнилостный воздух, тянувшийся с юга и оседавший туманом на склонах Северного вала, нервировал его, а серые тучи, с которыми никогда не знаешь, когда они в следующий раз разразятся молниями или громом, радовали Ортмара и того меньше. Как же счастлив он был, что они наконец-то оказались под землей, в старой штольне, которая вела под горами на другую сторону Северного вала.

Имя короля карликов, во время правления которого, еще до Первой войны, был заложен туннель, давным-давно забылось, но техническое изящество, с которым были проложены в скале штольни, заставляло предположить, что закладывали их мастера своего дела. Поначалу туннель вел круто под гору, все глубже и глубже под землю, где не было ни света, ни теней, и где некогда, должно быть, жили ужасающие твари.

Ортмар помнил леденящие душу истории, которые рассказывали детям, — о великанах, драконах и других чудовищах, некогда живших в глубинах Землемирья, у которых карлики оспаривали право владения сокровищами. Сокровища — это слово горько отдавалось в ушах Ортмара.

В юности он мечтал о том, чтобы стать однажды великим и богатым кузнецом, в точности таким, какими были его отец и его дед. Кузнецом-карликом древней школы, забиравшимся вглубь гор, чтобы отнимать у них серебро и руду, ковать роскошные мечи и смертоносные секиры.

Но мечте этой не суждено было сбыться, как и многим другим в жизни Ортмара. Он изучил кузнечное искусство в старинной школе Ануила, где обучались его отец и дед. Но зачем?

Ортмар огорченно засопел, шагая по штольне: в одной руке фонарь, а в другой — секира. Позади шлепали быки и поскрипывали повозки, груженные товарами Мурила Ганцвара — вот еще кое-что, что совершенно не нравилось Ортмару.

Ганцвар был человеком до мозга костей, типичным представителем своей расы, высокомерным и подлым. Но он хорошо платил, поэтому Ортмар не смог позволить себе отказать ему, когда Ганцвар дал первое поручение.

Ортмар очень хорошо помнил тот день. Это было вскоре после выпуска из школы Ануила, когда стало известно, что далеко не все ученики, которых обучают кузнечному делу, работают в кузне. Далеко на востоке люди открыли богатые залежи руды, начали их разрабатывать и ковать собственное оружие — жалкое подобие, по качеству ни в коей мере не сопоставимое с остротой и качеством клинков карликов. Но кого это волновало? Меч есть меч. А кто его делал, в те беспокойные времена не интересовало никого, и если он был не так остер и прекрасен, как лезвие, сделанное карликами, то этот недостаток с лихвой компенсировался низкой ценой. Снабжать оружием нужно было целые армии, и стоимость при этом была важнее качества сплава и изящества, с которым меч рассекал плоть и кости.

Поэтому Ортмару не оставалось ничего иного, кроме как порвать с фамильной традицией, бросить кузнечное ремесло и заняться другой профессией. На протяжении нескольких месяцев он подвизался наемником в одной из восточных армий, а потом свел знакомство с Мурилом Ганцваром. Купец из приграничного горда Сундарила предложил поработать на него: нужно было перевезти на восток через Острые горы несколько бочонков эльфийского нектара, странным образом очутившиеся в руках Ганцвара, — конечно же, не привлекая при этом внимания эльфов. Из-за бедности Ортмар фон Бут согласился, и, используя свои знания о тайных тропах и штольнях своего народа, он выполнил поручение и получил хорошие деньги — лучшие, чем плата наемника, и почти такие же хорошие, как заработок кузнеца.

С тех пор Ортмар стал заниматься контрабандой, не только для Ганцвара, но и для всякого, кто готов был заплатить за услуги соответствующую цену. Дела шли хорошо. В такие времена, когда каждый думает только о себе, когда кровавые сражения становятся нормой и мир готов рухнуть, люди, казалось, испытывали особую потребность в контрабандных товарах — будь то эльфийские напитки с юга, черный лотос с востока или оружие, которым можно изрубить в капусту друг друга и всех соседей. Когда-то эльфы бдительно следили за тем, чтобы никто не занимался запрещенным товаром, подняли пошлину и контролировали все границы. Но с тех пор как этот мир перестал быть им интересен, остальные народы принялись творить что хотели — и для дела Ортмара это было выгодно.

Угрызения совести карлик перестал испытывать давным-давно. В конце-концов, он не единственный представитель своего народа, который зарабатывает на жизнь контрабандой. Если не он, то кто-нибудь другой. Если люди, орки, карлики и гномы берут друг друга за глотку и разбивают друг другу головы, то виноват в этом не Ортмар. Просто он оказался достаточно хитер, чтобы извлекать из этого пользу для себя. За один только прошлый месяц он заработал больше, чем за весь прошлый год. Если так пойдет и дальше, то скоро можно будет попрощаться с контрабандой и вернуться в родные края. При условии, что он и впредь будет осторожен и бдителен...

Внезапно предводителя контрабандистов отвлекли от размышлений. Он вдруг остановился, огляделся и понял вверх правую руку, сжимавшую секиру. Караван повозок остановился.

— Что случилось, Ортмар? — поинтересовался Талин, его доверенное лицо и заместитель (насколько контрабандисты вообще могут кому-либо доверять).

— Не знаю. — Ортмар выплюнул жвачку; то, что половина при этом застряла у него в бороде, его не волновало. — На миг мне показалось, будто я что-то почуял.

— Что же?

— Плесень. Гниль. — Глаза Ортмара блеснули. — Я почуял вонь орков.

— Орков? — Одно упоминание о заклятых врагах карликов заставило Талина схватиться за короткий меч. — Где они?

— Хотел бы я знать. — Ортмар поднял фонарь и осветил штольню. — Здесь их быть не

может, иначе мы давно бы их обнаружили.

— Вероятно, ты ошибся, — осторожно заметил Талин. — Ты устал и вымотался, Ортмар, так же, как и мы все. Долгий марш вверх по Ледяной реке подточил твои силы.

— Возможно, — кивнул Ортмар. — Хотя на долю секунды я был совершенно уверен...

Он еще раз оглядел запряженные быками повозки, доверху нагруженные оружием, предназначенным для северного народа. Затем сделал знак продолжать путь. Щелкнули кнуты погонщиков, быки налегли на упряжь, и тяжелые повозки снова пришли в движение. Ортмар фон Бут наморщил свой нос, похожий на картофелину, когда повозки прокатились мимо него, но на этот раз не почуял ничего подозрительного. Единственное, что уловил его чувствительный нос, — это вонь бычьего помета и терпкий, кисловатый запах подземелья.

Покачав головой, предводитель контрабандистов снова возглавил караван и двинулся вперед. Пересечь Северный вал всего за два дня было довольно трудно, но в целом выполнимо — если идти день и ночь. Здесь, внизу, было совершенно не важно, какое наверху время суток, сияет ли солнце или светит луна. Если постоянно тупо переставлять ноги, то карлики смогут пройти горы всего за два дня, а на утро третьего выйти в Белой пустыне.

До тех пор остановок не будет; люди Ортмара привыкли к долгим маршам, короткие ноги несли их даже во сне, если так было нужно. Всего их в банде насчитывалось два десятка и трое — карликов вроде Ортмара, которым нечего было терять: воины, бывшие камнетесы, кузнецы и архитекторы. Империя карликов приходила в упадок, их услуги больше никому не были нужны, а серебра и золота в горах почти не осталось. Поэтому представители искусного народа занимались тем, что подсказывал им здравый смысл: они сколачивали капитал из хаоса, царившего повсюду. О том, что сказали бы об их сегодняшнем ремесле славные предки, ни один из контрабандистов даже думать не хотел.

Они молча двигались по туннелю, пробитому в скалах невероятно много лет назад, когда мир был молод, а деяния — велики и славны. Они уверенно шагали вперед, подгоняя быков. Когда животные стали проявлять первые признаки усталости, Ортмар позволил им отдохнуть и дал немного сена. Потом отряд снова тронулся в путь, не обращая ни малейшего внимания на время, все дальше проникая в глубины мира.

По обычаю, когда карлики идут по заброшенным штольням, они поют песни — низкие голоса, монотонно тянущие в бороды речитативом о своих древних властителях и героях. Ортмару это казалось жестокой насмешкой, но он не запрещал своим людям петь. С давних пор карлики песнями прогоняли страх перед темнотой и глубиной, и Ортмар то и дело ловил себя на том, что вспоминает ту или иную строфу — как с песней о Грутине Проклятом, который в жадности своей копал слишком глубоко и встретился с орком:

Сын Грутиана Грутин,
дорога лежит его в горы.
Путь к золоту долог и труден,
но жадность и риск сметают заторы!

Вгрызается Грутин и ищет
блеск золота, россыпь камней.
Не видит, что вокруг него рыщет
чудовище мерзкое ночи мрачней.

Вот орк уж заносит секиру,
но Грутин глядит пред собою.
Он алчет сокровища мира,
а смерть уж стоит над его головою.

Но дрогнула орочья лапа —

блеснул смертоносной секиры металл.
И свет, отразившийся тысячекратно,
в прекрасном алмазе Грутин увидал.

Оружье бесстрашно хватает,
клинок о спасении просит.
Но час его пробил, и орк настигает:
глава отделилась и грянулась оземь.

Последним, что Грутин слышал,
был орочий смех, грохотавший над ухом.
Не песню, что в царствии вышнем
героям слагают, отчаянным духом.

И помните, карликов дети,
урок сей печальный Грутина.
Чтоб не попадаться в ужасные сети,
внимательны будьте в путине.

Слова заставили Ортмара еще раз внимательно оглядеть штольню, он даже отослал Талина вперед на разведку. Когда тот вернулся и доложил, что ничего подозрительного не видел, предводитель велел каравану выступать. А в темных Штольнях еще звучало глухое эхо песни.

Так прошла ночь, следующий день и следующая ночь. То и дело Ортмар велел распрягать быков, чтобы дать им отдых, а тем временем его люди волокли повозки. С присущей одним только карликам настойчивостью отряд контрабандистов пробирался под горой, не позволяя себе ни мига передышки и сна — а когда утром третьего дня наконец показался выход из штольни, все испытали огромное облегчение.

Ликование, засветившееся на бородатых лицах карликов, Ортмар подавил в зародыше. Первейшее правило выживания контрабандистов гласило: держаться в тени. Пока неизвестно, насколько все чисто там, снаружи, поэтому они должны сохранять спокойствие.

Ортмар и его люди не впервые отправлялись в северный поход; поскольку здесь приходилось иметь дело с варварами, то есть с людьми, которые были не настолько цивилизованны, как те, что жили в Восточных землях, необходимо было держать ухо востро. Дело легко могло обернуться липой: соглашение, достигнутое дикарями с Ганцваром, просто-напросто проигнорируют. Если так и случится, то Ортмару и его небольшому отряду придется быстро-быстро делать ноги. Попытки торговаться с варварами о таких вещах, как условия оплаты, чаще всего заканчивались тем, что у кого-нибудь неожиданно оказывался раскроен череп или сломана шея. Карлики просто доставят оружие и быстро уйдут, вот и все.

Ортмар велел каравану остановиться в двадцати шагах от выхода из штольни. Дыра была закрыта большими воротами, внешняя сторона которых ничем не отличалась от скалы. Вместе с Талином Ортмар отправился выяснить положение дел, в то время как остальная часть банды наслаждалась продолжительным отдыхом, представившимся впервые за последние два дня. Оба карлика приоткрыли ворота и выскользнули наружу. В лицо им ударил ледяной воздух, превосходным образом давая понять, что намеченное им удалось: Северный вал был позади, впереди простиралась ледяная пустыня.

В тени заснеженных склонов оба карлика поспешили ко входу в долину, за пределами которой остался выход из штольни. Перед ними простиралось белоснежное ледяное царство, отсюда и до самого края мира. Некоторые утверждали, что когда-то Белая пустыня была морем, замерзшим от холода, другие говорили, что это злой северный ветер так сильно сгладил ландшафт. В любом случае, при виде широкой равнины с торчащими кое-где иглами льда, сливающейся на горизонте с бледно-серым небом, в буквальном смысле захватывало

дух. Но времени любоваться окрестностями у карликов не было, потому что на расстоянии двух полетов стрелы от входа в долину, там, где Белая пустыня наваливалась на серые скалы, их уже ожидали.

Там стоял большой буер, судно с продолговатым, похожим на корабль, корпусом и двумя сторожевыми судами по бокам, к которым были приделаны широкие полозья. Большой прямой парус слегка трепетал, а корму и нос украшали устрашающие фигурные изваяния — голова и хвост ледяного змея, вырезанные из темного дерева.

На этих непрочных судах, называемых ледяными кораблями, обычно передвигались варвары. Они неслись на них по бесконечной ледяной равнине со скоростью, от которой захватывало дух. Время от времени они устраивали на палубах кровавые битвы. Ортмару никогда не доводилось присутствовать при сражении на борту ледяного корабля, но до него доходили слухи, будто бы это — самый настоящий ад на земле.

Карлик с первого взгляда оценил ситуацию; большинство ледяных варваров сошли с корабля на землю — грубые воины, чья одежда состояла из шерстяных юбок и плащей из меха белых медведей. Вооружены они были огромными мечами, которые в бою держали обеими руками. На всклокоченных светловолосых головах варваров красовались рогатые шлемы.

Ортмар насчитал двадцать воинов, что его отчасти успокоило. Если передача оружия пройдет не так, как было запланировано, и дело дойдет до сражения, силы, в целом, равны. Хотя говорили, что среди варваров есть и берсеркеры, мощь которых превышает силу обычных воинов в пять раз...

Контрабандист отбросил сомнения. Кивком головы он велел Талину позвать остальных карликов. А сам направился вниз по тропе, которая выглядела так, как будто ее прорезали в скале ветер и непогода — хотя на самом деле это было творение искусных камнетесов-карликов.

Холод обжигал. Уже через несколько шагов Ортмар заметил, что у него под носом и в бороде образовались маленькие сосульки, и спросил себя, как можно жить в такой неприветливой местности, да еще и считать ее своей родиной. Истощенные и выдубленные непогодой лица варваров наводили на мысль, что здесь было мало такого, чему радуется сердце. Ни тебе залов с высокими сводами, ни каминов, в которых пляшут веселые огоньки, ни нагретого пива, ни трубочного зелья.

Увидев карлика, варвары обнажили мечи. Один из них, самый сильный и самый высокий, все же приветственно поднял руку.

— Ты здесь есть хорошо, — сказал он на языке народов востока, с четко различимым варварским акцентом. — Мы ждатель.

— Мне очень жаль, что вам пришлось ждать, — вежливо ответил Ортмар; предупредительность по отношению к клиентам была частью сделки, хотя речь и шла всего лишь о горстке варваров. — Товар был заказан на сегодня, и вот мы здесь.

— Где есть оружий? — спросил варвар; похоже было, что остальное его не интересует.

— Да вот, уже на подходе, — ответил карлик, указывая за плечо, и, действительно, в следующий миг послышался скрип повозок, катившихся вниз по узкой тропе.

Увидев бочонки и ящики на повозках, предводитель варваров немного успокоился. Он и его воины с напряжением ожидали, пока выючные животные спустятся вниз. Карлики принялись разгружать товар. При этом у Ортмара снова возникло чувство, что в нос ударил отвратительный орочий запах, но он обозвал себя дураком и решил после завершения этой сделки немного отдохнуть. Воины-варвары хотели уже отнести ящики на борт буера, но предводитель удержал их.

— Еще нет! — крикнул он. — Сначала смотреть.

— Хочешь посмотреть на товар? — удивленно спросил Ортмар. — Ты мне не доверяешь?

Варвар раскатисто расхохотался.

— Ты есть карлик, — сказал он, как будто это все объясняло.

Ортмар решил не лезть на рожон, хотя было не принято позволять клиенту осматривать товар. В местах менее отдаленных, чем это, такое поведение клиента могло привести к неприятнейшим осложнениям, но в диких северных землях опасаться эльфийского патруля было нечего. Поэтому он кивнул варвару, который сразу же занялся большим ящиком и взломал его.

При виде содержимого предводитель варваров выпучил глаза, а его бледное лицо очень сильно вытянулось.

— Что-то не так? — поинтересовался Ортмар, которому внезапно стало неуютно в собственной шкуре.

Северный варвар не ответил — вместо этого он запустил руку в ящик и ухмыльнулся от уха до уха, когда вытащил большой двуручный меч, клинок которого тускло блеснул в неярком утреннем свете. Ортмару пришлось признать, что кузнецы востока неплохо подучились — хотя их мечи и не могли соперничать с теми, что сходили с наковален карликов.

Варвары стали издавать радостные охи и ахи, а их предводитель со свистом рассек воздух клинком. В глазах его сверкнула жажда убийства, и Ортмар насторожился; очевидно, варвар хотел немедленно испытать оружие. Ортмар отступил на шаг — и, повинаясь внезапному порыву, предводитель просто-напросто заколол одного из своих людей, стоявшего ближе всех к нему. Сверкающий клинок с такой силой вонзился в грудь воина, что вышел со спины, сверкая красной кровью. Варвар уставился на своего предводителя со смесью удивления и преданности, а потом упал замертво.

— Ну как? — невозмутимо спросил Ортмар. — Ты доволен?

— Хорошо, — сказал предводитель, глядя на окровавленный клинок. Затем велел своим людям отнести ящики на борт.

Хотя карлики были утомлены долгим переходом, они бросились помогать варварам. Ни одному из них не хотелось задерживаться на северной стороне гор, каждый мечтал как можно скорее вернуться в спасительную штольню. Поэтому прошло совсем немного времени, и вот повозки уже разгружены, а ящики стоят на палубе буера. Оплата предполагалась в другом месте, позднее Ортмар получит свою долю от Мурила Ганцвара.

— Вот и все, — сказал на прощание карлик. — Было очень приятно иметь с вами дело.

— Приятно, — эхом отозвался предводитель и раскатисто захохотал, а его люди поддержали его грубым смехом. Затем они отвязали канаты, взошли на борт и подняли сходни. Парус закрепили, судно оттолкнули от скалы деревянными шестами. Сшитые в огромное полотно звериные шкуры, исполняющие роль ветрил, стремительно уносили буер прочь. Он со скрежетом неся по волнам из льда и снега и вскоре скрылся из виду.

Люди Ортмара уже готовились пуститься в обратный путь, а предводитель все смотрел варварам вслед. Выражение его лица было настолько задумчивым, что Талин заметил это.

— Что с тобой? — спросил он. — Что-то не так?

— Не знаю, — пробормотал Ортмар. — Просто предчувствие — мне кажется, что с этим варваром мы имели дело в последний раз...

8. Дарр аохг'хай

Около полудня Бальбок не выдержал.

Будучи орком, он по природе своей был нетребователен и непритязателен — но два дня и две ночи быть запертым в деревянном ящике, через щели в котором проникало ровно столько воздуха, чтобы не задохнуться, было уж слишком даже для него.

Под покровом ночи и тумана они с Раммаром прокрались в лагерь карликов. Бородачи считали, что находятся в безопасности и не выставили стражников, поэтому орки смогли открыть и опустошить две емкости, стоявшие на запряженных быками повозках. Как и предполагал Раммар, внутри находилось оружие, которое предполагалось провезти контрабандой на другую сторону гор — мечи, пики и секиры для варваров, которые радостно

проламывали там друг другу черепа. Пока карлики спокойно заливали в свои глотки пиво и громогласно орали свои жуткие песни, Бальбок и Раммар вытащили и спрятали содержимое одного бочонка и одного ящика, при этом, несмотря на неловкость Бальбока, они умудрились не издавать лишних звуков. Затем Раммар втиснулся в бочонок, а Бальбок вместе со штандартом и поклажей забрался в ящик. Там братья и сидели вот уже много часов, не шевелясь.

Холод, царивший под горой, и жуткое пение карликов Бальбок перенес нормально. Но под конец дико заныла спина, и у орка возникло чувство, что он вот-вот сломается, это не говоря уже о голоде. Долговязый опасался, что его желудок будет урчать настолько сильно, что карлики непременно это услышат.

Пиявки в болотах были последней пищей, которую довелось есть Бальбоку. Едва он закрывал глаза, как воображение начинало рисовать ему картины: куски мяса величиной с остров, плававшие в море из кровавого пива. К тому же в нос постоянно ударяла жуткая отрыжка из-за расстроенного желудка. Это еще сильнее мучило долговязого, просто сводило с ума.

Бальбок продержался два дня — ровно столько потребовалось каравану контрабандистов, чтобы пересечь штольню, которая вела на другую сторону горы. Еще утром третьего дня, когда карлики передавали товар, он сдерживался. Но к обеду ему срочно понадобилось вылезти из ящика. Ему хотелось двигаться, нужно было чем-то наполнить желудок, пусть даже это будет всего лишь парочка подмороженных варваров.

Ощувив прилив грубой, отчаянной силы, он уперся в крышку своей темницы. Дерево лопнуло с громким треском, во все стороны полетели щепки, и Бальбок вылез из укрытия точно дервиш, с секирой в лапах и оскаленными зубами — но далеко не такой ловкий, как предполагал.

Ноги, затекшие от долгого сидения в скрюченном положении, не держали. Бальбок рухнул с проклятием на губах, а вокруг него уже раздавались крики ужаса. Орк в отчаянии снова попытался встать и, когда ему это наконец удалось, увидел перед собой толпу людей.

В нос Бальбоку ударил ледяной ветер. Он находился на верхней палубе буера, где были сложены ящики. Над ним развевался грот, помогая судну набрать скорость, от которой захватывало дух.

— Что случилось? — крикнул Бальбок людям, не обращая внимания на тот факт, что они не понимают его языка. — Вы что, орков никогда не видели?

Варвары удивленно таращились на него. В своих грубых плащах из меха белых медведей, с рогатыми шлемами они были похожи на чересчур маленьких троллей — с точки зрения Бальбока, это было очень смешно. Против гномов и людей с востока он сражался, против северных варваров пока что еще никогда. Но это, пожалуй, ничегошеньки не значит. У всех людей красная кровь, но они, по мнению Бальбока, ничем не отличаются от гномов: точно так же не умеют сражаться...

— Ну, чего застыли? — выкрикнул он, оскалившись, словно хищник, и неловко выпрыгивая из ящика. — Вперед! Моя секира ждет не дождется, когда можно будет изрубить вас на мелкие кусочки!

Долго просить не пришлось, и вот уже первый человек напал на него. Жилистый великан бросился на Бальбока, размахивая большим двуручником.

Для орков все люди одинаково отвратительны из-за их гладкой, молочно-белой кожи, маленьких носов и страшных глаз. На этот экземпляр вообще было противно смотреть, а парень к тому же разинул свой узкогубый рот в громком крике, так что Бальбок смог разглядеть маленькие тупые зубки.

— Тихо мне! — прикрикнул на него Бальбок и ударил секирой. Удар настиг нападавшего, еще не успевшего разогнаться как следует, и отрубил ему руку по самую ключицу. Вот тут парень принялся орать по-настоящему, а фонтан красной крови, хлынувшей из обрубка на палубу, вызвал у его товарищей некоторое уважение.

Хотя и ненадолго.

Вот они уже справились со своим ужасом. На этот раз к Бальбоку прыгнули сразу три воина, а четвертый тем временем взбирался на сложенные ящики и бочонки, чтобы напасть сверху.

Металл лязгнул, когда секира орка попала на клинки варваров. Бальбок ногой оттолкнул среднего нападавшего. Острие меча, от которого Бальбок едва увернулся, метнулось вперед, и на миг ему показалось, что солнце померкло, когда на него обрушился мощный боевой молот. Удар был нацелен на макушку орка, и, если бы в последний миг Бальбок не поднял секиру и не принял большую часть удара на древко, мозги его превратились бы в кашу. А так ему досталась только малая толика усилия, которого все равно хватило на то, чтобы как следует смять шлем и прокрутить перед глазами пляску звезд.

Оглушенный, Бальбок попятился и не придумал ничего лучше, как молотить секирой направо и налево, чтобы держать врагов на расстоянии. Более того, он даже один раз попал, потому что какой-то варвар умудрился подлезть прямо под острие орочьего оружия и теперь валялся со вспоротым животом. Другой же воин воспользовался тем, что орк оглушен, и кидался на него, словно дикий зверь.

Орк рухнул спиной на палубу, над ним мелькала отвратительная физиономия врага. В стальных с синеватым отливом глазах варвара сверкала жажда крови, его светлые волосы торчали клочьями, словно пылающий костер. С ликующим кличем северянин собирался было вонзить Бальбоку меч в живот, когда орк заметил силуэт на фоне неба. То был четвертый варвар, взобравшийся на ящики; он как раз собирался прыгнуть, держа в руках занесенный для смертоносного удара меч.

Бальбок отреагировал молниеносно, на уровне орочьих инстинктов. Извиваясь, словно змей, он хотя и не мог уйти от удара нависшего над ним варвара, но заставил воина переместиться — прямо под клинок своего летящего вниз товарища.

Стоявший над Бальбоком враг оказался в буквальном смысле нанизан на меч, когда лезвие вошло у него между лопатками, чтобы выйти как раз под грудной клеткой. Бальбок издал яростный рев, когда на него пролился фонтан красной крови. Тот, другой, изумленно уставился на результат только что произведенной им атаки — и это выражение изумления так и застыло на его лице, когда голова воина отделилась от туловища и улетела за борт. Бальбоку удалось каким-то образом вылезти из-под умирающего, вскочить на ноги и даже нанести удар секирой.

Из ноздрей его вырвался пар, когда он отступал по палубе спиной вперед. С кормы налетела ватага людей, не особо смущенных ужасной судьбой, постигшей их товарищей. Бальбок с ужасом вынужден был признать, что эти люди оказались лучшими воинами, чем он предполагал, и, когда они ринулись в бой, он не увидел другого выхода, кроме как позвать брата.

— Раммар! Помоги!

Слева на него бросился воин-варвар. Бальбок отразил атаку и оттолкнул противника ногой, чтобы тут же обернуться и заблокировать яростный удар нападавшего с другой стороны. Орочья секира и меч варвара встретились, выбив сноп искр, и пока Бальбок и северянин обменивались ударами, к ним присоединился еще один товарищ и ударил изо всех сил.

— Раммар! Ты мне нужен!..

Держа секиру обеими лапами, Бальбок отражал атаки. Некоторое время он удерживал позицию, но затем налетела толпа воинов, и, хотя Бальбоку удалось отправить очередного поединщика в темную лужу Курула, врагов становилось слишком много. Теснимому двуручниками орку снова пришлось отступать. Вскоре он наткнулся на бак буера и оказался в тупике. Он стоял спиной к стене. Началась ожесточенная рубка, от которой Бальбок не пал сразу же только потому, что широко размахивал своей секирой, держа таким образом смерть на расстоянии древка.

Снова брызнула алая кровь, орошая палубу, меч улетел вместе с руками владельца. Но

теперь уже только вопросом времени было то, когда человеку удастся пробить защиту Бальбока и нанести удар в цель своим клинком...

— Раммар!

Впервые в крик Бальбока закралось отчаяние; людей, которые сражаются так упорно и яростно, он никогда не встречал. Над палубой разносился звон мечей — и вдруг, к облегчению Бальбока, его перекрыли яростные орочьи проклятия.

— Дикие языки пламени Моркара! — бушевал толстяк. — Все отрубленные головы в темной пещере Курула! Тебе обязательно каждый раз устраивать бучу? Разве нельзя хоть немного помолчать и не распускать лапы?

С искаженным от ярости лицом Раммар вынырнул из своего бочонка позади кровожадной толпы. Когда до варваров дошло, что на борту корабля находится еще один орк, они только яростно зарычали. Некоторые перенесли внимание на Раммара, в то время как остальные принялись вскрывать другие ящики, чтобы проверить, не прячутся ли в них еще зайцы. Раммар воспользовался всеобщим замешательством, чтобы, изрыгая проклятия, выбраться из бочонка. При этом он не забывал работать *сапараком* и насадил на него своего первого противника.

Варвар забулькал и рухнул на палубу, а в груди его торчал зазубренный наконецник копья. Раммар подскочил к нему и вырвал копьё из кровоточащей раны — как раз вовремя, чтобы встретить атаку следующего воина. Противники глядели друг на друга поверх скрещенного оружия, пока Раммар не раскрыл пасть и недолго думая укусил.

Варвар в ужасе завопил. Там, где только что был его нос, внезапно образовалась рваная рана. Дав врагу хороший подзатыльник, Раммар послал воина на палубу. Следующий варвар налетел как раз на орочье копьё. Он с криком хватался за острое, пока Раммар не поднял его и не отправил за борт.

— Как это на тебя похоже! — орал коротконогий на брата, сражавшегося в носовой части судна. — Ты только посмотри, что за суматоху ты устроил!

— М-мне очень жаль, — еще раз заверил его Бальбок, пригибаясь под ударами двух воинов.

— Как они тебя обнаружили? Чем ты выдал себя, недотепа?

— Они не находили меня, — оправдывался Бальбок. Одного варвара он свалил ударом секиры, второй получил локтем по лицу — воин выплюнул зубы, затем упал навзничь на бак и исчез по ту сторону фальшборта.

— Да что ты говоришь! А чем же тогда объяснить весь этот хаос?

— Я сам вылез из ящика, по собственной воле.

— По собственной воле? — Удивление Раммара едва не стоило ему жизни, потому что он забыл заблокировать удар меча. Ему повезло — удар был нанесен довольно слабо и отскочил от доспехов — зато варвар свел близкое знакомство с *сапараком*. — Ты добровольно выбрался из ящика? Ты еще в своем уме?

— Мне было очень неудобно, — защищался Бальбок, приканчивая секирой очередного противника. — Кроме того, я проголодался.

— Проголодался? — повторил Раммар. Меч варвара просвистел в непосредственной близости от него и разнес один из стоявших на палубе ящиков. — И из-за этого тебе непременно понадобилось начинать войну? Тупая гора мускулов! Когда ты наконец научишься пользоваться мозгами?

— Как только у меня перестанет урчать в животе, — ответил Бальбок. Повернувшись вокруг своей оси, он расправился со следующим противником и отправил его за борт.

— Вечно ты думаешь только о своем брюхе, — продолжал бушевать Раммар, и ярость, которую он испытывал по отношению к брату, придала ему сил, позволив заколоть сразу двух варваров одним ударом. Заливаясь кровью, они рухнули на палубу, и орк, запыхавшись, оглянулся в поисках следующего противника, но, к его удивлению, больше никого не осталось. Варвары валялись на палубе буера либо мертвые, либо тяжело раненные, либо искалеченные — на ногах не стоял никто.

— Бери пример с меня, — продолжал проповедовать Раммар, не говоря ни слова об их победе или об устроенной ими кровавой бане. — Разве я хоть раз пожаловался на голод?

— Что ж, я...

— Так да или нет? — спросил Раммар, строго глядя на брата.

— Нет, — сказал Бальбок, потому что, когда Раммар бывал в подобном настроении, разумнее было не возражать, особенно если он попробовал крови и...

От размышлений Бальбока оторвало ужасное рычание, заставив его вздрогнуть.

Сначала он подумал, что это рычит Раммар, но потом увидел, что его брат тоже удивлен. Вновь что-то — или кто-то — зарычало. Звук доносился с кормы, оттуда, где находился руль буера. Там, за огромным румпелем, прятался последний воин-варвар, крупнее и сильнее остальных. Бесспорно, он был предводителем и капитаном судна, и по одутловатым чертам лица и его глазам, в которых виден был только белок, Раммар и Бальбок поняли, что перед ними был не обычный варвар, а берсеркер.

В ярости сила берсеркеров превосходила даже силу горного тролля, и они могли бушевать так, что даже оркам становилось страшно. Просто по внешности отличить берсеркера от обычного человека нельзя — пока не проснется дремлющий в нем зверь.

Вооруженный одновременно двумя мечами, берсеркер понесся по палубе, издавая пронзительный воинственный клич, и изо всех сил обрушил оба клинка на бочонок, стоявший у него на пути; это был именно тот, в котором прятался Раммар. Во все стороны брызнули щепки и несколько кусков вяленого мяса, лежавшего в нем.

— Ч-что *это* такое? — удивленно спросил Бальбок, глядя на кусочки.

— Ничего, — раздраженно ответил Раммар.

— Это мясо! — воскликнул Бальбок. — Мясо из кладовой Рурака, я узнал его по запаху! Так у тебя еще была еда? Все это время!

Прежде чем Раммар успел что-либо ответить, берсеркер молнией пронесся между ними, прерывая спор. Одновременно вниз опустились два смертоносных клинка. И оркам пришлось применить всю свою сноровку и умение, чтобы остаться в живых. Парировать удары берсеркера они не могли, в них было вложено слишком много силы. Единственный шанс для орков состоял в том, чтобы не оказаться там, где опустится клинок.

Быстрота реакции спасла Бальбока, и он успел отпрыгнуть в сторону, когда меч сделал на баке глубокую зарубку. Берсеркер зарычал от ярости, повернулся и тут же снова бросился в атаку, а Бальбок все никак не мог поверить, что брат мог так его обманывать.

— У тебя все это время была еда! — с упреком воскликнул он. — И ты заставил меня поверить, что я взял слишком мало *байша* !

— Так оно и было! — ответил Раммар, в то время как берсеркер смотрел на них налитыми кровью глазами, сжимая в руках мечи. — Умный орк запаслив. Кроме того, я дал бы тебе немного, если бы ты не сидел в своем ящике.

— Честно?

— Конечно. — Раммар невинно улыбнулся брату. — Ты что же, думаешь, что я мог тебя обманывать?

Бальбоку повезло, что ему не пришлось отвечать на этот вопрос, потому что в этот миг берсеркер снова пошел на врагов. Его мечи рассекли ледяной воздух, чтобы изрубить на мелкие кусочки все, что попадет под них.

Оркам с трудом удавалось уходить от ударов — Бальбоку благодаря тому, что он вспрыгнул на бак, а Раммару — что упал на палубу и клинки просвистели на волосок от него.

— Раммар? — задыхаясь, выдавил Бальбок.

— Что? — крикнул тот.

— Давай больше не будем из-за этого спорить, согласен?

— Согласен, — ответил Раммар, а потом ему пришлось откатиться в сторону, потому что острия клинков устремились на него.

Клинки пронзили доски палубы, и один из них с такой силой вонзился в дерево, что

берсеркер не смог вытащить его. Он завозился, и это стоило ему левой руки — Бальбок подскочил и изо всех сил полоснул секирой.

Берсеркер завопил, больше от ярости, чем от боли. Он не придавал значения ни отрубленной руке, ни застрявшему в досках мечу, удовлетворившись тем, что осталось. Размахивая мечом, он погнал Раммара, который полз на четвереньках спиной вперед по направлению к носовой части корабля. Таким образом он сам себя загонял в ловушку, потому что выхода между узко сходящимися досками носа не было. Запертый в углу, Раммар приготовился к смерти, несшейся к нему в образе белокожего чудовища, едва не лопавшегося от мощи и гнева.

— Иди сюда, ублюдок! — пролаял ему Раммар. — Делай, что собирался. Но если думаешь, что орк станет умолять о пощаде, то ты ошибаешься!

Берсеркер только громко захохотал и взмахнул мечом. Удар должен был разрубить Раммара как раз пополам.

— Н-ну хорошо, — внезапно крикнул Раммар, бросаясь на колени. — Ты победил! Пощади мою никчемную жизнь. Я не хочу кончить ее как...

Конец речи Раммара потонул в яростном реве берсеркера, потому что Бальбок подскочил к нему сзади и попытался задушить древком топора. Выведенный из равновесия, великан попятился, размахивая мечом — но попасть в орка, находившегося у него за спиной, не сумел.

Раммар вскочил и начал подзадоривать брата.

— Молодец, Бальбок! Прикончи этого мерзавца!

Яростно рыча, берсеркер, шатаясь, пошел по палубе буера, наткнулся на поручни и наполненные оружием ящики, треснувшие под его весом. Все еще цепляясь за него, Бальбок сжимал горло врага, стремясь его удушить, что оказалось из-за сильной мускулатуры спины и шеи северянина довольно затруднительно.

Наконец берсеркеру пришла в голову идея просто упасть на доски палубы и расплющить надоедливую противника своим весом.

— Бальбок, осторожно! — успел крикнуть Раммар.

Слишком поздно.

Берсеркер упал навзничь на кормовое возвышение, погребая Бальбока под собой. Тот пискнул, а потом его не стало ни видно, ни слышно.

Не столько мысль о том, что с Бальбоком могло что-то случиться, сколько в гораздо большей степени перспектива продолжать путешествие в одиночку привела Раммара в бешенство. Придав лицу выражение, очень слабо отличающееся от выражения лица берсеркера, издав дикий вопль, от которого он сам едва не содрогнулся, орк понесся по верхней палубе, воздев в поднятой лапе *сапарак*. Несколько шагов разбега... а потом толстяк метнул оружие. Словно стрела, понеслось копьё на корму — и вонзилось в берсеркера как раз в тот момент, когда тот начал подниматься.

Острые вошло в шею, и его крик утонул в фонтане хлынувшей крови. Удерживаемому на краю жизни одной только яростью воину еще удалось подняться и сделать несколько неловких шагов по направлению к Раммару, чтобы затем рухнуть на палубу. Ничком он грохнулся на ящик, рассыпавшийся под его весом, и копьё, сложенные в нем, пронзили его грудь и упокоили навеки.

Раммар даже не взглянул на поверженного противника — его заботил только неподвижно лежавший на палубе брат.

— Бальбок! — Толстеный орк, словно мячик, поскакал по палубе и склонился над ним. — Что с тобой, Бальбок! Ты в порядке?

Бальбок не шевелился. Глаза закрыты, язык вывален — он был абсолютно не похож на живого.

— Бальбок! Ну же, брат, не надо так со мной поступать! Ты не имеешь права меня бросать, слышишь? Что мне делать одному? Без тебя я пропаду. Обещаю даже больше не ругать тебя, если ты только постарайся хоть ненадолго задержаться в живых.

— Это правда? — вдруг спросил Бальбок, при этом не шевелясь и не открывая глаз.
— Ты... ты жив! — облегченно вздохнул Раммар.
— Правда ли это, вот что я хочу знать!
— Ты о чем?
— Что ты без меня пропадешь. Что ты обещаешь больше не ругать меня.
— Кто такое сказал?
— Ты. — Теперь Бальбок открыл глаза и вызывающе поглядел на брата. — Только что.
— Ерунда. Тебе послышалось — такого *инорша* я не скажу никогда.
— Но я подумал...
— Глупый недоносок! Ты не думать должен, а быстро делать то, что я тебе скажу! А я говорю тебе, что ты должен наконец поднять свой ленивый *асар* и встать. Пока ты спокойненько разлегся отдыхать, я один прикончил берсеркера!

Бальбок сел. При виде варвара, лежащего с продырявленной копьями грудью, он сильно удивился.

— Вот как, — заметил он. — А мне было показалось, что ты молил о пощаде...

— Я — и молить о пощаде? Ха! Может быть, стоит при случае вытянуть тебе получше *клуас'хай* — кажется, ты стал плохо слышать. Если ты еще раз осмелишься утверждать, что я умолял врага о пощаде, то я...

— Раммар!

— Что еще!

— Вон там!

Бальбок указывал куда-то вперед, на нос, лицо его при этом побелело от ужаса — и Раммар издал жуткий вопль при виде летящей на них ледяной иглы.

Орки наконец осознали, что судно все еще мчится по снежной равнине, никем не управляемое с тех пор, как капитан покинул свое место у штурвала, с неумещающей скоростью. В пылу битвы Бальбок и Раммар не обращали внимания на свист ветра и поскрипывание дерева, при этом снасти стонали и парус готов был вот-вот лопнуть. Корабль несся прямо на одну из огромных ледяных игл, одиноко торчавших здесь и там, словно рифы. Вот сейчас судно на полной скорости врежется в одну из них и развалится на части.

Орки в ужасе переглянулись.

— Руль! — хрипло крикнул Бальбок.

Оба вскочили и подбежали к румпелю. На мгновение возникло замешательство, потому что Бальбок хотел повернуть направо, а Раммар налево — секунда, едва не стоившая оркам жизни, потому что буер продолжал нестись на препятствие, пока братья сражались за штурвал. Затем им удалось выбрать одну из сторон — они вместе уперлись в рычаг, и полозья, скользившие по снегу под кормой, повернули.

Буер реагировал медленно и вяло. Брусья и доски заскрипели еще натужнее, а мачта затрещала так громко, как будто собралась развалиться на части. Судно накренилось, правый полоз оторвалась от земли, и судно поднялось на дыбы, причем осколки ящиков и трупы варваров попадали за борт. Бальбок и Раммар не обратили на это внимания — их взгляды, словно загипнотизированные, были прикованы к препятствию, вблизи выглядевшему совсем уж кошмарно.

В любой момент нос судна мог налететь на острые грани льдины. Раммар закричал и закрыл глаза, крепко вцепившись в румпель. Он ожидал, что вот-вот раздастся жуткий удар и треск, и он полетит, увлекаемый нечеловеческой силой, чтобы удариться о лед и переломать себе все косточки...

...но ничего подобного не случилось.

Послышался мерзкий скрип, когда корпус пронесся на волосок от ледяной иглы. Сильный удар потряс судно, когда оно снова встало на обе опоры. Опасное препятствие было пройдено.

Раммар часто-часто заморгал, не веря тому, что им так повезло. В спонтанном приступе чувств бросился Бальбоку на шею. А долговязый только отчужденно посмотрел на него.

— Ах ты, жалкий *умбал* ! — засопел обиженный Раммар. — Радуйся, что я не задушил тебя за то, что ты едва не столкнул нас в темную яму Курула!

— Но я...

— Закрой рот, а то я тебе его зашью! Еще бы немного, и мы погибли бы. И все из-за тебя. Давай, пусти меня к румпелю, у меня получается лучше, чем у тебя, а ты тем временем очисти палубу. На мой взгляд, здесь валяется слишком много людей. Выбрось их за борт. Из оружия оставь то, чем можешь воспользоваться, остальное тоже выбрось. Чем меньше у нас будет балласта, тем скорее мы будем продвигаться вперед.

— Выбросить людей за борт? — удивленно спросил Бальбок. — Всех?

— Да, всех.

— Даже тех, которые еще дышат?

— А что еще?

— А мертвых?

— Ты что, есть их собрался?

Голодный взгляд Бальбока был достаточно красноречив.

— Ты, личинка во внутренностях Торги! — бушевал Раммар. — Тебе что, все равно, что есть? Ты только посмотри на этих варваров — жилистые и холодные, как сейчас, они на вкус хуже любого орка!

— Но голод...

— Мы распорядимся их припасами. Я уверен, что под палубой их много.

— Согласен, — заметил Бальбок. — А потом что?

— Умеешь ты задавать вопросы, — ухмыльнулся Раммар, держа в лапах румпель. — У нас теперь есть свой собственный корабль, который спокойно отвезет нас на север — прямо к храму Шакары...

9. Тоумполь ур'Шакара

Всего один день продолжалась поездка по снегу и льду — но это был очень долгий день.

В первый вечер Бальбок и Раммар еще ждали, что солнце наконец зайдет. Но оно висело над горизонтом, как будто его прибили гвоздями, и светилу как будто было совершенно все равно, что к нему присоединились луна и звезды. Прошло некоторое время, прежде чем орки поняли, что к северу от Северного вала солнце не заходит; где-то в Землемирье давным-давно наступила темная ночь, но здесь, на севере, царили серые сумерки, поэтому буер мог продолжать путь.

Поначалу орки решили, что это зловещий знак, мол Курул гневается на них, потому что они позволили украсть голову Гиргаса. Но когда на небе так и не засверкали молнии, и не появилась огромная пасть, чтобы поглотить мир, до них дошло, что ночное солнце было не признаком конца света, а всего-навсего естественным феноменом. Наверняка у эльфов, которые всегда и все знают, есть объяснение тому, что солнце здесь, на севере, не заходит — оркам же на это было наплевать. Главное, что их не поглотил Пожиратель Миров.

Сменяя друг друга у руля, они продолжали путь по Белой пустыне, продвигаясь все дальше на север — пока в одну из сумеречных ночей Бальбок не заметил на горизонте голубоватое сияние. Обеспокоенный, он разбудил брата, который совершенно не обрадовался тому, что сон его был нарушен. Но, увидев свет, прервал свою тираду ругательств, и его мрачные черты осветила ехидная ухмылка.

— Эльфийский огонь, — проворчал он. — Точно как говорил колдун. Скоро мы будем на месте.

Так и продолжался их путь с этим загадочным светом в качестве путеводной звезды. Со временем орки выяснили, что расстояния в Белой пустыне можно оценивать далеко не так хорошо, как дома, в Гнилых землях. То, до чего, казалось, был всего день пути, находилось на самом деле очень далеко — как, например, источник загадочного огня.

Вроде до цели пути было лапой варга подать, но оркам пришлось потерпеть еще немало времени. Иногда возникало ощущение, что чем дольше они едут, тем дальше уходит свет, а иногда он начинал беспокойно мерцать. И тогда Раммар каждый раз начинал бояться, что он погаснет; тогда они снова окажутся посреди Белой пустыни без ориентира. Но голубое пламя на горизонте не гасло — и наконец из туманной дымки проступили очертания острых скал.

Какого они были происхождения — естественного или искусственного, — Раммар понять не мог, но ему они чем-то напоминали крепость. Повсюду поднимались ледяные иглы, похожие на ту, о которую едва не разбился буер. А высоко над белыми, сверкающими льдом скалами возвышались башни, а на самой высокой из них полыхало эльфийское пламя.

Это был не такой огонь, который могут развести смертные; он не был желтым, от него не поднимался в небо дым. В его сиянии начинали сверкать башни, невероятно высокие в туманной дымке.

Орки достигли своей цели — храма Шакары.

— Одного у этих проклятых эльфов не отнять, — почти в восхищении пробормотал Раммар. — У них есть чувство драматизма!

— Синий огонь. — Бальбок надул свои пухлые губы. — Как они это делают?

— Ну откуда, внутренности Торги, могу я об этом знать? — зашипел на него Раммар. — Твои дурацкие вопросы постепенно начинают действовать мне на нервы!

— Но я только подумал...

— Я тебе уже говорил и повторюсь снова: ты держишь рот на замке и предоставляешь думать мне, понятно? Нам нужен будет план, каким образом попасть внутрь храма. Так просто, как карлики, эльфы не дадут нам себя обдурить, это точно. Вполне возможно, что их стража нас уже засекла.

— А даже если и так. — Бальбок пожал плечами. — Издалека они примут нас за снежных варваров. — Мгновение поразмыслив, он предложил: — Лучше всего дожждаться сумерек. Мы спрячем буер и остаток пути пройдем пешком под покровом тумана.

— А как мы проникнем в храм, а, хитрец?

— Об этом подумаем, когда доберемся туда, — не без гордости ответил Бальбок, потому что для орка это был уже довольно детальный план. — Как думаешь?

— А я скажу, что ты, как всегда, несешь чушь, — ответил Раммар. — Планы здесь строю я, забыл уже, что ли? Лучше всего будет дожждаться сумерек. Мы спрячем буер и остаток пути пройдем пешком под покровом тумана. Как проникнуть в храм, подумаем, когда доберемся до него.

— Но ведь я так и сказ...

— Не стой столбом и прекрати считать ворон! — оборвал Раммар брата. — Быстренько спусти парус и позаботься о том, чтобы замедлить ход — или хочешь еще раз налететь на сосульку?

Бальбок покачал головой и в который раз укрепился во мнении, что брат сильно недооценивает его. Когда-нибудь, сказал он себе, мне представится возможность доказать Раммару, что я довольно хитрый орк. Но до тех пор лучше придерживаться указаний брата — а это значит, нужно взобраться на мачту и, держась за реи, спустить парус.

То была очень опасная работа, поскольку ледяной ветер пытался стряхнуть Бальбока с мачты. Но чем больше он спускал грот, тем меньше возможности для атаки оставалось у ветра, и скорость буера заметно снизилась.

Перед ними все выше вздымался ледяной храм, и орки смогли разглядеть некоторые детали. На первый взгляд эльфийская святыня была похожа на огромную ледяную глыбу, но при ближайшем рассмотрении можно было заметить высокие окна и балконы. Внутри был виден холодный свет, но ничто не шевелилось.

— Где же остроухие? — спросил Бальбок.

— А я откуда знаю? — раздраженно ответил Раммар. — Может быть, как раз медитируют или проводят один из своих ритуалов. Эльфы часто занимаются такой гадостью.

Это должно быть нам на руку, потому что чем больше занят этот эльфийский сброд, тем меньше внимания обратят на нас.

Они подъехали к следующей ледяной игле, в тени которой и пришвартовали буер. Но прежде чем покинуть корабль, они как следует пообедали. *Фарамх бру доук сабаль'док*, как говорится в древней орочьей поговорке — голодное брюхо к сражению глухо. Поэтому Раммар и Бальбок хорошенько подкрепились сушеным мясом, обнаруженным в кладовой буера. То, что оно немного покрылось плесенью и подгнило, их не смущало. Напротив: на вкус орков гниль придает настоящую пикантность и тешит желудок.

Затем они собрали свое оружие. Взяли также канат. Дождались сумерек, которые должны были продлиться целую ночь. Как это обычно бывало здесь, на севере, вечером опустился туман и серым саваном опутал ледяную поверхность. Оба орка оставили судно и выступили в направлении храма. Поклажу и штандарт они оставили на буере.

Серо-белые накидки из медвежьего меха, прежде принадлежавшие варварам, не только защищали Раммара и Бальбока от пронизывающего холода, но и помогали в этом сумеречном свете почти слиться с туманом. Держась ледяных игл, окружавших храм, словно гигантские палисады, братья продвигались к цели. Вечный снег скрипел под их шагами, дыхание белыми клубами пара вырывалось из носов.

— Знаешь, какой вопрос я задаю себе? — прорычал Раммар брату.

— Какой? — спросил Бальбок.

— Я спрашиваю себя, смог ли бы Гиргас оценить весь этот спектакль, который нам из-за него доводится терпеть. Я имею в виду, приходилось ли тебе когда-либо слышать об орке, который отправляется на край света, чтобы добыть потерянную голову своего предводителя?

Бальбок ненадолго задумался.

— Нет, — признал он.

— Если бы эти *умбал'хай* там, дома, в *больбоуге*, знали, на что мы идем, чтобы достать дурацкую черепушку Гиргаса... Мы сражались с гулями и пауком, прокрались к карликам и десятками рубили людей. Неплохо для двух орков, которых с позором изгнали из деревни, правда?

— Я тоже так считаю, — согласился Бальбок с братом.

— Знаешь что? Нужно рассказать им это, слово в слово. Всю историю, с самого начала.

— Имеешь в виду сагу? Как рассказывают карлики?

— Глупости. Я имею в виду не историю маленьких бородачей, которые ищут кусочки золота в дерьме. Кого это интересует? Я говорю о саге о двух орках, которые совершают великие дела и учат своих врагов бояться. История о храбром Раммаре и его помощнике Бальбоке, которые сразились с эльфами, чтобы принести в *больбоуг* голову великого Гиргаса.

— Звучит хорошо, — усердно кивнул Бальбок. — Но почему она должна называться «Храбрый Раммар и его помощник Бальбок»? По-моему, лучше будет звучать «Храбрый Бальбок и его помощник Раммар».

Раммар ничего не ответил, только бросил на брата из-под мехового капюшона уничтожающий взгляд.

— И еще кое-что, — продолжал критиковать Бальбок. — Паука, гулей и людей мы победили, это правда. Но с эльфами мы еще не справились, и не думаю, что они добровольно вручат нам карту.

— Да что ты говоришь!

— Я слышал, что эльфы оснащают свои крепости и храмы ловушками. Кроме того, там должны быть бесконечно разветвляющиеся коридоры, в которых легко потерять ориентировку и заблудиться. И хотя эльфы постепенно исчезают из нашего мира, они все еще остаются лучшими мечниками среди всех, а их лучники могут поразить любую цель, и не важно...

— Хорошо, — раздраженно перебил его Раммар. — Такие тонкости мне не нужны!

Брат обладал неподражаемым умением портить настроение.

Они дошли до последней ледяной иглы, за которой и спрятались. Отсюда хорошо был виден храм, поднимавшийся перед ними во всем своем величии и мощи. Орки разглядели, что стены состояли на самом деле не из льда, а из белого камня, покрытого слоем замерзшей воды. А еще разглядели, что строение это создано не силами природы, а подчинено строгой геометрии. Кто бы ни создал храм, он хотел, чтобы издалека храм выглядел похожим на ледяную глыбу. И только приблизившись, можно было разглядеть, что это храм-крепость.

Братья заметили также и большие ворота, белоснежные створки которых были едва различимы в крепостной стене. Они были заперты, и через узкие окна над ними Раммар и Бальбок увидели смутные очертания каких-то фигур. Стражники, которые поднимут тревогу, как только обнаружат обоих орков.

— Вот дерьмо, — заметил Раммар. — И что же теперь?

— Ворота на замке, — пояснил Бальбок очевидный факт. — Нам придется поискать другой путь.

— Какой ты умный, — скорчил гримасу Раммар. — И как ты собираешься это сделать? Прогрызаться сквозь скалу?

Но Бальбок не позволил так быстро сбить себя с толку — после всего того, что они пережили. Он обвел взглядом ледяные стены храма и обнаружил узкое отверстие, выходящее на юг.

— Там! — крикнул он и показал вверх.

— И что это такое?

— Окно. Вот туда нам и нужно.

— Вот туда нам и нужно, — передразнил Раммар брата. — Ты хоть соображаешь, насколько это высоко? Да мы никогда в жизни туда не заберемся!

— Ты — нет, — ухмыльнувшись, согласился с ним Бальбок. — А я — да.

Мгновение Раммар раздумывал над тем, не дать ли брату за такую наглость затрещину. Заминка была только в одном — Бальбок был прав. Младший орк, сильный и жилистый, вполне мог взобраться по канату в окно. Зато Раммар со своим весом и десяти ростов не пролезет. Кроме того, разве не мудрее остаться здесь и подождать, пока Бальбок принесет карту? Он ведь только что читал ему доклад о том, какие эльфы великолепные мечники и лучники и что они укрепляют свои крепости и храмы ловушками. Ох уж этот задавака! Если он так хорошо разбирается в эльфах и даже вроде как знает, что его ожидает за стенами, то пусть и проворачивает дело в одиночку...

— Понимаю, — хитро сказал Раммар. — Ты не хочешь идти со мной. До сих пор тебе нужна была моя смекалка, но теперь я для тебя — только препятствие, и ты хочешь сделать все, чтобы сага, которую когда-нибудь будут рассказывать в нашем *больбоуге*, называлась не «Храбрый Раммар и его помощник Бальбок», а «Храбрый Бальбок и его помощник Раммар». Ну что ж... — Он пожал плечами. — Я на тебя не сержусь. Иди же и добудь эту карту. А я подожду тебя здесь.

— Ты не хочешь идти?

— Ты что, действительно настолько глуп, как кажешься? — засопел Раммар. — Я с удовольствием пошел бы, но *не могу*, ты же сам это сказал. Я слишком толстый, чтобы взобраться по канату.

— А если бы была другая возможность?

Раммар не заметил молний в глазах брата, иначе был бы осторожнее. А так он легкомысленно заявил:

— Если бы была другая возможность, для меня не было бы ничего приятнее, чем последовать за тобой. В конце концов, на протяжении всего приключения мы были вместе, и я хочу, чтобы вместе мы его и закончили.

— *Kopp*, — с ухмылкой кивнул Бальбок. — Тогда я скажу тебе, что мы сделаем: я взберусь наверх, а потом подтяну тебя на канате.

— Т-ты хочешь втянуть меня наверх?

— Именно.

— А... А если ты меня уронишь?

— Тогда тебе больше не придется беспокоиться об эльфах, — с редкой для него решительностью ответил Бальбок. — Что такое? — добавил он, видя колебания брата. — Что-то не так? Ты же только что непременно хотел быть рядом, а теперь...

— Ну, хорошо, хорошо, я согласен, — успокоил его Раммар. — А как ты собираешься закрепить канат наверху, чтобы самому туда взобраться?

— Я привяжу канат к своему *сапарак* и заброшу его в окно, — ответил Бальбок.

— А ты попадешь? Ты умеешь так высоко бросать?

Бальбок только усмехнулся.

— Хм. — Раммар надул губы. — До этого я мог бы и сам додуматься. Но предупреждаю тебя: если ты опять наворишишь *инорша* и нас обнаружат, я сделаю с тобой гораздо более страшные вещи, чем сумеют придумать остроухие.

— Хорошо. — Бальбок равнодушно пожал плечами — если бы каждый раз, когда брат угрожал ему страшным концом, он делал зарубку на древке секиры, то ею сейчас уже нельзя было бы пользоваться.

И долговязый спокойно принялся готовиться к опасной миссии. Снял с плеча колчан со стрелами и лук, размотал канат и принялся через равные промежутки завязывать на нем узлы.

— А это еще зачем? — недовольно спросил Раммар.

— Чтобы не соскользнуть, — пояснил Бальбок, и Раммару пришлось признать, что идея вовсе не глупа. Окончив работу, Бальбок снова свернул канат и перебросил его через плечо. К концу он крепко привязал *сапарак*.

— Ты уже заканчиваешь собираться? — нетерпеливо спросил Раммар.

— Почти.

— Так давай выступать, жалкое чудище. И смотри, чтобы нас не поймали, понял?

Бальбок проворчал что-то нечленораздельное и тронулся в путь. Согнувшись, набросив на голову капюшон плаща, он помчался к стене, отвесно возвышавшейся перед ним, в которой находилось искомое отверстие.

От одного вида покрытого льдом камня у Раммара кровь застыла в жилах. Мысль о том, что придется карабкаться по канату, ему совершенно не понравилась. Он то и дело смотрел на ворота и на окна, за которыми виднелась стража. Хотя Бальбок был хорошо замаскирован туманом и одеждой, осторожность все же не помешает.

К счастью, ни один из стражников, с трудом различимых через окошки, не заметил орка, наконец добравшегося до подножия стены. Бальбок поспешно сбросил плащ, снял с плеча канат и положил его на землю. Затем нацелил *сапарак*, намереваясь забросить его в окно.

— *Дарр малаш*, — проворчал Раммар. — Этот слепой пес ни в жизнь не попадет...

Бальбок отошел на три шага назад, разбежался и изо всех сил метнул *сапарак*.

Оружие взлетело почти вертикально вверх, вдоль обледенелой стены, таща за собой канат. Раммар задержал дыхание и прижал кулаки к глазам.⁶ Копье замедлило полет, повернулось в воздухе — и в следующий миг, к безграничному удивлению Раммара, действительно исчезло в окне.

— Ах, этот жалкий ублюдок, — восхищенно прошептал Раммар. — Иногда он бывает самой настоящей продувной бестией!

Плащ Бальбок оставил внизу, потому что он мешал бы карабкаться. Обхватив канат обеими лапами, орк дернул за него, чтобы он натянулся. Рывком проверив его на прочность, орк с удовлетворением заметил, что *сапарак* застрял в каменном подоконнике. Бальбок начал подъем.

⁶ Орочье соответствие человеческому суевию «держат скрещенными пальцы».

Сначала он пытался упираться ногами в стену, но поскольку она была скользкой, держаться было не за что. Поэтому Бальбоку оставалось только подтягиваться на лапах, обхватив канат ногами, — такое напряжение сил, при одном только виде которого Раммара бросило в жар. Продолжая прижимать кулак к глазу, открыв от удивления рот, низенький орк наблюдал за тем, как брат лезет по канату. При этом он поймал себя на том, что задерживает дыхание, опасаясь за жизнь Бальбока.

— Что это еще такое? — спросил он сам себя. — Какое мне дело, даже если этот *умбал* упадет и сломает себе шею? Пока это не моя шея... *Бальбок* !

У Раммара вырвался негромкий крик, когда он увидел, как брат потерял опору. Схватившись за пустоту, Бальбок не поймал канат — и полетел вниз!

Три или четыре человеческих роста летел он, но затем ему удалось ухватиться за канат — за один из спасительных узлов, завязанных еще на земле.

— Ах ты глупый, неловкий придурок! — испутив вздох облегчения, принялся ругаться Раммар. — Разве можно так меня пугать?

Затаив дыхание, он стал смотреть, как Бальбок снова полез вверх. Раммар видел, что силы постепенно оставляют брата, и тем не менее он взбирался дальше, все выше и выше — и наконец достиг окна.

Отверстие было больше, чем казалось снизу, и Бальбок преспокойно забрался внутрь. На мгновение он исчез, и Раммар не знал, чего ему больше хочется: может, чтобы Бальбока обнаружили эльфы-стражники и убили, чтобы ему не пришлось выполнять этот страшный подъем, но тогда он не получит карту, а значит, и голову Гиргаса, что опять же повлечет за собой неприятные последствия.

К его огромному сожалению и в тоже время к облегчению. Бальбок снова вскоре появился в окне. Очевидно, он просто как следует привязывал канат. И вот настал миг, которого Раммар опасался все это время; Бальбок помахал ему лапой, призывая к себе.

— *Шнорш* .

Мгновение Раммар колебался.

Что делать?

Ему не нужно брать на себя эту ответственность, никто не сможет его заставить. То, что он самый настоящий орк, он доказал еще во время схватки с гулями и варварами. А брату, этому глупцу и идиоту, он совершенно не должен чувствовать себя обязанным. Нужно только повернуться и идти отсюда прочь. Вон там стоит буер. Все, что нужно сделать, это сесть на буер и ехать прочь, и совсем скоро позади останутся и храм, и эльфы, и все остальное.

И конечно же, Бальбок.

Раммар хотел уже повернуться, чтобы поступить так, как подсказывал ему разум. Он всегда придерживался его советов, поступит так и теперь.

Но была одна небольшая загвоздка — он не мог.

— Черт побери, Раммар, что это с тобой? — набросился толстяк сам на себя. — Раньше ты просто повернулся бы и только бы тебя и видели, ты воспользовался бы возможностью спасти свой *асар* . Ты постепенно стареешь и становишься сентиментальным. Это будет стоить тебе жизни!

И, хотя его ясный и верный орочий здравый смысл всячески отговаривал его, Раммар выбрался из укрытия и ринулся к стене, пригнувшись и натянув на голову капюшон, как это ранее сделал Бальбок. Теперь стражники не могли увидеть его, и он надеялся на то, что так будет и впредь. Полагаясь на сумерки, туман и свой маскирующий плащ, он хрипя бежал дальше и наконец добрался до стены.

И вот, когда он поднял голову, цель показалась ему еще выше, чем виделась из укрытия, и орк едва опять не передумал. Словно желая помешать самому себе бежать, он схватил почти замерший канат и обмотал вокруг своего толстого живота, завязав на несколько узлов. Затем помахал лапой Бальбоку — и сомнительное удовольствие началось...

Снова прошли дни — дни, когда не происходило ничего, а постоянной спутницей Аланны была тягучая скука. В поисках разнообразия Верховная священнослужительница Шакары проводила бо льшую часть дня, стоя у окна в своих покоях и глядя на Белую пустыню, над которой в это время года никогда не садилось солнце.

Только дважды в день — когда звучал рог Фаравина, призывая к молитве, и когда проводились храмовые ритуалы — Аланна покидала свои покои. Все, что мог предложить храм в качестве развлечений — от садов Мирона с горячими источниками и до больших залов с колоннадами, где она любила бродить в молодые годы, — она исчерпала без остатка. Они не развлекали ее, и эльфийка начала понимать, почему многим из ее народа жизнь в этом мире опостылела и они начинали тосковать о Дальних Берегах.

Аланна тоже ощущала глубинную тягу покинуть мир смертных, и с каждым уходящим днем, не приносящим ничего, способного вырвать ее из этой вечной летаргии, она становилась все сильнее. Ужасно — столетиями ждать исполнения пророчества, особенно когда в конце концов оно оказывается ложью. Великое предсказывал Фаравин Видящий, но оно не сбылось. И каждый год, который Аланна прождала напрасно, разрушал ее терпение, возвращал ее недовольство. И очевидно, не только ее.

Два дня назад из Тиргас Дуна прибыло посольство, которого с таким нетерпением ожидали священнослужительница и ее служанки. Но первоначальная радость Аланны по поводу того, что в ее свинцовых буднях в Шакаре наконец-то наступит разнообразие, вскоре сменилось ужасающим отрезвлением: князя Лорето не было среди послов. Зато ей передали письмо, как раз от того самого эльфийского князя, которого всей душой любила Аланна.

Аланне не было нужды перечитывать письмо, чтобы вспомнить его дословно. Ее глаза снова и снова блуждали по строкам, не понимая содержания, так что вскоре она выучила его наизусть.

Возлюбленная Аланна.

Много времени прошло с тех пор, как я последний раз был в Шакаре, — времени, которое я использовал для того, чтобы заглянуть в свое сердце и подумать о нас с Вами и о судьбе этого мира. И принял решение, о котором хочу сообщить Вам как можно короче, чтобы не слишком злоупотреблять Вашим драгоценным вниманием. После того как Высокий Совет снова предложил мне покинуть Тиргас Дун и следующим же кораблем отплыть к Дальним Берегам, я наконец согласился. Уже совсем скоро я оставлю этот мир, чтобы начать новую жизнь на родине нашего народа, что не налагает на меня ни обязательств, ни обязанностей. Я знаю, что это решение, бесспорно, причинит Вам боль, но я прошу Вас понять меня. Родина нашего народа предлагает мне все, на что я когда-либо мог надеяться. Зато нашей любви осуществиться не суждено, до тех пор пока однажды не исполнится пророчество, которому посвящено Ваше существование.

И все же очень многие из нас догадываются, что этому не суждено сбыться никогда. У нас никогда не было будущего — для меня оно находится на Дальних Берегах.

Простите, что я не смог явиться, чтобы лично сообщить Вам о своем решении, но сейчас мое присутствие необходимо в Тиргас Дун. Еще многое нужно сделать, спланировать и подготовить, прежде чем я наконец смогу вернуться туда, где все началось.

*Навеки Ваш
Лорето,
Князь Тиргас-Дунский*

— Князь Тиргас-Дунский... — с горечью прошептала Аланна. Он даже не подписался своим *эссамиумом*. Каждому эльфу мужского пола при рождении дается второе имя, которое он сообщает только своим близким. Аланна принадлежала к этому кругу избранных — хотя это было запрещено.

Поскольку она была Верховной священнослужительницей Шакары, ей было запрещено

вступать в связь, будь то со смертным или с потомком эльфийского рода. Ей также было запрещено делить постель с мужчиной, пока не исполнится то, что некогда предсказал Фаравин, потому что все ее желания должны были служить исключительно сохранению тайны. Поэтому их с Лорето любовь должна была остаться неисполненной и существовать только на духовном уровне. Князь всегда утверждал, что ему этого достаточно и что это даже больше того, на что он когда-либо мог надеяться. Похоже, это было не совсем правдой.

Аланна испытывала глубокую обиду.

Похоже, князя интересовало только свое собственное благополучие и собственное будущее. А она-то всегда думала, что он не такой, как те ограниченные эльфийские князья, что заседают в Высоком Совете и называют себя Владыками Мира, который постепенно превращается в груды развалин. Эльфийская империя давным-давно уже не так велика, включает в себя только земли на юге, граничащие с морем. Род сыновей Мирона ослаб и так сильно затосковал по отрешенности Дальних Берегов, что потерял свои древние добродетели и ценности. Лорето был лучшим тому примером.

Аланна закрыла глаза, чтобы сдержать слезы. Она уже надела белоснежное праздничное одеяние, и за ней вот-вот должны были прийти, чтобы она исполнила ежедневный ритуал. От Верховной священнослужительницы Шакары ожидали, что при этом она будет излучать непоколебимую уверенность и глубокое убеждение в том, что пророчество исполнится. И слезы здесь ни к чему.

Но Аланна не была убеждена, а в сердце ее царили печаль и гнев. Гнев из-за позорного предательства Лорето, печаль о том, что жизнь ее — жизнь пленницы.

Хотя ее служба и происхождение обеспечивали ей все возможные привилегии, она была заточена в храме, привязана к железным правилам и ритуалам, которые не позволяли ей делать то, что велит сердце. Если бы она могла поступать по своему усмотрению, то давным-давно покинула бы Шакару, сев на первый же корабль, отплывающий к Дальним Берегам в отчаянных поисках того, что могло бы изменить ее монотонную жизнь. С этой точки зрения она даже не могла винить Лорето за принятое решение, но от этого было еще тяжелее.

Представители ее народа покидали этот мир один за другим; скоро никого из них не останется в *амбере*, и падут гордые стены Тиргас Дуна. Гордость эльфов падет, а Аланна будет обречена наблюдать это падение до самого конца, и столетиями ждать того, что никогда не сбудется.

Как же хотелось Аланне вырваться отсюда.

Как она сожалела о том, что вынуждена исполнять свои обязанности.

Почему не происходит ничего, что могло бы изменить все это?

Служанка постучала в двери и сразу же вошла в комнату. Она пришла за Аланной.

Ритуал начинался снова, в бесчисленный по счету раз...

10. Киод ур'сул'хай-коул

Раммар пережил тысячу смертей.

Орк висел на головокружительной высоте на канате, обвязанном вокруг его живота, и постепенно прощался с жизнью. Яркими вспышками перед его мысленным взором возникали подвиги (и ему приходилось признать, что их было постыдно мало). Беспомощно болтаясь в воздухе между жизнью и смертью, Раммар клялся себе измениться, если только он переживет это безумие, а не расплывется мерзким жирным пятном у подножия стены.

Если бы ситуация позволяла, он громко завопил бы о том, как ему страшно. Но даже охваченному паникой Раммару было ясно, что тем самым он привлечет к себе внимание стражников, а это было еще менее здраво, чем висеть над пропастью на канате, угрожающе скрипевшем от каждого дуновения ветра.

Раммар пытался по возможности помочь брату, который тащил канат, но на обледелой стене сапоги не находили опоры, поэтому оставалось только беспомощно

раскачиваться. Другого выхода, кроме как поверить брату, у него не было — в понимании Раммара это было сущим кошмаром. И, хотя именно Бальбок сейчас буквально держал его жизнь в своих лапах, злость Раммара на него росла с каждым мгновением. В конце концов, ведь один Бальбок и виноват в том, что он оказался в этом дурацком положении — точнее, повис. Ну что за бредовая идея — втаскивать его на канате!

Когда Раммар наконец достиг окна, он истрепал себе все нервы и пребывал в несколько раздвоенном состоянии. С одной стороны, он испытывал невообразимое облегчение по поводу того, что это рискованное приключение окончилось, а с другой стороны, его едва не разорвало, когда он увидел ухмыляющуюся физиономию Бальбока.

— Ну как? — вдобавок ко всему спросил худощавый орк. — Повеселился, а?

— Повеселился ли я? — Изрыгая самые страшные орочьи проклятия, Раммар протиснулся в окно, внезапно показавшееся ему чересчур узким, и спрыгнул на пол. Колени подгибались, словно складные. — Ты хочешь знать, повеселился ли я?

Бальбок кивнул.

— Нет, дурья твоя башка, я не повеселился! Интересно, понравилось ли бы тебе висеть привязанным к веревке на головокружительной высоте, а тебя при этом еще потихонечку тянули бы вверх? Это было унижительно, понимаешь?

Бальбок посмотрел на него остановившимся взглядом. Честь не входила в список тех вещей, которые особенно ценили орки. Наоборот, они обычно прилагали максимум усилий, чтобы растоптать чужую честь. Если же орк размышлял о собственной чести, он считался человечным и изнеженным.

Все это Раммар осознал в один миг, потому что, засопев, замахал лапами.

— Ладно, — проворчал он, — забудь. Главное, что ты не уронил меня, и мы оба теперь наверху. То есть — а где именно мы находимся?

— Похоже на длинный коридор, — ответил Бальбок, указав на ход из белого камня, в котором на равном расстоянии друг от друга были проложены поперечные ходы. Вдоль стен стояли колонны, и все здесь освещалось тем же холодным, нереальным голубоватым светом, который сиял с башни храма.

— Придурок, конечно же, это длинный коридор, — ответил Раммар. — Вопрос только в том, куда он ведет. И как, пламя Курула, нам найти в этом лабиринте карту, которая нужна колдуну?

Вместо ответа Бальбок наморщил нос, принялся и тихонько вымолвил:

— Кто-то идет.

Они с братом переглянулись, а потом спрятались за колоннами у противоположных стен.

Минула пара ударов сердца, и когда Бальбок рискнул осторожно выглянуть из-за колонны, он увидел эльфа. На нем было просторное одеяние из блестящего шелка, таинственно сверкавшего в голубоватом свете. Его волосы были коротко острижены, так что виден был признак расы: остроконечные уши, не торчавшие, как у орка, а прилежавшие к голове.

Все остальные признаки эльфийской породы тоже были налицо — те признаки, которые делают эльфов в глазах орков самыми отвратительными созданиями во всем *сохгале*: белая кожа, из-за которой все они похожи на ходячих мертвецов, узкие водянисто-голубые глаза, высоко очерченные брови, которые, по мнению орков, свидетельствуют о подлости этих существ, и вообще вся точность их фигуры и движения; казалось, вместо того чтобы ходить, эльфы парят над землей. Орков это приводило в бешенство. Что можно думать о существе, приближение которого не выдают громкий шум и топот?

Эти эльфы вечно подкрадываются, вечно болтают впустую, делают многозначительные замечания, ведут себя, словно бабы — все это приводило в отчаяние порядочных орков, так что вполне понятно было, почему оба народа с самого начала времен друг друга терпеть не могли. Между людьми и орками еще можно найти кое-какое сходство, не зря же они когда-то были союзниками, хотя кончилось все это разладом. Но эльфов и орков разделяла

пропасть, шире любого моря и глубже самой глубокой лужи Курула. Они были словно день и ночь, и никто ни на чей счет не обольщался.

Ко всему прочему эльф шел по коридору прямо к ним. Раммар и Бальбок украдкой высунулись из своих укрытий и приняли спонтанное решение, по поводу которого провели быстрое совещание перемигиванием и переглядыванием: нужно выяснить дорогу к карте Шакары. С присущим их расе нетерпением, оба орка ждали. Когда эльф прошел мимо колонн, за которыми таились орки, оба набросились на него, словно хищные звери.

Нападение было для эльфа полнейшей неожиданностью. Раммар обрушился на него всем своим немалым весом и сбил с ног. Бальбок тут же подскочил, чтобы разоружить пленника. Но все, что было у эльфа, это украшенный символами жезл, который орк презрительно отбросил в сторону. Бальбок достал кинжал и приставил его к горлу эльфа. Узкие глаза пленника заметно расширились и в паническом страхе уставились на орков.

— Ты говоришь на языке людей? — набросился на эльфа Раммар, сидя на нем и прижимая его к полу.

Судорожный кивок был ему ответом.

— Тогда говори быстро, где карта?

— К... карта? — Эльф говорил странным певучим голосом — тоже противная оркам привычка.

— Ну да, карта! — пролаял Раммар. — Не притворяйся, что ты глупее, чем есть на самом деле, остроухий! Ты хорошо знаешь, о чем я говорю! Так?

— Я... я знаю, — пролепетал эльф, а ком в его горле перемещался то вверх, то вниз, показываясь то над, то под клинком кинжала Бальбока.

— Очень хорошо. Тогда давай быстренько говори — пока мы не забыли о хороших манерах и не разрубили тебя от макушки до пят!

— Зачем вам карта? Откуда вы знаете?..

— Это тебя никакой драконьей шкурой не касается, откуда мы о ней знаем. Ты нам сейчас просто скажешь, где нам эту чертову штуку найти, мы заберем ее — и баста!

— Вам нужна карта?

— Спокойно! — прикрикнул Раммар и с такой силой подскочил на бедном эльфе, что у того перехватило дыхание. — Вопросы здесь задает только один, и это я. Итак — где нам найти карту Шакары? Давай же, эльфеныш, или твоя жизнь закончится прямо здесь и сейчас!

Эльф в ужасе переводил взгляд с одного орка на другого.

— Н-нет никакой карты, — выдавил он из себя наконец.

— Что он сказал? — ничего не понимая, посмотрел на брата Бальбок. — Ты был прав, по-человечески я говорю действительно очень плохо. Я так понял, что карты нет.

— Остроухий так и сказал, — проворчал Раммар, снова оборачиваясь к эльфу. — Думаешь, ты такой хитрый? Думаешь, существа вроде тебя могут вести себя нагло по отношению к оркам? погоди, парень, мой брат вспорет тебе пузо и все твои кишки...

— Но я говорю правду, — заверил его эльф. — Карты Шакары нет. По крайней мере, в вашем ее понимании.

— Ах, нет? А что же есть?

— Это не такая карта местности, как все остальные, — пояснил пойманный эльф; жизнь показалась ему важнее сохранения тайны. — Она не начертана ни на пергаменте, ни на коже, не вырезана в камне. Карта Шакары существует только в сознании Верховной священнослужительницы храма.

— Хе? — Морщины на лбу Раммара стали такими глубокими, как будто их вырезали ножом. — Это еще что за дрянь?

— Это правда, — заявил эльф. — На протяжении поколений карта Шакары передавалась от одной Верховной священнослужительницы к другой. Только в их душах смогла карта пережить столетия, и только в этом заключается причина того, что ее до сих пор не украли. Пытались уже многие, такие же головорезы, как вы, но никому не удавалось даже приоткрыть завесу тайны.

— Вот как? — Раммар прищурил один глаз, а вторым злобно уставился на эльфа. — А почему ты тогда рассказываешь нам эти байки? Вы, бледнолицые, обычно такие молчаливые, когда дело касается ваших тайн.

Эльф рассмеялся и закашлялся, и, хотя это не очень подходило к его бледным, отрешенным чертам лица, уголки губ его скривились в неприкрытой насмешке.

— Потому что это уже не важно, — ответил он. — Наше время в этом мире подходит к концу. Придут другие и захватят власть — парни вроде вас, которые готовы рвать друг другу глотки за власть и богатство. И теперь не играет никакой роли, узнаете ли вы тайну карты или нет, потому что это все равно вам не поможет. У людей и орков нет будущего — а меня и мне подобных ждут Дальние Берега.

— Дальние Врага? — поднял брови Бальбок.

— Берега, — поправил его Раммар. — Это такое место, куда убираются все остроухие. Так ведь?

Лицо эльфа оставалось насмешливым.

— Вы ничегошеньки не знаете. Примитивные варвары, вот вы кто.

— Думай, что говоришь, бледнолицый! Когда я вырежу твой язык, ты перестанешь так дерзко разговаривать со мной.

— Ну, хорошо. Склоняюсь перед лицом грубой силы, — произнес эльф, преодолевая удивление и беря себя в руки. — Но позвольте сказать, что вам искать здесь нечего. Наши предки позаботились о защите от воров, вроде вас.

— Итак, карты не существует? — недоверчиво спросил Бальбок.

— Я ведь так и сказал, разве нет?

— И тайна известна только Верховной священнослужительнице?

— Так и есть.

Бальбок посмотрел на брата.

— Тогда почему бы нам просто не забрать эту священнослужительницу с собой? Колдун вытрясет из нее все, что ему нужно знать.

— Великолепная идея, — кивнул Раммар. — Я тоже подумал что-то в этом роде.

— Значит, так мы и сделаем?

— Можешь быть в этом уверен.

Поскольку последние фразы были произнесены на языке орков, то эльф ничего не понял, зато увидел ухмылки обоих братьев.

— Что вы задумали? — несколько раздраженно спросил он. — Я ведь сказал вам, что искать вам здесь нечего.

— Нет, эльфеныш, — возразил Раммар. — Ты только сказал, что карты не существует, вот и все.

— Ну и что? — У эльфа появилось дурное предчувствие.

Раммар усмехнулся еще шире.

— Где нам найти Верховную священнослужительницу Шакары?

— Вы ведь не собираетесь?.. — Эльф перевел взгляд с одного на другого. Когда он увидел, что оба, усмехнувшись, кивнули, его едва не охватила паника. — Вы не можете так поступать! — воскликнул он. — Так нельзя! Вы не имеете на это никакого права...

— Наоборот, остроухий, — сказал Раммар. — У нас на это есть необходимое право, а именно — право сильного. Твоя раса слишком долгое время задавала тон. Теперь мы, орки, возьмем то, что нам причитается. И начнем со жрицы. Где она? Говори, или хочешь, чтобы я вспорол тебе брюхо до того, как ты увидишь землю своих предков?

Слова Раммара попали в точку. Соппротивление эльфа было сломлено, словно старая кладка. Если он не скажет оркам, где найти Верховную священнослужительницу, это сделает кто-нибудь другой. Стражи храма должны захватить обоих орков. Может быть, он найдет способ предупредить их...

— Ну, хорошо, — согласился он, стараясь при этом сохранить остатки своего достоинства. — Чтобы снова и снова вызывать в памяти карту Шакары, Верховная

священнослужительница один раз в день проводит ритуал Эниалии.

— Ага, — проворчал Раммар, который на самом деле ничего не понял. — А где и когда проходит ритуал?

— В помещении храма — как раз сейчас, в этот миг.

— Тогда не будем терять времени, — сказал Раммар. Бальбок кивнул, поднял канат, обмотал его вокруг эльфа и связал того.

— Ч-что это вы делаете?

— Как что? Связываем, чтобы взять тебя с собой.

— С собой? Но...

— Ты покажешь нам, как в этом лабиринте переходов найти помещение храма — здесь же все выглядит еще хуже, чем в самой глубине внутренностей Торги. И горе тебе, если ты считаешь нас дураками, эльфеныш. Тогда тебе не поздоровится.

— В-вы совершаете большую о... — Эльф умолк, потому что Бальбок засунул немалую часть эльфовой одежды ему же в рот в качестве кляпа. А потом взвалил пленника себе на плечо, словно мешок.

— Вот и ладно, — Раммар был доволен. — В какую сторону идти?

— М-м-х, — произнес служитель храма, выглядевший довольно несчастным.

— А ну, говори быстро, да так, чтобы мы тебя поняли! — потребовал Раммар, пригрозив для пущей убедительности кулаком.

— М-м-х... м-м-х — Эльф указал подбородком на коридор.

Орки кивнули и, держа оружие в лапах, устремились по узкому, покоившемуся на колоннах, коридору.

У одного из перпендикулярных ходов эльф подал знак повернуть направо, через некоторое время пришлось повернуть налево. Еще несколько перекрестков — и Раммар и Бальбок потеряли ориентир и уже не знали, где находятся — ясно было только одно, что они спустились все глубже и глубже в храм.

Вдруг раздались голоса.

Орки застыли и прислушались. По коридору шел отряд эльфов, прямо на них, и, судя по звону, сопровождавшему их голоса, все они были вооружены.

Стража храма.

— Быстро, туда! — кивнул Раммар брату, указывая на боковой ход. — И чтобы ни гугу, остроухий, иначе конец тебе!

Орки вместе с пленником скрылись в боковом коридоре, подняв оружие, чтобы в случае необходимости продать свои жизни как можно дороже. Поскольку голубоватое сияние, заполнявшее коридоры, было везде одинаковым, то теней, в которых можно было бы укрыться, не было. Оставалось только тесно прижаться к стене и надеяться, что стража их не обнаружит.

Голоса и звон стали громче. Их было, должно быть, не меньше дюжины. Раммар и Бальбок обеспокоенно переглянулись, а клинок кинжала Бальбока крепче прижался к горлу пленника.

Кто-то отдавал приказы на поющем эльфийском языке. В следующий миг мимо бокового коридора прошел отряд.

Орки не ошиблись.

Это были стражи храма, целый взвод. Поверх доспехов из сверкающего серебра у них были белые плащи, из-под которых торчали рукоятки изогнутых эльфийских клинков. На шлемах, оставлявших открытыми лица, развевались плюмажи. На щитах были изображены стилизованные кристаллы льда, символ храма Шакары. Они маршировали в сомкнутом строю, двигаясь с угрюмой решимостью.

Раммар невольно вспомнил о том, что рассказывал ему Бальбок об эльфийских воинах. Низкорослый орк заметил, что ладони, сжимавшие *сапарак*, увлажнились. Он с испугом спросил себя, сколько стражников он сумеет столкнуть в лужу Курула, прежде чем их мечи изрубят его на куски — пожалуй, что и ни одного...

Оркам оставалось только вести себя тихо-тихо, пока стражники не пройдут мимо. Ноздри Бальбока затрепетали, когда пленник заворочался у него на плече, но орк только крепче схватил его и прижал кинжал к горлу эльфа, так что тот перестал сопротивляться.

Казалось, прошла целая вечность, прежде чем стражники наконец удалились. Счастье орков, что дисциплинированные воины смотрели только вперед, а не по сторонам, и не заметили ни вторгшихся в храм орков, ни их заложника. Наконец взвод исчез, и Бальбок решился не только шумно вздохнуть, но и выразить свое облегчение иным способом.

— Черт побери! — зашипел на него Раммар. — Разве это обязательно? Нам и так повезло, что длинноносые нас не учуяли. А ты хочешь выдать нас пусканием газов!

— Прости, — шепотом ответил Бальбок. — Мне очень захотелось.

— Если ты сделаешь еще что-либо подобное, то мне захочется разmozжить твой череп, *умбал* ты этакий! — ворчливо пообещал Раммар. Затем он повернулся к пленнику, которому стало так плохо от газов Бальбока, что он закатил глаза. Раммар вынул кляп у него из рта. — Куда теперь? — поинтересовался Раммар. — И берегись вести нас туда, где будет еще больше стражников!

— В-вон туда, — бесцветным голосом прошептал эльф. — Помещение храма уже совсем близко.

— Хочется надеяться, — заверил его Раммар и снова заткнул ему рот. Компания орков со связанным эльфом тронулась в путь, дальше по широкому коридору, потом по целой куче ответвлений и лестниц. Теперь орки были еще более внимательны, чем раньше. Едва заслышав подозрительный шорох, они застывали в ожидании; и только удостоверившись, что им не угрожает опасность, снова продолжали путь.

Наконец они добрались до коридора, роскошнее и шире остальных, его куполообразный потолок поддерживали не колонны, а статуи. Белый алебастр сверкал в голубоватом свете, словно лед. Кого представляли статуи, Бальбок и Раммар не знали; наверняка это были какие-нибудь выскочки из истории эльфов, которых в прошлом этого народа было действительно в избытке. Для орков же все эти морды выглядели не только одинаково, но и отвратительно — симметричные лица с высокими скулами, длинные носы и нескрываемое высокомерие во взгляде.

Для Раммара статуи являлись олицетворением всего того, что он ненавидел в эльфах, и поскольку ему и так приспичило, он не смог удержаться и облегчился прямо у подножия особенно изящной статуи. У эльфа глаза едва не вывалились из орбит.

— Чего тарашись, бледнолицый? — ухмыльнувшись, спросил Раммар. — Никогда не видел, как мочатся? Конечно же, нет — готов поспорить, что у вас, великолепных ребят, это происходит только сосульками и розами.

— Ш-ш-ш, — энергично махнул лапой Бальбок. — Ты тоже это слышишь?

Раммар спрятал своего маленького орка и наострил уши. Конечно же, он слышал: неземное пение на таких высоких нотах, что у него волосы на затылке встали дыбом.

— Проклятье! — выругался он. — От таких воплей у меня когти на ногах поджимаются. Это доносится, наверное, из помещения храма, а?

Поскольку рот у эльфа был заткнут, он лишь неохотно кивнул.

— Церемония уже началась, — сделал вывод Раммар. — Вперед, нам нужно спешить.

Орки побежали по широкому коридору, волоча за собой пленника. Чем дальше они продвигались, тем громче слышалось пение, тем ярче и неприятнее для орков становился свет, заполнявший коридор.

Ослепительно яркое сияние ударило им в глаза из конца коридора. Прикрываясь, чтобы не ослепнуть, они помчались дальше, окутанные светом и пением — вещи, которые орки не любят больше всего. Раммар с удовольствием закричал бы во все горло и повернул назад, но сдержался.

Постепенно глаза орков привыкли, и они увидели, что коридор оканчивается чем-то вроде галереи, окруженной каменной, искусно выточенной балюстрадой. Отсюда можно было заглянуть в зал, по красоте и роскоши превосходивший все, что когда-либо видели

братья — жаль только, орки не ценят красоту.

Окон не было; свет исходил из огромного круглого светильника, свисавшего с высокого потолка и украшенного бесчисленным множеством кристаллов. Искусственные созвездия источали яркий свет, благодаря которому блестел мрамор, покрывавший стены и пол.

Большие статуи из алебастра, неподвижные лики которых казались еще более важными, чем те, что были в коридоре, стояли в нишах вдоль стен. Каменные мечи, поднятые кверху, образовывали как бы вторую крышу над мраморной дорожкой, которая вела из одного конца помещения в другой.

Торец зала был украшен огромным кристаллом, высотой в десять человеческих ростов; в отличие от того, который был на потолке, он не светился сам по себе, а отражал свет более мелких кристаллов, поэтому лучился в тысячу раз сильнее. Перед кристаллом находилось каменное, похожее на трон сиденье, так же богато украшенное, как и балюстрада на галерее. Вокруг трона собралось множество эльфов, одетых в просторные белые одежды. Кроме того, по обе стороны гигантского кристалла орки обнаружили — к своему неудовольствию — нескольких стражников с мечами и щитами.

Вдоль стен зала стояли молодые эльфийки, прелестные лица которых были окутаны шелком, длинные волосы спадали на плечи. Это они пели на высоких нотах. И так сильно мучили слух орков.

Раммар и Бальбок давно нашли укрытие для себя и пленника и выглядывали через поручни балюстрады. При этом их лица были искажены гримасами: пение эльфов способно довести орков до безумия. Неожиданно голоса эльфиек возвысились — и между каменных фигур появилась женщина, одежда которой была еще белее и сверкала ярче, чем у других. За ней тянулся длинный шлейф, который несли две служительницы храма. Она с достоинством шла к трону.

На миг оркам удалось бросить взгляд на ее лицо. В глазах Раммара и Бальбока эльфийка была до отвращения мерзкой бабой — это означает, что для эльфов и людей она была прекрасна неземной красотой. Гладкие, почти белые волосы обрамляли правильные черты ее лица, высокие скулы которого придавали ей благородный вид. Глаза были узкими, как у всех эльфов, взгляд живой и внимательный. На тонких губах играла самоуверенная улыбка, которую Раммар расценил как признак высокомерия.

— Это она? — прошипел он, обращаясь к служителю храма, а когда тот опять ответил только своим «м-м-х», вынул кляп у него изо рта и повторил:

— Это Верховная священнослужительница?

— Д-да. Ее зовут Аланна.

— Срать я хотел на ее имя. Меня интересует только то, что у нее в голове.

В сопровождении ужасного пения процессия достигла торца зала. Служители храма, ожидавшие там, низко поклонились, и Верховная заняла место на троне. Конечно, сделала она это не просто так — даже когда она просто собиралась сесть на *асар*, нужно было соблюсти добрую дюжину формальностей, как с ухмылкой заметил Раммар. Наконец, пение смолкло, и священнослужительница заговорила громким голосом.

— Что она говорит? — поинтересовался Раммар у пленника.

— Она произносит слова Видящего Фаравина, жившего во времена Второй войны, — пояснил он. — Согласно его пророчеству, однажды придет новый властелин и снова объединит Землемирье.

— Правда? И вы в такой *инорш* верите? — Раммар тихонько зарычал, что должно было означать веселое хихиканье. — Может быть, вы, остроухие, не такие и умные, как всегда хотели казаться...

Он еще раз рискнул выглянуть за перила. Священнослужительница закончила вступительную речь и тоже присоединилась к пронзительному пению.

— Ай, — прорычал Раммар. — Что эта баба теперь делает?

— Она поет строфу из Эниалии. Это медитативное пение, которое помогает ей вызвать

в своем воображении тайну Шакары. Во время пения она вызывает в памяти все подробности карты, знания о которой передавались из поколения в поколение и восходят ко дням Фаравина Видящего и короля...

Раммар махнул лапой.

— Хорошо, хорошо... — По его мнению, эльфы обладали раздражающей привычкой говорить много и при этом ничего не сказать — у орков все было с точностью до наоборот.

Священнослужительница продолжала петь, при этом глаза всех были устремлены на нее. Даже стражники храма целиком сконцентрировались на ритуале.

— Сейчас или никогда, — прошептал Раммар, обращаясь к брату. — Более удобной возможности у нас не будет.

— Сейчас начинаем? — спросил худощавый орк.

— Нужно найти способ попасть туда, вниз. Потом мы врываемся в храм, рубим парочку остроухих, чтобы возникла суматоха, хватаем жрицу, убиваем еще парочку остроухих просто так, для смеху, и убираемся. Прежде чем они заметят, что мы там, нас уже снова не бу...

Последние слова у Раммара в прямом смысле слова застряли в горле. Потому что в этот миг он понял, что совершил непростительную ошибку: от волнения он забыл заткнуть своему пленнику рот — и эльф воспользовался моментом, чтобы издать крик предупреждения.

События понеслись со страшной скоростью.

Когда пение священнослужительниц внезапно прервалось, а стражники обеспокоенно стали оглядываться по сторонам, Бальбок сделал единственное, что пришло ему в голову, чтобы быстро заткнуть предательский крик — недолго думая он швырнул пленного эльфа через балюстраду. Еще не смолк его резкий крик, а эльф уже летел вниз. Раздался мерзкий хлопок, крик сменился жалким воем. Эльфы запаниковали, а стражники, конечно же, посмотрели вверх, на галерею, где прятались орки.

— *Шнориш* ! — завопил Раммар, а стражники уже бежали к ним по винтовой лестнице, которая вела наверх, на галерею.

На размышления времени не оставалось. Бальбок продолжал действовать так, как подсказывал ему инстинкт. Он вскочил на балюстраду и, согнувшись, совершил смелый прыжок.

— Что, клянусь пламенем Курула?.. — Раммар, убежденный в том, что его глуповатый брат окончательно спятил, перегнулся через перила — чтобы с удивлением узнать, что Бальбок вовсе не погиб, поддавшись панике. Благодаря своим длинным ногам он так сильно оттолкнулся, что допрыгнул до края кристального светильника и ухватился него. Он цеплялся из всех сил, а огромное устройство все раскачивалось и раскачивалось. Несколько кристаллов откололись, упали и с негромким звоном разбились на светящиеся осколки.

Эльфийки в ужасе завизжали, служители храма принялись возмущенно грозить кулаками. Лучники внезапно заняли боевые позиции и взяли Бальбока на прицел, но, прежде чем их стрелы успели слететь с тетивы, орк отпустил раскачивающуюся туда-сюда люстру и полетел. При этом он перевернулся в воздухе, выполнив несколько более-менее элегантных сальто — чтобы наконец, раскинув ноги, приземлиться перед тронем, на котором, застыв от ужаса, сидела верховная тетка.

Бальбок, у которого от бесстрашного прыжка еще слегка кружилась голова, выхватил из-за пояса секиру и принялся размахивать ею вокруг себя. Вот уже, обливаясь кровью, упали два первых священнослужителя, а остальные в панике бросились прочь. Зато к трону стали прокладывать дорогу стражники храма, с мечами и щитами.

Первый стражник добежал до противника и нанес удар. Бальбок тут же перешел в наступление. Лезвие его секиры вонзилось в грудь эльфа с такой силой, что доспех мгновенно разошелся. Эльфийский воин со стоном упал на мраморный пол, и Бальбок обернулся — как раз вовремя. Изогнутый эльфийский клинок жаждал его крови, и древко секиры успело отклонить его прежде, чем он утолил бы свою жажду, вонзившись в горло

Бальбоку.

Долговязый обнажил зубы и негромко зарычал, глаза его бешено вращались. Он оттолкнул нападающего и замахнулся секирой, но удар пришелся в щит стража, не причинив ему ни малейшего вреда. На лице под шлемом не было ни ненависти, ни отвращения, ни даже малейшего намека на гнев. Эльфийский воин просто делал то, что ему было приказано, чего от него требовала дисциплина и к чему обязывал кодекс чести.

— Скажи-ка, — бросил ему Бальбок, — что вы вообще за народ? Почему не рычите, когда вступаете в бой? Почему не обзываете своих противников?

— Потому что мы — не варвары, примитивное ты существо, вот почему, — ответил эльф, делая внезапный выпад, на который Бальбок молниеносно отреагировал. Падая на пол, орку удалось уйти от клинка, пронесшегося на волосок от него. Бросаясь из стороны в сторону, он нанес удар секирой по голени эльфа, и, так как воин не носил поножей, острое лезвие пронзило мышцы, сухожилия и кости. Покалеченный эльф с криком упал, а Бальбок тут же молниеносно вскочил.

— Может быть, мы и примитивные создания, — крикнул он извивавшемуся эльфу. — Но зато обеими ногами стоим на земле!

Подняв вверх окровавленное оружие, он обернулся вокруг своей оси в поисках противников — но вокруг не было никого. Лучники взяли на прицел Раммара, который в свою очередь укрылся в безопасном месте, а стражники с другой стороны зала еще не подоспели. На расстоянии чуть больше вытянутой руки от Бальбока на каменном троне сидела верховная баба и с ужасом смотрела на него.

— Это кто такое сказал? — заметил Бальбок, обнажая в ухмылке желтые зубы.

Она ответила что-то на языке эльфов, который орк не понимал, но он предположил, что ничего лестного она не сообщила. По крайней мере, в жилах священнослужительницы текла настоящая кровь, потому что черты ее лица были искажены злостью, а глаза излучали неприкрытую ненависть.

Ни то ни другое не удержало орка от того, чтобы броситься вверх по ступеням трона, схватить эльфийку и наспех перебросить ее через плечо, словно мешок. Теперь она отбросила всяческую сдержанность, принялась визжать словно сумасшедшая, молотить кулаками по его спине, от чего орк только улыбался.

— Раммар, она у меня! — громко крикнул он, оборачиваясь. Он хотел броситься к выходу через весь зал — но путь ему преградила фаланга угрюмых эльфийских воинов. Они стояли полукругом вокруг трона.

— Ни с места! — крикнул ему один из эльфов, наверное, капитан. — Немедленно отпусти Верховную священнослужительницу, отвратительный дикарь, иначе ты труп!

Бальбок закусил толстые губы.

Сражаться против одного эльфийского воина, когда они добиваются до тебя по очереди, это одно, а выступить сразу против целого отряда таких — совсем другое. Острые, словно ножи, лезвия их клинков разрубят его на куски, прежде чем ему удастся проломить череп хоть одному из них. Или нет?

На лице Бальбока появился волчий оскал. Конечно, ему совсем не хотелось, чтобы эльфы изрубили его на куски. С другой стороны, ему не терпелось выяснить, кто на самом деле лучший воин — эльф или орк.

Бальбок почувствовал, как в ожидании предстоящей битвы закипела кровь в его жилах. Он уже хотел было бросить все еще отчаянно сопротивляющуюся пленницу, когда вдруг услышал, что его зовет Раммар, ринувшийся вниз с галереи и приземлившийся прямо на входе в помещение храма.

— Стой! — крикнул он так громко, что эхо отразилось от высоких сводов. — У тебя заложница, тупой пес! Тебе не нужно сражаться! А вы, остроухие, отойдите в сторону и пропустите его, тогда с вашей теткой ничего не случится!

— А если мы откажемся? — спросил капитан, не спуская глаз с Бальбока и его пленницы.

— Тогда мы вырежем ей новое лицо! — ответил Раммар. — Ты понял?

Стражники и капитан озадаченно переглянулись. Наконец офицер велел своим людям опустить оружие и очистить путь — несмотря на громкие протесты жрицы.

— Иди сюда! — крикнул Раммар, помахав брату лапой. Тот пересек храм огромными шагами, со священнослужительницей на плече, мимо лучников, которые не решались стрелять, из боязни навредить эльфийке. Так Бальбок добрался до выхода из зала и вместе с Раммаром бросился прочь, преисполненный восхищения своим умным братом.

— Восхищен, Раммар! — крикнул он на бегу. — Использовать пленницу в качестве заложника — до этого еще додуматься нужно!

— Правда? — гордо ответил Раммар. — Теперь ты признаешь, что из нас двоих я — лучший?

— Конечно. Я всего лишь зарубил парочку эльфов, а ты спас наши шеи.

— Ну, то, как ты прыгнул с галереи, тоже было довольно-таки неплохо. После меня, Бальбок, ты — лучший орк из всех, кого я знаю.

— Правда, Раммар?

— Истинная правда, я...

— Скажите-ка мне, комедианты! — вдруг раздался голос священнослужительницы. — Вы не могли бы ненадолго прекратить нести чушь и объяснить мне, что значит весь этот бред?

Раммар и Бальбок удивленно переглянулись. Они говорили на языке орков, и, к их безграничному удивлению, священнослужительница не только поняла их разговор, но и сама довольно неплохо могла изъясняться по-орочи (хоть и с явным акцентом).

— Ты... говоришь на нашем языке?

— Вот именно, толстяк, — ругнулась она. — И я спрашиваю себя, можете ли вы оба оценить все последствия того, что наделали?

— Пусть это тебя не тревожит, эльфийская баба! — грубо ответил Раммар. Ему не нравилось, когда враги изъяснялись на языке орков. Как, скажите на милость, удержать дистанцию между расами, если каждый начнет говорить на всех языках?

Внезапно он остановился.

Коридор, по которому они бежали, разделился, и Раммар при всем желании не мог определить, по какой дороге им идти — налево или направо. Они пришли сюда другим путем, но даже если бы это был тот же самый, то орки не сумели бы сориентироваться в лабиринте окаймленных колоннами помещений.

— Проклятье! — прорычал он, обращаясь к Бальбоку, а позади уже слышался топот стражников, которые преследовали их. — Ты хоть представляешь, какая из этих дорог ведет наружу?

— Нет. — Лицо у Бальбока вытянулось.

— Вы идиоты! — закричала священнослужительница, которая, похоже, не обладала слащавыми манерами своего народа. — Это что еще за похищение? У вас что, не было плана бегства?

— А как же, был, — заверил ее Раммар и грубо расхохотался. — Но, к сожалению, он переломал себе все кости. Похоже на то, что придется тебе быть нашим выходом наружу.

— Мне?

— А то кому же. — Раммар приставил к ее горлу острое *сапарака*. — По какому коридору нам идти? Быстренько говори!

Священнослужительница упрямо сжала губы, в ее узких глазах читалось презрение. В этот миг из-за поворота показался отряд вооруженных мечами стражников.

— Говори давай! — настаивал Раммар, нажав на оружие сильнее.

— Туда! — Кивком головы она указала на левый ход, после чего Раммар и Бальбок немедленно продолжили бегство.

Стражники дышали им в затылок, но не решались напасть на похитителей, чтобы не подвергать опасности жизнь эльфийки. Поскольку она была единственной, кто владел

многовековой тайной Шакары, последняя была бы безвозвратно потеряна, если бы эльфийка умерла, и никто из стражников не хотел быть к этому причастен.

Пользуясь пленницей как щитом, Раммар и Бальбок неслись по коридору. Когда он снова раздвоился и появились две лестницы — одна вверх, другая вниз, жрица велела спускаться. Пройдя множество коридоров и лестниц, орки совершенно неожиданно очутились перед огромными воротами, створки которых состояли из красиво обтесанных камней. Вне всякого сомнения, это были главные ворота, которые они видели снаружи.

Орки подняли взгляд к воротам. Любая попытка сдвинуть тяжелый засов казалась безуспешной.

— А теперь что? — с нескрываемым презрением поинтересовалась священнослужительница. — Что вы теперь будете делать, глупые мои друзья?

— Ты откроешь нам ворота, — потребовал Раммар, яростно размахивая *сапараком*. Позади все еще слышались голоса преследователей, становясь с каждым мигом все громче и громче. Сейчас стража настигнет их...

— Я? — раздался серебристый смех эльфийки. — Ни за что! И пальцем не пошевелю.

— Тогда ты умрешь! — пригрозил Раммар.

— Это случается со всеми, когда приходит их время, — холодно ответила она, и в ее взгляде Раммар прочел, что она действительно не боится смерти. Напротив, казалось, что эта эльфийская тетка кокетничает со смертью, словно шлюха с фраером.

Что же делать?

Взгляд Раммара снова скользнул по массивным воротам. Механизм, которым открывался бы огромный засов, похоже, отсутствовал, а своими силами даже оба брата с воротинами не справились бы. Они были в ловушке — и виновата во всем была эта баба.

— Ты!.. — засопел Раммар, снова направляя на нее острие копья. — Ты сделала это нарочно!

— Вам ведь нужно было показать дорогу к выходу, разве нет? Выход здесь, так что нечего жаловаться!

— Но ворота нельзя открыть.

— Об открывании речи не было. Тебе нужна была дорога к выходу.

— Ах ты, жалкая, мерзкая... — Раммару хотелось наградить эльфийку всеми возможными оскорбительными эпитетами, которые только существовали в орочьем языке — и тут в привратном зале показались преследователи. Подняв вверх щиты с символом кристалла, они устремились к оркам, стоявшим спиной к воротам, и взяли их в полукольцо.

— Сдавайтесь! — потребовал капитан. — Вам не уйти!

— А я так не думаю, — упрямо ответил Раммар. Левую лапу он запустил в волосы пленнице, поднял ее голову и приставил к горлу острие копья.

— У нас священнослужительница, и ей одной известна тайна. Если не одумаетесь, она умрет, и карта Шакары будет навеки утеряна.

— Может быть. Но ты не можешь вечно стоять здесь и угрожать ее жизни.

К сожалению, это было правдой, и Раммару пришлось это признать. Рано или поздно дело дойдет до сражения, и не было никаких сомнений в том, каков будет исход битвы...

— Вон там! — вдруг прошептал Бальбок.

— Не мешай мне! — проворчал Раммар. — Мне нужно подумать!

— Вон, гляди! — настаивал брат.

— Ну, что еще? — раздраженно спросил Раммар.

— Углубление в стене...

Раммар проследил взглядом за вытянутой лапой брата и тоже увидел нишу, находившуюся слева от ворот в стенной кладке.

Открывающий механизм?

— Займи мое место, — проворчал Раммар и, пока Бальбок в свою очередь принялся угрожать и запугивать, побежал к нише. И точно — в нише скрывалась четырехугольная каменная пластина, в которой он обнаружил выдолбленный отпечаток узкой руки, очевидно,

эльфийской.

Поскольку терять было нечего, попробовать не мешало. Раммар поднял лапу, чтобы положить ее на каменный отпечаток.

— Даже и не думай! — крикнула жрица. — Это отпечаток правой руки Фаравина. Только эльфийские короли могут открыть ворота таким образом, в последний раз это случилось более восьми сотен лет назад!

— Только эльфийские короли — вот как, вот как... — с ухмылкой сказал Раммар. Только вот он не мог противиться своему желанию, и едва он опустил лапу на отпечаток, как почувствовал, что холодный камень слегка нагрелся.

Голубоватое сияние, такое же, как и то, которое исходило от кристаллов, внезапно охватило ворота и тяжелый засов — и в следующий миг он поднялся, словно по волшебству.

— Нет! — в ужасе вскричала Аланна, и стражники, включая их храброго капитана, отпрянули назад.

Послышался оглушительный скрип и скрежет, от которого храм содрогнулся до основания, и ворота открылись! Каменные створки медленно разошлись в стороны. Во все стороны летели осколки льда, снаружи со свистом и воем в храм ворвался звенящий ледяной воздух. Сумеречный свет длинного северного дня влился через все расширявшуюся щель, в то время как створки ворот расходились все дальше и дальше, открывая оркам путь на свободу.

— Темное пламя Курула! — воскликнул Раммар, и даже Бальбок содрогнулся от ужаса. Хотя орки — порождения тьмы, страх перед всем волшебным и сверхъестественным в них настолько силен, что братьям показалось страшно подозрительным, что именно неверное эльфийское заклинание открывает им путь к свободе.

Эльфы пребывали в состоянии отупения, стражники стояли словно вкопанные, не веря своим глазам, а жрица была настолько потрясена, что перестала сопротивляться и оскорблять похитителей.

Первым пришел в себя Бальбок.

— Чего мы ждем? — спросил он, и орки повернулись и бросились бежать. Уводя за собой пленницу, они помчались наружу, в холодную ночь.

— Но это же невозможно! — воскликнула священнослужительница, забыв о том, что нужно сопротивляться Бальбоку. — Это просто невозможно...

— Закрой рот, эльфийская баба, — дует! — грубо ответил Раммар, когда они бежали по замерзшей снежной равнине, и снег скрипел у них под ногами. — Давно пора понять, что для орков нет ничего невозможного!

— Но ведь это врата Фаравина, это его рука была увековечена в камне. Никто не может открыть ворота...

— Никто, кроме нас! — с ухмылкой вмешался Бальбок.

— Это просто невозможно, — упрямо повторяла священнослужительница, впадая в задумчивое молчание.

Раммару это было только на руку. Болтовня эльфийки действовала ему на нервы, кроме того, у них с Бальбоком были другие заботы, кроме как размышлять над тем, почему внезапно открылись ворота. Добрых полмили отделяло их от буера, а стража храма, конечно же, не будет просто стоять и смотреть, как уводят их верховную эльфийку.

Через распахнутые ворота доносились возмущенные крики, которые наконец смолкли благодаря громко отданному приказу. Последовали мгновения тишины, когда Бальбок и Раммар не слышали ничего, кроме скрипа снега под собственными сапогами и прерывистого дыхания.

А потом спокойствие окончилось.

Тишину сумерек пронизал пронзительный рев, раздавшийся словно из глотки разъяренного тролля. Раммар и Бальбок испуганно оглянулись на бегу — и к своему ужасу увидели несколько сильных существ, вырвавшихся из открытых ворот храма-крепости.

— *Матум-дуухг'хай*, — воскликнул Бальбок. — Это белые медведи!..

И точно — за ними неслись именно белые медведи, и от каждого прыжка этих тяжелых колоссов, казалось, содрогалась Белая пустыня. Братьям они были известны до сих пор только по сказаниям, но Раммар с неохотой признал, что ужасные истории, которые рассказывали о *матум-дуухг'хай*, ни в коей мере не преувеличение: их полные мощи тела покрывал лохматый белый мех, под которым играли огромные мускулы, облачки пара вырывались из вооруженных острыми зубами пастей, каждая из которых была настолько велика, что спокойно могла проглотить взрослого орка и не подавиться.

А еще были эльфийские воины: от двух до четырех воинов сидели в широких седлах на зверюгах, а собственно погонщики находились на шеях зверей, направляя их вожжами и сжимая в кулаках длинные пики.

— Точно, они хотят получить обратно свою жрицу! — задыхаясь, заметил Раммар. — И что они в ней нашли? Если бы у меня в храме была такая отвратительная баба, я был бы рад, если бы меня от нее избавили.

— Я все слышала, — раздался голос пленницы. — Ты за это заплатишься, жуткое чудовище. Я обезглавлю тебя и выставлю твой череп на всеобщее обозрение!

— Не давай обещаний, которых не сможешь сдержать, жрица, — парировал Раммар, но это прозвучало не так убедительно, как предполагалось, потому что вид у белых медведей был впечатляющий. Погоняемые всадниками, звери настигали орков, расходясь широким фронтом.

— Бежим скорее! — прокричал Раммар брату. — Не то они нас поймают!

— Мы не успеем, — ответил тот. — Если ничего не предпринять, мы пропали.

— Да что ты говоришь. И что ты собираешься делать?

— Постой! — крикнул Бальбок, на бегу кидая Раммару испуганно вскрикнувшую пленницу.

Чересчур ошеломленный, чтобы возражать, Раммар поймал эльфийку и помчался дальше с ней на плече. Тем временем Бальбок снял с плеча лук и наложил стрелу на тетиву. Для того чтобы прицелиться и отправить стрелу в полет, ему потребовалось сделать одно плавное движение.

Стрела пронзила сумерки и вонзилась в грудь среднего наездника. Эльф издал резкий крик, завалился на бок, съезжая с шеи медведя, а тот расценил это как сигнал хозяина: он бросился в сторону, ударившись в зверя, бежавшего рядом, с такой силой, что оба упали наземь, а эльфы, сидевшие в седлах, взлетели в воздух.

Раммар издал ликующий клич — но если он думал, что это остановит преследователей, то он ошибался. Оставшиеся наездники взмахнули плетью, погоняя медведей дальше, все приближаясь к оркам.

— Беги, Раммар! — крикнул Бальбок, хотя это и так было понятно, а сам тем временем накладывал на тетиву очередную стрелу.

— Тупой пес! — раздался в ответ хриплый голос. — Как ты думаешь, что я делаю?

На бегу Бальбок снова обернулся и пустил стрелу в полет. На этот раз она пролетела мимо цели, но орк уже послал ей вдогонку вторую, которая не подвела: попав в глаз белому медведю, она вошла в череп зверя с отвратительным хрустом. Медведь зарычал, встал на дыбы, сбрасывая четверых эльфов, сидевших у него на спине.

Два оставшихся медведя разбежались как можно дальше друг от друга, чтобы не стать легкой мишенью. Бальбок мог стрелять только в одного из преследователей, а второй в это время неотвратимо настигал. Орк отказался от мысли стрелять еще раз, вместо этого он взял ноги в руки и побежал так быстро, как только мог. У брата он научился тому, что сражаться до последнего с врагом хотя и по-орочьи, но довольно-таки глупо. В определенных обстоятельствах бегство является лучшим из вариантов — но об этом ведь никому не нужно знать...

Тем временем орки промчались мимо первой ледяной иглы. Легкие пекло от холодного воздуха, ноги болели, но они заставляли себя нестись вперед и вперед, что было не так и трудно, учитывая кошмарный вид и скорость преследователей.

Уже слышно было дыхание белых зверей, мчащихся за ними сквозь сумеречную ночь. Стрелять эльфы снова не решались, из опасения ранить Верховную священнослужительницу, но Раммару было ясно, что это продлится недолго. Как только стражники храма поймут, что именно является целью орков, они примут решение атаковать, если не захотят остаться с носом.

Удиравшие вместе с заложницей орки добежали до большой ледяной иглы, за которой они спрятали буер — и как ни любил Раммар всегда оказываться правым, но сейчас для разнообразия он был бы не против того, чтобы разочек ошибиться. Однако все произошло именно так, как он и предполагал: когда эльфы увидели, что у орков есть средство бегства, на котором они могут легко уйти, то натянули тетивы своих длинных луков, а наездники опустили пики.

— Они идут в атаку! — завопил Раммар, когда они с братом, запыхавшиеся, вспрыгнули на борт буера. — Они понимают, что это их последняя возможность добраться до нас.

— *Шнорш* ! — выругался Бальбок, после чего худощавый недолго думая разрубил секирой канат, при помощи которого был пришвартован буер. Затем несколькими ударами разрубил трос, которым был привязан кожаный парус, и тот бесшумно скользнул вниз — чтобы обвиснуть на рее.

— Эй, что такое? — возмутился Раммар. — Куда подевался этот чертов ветер?

— Вы, дурачье, должны повернуть корабль по ветру при помощи руля! — крикнула ему священнослужительница.

— Хе! Что за чушь! По дороге сюда нам не нужно было этого делать.

— Это объясняется скорее вашим везением, чем разумом: ветер, вероятно, постоянно дул в одном и том же направлении. В любом случае, теперь он дует в другую сторону, и если вы ничего не предпримете, то через несколько мгновений будете мертвы!

И словно в подтверждение ее слов раздался мерзкий свист — и прежде чем Раммар и Бальбок успели что-либо предпринять, в палубу и бак вонзилась добрая дюжина стрел.

— *Шнорш* , а ведь баба права, — невольно пришлось признать Раммару. — Помогите мне, дурень, иначе нам конец!

Бальбок сделал так, как ему было приказано, и схватился за одну из палок, торчавших в железных тисках у мачты.

— Право руля! — крикнул он и надавил что было сил.

— Нет, лево руля! — возразил Раммар, а на буер тем временем снова обрушился дождь стрел. — И опусти, черт тебя дери, свою репу вниз!

Мгновение буер раскачивался то туда, то сюда, пока наконец внезапно не получил дополнительный толчок. Вопреки сопротивлению Раммара, корпус корабля повернулся вправо, прочь от ледяной иглы, почувал благодаря этому ветер в парусах и понесся вперед.

— Ура-а-а! — радостно закричал Раммар — а потом понял, что это именно священнослужительница оттолкнула его лапу и помогла Бальбоку повернуть буер по ветру.

Времени размышлять над этим у орков не было; стража храма еще не смирилась с потерей своей властительницы. Один из белых медведей бежал справа по борту параллельно кораблю, чтобы эльфы могли обстреливать противников, второй пытался перерезать буеру путь.

Воздух снова наполнился стрелами, и как оркам, так и их заложнице пришлось броситься на палубу, чтобы укрыться за фальшбортом. С глухим стуком наконечники стрел ударились в дерево. А потом преследователи догнали их. Их сильный зверь пошел на таран буера, так что тот сильно затрясся, и воины прыгнули со спины зверя на борт корабля, размахивая клинками своих изогнутых мечей.

Бальбок вскочил, издав яростный рык, и бросился им навстречу. Двух эльфийских воинов он столкнул с бака взятой наперевес секирой, едва они успели поставить на палубу ноги, с третьим скрестил клинки. Эльфийское лезвие и орочья секира ударились друг об друга снова и снова, и Бальбок сильными ударами теснил эльфа в направлении юта и

наконец прижал к рулю.

— Нет! — в ужасе воскликнула Аланна, но тут страж храма рухнул с зияющей раной в груди, и Бальбок отправил его через поручни.

Тем временем буер набрал скорость. Полозья с шорохом скользили по снегу, а ветер, раздувая паруса, уносил его все дальше. Последний белый медведь рыча встал на пути буера — и был отброшен в сторону носом судна. Массивное создание с визгом перевернулось, погребая под собой сидевших на его спине эльфов.

Неудержимо, недостижимо даже для длинных луков эльфов, буер неся в белую туманную пустыню, сливавшуюся на горизонте с серым небом.

Раммар и Бальбок победили.

Карта Шакары была в их руках.

11. Буунн'с рухг

Настроение у Раммара было великолепное.

Широко расставив ноги и стоя у румпеля буера, он направлял судно по гладкой, словно зеркало, поверхности ледяной пустыни. Храм Шакары они оставили далеко позади, впереди уже виднелся угрожающий силуэт Северного вала. Вместо того чтобы просто пойти южным курсом и воспользоваться тем же путем, которым они сюда пришли, Раммар выбрал юго-восточное направление, и для этого у него были свои причины...

— Не знаю, — вдруг сказал Бальбок, стоявший рядом с ним на палубе, подставляя нос ледяному ветру.

— Чего ты не знаешь? — спокойно спросил Раммар. Даже неумные речи брата не могли сегодня остудить ликование в его душе.

— Все это дело мне не нравится, — пояснил Бальбок, обеспокоенно глядя на брата.

Раммар вздохнул и покачал головой.

— Что тебе не нравится?

Бальбок пожал плечами.

— Просто не нравится, и все тут.

Раммар недовольно заворчал.

— А я говорю тебе, что все вышло наилучшим образом, и тебе не нужно беспокоиться. Мы оставили позади внутренности Торги, преодолели болота и победили гулей, мы обхитрили карликов и разделались с людьми на этом корабле, и, наконец, мы ворвались в храм Шакары, выкрали верховную тетку и успешно бежали. Так что тебе не нравится-то?

— Нам удалось уйти, — признал Бальбок. — Но только потому, что нам помогла жрица.

— Ты имеешь в виду, что она схватилась за рычаг и подтолкнула буер? — Раммар снова хрюкнул — на этот раз это должно было прозвучать весело. — Могу тебе все объяснить: эти эльфы — жуткие хвастуны, любят много болтать, а когда доходит до дела, они оказываются жалкими трусами. Священнослужительница, оказавшись в плену у орков, просто поддалась страху. Поэтому она помогла нам, в надежде на то, что мы пощадим ей жизнь, что мы и так уже сделали. Вопрос только в том, сколько это продлится. — Раммар раскатисто рассмеялся, чувствуя себя в этот миг повелителем Гнилых земель.

Но Бальбок не разделял его эйфории.

— Ну, не знаю, — начал он снова. — Мне не кажется, что эльфийка чего-то боится. Думаю, она что-то затевает. Она не только помогла нам сдвинуть корабль с места, но и сообщила, где найти тропу через Северный вал. Почему?

— Да ясно же все. Чтобы спасти свою шкуру, конечно же.

— Хм. — Бальбок покачал головой. — Во всем этом нет никакого смысла. Какую цель она преследует?

— А какие такие у нее могут быть великие цели? Она всего лишь баба, не забывай этого. Да еще и остроухая.

— А что, если она хочет заманить нас в ловушку?

— Чушь. — Раммар был убежден в своей правоте. — Поверь мне, я отлично знаю этих эльфов. Когда доходит до дела, мужества у них ни на грош.

— А я-то думал, что ты никогда не имел с ними дела.

— А мне и не нужно было это, чтобы знать, куда гном бежит.⁷ — Он указал вперед, на корму, где на баке стояла пленница, повернувшись к ним спиной. — Поверь мне, я эту эльфийку насквозь вижу. Все, что ей нужно, это выжить, и ради этого она, в принципе, готова на все.

— Интересно, что колдун собирается с ней делать?

— Если она достаточно умна, то добровольно расскажет ему то, что он хочет знать. Если нет, Рурак наверняка применит к ней соответствующие методы, подходящие для того, чтобы заставить упрямую бабу заговорить. — Раммар злобно захихикал. — Нам это уже не важно. Главное, что мы получим голову Гиргаса и сможем вернуться домой.

— Это точно, — согласился с ним Бальбок, несколько успокоенный. — Буер сберег нам много дней пешего пути. Если чуть повезет, мы успеем вернуться в *больбоуг* еще до полного кровавля.

— Так и есть. И все, кто пинал нас в *асар* и насмехался над нами, будут ползать в пыли у наших ног, — проворчал Раммар. — Может быть, я зарежу одного или двух этих придурков, чтобы показать им всем, что нельзя насмехаться над Раммаром Резким.

— Раммар Резкий? — удивленно посмотрел на брага Бальбок.

— Это боевое имя, которое я сам себе придумал. Звучит здорово, правда?

— Очень хорошо, — кивнул Бальбок. — Тогда я хочу быть Бальбоком Беспощадным.

— Тоже неплохо. — Раммар обнажил в ухмылке желтые зубы. — На коленях будут они молить нас о прощении, когда мы вернемся с головой Гиргаса; в деревне долго еще будут об этом говорить.

— И ты действительно думаешь, что эльфийка ничего против нас не замышляет?

— Проклятье! — Раммар топнул ногой с такой силой, что задрожали доски палубы. — Своим нытьем ты кому хочешь настроение испортишь. Пожалуйста, если тебе так важно, я сейчас с ней поговорю. Если она действительно что-то от нас скрывает, я замечу, можешь быть в этом уверен...

Не *таким* представляла себе Аланна свое освобождение из Шакары.

На протяжении долгих лет, когда она исправно исполняла обязанности Верховной священнослужительницы храма Шакары и действовала по воле Фаравина, она неоднократно пыталась представить себе, как это будет, когда исполнится пророчество и придет тот, о ком говорил Фаравин, тот, кто объединит народы *амбера* и начнет новую эру мира и справедливости. Позднее, когда отвратительное подозрение в том, что слова Фаравина никогда не исполнятся, сильнее укрепилось в ее сознании, она стала мечтать о том, что, по крайней мере, когда-нибудь освободится от оков, наложенных на нее обязанностями.

Все свои надежды она связывала с Лорето, благородным эльфийским князем, которому она отдала свое сердце. Она убедила себя в том, что он тоже любит ее и однажды заберет из Шакары. Но Лорето отвернулся от эльфийки, сообщив в своем письме, что собирается отплыть к Дальним Берегам. И все же Аланна сбежала из Шакары. И освободил ее не эльф благородного происхождения, а орки, низшие и самые ограниченные существа во всем *амбере*.

Они утащили Аланну, а она даже не знает, куда они держат путь. Но как ни боялась она того, что ее ожидало, как ни злилась из-за своего похищения и как ни ненавидела своих грубых попутчиков — после тупой скуки, последние триста лет определявшей все ее существование, со всеми застывшими правилами, предписанными ей даже во время еды и

⁷ Орочья поговорка.

сна, похищение вносило в жизнь приятное разнообразие. Аланна никак не могла поверить в то, что она сама помогла им сдвинуть буер с места и повернуть по ветру, но в тот миг мысль о том, что придется снова вернуться в храм, чтобы продолжать влачить там скучное существование, показалась ей страшнее, чем необходимость уступить силе двух чудовищ.

Аланной двигало любопытство. Любопытно было узнать, что находится за высокими стенами храма. Кто эти орки? По чьему поручению действуют? Как удалось им открыть ворота Фаравина?

Если бы Аланна не приложила усилий к тому, чтобы быть похищенной, эта попытка украсть ее не увенчалась бы успехом, как и все предыдущие. Уже неоднократно в храм врывались воины-варвары, но их всегда отбрасывали. А попытка орков увенчалась успехом. Потому что священнослужительница помогла им. И не только во время бегства от наездников на белых медведях; в конце концов, она сообщила им, где находится Южная дорога через Северный вал. Повсюду вдоль вала будут сновать эльфийские патрули, но уж точно не на тропе, местоположение которой хранилось в тайне и было известно только нескольким посвященным.

Говорили, что у карликов был свой способ преодоления Северного вала; якобы они пользовались для этого тайным туннелем. Зато Южная дорога была известна эльфам с незапамятных времен, когда они только пришли в *амбер*, познавали этот мир и подчиняли его себе.

Стоя на корме буера, Аланна смотрела на юг, где острые пики гор разделяли лед и небо. Несмотря на свое тонкое шелковое платье, она не замерзла. Ветер играл в ее длинных белых волосах, а лицо ее было неподвижно, как маска, безо всякого выражения. Она то и дело спрашивала себя, что ждет ее там, на юге, куда ее везут. Два орка, конечно же, были не тем обществом, которое она предпочла бы, будь у нее хоть какой-то выбор. Но это было все же лучше, чем быть в Шакаре пленницей пророчества, в котором Аланна давным-давно разуверилась. Чудовища, которым она обязана свободой, были злыми и хитрыми, к тому же уродливыми, словно ночь, и Аланна на самом деле свободна не была. Но за свою по человеческим меркам долгую жизнь она научилась истине, что вещи редко бывают совершенными...

Когда позади нее скрипнули доски, она обернулась. Один из орков — маленький и толстый, который называл себя Раммаром, подошел к ней, скаля зубы в хитрой ухмылке на мрачном лице.

— Ну что, служительница? — сказал он, используя язык людей; то, что она владела его языком, он просто-напросто проигнорировал. — Как тебе плен?

— Было бы гораздо лучше, если бы не твое общество, орк, — холодно ответила Аланна. — От тебя несет, как от целого хлева.

Орк поднял мохнатые брови, почесал доспехи и подмышки, а потом, ничего не понимая, покачал головой.

— Что-то ты неприветлива, — заметил он. — А ведь ты должна быть мне благодарна. Я мог запереть тебя на нижней палубе, в полной темноте, без еды и питья.

— Это не очень-то разумно, я ведь должна остаться в живых. Если я умру, то унесу с собой тайну карты Шакары, не забывай об этом.

— Не беспокойся. — Орк ухмыльнулся во всю свою мерзкую физиономию. — Я вот задаюсь вопросом, что сделает с тобой наш заказчик, когда ты расскажешь ему то, что он хочет знать.

— Ваш заказчик — кто он?

Раммар радостно хрюкнул.

— А тебе хотелось бы это знать, правда? Но я не скажу тебе, эльфийская баба. Хочу, чтобы ты как следует поломала над этим голову, пока мы не доберемся до цели нашего путешествия.

— Понятно. А где находится цель нашего путешествия?

— И этого я тоже не скажу тебе.

— Почему не скажешь?

Орк снова захрюкал, что, должно быть, означало у него смех.

— Думаешь, я не вижу, что ты задумала?

— Что ты имеешь в виду?

— Я имею в виду то, что ты хочешь заманить нас в ловушку. Сначала ты помогаешь нам бежать от своих же собственных людей, затем вдобавок сообщаем нам, где находится вход на Южную дорогу. Это довольно-таки странно, не так ли?

— Признаю, — согласилась Аланна, — но у меня для этого есть свои причины.

— В таком случае, — заявил орк, и внезапно Аланна почувствовала у себя на горле острие копья, — с твоей стороны было бы страшно мило сообщить мне эти причины, остроухая!

— Ты не убьешь меня. — Она была твердо в этом убеждена.

— Почему нет?

— Я — единственная, кому известна тайна карты. Забыл?

— Нет, ничего я не забыл, — с ухмылкой возразил орк. — Но со мной бывает такое, я *забываюсь*, и тебе лучше меня до этого не доводить. Итак?

Аланна задумалась.

О том, чтобы рассказать этому чудовищу о своих душевных переживаниях, не могло быть и речи. Не говоря о том, что орк ничего не понял бы, потому что чувства незнакомы этим примитивным существам, движимым одними только инстинктами. Для Аланны и так было достаточно унижительно позволить двум оркам вызволить себя. Ее гордость не допускала большего унижения.

С другой стороны, этот Раммар достаточно глуп для того, чтобы претворить свою угрозу в жизнь, если она не пойдет на уступки. Поэтому она заявила:

— Мне интересно посмотреть, кто ваш заказчик. Поэтому я помогла вам уйти из Шакары, и по этой причине рассказала, где находится Южная дорога.

— И это все? — Раммар был настроен скептически.

— Это все. Очевидно же, что вы работаете не на себя, а поскольку вы не хотите сказать мне, на чьей службе состоите, то придется волей-неволей проделать это путешествие до конца, если я хочу получить ответ на свой вопрос.

— Хм-м... — проворчал Раммар, недоверчиво глядя на нее.

— Кроме того, — добавила она, — я под впечатлением.

— Под впечатлением? — Он удивленно поглядел на нее. — От чего?

— До сих пор я считала орков трусливыми, хитрыми существами. А вы двое — особенно ты, Раммар, — храбрые воины, которые не боятся битвы. Вы доказали свое мужество. Если вы обещаете обращаться со мной как полагается, то заверяю вас, что не буду пытаться бежать.

Хотя Аланне никогда не приходилось читать по лицам орков, она увидела, что Раммар польщен. Она знала, что эти чудовища всегда были падки на подобные комплименты и славословия. А Раммар оказался особенно чувствителен к таким вещам...

— Ты дашь мне слово, что не будешь пытаться бежать? — спросил он. — Говорят, что эльфы обычно выполняют свои обещания, потому что никогда не лгут.

— Так и есть, — подтвердила Аланна, хотя она как раз собиралась нарушить эту традицию. Быть Верховной священнослужительницей Шакары и сознательно сказать неправду, даже если от этого зависит жизнь, — неслыханное нарушение всех правил и обычаев. А теперь она собиралась сделать это второй раз подряд: первый раз она солгала, когда польстила орку, второй — когда пообещала ему не пытаться бежать.

Конечно же, Аланна планировала именно это.

Сначала она сопротивлялась похищению и надеялась, что орков схватят и они поплатятся за свою дерзость. Но когда чудовищам — не важно, по какой причине — удалось открыть ворота Фаравина, в голову ей пришла отчаянная мысль.

Разве не тосковала она все это время по разнообразию, не мечтала о том, чтобы

вырваться из этой душной скуки? Разве не ждала отчаянно, что кто-нибудь придет и избавит от этого монотонного существования? Конечно, освобождение оказалось немного не таким, каким она себе его представляла, и спасители оказались не благородными витязями, а вонючими орками. Но Аланна поняла, что ее похищение этими двумя существами открывает великолепную возможность бежать из стен Шакары, не покрыв при этом свое имя позором. Если бы она улизнула с благородным героем, к тому же еще таким эльфом как князь Лорето, которому принадлежало ее сердце, то впала бы в немилость, оказалась бы навечно отверженной изгнанницей. А теперь всем придется признать, что она вынуждена была покинуть Шакару, что сделала она это против воли. Так в глазах других она представлялась не преступницей, а достойной сострадания жертвой.

Она не собиралась сдерживать обещание, данное орку. Как только Северный вал останется позади и они окажутся вне досягаемости для стражей храма, она бежит и станет своим ходом пробираться на юг. Ее целью был Тиргас Дун, эльфийский город на побережье. Там она потребует объяснений от Лорето, своего бессердечного возлюбленного, который так позорно бросил ее в беде.

Время поджимало. Лорето написал, что скоро ему придется отплыть к Дальним Берегам. Поэтому Аланна должна торопиться. Ей придется провести в обществе орков всего несколько дней и терпеть их отвратительные физиономии, исходящий от них едкий запах и их глупые разговоры.

А потом она убежит.

Белая пустыня осталась позади. У подножия Северного вала, неподалеку от ущелья, где, по утверждению Аланны, находился вход на Южную дорогу, орки оставили буер. С тяжелым сердцем покидали они его, потому что удобное транспортное средство самым замечательным образом перенесло их через лед и снег. Раммару особенно не хотелось снова отправляться в путь на своих двоих, особенно с учетом предстоявшего подъема. Хотя теперь они смогут воспользоваться тропой, но переход через горы все равно обещал быть трудным.

Из запасов северных варваров они взяли с собой все оставшееся вяленое мясо, а флаги наполнили кусочками льда; поскольку они носили их близко к телу, то лед скоро должен был растаять. Аланна настояла на том, чтобы тоже нести один из мешков с провиантом, к немалому удовольствию Раммара — таким образом, вес его собственного мешка сильно уменьшался. А Бальбоку пришлось тащить на себе бо льшую часть поклажи. Кроме ранца, до краев наполненного *байшем*, он должен волочь еще и штандарт колдуна, кроме того, стрелы, лук и секиру.

Нагруженные таким образом, они отправились в путь через горы. Раммар шел впереди не потому, что он был самым храбрым, а потому, что хотел таким образом определить темп похода. За ним следовала Аланна, а за ней — Бальбок, связанный с эльфийкой канатом, который намотал себе вокруг пояса. Хотя служительница и обещала не пытаться бежать, врожденная недоверчивость Бальбока не позволяла верить словам эльфийки. Когда ее привязывали, она ругалась и протестовала, но отговорить себя Бальбок не позволил.

Пройдя через ущелье, они оказались на узкой тропе, которая вела вверх по обледенелым скалам. Путешественникам нужно было быть очень осторожными; чем выше они поднимались, тем уже становилась тропа и тем глубже ущелье, открывавшееся по левую сторону от путников.

Внезапно тропа окончилась перед скалой, и Раммар принялся громко ругаться, пока Аланна не сказала ему просто идти дальше, не обращая внимания на скалу. Ворча и сомневаясь, Раммар провел лапой перед собою — и с удивлением обнаружил, что скала была не чем иным, как иллюзией, отражением в воздухе, служившим для того, чтобы отпугивать непосвященных.

— Ну как? — удовлетворенно спросила Аланна. — Что скажешь на это? Ваши шаманы способны на такое?

— Эльфийское колдовство, — недовольно проворчал Раммар, изрыгнув это слово, как

будто съел что-то не то.

По ту сторону барьера тропа как ни в чем не бывало продолжалась, только стала круче. Несмотря на ледяной холод и пронизывающий ветер, царивший здесь и кидавшийся в лицо кристалликами льда и снега, на лбу у Раммара выступил пот, и он начал так громко пыхтеть, что перекрывал завывания ветра.

— Что такое? — подколола его эльфийская священнослужительница. — Дыхалки уже не хватает, а, орк? Тогда придется тебе за что-нибудь держаться, потому что это будет долгий и трудный подъем.

Злая тетка оказалась права.

Весь первый день они взбирались в гору, в основном по узким тропам, по которым приходилось продвигаться с большой опаской, если путники не хотели поскользнуться и рухнуть в пропасть. Они позволили себе только несколько раз передохнуть, а потом продолжали путь по тропе.

Когда орки оборачивались, взору их открывалась широкая ледяная равнина, бесконечно тянувшаяся на север. Но чем выше они поднимались и чем ближе был вечер, тем плотнее становилась завеса над равниной, и наконец опустилась ночь.

Выбившийся из сил Раммар в конце концов решил, что пришло время остановиться на ночлег. Они нашли убежище в скалистой теснине, где можно было укрыться от ветра и непогоды. Но когда Бальбок решил развести костер, Раммар набросился на него.

— Эй, остановись сейчас же!

— Почему?

— Тебе обязательно нужно выдать нас, *умбал*? Отблеск костра виден на несколько миль.

— Но ведь мы здесь в безопасности, — возразил Бальбок, указывая на окружающие их скалы. — Кроме того, мы замерзнем самым жалким образом, если не погреемся у костра.

— Твой тощий друг прав, орк, — согласилась Аланна. — Без огня да при таком морозе мы погибнем.

— А тебя никто не спрашивал, эльфийская баба! — отрезал Раммар. — Думаешь, я не знаю, что ты задумала? Ты хочешь выдать нас своим сородичам. Со мной такие штуки не пройдут! Раммар Резкий видит тебя насквозь и не позволит дурить себя!

— Раммар Резкий? — Она подняла тонкие брови и удивленно поглядела на него.

— Это мое боевое имя. Ты еще научишься бояться его!

— Как скажешь. Но будет лучше, если ты изменишь свое имя на «Раммар Сосулька» — потому что к рассвету ты превратишься именно в это. Очень жаль, что все ваши старания были напрасны.

— Что ты имеешь в виду?

— Ну, ваше тяжелое путешествие на север, битва со стражей храма, мое похищение и успешное бегство. Все это было совершенно напрасно, если мы замерзнем сегодня ночью. Бояться эльфийских воинов тебе нечего. Если бы я хотела натравить их на вас, то сделала бы это уже давно.

Раммар яростно уставился сначала на нее, потом на брата. Он терпеть не мог, когда Бальбок, этот *умбал*, спорил с ним, но еще больше разозлило его то, что на этот раз на его сторону встала еще и вздорная эльфийка. Было в этой бабе что-то такое, что приводило Раммара в бешенство. Высокомерие, презрительная речь, невыносимая наглость — все это злило его до безумия. Однако утешало то, что колдун уж точно придумает, что с ней делать.

— Итак, замечательно, — согласился он. — Разводи костер, Бальбок. Но если нас обнаружат и перережут, то виноват в этом будешь только ты.

Бальбок пробормотал что-то в ответ, затем пошел к ранцу, открыл его и достал два огнива.

Раммар и Бальбок по очереди охраняли Аланну, в то время как служительница неподвижно просидела у огня всю ночь, глядя на языки пламени. Ее узкие глаза были открыты, но грудь поднималась и опускалась равномерно, как будто во сне — и Раммар и

Бальбок в очередной раз убедились, что эти эльфы — престранные существа.

Ранним утром следующего дня — костер давным-давно потух, и в ущелье пробрался ледяной холод — они продолжили странствие. На завтрак Раммар и Бальбок съели по куску заплесневелого вяленого мяса, резко пахнущего и затхлого на вкус, Аланна же от этой восхитительной для орков еды отказалась. А, сказал себе Раммар, все равно, пусть себе голодает эльфийка! Раз она такая тощая, то наверняка привыкла обходиться почти без еды.

Затем трое путешественников снова тронулись в путь. Почти отвесная скала возвышалась перед ними, и, словно обвившаяся вокруг камня змея, вилась вверх по ней тропа, и ее нужно было преодолеть.

Чем выше они забирались, тем гуще становился туман. Очертания ледяной пустыни к северу от гор лишь угадывались, да и дорога впереди утопала в молочно-белом тумане, что страшно не нравилось Раммару.

— Проклятый туман! — ругался он. — Если так будет продолжаться и дальше, то скоро мы даже собственные лапы разглядеть не сможем.

— Это не туман, — поправила его Аланна. — Это облака.

— Мы так высоко забрались? — удивленно спросил Бальбок. — Мне всегда было интересно, какие они вблизи, эти облака. Я думал, можно лечь на них, как на мягкую постель из подгнившего сена.

— Как это на тебя похоже! — возмутился Раммар. — Любой дурак знает, что облака — это дым, который поднимается из темных луж Курула, чтобы затмить свет солнца. Каждая туча — это заблудшая душа, поглощенная Курулом.

— И вы действительно в это верите? — насмешливо спросила Аланна.

— Конечно! — Раммар недовольно заворчал. — Но у вас, эльфов, конечно же, существует другое объяснение, не так ли? Вы, вероятно, считаете облака заколдованными белыми лошадками, бегущими по небу в вечных поисках исполнения желаний и счастья?

— Прекрасная мысль, совершенно неподходящая для орка, — ответила Аланна с безрадостной улыбкой. — Но на самом деле облака — это то, что возникает, когда сталкиваются холодный и теплый воздух, а именно — водяной пар.

— Водяной пар? — Раммар остановился, повернулся и в недоумении уставился на священнослужительницу. — Это самый большой *шнорш*, который я когда-либо слышал, — заявил он. — Если такова ваша эльфийская мудрость, то меня не удивляет то, что вы убегаете к своим отдаленным берегам.

— Это место называется Дальние Берега, — поправила его Аланна. — И я говорю правду.

— Ну конечно же. А гром и молнии движутся на самом деле не гневом Курула, а представляют собой совершенно естественное явление, правильно?

— Правильно.

— Ну, понятно, — проворчал Раммар и, повернувшись к Бальбоку, сделал недвусмысленное движение лапой, означавшее, что, по его мнению, у эльфийки явно не все дома.

Они продолжали карабкаться. Видна была только малая часть тропы, по которой они в данный момент шли, а то, что было впереди и позади, терялось в густой пелене.

И только к полудню облачный покров слегка рассеялся. К этому времени маленький отряд достиг перевала. Он простирался между двух причудливых скалистых навесов в форме птичьих голов. В неярком солнечном свете, лившемся сквозь облака на пустынную лошину, орки увидели нечто, совершенно им не понравившееся: вдоль тропы, пересекавшей седловину горы, были установлены каменные колонны, украшенные эльфийскими письменами.

— Проклятая эльфийка! — заворчал Раммар, хватаясь за *сапарак*, висевший на ремешке у него за спиной. — Я так и знал, что она приведет нас в западню!

— Да этим колоннам тысячи лет! — спокойно заметила Аланна. — Тебе действительно не нужно их бояться.

— А кто говорит, что я боюсь?

— Тебе не нужно говорить о своем страхе, я и так его вижу. Эта возвышенность называлась в свое время Соколиной седловиной. Когда мир был еще молод, здесь сошлись в жестокой схватке тролли и эльфы. Если бы в той битве не удалось отбросить троллей, они захватили бы *амбер*. В память о героях-победителях установили эти колонны.

— Да что ты говоришь, — проворчал Раммар, продолжая сторожко оглядываться. — Знаешь, меня не колышет, что было здесь пару тысяч лет назад, эльфийская жрица. Нам, оркам, нет дела до прошлого. Нас волнует только настоящее. — Он обернулся к брату. — Ты что-нибудь чувствуешь, Бальбок?

Худощавый запрокинул голову, подставил свой крючковатый нос ветру и шумно втянул воздух.

— Ничего, — сказал он наконец.

— Ты уверен?

— Думаю, да.

— Хорошо. Мы идем дальше.

— Что это значит? — недоуменно спросила Аланна. — Ты хочешь сказать, что твой глупенький товарищ может учуять эльфа?

— Он может учуять, в принципе, все, — подтвердил Раммар. — Кроме того, он не только мой товарищ, но и брат.

— Брат?

— Я же только что сказал это, разве нет? — Он посмотрел на нее, и глаза его сверкнули. — Почему я должен повторять все, что говорю?

— Я просто удивлена, вот и все. Я думала, что орки не поддерживают родственных связей.

— Похоже, ты знаешь абсолютно все, а? — Разъяренный Раммар встал прямо перед ней. — Знаешь что, священнослужительница? Занимайся своими делами и оставь свои премудрости при себе, хорошо? Твоя болтовня действует мне на нервы, и моему брату тоже. Правда, Бальбок?

— Я...э...

— Мы такие, какие есть, — продолжал возмущенный Раммар, — а конкретно — орки. Не эльфы, не карлики, не люди. Если тебя что-то не устраивает, то это твое дело, но прекрати делать вид, будто все на свете знаешь. Ты не знаешь ничего, в этом я могу тебя уверить.

Затем он повернулся и, рассерженный, пошел вперед, не обращая внимания на туман, в котором тонула тропа.

Снова настали сумерки, и маленькая группа начала устраиваться на ночлег. Естественная крыша скалистого навеса послужила им пристанищем, и это было очень хорошо, потому что едва померк дневной свет, как началась страшная буря, превратившая скалы в причудливые ледяные скульптуры.

Плотнее укутавшись в меха северных варваров, трое путешественников устроились у потрескивавшего костра, разложенного Бальбоком. Худощавый орк то и дело лазил в свой ранец и что-то подкладывал, чтобы пламя не погасло: остаться такой ночью без огня означало верную смерть.

— Скажи-ка... — Аланна долгое время задумчиво глядела в огонь, а затем спросила: — Что это ты подкладываешь в огонь? Ведь здесь наверху совершенно нет дров.

— А это и не дрова, — ответил Бальбок, — это сушеный орочий навоз.

— Сушеный... — Глаза Аланны расширились от удивления. — Это значит, что вы сушите свой собственный?.. И используете его, чтобы?..

— А как же иначе? — ответил Бальбок, как будто это было нечто само собой разумеющееся. — Все орки отапливают им свои пещеры. Это обеспечивает не только огонь, но и уютный домашний запах, по вечерам витающий над *больбоугом*.

— Готова поспорить.

— А что, эльфы не сжигают свой *инорш* ?
— Конечно нет. — Аланна замотала головой. — В цивилизованных городах есть подводные реки, которые называют каналами, которые уносят прочь всяческие остатки.

Бальбок хрюкнул.

— А что происходит с ними потом?

— Ну, по каналам все это попадает в реку.

— А оттуда?

— В море.

— И это вы называете цивилизацией? Вы просто выбрасываете свой *инорш* в море? — Теперь настал черед Бальбока делать удивленные глаза. — Как жаль. Этим можно было бы отопить множество пещер.

— Эльфы не живут в пещерах, — стала поучать Аланна. — Они строят большие города и живут в залитых светом залах.

— Отвратительная идея, — раздался голос Раммара. — Нет ничего лучше темной, влажной пещеры, где пахнет гнилью и плесенью. Но вы, эльфы, в этом ничегошеньки не понимаете.

— Не понимаем. И я благодарна своим предкам, что все сложилось именно так.

— Тебе не нужно благодарить своих предков, эльфийка. Они давно умерли и послужили пищей для червей. Почему вы, остроухие, так носитесь со своим прошлым?

— Потому что великие дела стоят того, чтобы о них помнили.

Раммар покачал своей бесформенной головой.

— Причина не в этом. Вы постоянно говорите о прошлом, потому что у вас нет будущего, верно?

— Это неправда!

— Нет? — Глаза Раммара хитро сверкнули. — Тогда почему все больше тебе подобных покидают этот мир? Почему вы удираете к своим Дальним Берегам, если здесь все якобы и так хорошо? Вот что я тебе скажу: твой народ потерял былой блеск, стал слабым и безвольным. Будущее принадлежит нам, оркам, потому что мы молоды и сильны.

— Это неправда, — повторила Аланна, но на этот раз это прозвучало скорее упрямо, чем уверенно.

— Правда, еще какая. Ты просто не хочешь этого признать. Подожди, вот познакомишься с нашим заказчиком — он подтвердит тебе мои слова. Эпоха эльфов заканчивается, и ты сама — лучший тому пример.

— Я сама? Что ты имеешь в виду?

Глаза Раммара продолжали хитро сверкать.

— Во что ты веришь? — спросил он, не сводя с нее взгляда.

— Я — Верховная священнослужительница Шакары, — прозвучал ответ. — Наследница Фаравина и хранительница тайны. Я не обязана давать отчет неизвестно откуда взявшемуся орку в том, во что я верю.

— Нам, оркам, не нужно *верить*, — гордо объявил Раммар, а снаружи завыл ледяной ветер, задувая под навес снежинки, тут же таявшие над огнем. — Мы *знаем*, что в глубинах *сохгала* живет Курул. Тот самый демон, который некогда вышел победителем из битвы с себе подобными и выхаркал всех нас в мир. Это он отнял у нас свет и принес тьму.

— А даже если и так, — сказала Аланна. — Будучи служительницей Шакары, я верю в предсказание Фаравина, согласно которому придет спаситель и подарит *амберу* мир и покой.

— Чушь, — снова возразил Раммар. — Ты в это не веришь.

— Откуда тебе знать?

— Все очень просто — потому что большинство твоих сородичей давным-давно потеряло веру в это глупое пророчество, не то они не покидали бы наш мир. И если бы ты была честна сама с собой, то признала бы, что и сама давным-давно в это не веришь. Поэтому ты и нам помогла уйти от погонщиков медведей. Я прав?

— Что ты себе думаешь! — Несмотря на жгучий мороз, Аланна сбросила мех белого медведя и вскочила. — Как ты можешь так говорить! — Она глядела на Раммара, и глаза ее сверкали от ярости.

— По праву сильного. Ты в нашей власти, священнослужительница, а не наоборот, понятно? Вбей это в свою дурную голову.

— Еще бы не понять, — засопела Аланна, не в силах припомнить, чтобы кто-нибудь за всю ее долгую жизнь так с ней разговаривал. — А ты вбей в свою дурную голову, орк, что в моих жилах течет кровь сыновей Мирона, и заверяю тебя, что сила их еще не угасла. Если тебе дорога жизнь, то моли Курула, чтобы в мои руки никогда не попало оружие, пока ты будешь неподалеку, потому что иначе дни твои сочтены.

— Это еще что такое? — Раммар поднял свои косматые брови. — Ты мне что, угрожаешь? Вот именно ты? Баба?

— Для такого труса, как ты, и баба серьезный противник.

— А ну, повтори, — зарычал Раммар, в свою очередь поднимаясь.

— Что именно повторить, а, резкий Раммар? Что ты трус или что баба для тебя вполне подходящий противник?

— Ну, погоди! Ты мне за это ответишь! — взвыл Раммар, его нос задергался, глаза дико завращались в глазницах. Начинался *саобх*, один из самых известных приступов бешенства у орков, который обычно заканчивался тем, что кого-нибудь закалывали или забивали, или, по крайней мере, ломали пару костей. Бальбок обеспокоенно наблюдал за тем, как брат хватается за *сапарак*, и когда Раммар хотел уже наброситься с ним на эльфийку, кинулся между ними и обхватил Раммара своими длинными лапами.

— Оставь меня в покое! — шипел толстяк, пытаясь вырваться из хватки Бальбока. — Я заткну ее наглый рот! Я должен...

— Ты должен успокоиться, — заклинал его Бальбок. — Если ты убьешь ее, она уже не сможет поведать тайну карты. Тогда колдун на нас разозлится и не отдаст голову Гиргаса. А это значит, что мы не сможем вернуться в *больбоуг*. Она того не стоит!

Бальбок настойчиво уговаривал брата, и тот действительно уgomонился. Наконец даже нос его перестал сердито дергаться, и Бальбок отпустил его.

— Ну, ладно, — проворчал Раммар, садясь к огню. — Сначала закончим свою миссию. Потом эту бабу всегда можно будет убить. А знаешь что, священнослужительница, — добавил он, обращаясь к Аланне, — ты начинаешь напоминать мне скорее орка, чем эльфийку, — и не только потому, что говоришь на нашем языке.

— Слабоумный! — раздраженно донеслось в ответ.

Раммар кивнул и сказал:

— Во-во, именно это я и имел в виду...

Они тронулись в путь ранним утром. Из-за нападавшего за ночь снега идти стало не только сложно, но и крайне опасно. Оркам неоднократно мерещилось, что под снегом они потеряли тропу. В большинстве случаев именно Аланна указывала им путь, а где даже она не знала дороги, на помощь приходило чутье Бальбока.

По опасным серпантинным тропам и узким ущельям путешественники наконец достигли каменных ступеней, которые вели по вертикальной расщелине. Конца выбитой в скале лестницы видно не было, потому что на горы снова опустились густые облака.

Зато скалы стояли здесь настолько близко друг к другу, что снег почти не долетал до дна, поэтому Раммар, Бальбок и Аланна могли спокойно подниматься.

Они очутились на окутанном дымкой плато. Там стояла каменная колонна, украшенная эльфийскими рунами. По словам Аланны, надпись приветствовала идущего и желала ему счастливого пути. Если бы облака были не настолько густыми, то с перевала открылся бы захватывающий вид на заснеженные вершины и обледенелые склоны Северного вала. А так орки хотя и угадывали очертания острых скалистых зубцов, окружавших плато со всех сторон, но видеть толком не видели.

Немного отдохнув, они поели. Даже Аланна, до сих пор отказывавшаяся принимать пищу из рук орков, с выражением отвращения на лице сжевала кусочек вяленого мяса. Затем отряд снова тронулся в путь, и, по мере того как он приближался к южным склонам, с каждым мигот отступал северный холод. Всего несколько дней назад местность к северу от болот казалась Раммару и Бальбоку холодной и негостеприимной — теперь же у них было такое ощущение, будто они вернулись домой.

— Добро пожаловать на юг, — воскликнул Раммар в приливе чувств, — где ночи по-настоящему темные и *асар* ни у кого не мерзнет.

— Да, — ответила Аланна непонятым тоном. — Добро пожаловать на юг...

Они отправились дальше и шли до тех пор, пока не стемнело, а потом нашли место для стоянки под защитой группы скал. Поскольку удобрения, которое можно было бы сжечь, у Бальбока больше не осталось — той ледяной ночью во время снежной бури он использовал все, — на этот раз Раммар победил, и костра не разжигали. От эльфов они ушли, но теперь они снова на юге, а здесь жили тролли, карлики, гномы и прочая шваль.

Тем не менее ночь прошла спокойно.

Утром тропа все так же повела их вниз. Облака остались наверху, и снова впервые за долгое время можно было видеть дальше своего носа. Перед путниками открылась панорама, от которой захватывало дух: острые очертания гор, вздымавшихся из темных долин и протыкавших небо, причудливые скальные образования, выдолбленные в камне ветром и непогодой, водопады, с шумом свергавшиеся с огромной высоты, и, наконец, далеко на юго-западе склоны Острогорья, вырвавшиеся на далеком горизонте словно зубы дракона.

Но Раммара и Бальбока не трогал великолепный ландшафт. Для них важно было одно: доставить добычу в добром здравии — или, как минимум, живую — в крепость Рурака.

К удивлению братьев, эльфийка, казалось, наслаждалась каждым мгновением путешествия, невзирая на тот факт, что находилась в плену. Беззаботность Аланны была для них загадкой, и это настроило Раммара по отношению к жрице еще более подозрительно. Она что-то замышляет, это было ясно, — но что?

К полудню они услышали неумолчный шум и наконец вышли к пропасти. Раммар и Бальбок осторожно перегнулись через край. Далеко внизу бушевала быстрая, серо-голубая вода, за тысячу лет пробившая себе дорогу в твердом камне.

— Это Ледяная река, — пояснила Аланна. — Она берет свое начало высоко на склонах Северного вала и с грохотом срывается вниз, на юг, где пересекает Острогорье и разделяет царство карликов на две части.

— Да что ты говоришь, — мрачно ответил Раммар, которому претила эта цветистая речь. — И как же нам попасть на другую сторону?

— Существует мост, — заверила его эльфийка. — Он был некогда построен карликами, преданными эльфийской королеве.

По узкой тропе, которая вела вдоль пропасти, они продолжали путь и вскоре действительно наткнулись на мост — узкое сооружение, сделанное из грубого камня, широкой дугой раскинувшееся над пропастью. Доверия оно не вызывало совершенно, в ширину всего два *кнум'хай* — то есть, достаточно широкое для карлика, а для орка опасно узкое. Перил не было.

Бальбок тут же задал главный вопрос:

— И вот здесь нам нужно переходить?

— Ни за что! — отчаянно замотал головой Раммар. — Вас эта штука еще выдержит, а под моим весом она точно рухнет.

— Сам виноват, — удовлетворенно заметил Бальбок. — Зачем было жрать, когда я голодал? Так тебе и надо.

— Так мне и надо? Хочешь, чтобы я рухнул? Это после всего того, что я для тебя сделал?

— Я тоже не стоял в сторонке, — напомнил Бальбок. — Я тащил *байш* для нас всех всю дорогу, вместо того чтобы наестся им в одиночку.

— Ну и что? Зато я постоянно следил за эльфийкой.

— Как это так? Ты все время шел впереди и даже не видел ее!

К сожалению, это было правдой, и Раммар почувствовал, что брат загнал его в ловушку. В подобных ситуациях он всегда переходил в атаку.

— Ты мерзкая лапа собачья, а не брат! — разошелся он. — Без меня тебя сожрал бы гуль. Кроме того, это я...

— Вы скоро закончите? — спросила Аланна так строго, что Раммар от удивления даже замолк. — Можно подумать, что передо мной два молодых карлика, воюющие за то, кто первым будет рассказывать сагу.

— Ты нас с карликами сравниваешь? — засопел Раммар. — Ты что, баба, обидеть нас хочешь?

— Придется, если вы после этого снова будете вести себя как думающие существа. Если бы вы постоянно не ругались, мы давным-давно уже перешли бы реку.

— Вы, может быть, и перешли бы, а я — нет, — раздраженно возразил Раммар. — Мост меня не выдержит, я это чувствую.

— Тогда давай мы с Бальбоком первыми перейдем ущелье, — предложила эльфийка. — Если мост выдержит вес нас двоих, то тебя он выдержит тоже.

— Хм, — только и сказал Раммар, оглядывая Аланну с головы до ног. В этой идее что-то было, это точно. Раммар усиленно думал и пришел к выводу, что это будет лучшее (потому что наименее опасное для него) решение.

— Ну, хорошо, так мы и поступим, — решил он. — Бальбок, вы с эльфийкой переходите мост первыми. Если он не рухнет, тогда мой вес он выдержит тоже.

— А-а если рухнет? — спросил Бальбок.

— Тогда мне придется поискать другой путь, — пожав плечами, ответил Раммар. — Итак, вперед.

— Можно, я хотя бы оставлю мешок с провиантом? — спросил Бальбок, испуганно глядя на узкий каменный мост.

— С ума сошел? Я и так достаточно тяжел, не хватало мне еще наш *байиш* на спине тащить. Все, ни слова больше. Быстро дуй через мост. И заberi с собой зловредную бабу!

Когда Раммар начинал говорить таким образом, Бальбок предпочитал молчать и делать, что велит брат. Хотя мост не вызывал у него особого доверия, он не хотел выказывать слабость перед эльфийкой. Поэтому кивнул и потащил ее на веревке к мосту. Затем осторожно поставил на него ногу.

— Почему так нерешительно? — провоцировала его Аланна. — Ты орк или червяк?

— О-орк, конечно же, — забормотал Бальбок.

— Так и веди себя как подобает! — со злобной ухмылкой ответила она, и прежде чем орки успели опомниться, уже прошла мимо младшего из братьев и легко ступила на мост. — Видишь? Это же так просто!

— Хорошо тебе говорить! — заворчал Бальбок. — Думаешь, я не видел, что твои ноги не оставляют следов на снегу? Вы, эльфы, двигаетесь легко, как перышки.

Аланна только рассмеялась — и, к ужасу орков, развязала узел на канате, который Бальбок обвязал ей вокруг бедер.

— Стой! — крикнул Раммар, стоя на краю пропасти. — Нельзя!

— Но позволь, мерзкий мой друг, — а кто мне может помешать? Ты, что ли? — Она спокойно пошла дальше.

— Чего ты ждешь? — набросился Раммар на брата. — Не отставай от нее, дурак набитый! Или хочешь, чтобы она от нас удрала?

Эльфийка уже добралась до середины и, пританцовывая, перешла узкую вершину моста. Подгоняемый яростными криками брата, Бальбок сдвинулся с места и встал на узкий мост, у которого не было ни парапета, ни перил, а далеко под ним, в головокружительной глубине, бушевала Ледяная река.

На мгновение ему показалось, что камень предательски затрещал, но мост выдержал —

пока что, — и Бальбок слегка приободрился. Неся за спиной ранец, он воспользовался штандартом колдуна как шестом, чтобы не потерять равновесие, и, переставляя одну ногу за другой, пошел за эльфийкой. Та тем временем почти добралась до противоположной стороны и ускорила шаг.

— Стой! — надрывался Раммар, чуя недоброе. — Остановись!

— Поймайте, если можете! — крикнула она в ответ и снова засмеялась своим серебристым смехом — что привело Раммара в бешенство.

— Как это похоже на тебя, баба эльфийская! — завопил он вне себя от гнева и, забыв про всяческую осторожность, сжав кулаки, устремился на мост — и под весом двух орков древнее, потрепанное ветрами и непогодой сооружение вдруг сдалось.

Раздался хруст, треск, между двумя камнями показалась трещина, которая быстро расширялась и углублялась. И мгновение спустя у Раммара пол ушел из-под ног, и, падая, он понял, что поступил довольно глупо.

Бальбок тоже полетел головой вниз, рыча что есть мочи. Аланна, почти достигшая другого берега — но только почти, — тоже. Напрасно пыталась она ухватиться за край, ее тонкие руки поймали пустоту, и зияющая пропасть поглотила и ее.

Отвесные стены ущелья отражали пронзительные крики троих путешественников, летевших навстречу белой пене, а с ними летел град камней, из которых некогда состоял мост — и затем все это ухнуло в ледяные воды реки.

Раммар терял сознание. Ему, оглушенному, казалось, что он снова на суровом севере и замерзает — потом он пришел в себя и вспомнил о том, что произошло. Легкие жгло, словно огнем, а остатки моста опускались рядом с ним на дно. Он замахал лапами и ногами, чтобы выбраться на поверхность. Его окружали ужасный шум и бульканье, которые Раммар поначалу принял за глухой смех Курула.

В следующий миг он вылетел на поверхность и жадно стал хватать ртом воздух.

— Бальбок! — закричал он, а сильное течение увлекало его за собой. — Бальбок, где ты?

Он бросил торопливый взгляд наверх, на изломанные края ущелья, между которыми виднелась полоска серого неба. Мысль о том, что он только что упал оттуда, с самого верха, привела его в такой ужас, что он даже забыл, что нужно работать лапами; его тут же подхватил водоворот и снова потянул под воду.

Орки никогда не были хорошими пловцами. Мокрая стихия вызывала у них всякие подозрения, им не приходило в голову, что этим можно мыться или просто находиться ради собственного удовольствия. Тем, что в следующий миг он, словно пробка, выскочил на поверхность, орк был обязан исключительно жировым слоям своего приземистого тела.

Быстро избавившись от металлического нагрудника, он следил за тем, чтобы не потерять *сапарак*, который болтался на ремне за спиной, и флягу с водой. В конце концов, он расправил конечности и позволил течению подхватить себя, а живот его при этом торчал из воды, словно небольшой островок.

— Бальбок! — кричал он то и дело, едва не срывая голос. — Бальбок!..

— Я здесь! — жалобно послышалось в ответ, и между пенящимися волнами Раммар на мгновение увидел отчаянно работающего лапами брата.

Бальбок тоже был не самым лучшим пловцом. Ранец с *байшем* он со спины сбросил, но штандарт колдуна он все еще сжимал в лапах, словно от этого зависела вся его жизнь. Голова долговязого то и дело оказывалась под водой, а в следующий миг он выныривал и принимался отфыркиваться.

— Жалкий *умбал*! — крикнул ему Раммар, пытаясь перекричать шум воды. — Оставь этот дурацкий штандарт!

— Нет! — решительно пробулькала орк. — Настоящий орк не бросает своего знамени в беде!

— Ты, глупый пес, да ты с ним утонешь!

— Орк не бросает своего знамени в... — упрямо хотел повторить Бальбок, когда его

прервал пронзительный крик о помощи. Раммар тут же узнал этот голос — то была эльфийская священнослужительница.

В борьбе за существование он о ней совершенно забыл. Жрица пыталась бежать, но затем рухнула в пропасть вместе с ними. Он торопливо огляделся в поисках неудачливой беглянки, а течение тем временем несло их с Бальбоком прочь. Раммар никак не мог понять, откуда доносятся крики, потому что они эхом отражались от стен ущелья и слышались как бы отовсюду.

— Вон там! — пробулькал Бальбок, прежде чем снова исчезнуть под водой, — и Раммар наконец увидел пленницу.

Она была впереди, попав в опасный водоворот, образовавшийся в нише в скале и тащивший ее вниз с невиданной силой. Она отчаянно сопротивлялась, но противопоставить силе реки ей было нечего.

— Помогите! Я тону!..

Несмотря на опасность ситуации, по орочьему лицу Раммара промелькнула хитрая ухмылка. *К'ууле тог'док тог, тутоум'док ефхуум*, гласила древняя орочья поговорка — не рой другому яму, сам в нее попадешь. Редко когда она бывала настолько справедлива.

Раммар пожелал эльфийке всего наихудшего, к примеру смерти от обледенения в бушующих потоках, а в следующей жизни карлика в мужья. А потом ему в голову пришла ужасная мысль. Нет, нельзя дать ей утонуть! Если эльфийку затянет на дно реки, с ней вместе утонет и знание о карте Шакары — а вместе с ней и надежда для братьев когда-либо вернуться в *больбоуг*, где их ждет старый добрый спертый воздух родной пещеры.

Каким-то образом Раммару удалось развернуться в бушующей реке, потом он попытался добраться до Аланны, работая конечностями.

— На помощь! — крикнула она еще раз, а потом светлые волосы скрылись под водой.

— Нет! — закричал Раммар и, отчаянно барахтаясь, быстро преодолел последние *кнум'хай*. Но эльфийки уже не было на поверхности. Зато водоворот захватил теперь и Раммара и быстро стал засасывать, у толстяка закружилась голова, и наконец его поглотила воронка ледяной воды. Он даже не мог позвать брата, который, собственно, и был во всем виноват. Как сильно он ни сопротивлялся, водоворот тянул его на дно.

Под водой он открыл глаза и за завесой воздушных пузырей увидел почти потерявшую сознание Аланну. Раммар протянул к ней свои короткие лапы, и ему удалось схватить ее и подтянуть к себе, а водоворот засасывал их все глубже и глубже. Из-за того, что Раммар прекратил сопротивление, они уходили вниз еще быстрее, и в следующий миг достигли дна реки.

Раммар понимал, что нужно уходить от смертоносного места. Едва его ноги коснулись дна, как он оттолкнулся от него изо всех сил, но водоворот не желал расставаться со своими жертвами и снова затянул их. Раммар снова изо всех сил оттолкнулся, держа Аланну под мышкой, словно мешок. Но, несмотря на все его жировые запасы, его неудержимо тянуло вниз, а воздуха в легких тем временем становилось все меньше и меньше.

Утонуть при попытке спасти эльфийку — для орка такой конец был бы довольно бесславленным. И это при всем при том, что он всю свою жизнь умудрялся втягивать голову в плечи и держаться подальше от неприятностей. Может быть, таково наказание Курула за его трусость...

Перед глазами Раммара уже плясали черные круги. Свободной лапой он греб изо всех сил, но силы оставляли его. Снова почувствовав дно под ногами, он оттолкнулся, на этот раз немного в сторону, чтобы хоть так освободиться из объятий водоворота.

На мгновение у него затеплилась надежда, потому что он подобрался так близко к поверхности, как никогда раньше. Ему казалось, что он сможет пробить толщу воды вытянутой лапой, когда течение снова утянуло его на дно.

Легкие пылали, Раммар загребал лапами в паническом страхе, прилагая все оставшиеся силы, чтобы выбраться наверх.

Их не хватало.

Он уже совсем было хотел сдаться, когда в кристально чистой воде увидел перед собой нечто. То был светящийся черным шар на конце длинной деревянной палки, и остатки здоровых мыслей Раммара подсказали ему, что нужно за нее схватиться. Свободной лапой он обхватил палку, и сила, превосходящая силу водоворота, вытащила его и потерявшую сознание эльфийку наверх; Раммар и Аланна вырвались из смертельных объятий и в следующий миг оказались на пенящейся поверхности реки.

Раммар хватал ртом воздух, чувствуя, как к нему возвращается жизнь. Теперь он увидел, за что ухватился — то было навершие штандарта, который дал им колдун Рурак. Другой конец держал Бальбок, выбравшийся на скалистый берег и спасший спутникам жизнь.

— Держись крепче! — крикнул он Раммару, и стало видно, как напряглись его мускулы под мокрой кожаной юбкой. Шлем он потерял еще тогда, когда падал в реку, нагрудник сбросил в воде, чтобы не утонуть, но штандарт не оставил.

На этот раз Раммар отказался от удовольствия обозвать Бальбока *умбалом*, ведь упрямство брата, с которым он тащил чертову палку, спасло ему (и эльфийке) жизнь. Напрягаясь изо всех сил, Бальбок тащил их на берег, пока Раммар наконец не ощутил под ногами твердую скалу. На негнущихся ногах он поднялся и потащился на сухое, волоча пленницу под мышкой. Обессиленный, он уронил ее на каменистый берег, сам опустился рядом и, пытаясь, стал хватать ртом воздух, а Бальбок тем временем занялся жрицей, безжизненно лежавшей с закрытыми глазами.

— Она не шевелится, — заметил худощавый. — Думаю, она мертва, Раммар.

— *Что-о-о* ? — Несмотря на истощение, Раммар поднялся и пополз к ней на четвереньках. — Этого... этого не может быть! Проклятая эльфийская баба, я ведь не затем рисковал своим *асаром*, чтобы ты нам тут...

— Она жива! — перебил его Бальбок. Прижав ухо к ее груди, он прислушался. — Но сердца почти не слышно.

— Проклятье, — проворчал Раммар. Он склонился над эльфийкой и обрушил на нее шквал пощечин. — Просыпайся! — зло кричал он. — Не слышишь, что ли? Ты должна проснуться!

— Бесполезно, — сказал Бальбок. — Вероятно, она наглоталась воды и поэтому не может дышать.

— И что?

— Может быть, нам попробовать отдать ей немножко нашего воздуха?

— Ха! Что за дурацкая идея! И как ты собираешься это сделать?

— Пусти меня, — Бальбок склонился над Аланной, прижал свои губы к ее губам и вдохнул в легкие эльфийки свой затхлый воздух.

— Фу-у-у! — послышался голос Раммара. — Прекрати, это же отвратительно! — От мысли о том, что придется коснуться рта эльфийки своим собственным, его едва не стошнило.

А Бальбок тем временем продолжал. Прижимая свои губы к губам жрицы, он вдвух в ее легкие воздух.

— Давай уже, прекращай, — ворчал Раммар. — Довольно того, что она прыгнула в яму Курула прежде, чем выболтала свою тайну. Не издевайся над ее трупом...

И вдруг — Раммар ничего не успел понять — эльфийка пошевелилась. Ее руки дрогнули, в следующий миг она закашлялась, и из ее рта хлынул поток проглоченной воды. Она хрипло ловила ртом воздух, открыла глаза и удивленно уставилась на обоих орков. С ее бледных, обескровленных губ сорвалось несколько слов на эльфийском языке, а потом она, похоже, вспомнила, где находится и кто это рядом с ней.

— Что... что произошло? — спросила она на орочьем языке.

— Что произошло? — злобно переспросил Раммар. — Я скажу тебе, что произошло, баба эльфийская. Ты хотела, чтобы мы упали, вот что произошло. Ты собиралась перебежать через мост, в то время как мы с братом рухнули в глубину и должны были утонуть, как

крысы.

— Я... — Сначала она хотела все отрицать, но тут же умолкла. Наверное, поняла, что это бессмысленно, и вместо этого спросила:

— Как я сюда попала?

— Как? *Я* вытащил тебя из реки, — ответил Раммар.

— *Ты меня* спас?

— Можно сказать и так.

— С-спасибо, — удивленно произнесла эльфийка; при этом она перешла на человеческий язык, потому что на языке орков нет соответствия для такого ненужного слова.

— Только не надо себе ничего воображать, — хладнокровно заметил Раммар. — Я сделал это только потому, что с тобой утонула бы и карта. А Рураку непременно нужна эта карта.

— Рурак?

Раммар вздохнул.

— Колдун, по поручению которого мы действуем.

— Никогда о нем не слышала.

Раммар недоуменно уставился на нее.

— Ты никогда не слышала о Рураке Палаче?

— А должна была?

— Думаю, так. Рурак — великий колдун, во времена Второй войны был полководцем, которого все боялись, — пояснил орк. — Мне казалось, что вы, эльфы, чтите память о прошлом?

— О *нашем* прошлом, — ответила Аланна. — Дела орков нас не интересуют.

— Значит, Рурак был прав, — язвительно произнес Раммар. — Он говорил, что вы, эльфы, видите и слышите только себя. И что ваша эпоха подходит к концу. Будущее принадлежит тем, кто выбирает себе правильных союзников.

— А Рурак — сильный союзник, — добавил Бальбок. — Может быть, ты его и не знаешь, но он прекрасно знает тебя. Он знал о храме, знал дорогу туда. Разве не так, Раммар?

— Так и есть. А еще у него есть голова нашего предводителя Гиргаса, которую главный потерял в славной битве с зеленолицыми, а она, в свою очередь, нужна нам для того, чтобы мы могли вернуться к своему племени.

Аланна выпрямилась.

— Это значит, что вы подвергали себя опасностям только ради того, чтобы завладеть отрубленной головой?

— Не какой-нибудь там отрубленной головой, — поправил Бальбок, — а головой Гиргаса, нашего храброго предводителя. Гномы укоротили его рост как раз на голову, но мы принесем ее в деревню, где из нее, как и полагается, сделают чучело.

— То есть вы похитили меня ради какого-то... чучела?

— Так оно и есть, эльфийка, — раздраженно проворчал Раммар. — Но если ты еще раз попытаешься бежать или даже просто обмануть нас, тогда чучело сделают из твоей головы. Ты поняла?

Аланна в ужасе переводила взгляд с одного на другого и молчала. По ней было видно, как сильно подействовала на нее неудавшаяся попытка бегства, и можно было даже подумать, что она согласна скорее утонуть, чем быть спасенной орками. Кроме того, вся эта история с Рураком ей, похоже, не нравилась.

— Я хочу знать, поняла ли ты меня! — закричал на нее Раммар.

— Да поняла, поняла, — недовольно ответила она. — Я хорошо слышу и не такая тупая, как это долговязое ничтожество, — она показала на Бальбока.

— Это долговязое ничтожество, — взорвался Раммар, — вытащило нас обоих из реки. Иногда он может быть глупым, и я готов признать, что пару раз даже подумывал о том, чтобы его прибить. Но он — мой брат, и не тебе его оскорблять!

— Раммар, — удивленно произнес Бальбок, — таких приятных слов ты обо мне

никогда еще не говорил.

— Заткни глотку! — оборвал его Раммар. — Молчи, когда я говорю, черт бы тебя побрал!

В тот день они решили сделать передышку. Опасное падение в реку сократило им путь на много часов, и они могли спокойно разбить лагерь.

До выхода из ущелья было уже недалеко. Там, где Бальбок выудил своих спутников из воды, оно было значительно шире, а по обе стороны реки тянулись усыпанные галькой берега. Течение было поспокойнее, а река вилась по руслу красивой бирюзовой ленточкой.

Трое путешественников разбили лагерь выше галечного берега, где ниша в скале обеспечивала укрытие от ветра и непогоды и где стояли высохшие деревья, ветви которых годились на дрова. На этот раз Раммар не возражал против того, чтобы Бальбок развел костер. Все трое промокли до нитки; у огня можно было согреться и высушить одежду. Поначалу Аланна не решалась раздеться перед этими двумя чудовищами, но затем все же сделала это — и Раммар и Бальбок даже удержались от замечаний по поводу того, какие отвратительные эти эльфийские женщины с их стройными телами с плавными изгибами и алебастрово-белой кожей.

Они втроем сидели у огня, а горы вокруг погружались в темноту. С лица у каждого из них еще не сошел ужас, и, хотя они едва спаслись от смерти, повода радоваться настоящему у них не было. Аланна была погружена в мрачные мысли, потому что бегство ее не удалось и план пробираться в одиночку в Тиргас Дун провалился; у обоих орков лица вытянулись, потому что не было еды, и Раммар ругал брата, который как обычно оказался во всем виноват. Как Бальбок, так и Аланна избавились от своих мешков с провиантом, чтобы они не утащили их на дно, поэтому осталось совсем немного: у Бальбока — секира и кинжал, которые торчали из-за орочьего пояса, фляга для воды и потертая кожаная юбка; у Аланны осталось только шелковое платье, которое, несмотря на все неприятности, сверкало белизной и казалось совершенно новым. У Раммара и так ничего при себе не было, кроме фляги с водой и *сапарака*; оба предмета висели на кожаном ремешке за спиной, когда он рухнул в реку.

— Как это на тебя похоже, тупица ты этакий! — ругал он брата. — Мешок с провиантом ты оставил реке, а эту дурацкую штуку, — он указал на штандарт колдуна, который Бальбок воткнул нижним концом в землю на краю лагеря, — ты из реки выловил.

— Ты радоваться этому должен, — ответил Бальбок. — Потому что, если бы я не сохранил штандарт, мне нечем было бы вытаскивать вас из реки. Или лучше было бы, если бы я бросил тебе кусок вяленого мяса? — В этом, вне всякого сомнения, что-то было, и Раммар смолчал.

— Знаешь что, Раммар, — тихо сказал Бальбок, — может быть, тебе будет легче, если я скажу, что тоже голоден.

Раммар закатил глаза.

— Почему это мне должно стать легче? Так тебе и надо, что в животе урчит. Почему я должен чувствовать себя лучше?

Бальбок тоскливо вздохнул.

— Чего бы я сейчас не отдал за то, чтобы оказаться дома, в нашей пещере, где пахнет сыростью и плесенью. Там я приготовил бы хороший орочий засоритель желудка...

— Прекрати, — тихо сказал Раммар.

— ...такой, со всеми штуками, — продолжал Бальбок, — с фаршированными гномьими кишками и глазами гигантских змей...

— Прекрати! — энергично повторил Раммар. — Твоя глупая болтовня нам ничего не даст. Я и так уже голоден.

— Я так и чую его запах, — замечтался Бальбок, — а когда я закрываю глаза, то я даже вижу целый котелок, полный дымящегося...

— Если ты сейчас же не закроешь рот, я заткну тебе глотку твоим же дурацким

штандартом. Тогда твой желудок наконец успо... Что такое?

Раммар заметил, что спутники внезапно забеспокоились. Бальбок запрокинул голову и приплюснулся к прохладному ночному воздуху, эльфийка наострила свои острые уши и прислушалась.

— Я что-то чувю, — прошептал Бальбок. — Здесь кто-то есть.

— Ты уверен?

— Он прав, — согласилась Аланна. — Кто бы он ни был, он двигается очень тихо, так что даже я его почти не слышу. Но он здесь. И он следит за нами.

— Кто? — спросил Раммар.

— Сложно сказать. — Бальбок снова приплюснулся. — Возможно, карлик. Или человек.

— А где он засел?

— Думаю, там, за скалой, — ответил Бальбок.

— Бальбок, — зарычал Раммар, — хватай свою секиру и поймай эту свинью, которая осмеливается подслушивать нас. Пусть познакомится с гневом Раммара Резкого!

— *Kopp* ! — Бальбок схватился за секиру и, одетый только в короткую кожаную юбку, которую мать уже почти превратила в пояс, отошел от костра.

Раммар и Аланна остались одни. Их взгляды встретились, и поскольку ни один не хотел признать свою слабость, оба уставились друг на друга, не отводя взгляда.

— Почему ты не поможешь брату? — спросила Аланна.

— Чтобы оставить тебя без присмотра и ты опять смогла удрать? — Раммар обнажил в ухмылке желтые зубы и покачал головой. — Нравится тебе это или нет, эльфийка, но мы с братом отведем тебя к Рураку, чтобы получить от него свою плату!

— И только поэтому ты спас мне жизнь?

— Конечно, зачем же еще?

— Понятно. — Аланна кивнула, и видно было, как тяжело ей давались следующие слова. — И все же я хочу *поблагодарить* тебя, орк. Ты рисковал жизнью, чтобы спасти меня. Я в долгу перед тобой.

У Раммара едва не вылезли глаза из орбит, и он тупо уставился на пленницу.

— Я в долгу перед тобой, — с внутренним протестом повторила Аланна.

— Н-но ведь я — орк...

— Знаю я, что ты орк. Это ничего не меняет — ты спас меня. И по законам моего народа я перед тобой в пожизненном долгу.

— Этот закон не распространяется на орков, — пояснил Раммар, которому все это было не по душе.

— О нет, распространяется.

— Но я не хочу, чтобы ты была — как эта чепуха называется? — мне *благодарна*, — твердо сказал Раммар: это дело было ему неприятно. — Оркам такое не положено. Мы — беспутные ребята, которые пьют, убивают и уничтожают. Спасать эльфам жизнь — совсем не для нас.

— И тем не менее ты сделал это.

— Только затем, чтобы доставить тебя Рураку, я же сказал, — напомнил он, и его налитые кровью глаза яростно блеснули. — Если ты осмелишься рассказать об этом кому-нибудь, то я тебя...

Он умолк, не только потому, что ему так быстро не пришла в голову подходящая угроза, но и потому, что с той стороны, где исчез Бальбок, внезапно послышались звуки — стон, затем шорох гальки и поспешно удаляющиеся шаги.

Раммар схватился за *сапарак*.

— Бальбок? Это ты?

Снова послышались шаги, на этот раз медленные и тяжеловесные, и из темноты по ту сторону костра появилась знакомая долговязая фигура.

— Вот и ты, — проворчал Раммар. — Что случилось?

— Он убежал от меня, — смущенно признался Бальбок.

— Умбал ! — засопел Раммар. — Ты хотя бы разглядел, кто это был?

— Человек, — испуганно ответил Бальбок. — Одет был как охотник-следопыт.

— Человек. Этого еще не хватало, — состроил гримасу Раммар. — От этих жалких созданий нигде покоя нет. Повсюду шастают и совершенно не ладят с орками.

— Правда? — Аланна подняла изогнутые брови. — Разве есть в *амбере* хоть *кто-то* , кто ладит с орками?

— Нет, и мы этим гордимся, — желчно ответил Раммар. — *Иомаи намхал, иомаи унур* , говорят у нас — чем больше врагов, тем больше чести.

Всего пару дней назад Аланна расхохоталась бы, услышав слово «честь» из уст орка. Но сейчас решила не обращать внимания на это и только спросила:

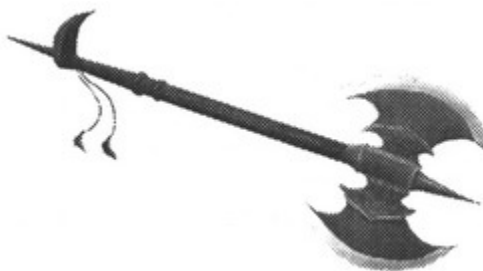
— И что вы теперь собираетесь делать?

— Хм, — заметил Бальбок. — Эти следопыты — хорошие лучники. Если бы он собирался убить нас, то нам давно настал бы конец.

— Может быть, это был всего лишь шпион, — предположил Раммар. — Может быть, там есть еще кто-то вроде него. Как будто нам одного из этих хитрых созданий мало. Нужно смотреть во все глаза и быть начеку — и в первую очередь нужно погасить огонь...

Книга 2

Буртас ур'Тиргас Лан (Сокровище Тиргас Лана)

1. Команаш ур'боуртас-коум

Корвин раздосадованно рассматривал свою добычу, разложив ее перед собой на земле. Их было восемь.

Восемь пучков волос. Некоторые из них были короткими и жесткими, другие — длинными и сплетенными в косы. Общим у них было то, что все они висели на еще кровоточащей коже.

Корвин сплюнул. Восемь скальпов.

Это было не особенно много, если принять во внимание, что он бродил по поросшим лесом склонам Острогорья. К тому же, раньше его заказчики платили неизмеримо больше за то, что он очищал область к востоку от Ледяной реки от всяких паразитов. Если правильно поторговаться, Корвину удастся получить за восемь скальпов как раз одну серебряную монету. Если вычесть из этого стоимость заточки меча, двух дюжин стрел и покупку сети, останется не так и много. При этом было время, когда для важных господ в Андариле и Сундариле хороший орк был мертвый орк. Но все изменилось.

В Восточных землях разыгралась война. Бароны и князья вели кровавые бои с городами за господство. В боях погибало все больше людей, и поэтому живых орков стали ценить выше, чем мертвых: их подчиняли себе и использовали либо как солдат, либо на горных работах, потому что нужно было ковать новое железо, чтобы на полях сражений не переводились «орудия труда». Для этого орки очень хорошо годились. За живой экземпляр платили пять серебряных монет.

Корвин с горечью рассмеялся. Восемь убитых орков вряд ли могли пополнить его

кошелек, но зато они отлично утоляли чувство мести — хотя и на короткое время.

У него перед глазами еще стоял взгляд последнего орка. Корвин наспигивал его стрелами, и ему было в радость превратить чудовище в игольник; каждый крик из горла ненавистных созданий наполнял сердце Корвина удовлетворением. Или тот, другой, внутренности которого с шумом вывалились на землю, когда он вспорол его от шеи до паха. Или тот, которого он поймал в собственноручно сделанную ловушку, чтобы наблюдать потом за тем, как сдыхает зверюга.

Пусть даже в эти сумасшедшие дни хорошо платят за живых орков — Корвин не мог устоять перед тем, чтобы погасить их тусклые огоньки жизни.

И все же он сдержится, только в этот раз. Мысль о том, чтобы поймать сразу двоих претила ему, но перспектива получить десять монет была слишком заманчивой и могла помочь ему удержаться на плаву.

Обычно за пределами Гнилых земель орки встречались только поодиночке; те, кто покидал исконные земли орков, были или заблудившимися дураками, или одиночками, искавшими приключений, или же отверженными своим племенем. Встретить сразу двоих в этой местности — да еще таких великолепных экземпляров — было все равно, что выиграть главный приз в лотерею в Сундариле.

На берегу Ледяной реки Корвин обнаружил промокший ранец. Содержимое ранца — куча вяленого мяса, — а также способ, которым оно было упаковано, — просто выброшено в мешок — сразу же сообщили Корвину, что он нашел провиант орка. Вполне возможно, подумал он, одно из этих тупоумных созданий утонуло в верховьях реки, а тело его прибило к берегу, так что Корвин получит свой следующий скальп без малейшего риска для жизни. Хотя ему доставляло удовольствие собственноручно разделяться с орками, но долгие годы охоты на склонах Острогорья научили его тому, что все сразу иметь нельзя и нужно удовлетворяться данностью.

Корвин поднялся вверх по течению и обыскал берег, но орочьего трупа нигде не нашел. Зато с наступлением ночи обнаружил отблеск костра. Подкравшись поближе, чтобы посмотреть, что или кто составляет ему компанию в блужданиях в глуши, он довольно сильно удивился: двух орков в набедренных повязках и голую эльфийку, мирно сидящих вместе у костра, не каждый день увидишь.

Корвин строил самые фантастические догадки по поводу того, что эта пестрая группа делает так далеко на севере. Затем он заметил, что ноги у эльфийки связаны. Итак, это пленница! Все внутри Корвина взбунтовалось — не потому, что он испытывал к эльфийке сочувствие, а потому, что просто страшно позавидовал оркам за такую компанию.

Не считая Марены, эта женщина была самым прекрасным созданием, которое он когда-либо видел: кожа словно алебастр, такие правильные черты лица, словно их создавал одаренный скульптор. Уже не говоря о других прелестях. Корвин впервые увидел эльфийку такой, какой ее создал Творец, и сразу же понял, почему говорят, что даже самые красивые женщины не могут равняться с эльфийками. Корвин, проведя последние месяцы один, в глуши лесов, поймал себя на том, что мысли его принимают опасное направление: если освободить эльфийку из лап обоих орков, ее благодарность будет безграничной, и он уже даже придумал, как она может отплатить ему...

Во рту пересохло, глаза жадно заблестели, Корвин готов был выскочить из своего укрытия и обрушиться на орков. В этот миг один из них заметил его — худощавый поднялся и пошел в его направлении, сжимая в лапах огромную секиру.

Еще мгновение Корвин стоял, словно застыв, а потом пришел к выводу, что разумнее бежать. Момент неожиданности был упущен, кроме того, он не знал, с какими орками столкнулся: с теми, которые глупые и неуклюжие, или с теми, которые хитрые и умеют сражаться. В любом случае их было двое, и он не хотел рисковать впустую.

Поэтому он поспешил убраться, но по дороге к своему лагерю составил план; план, по которому можно будет освободить эльфийку, получить ее благодарность и в то же время поймать орков живыми, чтобы продать их на невольничьем рынке в Андариле.

Нужно хорошо подготовиться.

И выждать момент...

Когда забрезжил новый день, орки и пленница уже были на ногах.

Бальбок не имел ничего против того, чтобы подремать немного, но Раммар, который стоял на страже вторую половину ночи, безжалостно разбудил его и Аланну — если, конечно, эльфийка вообще спала. Она снова просидела у потухшего костра с открытыми глазами, глядя прямо перед собой, но дыша спокойно и равномерно. И Раммар в который раз убедился, что никогда ему этих эльфов не понять.

После событий прошедшего дня не осталось ничего, что удерживало бы орков в Острогорье. А встречаться с одним из следопытов, которые, как известно, ничего в мире не ненавидят сильнее, чем орков, не хотелось. Также в этом районе шныряли карлики, которые тоже не ходили в друзьях. Поэтому Раммар и Бальбок хотели как можно скорее покинуть эти места.

Существовали только два пути, ведущих из Острых гор, — один отвесный и трудный, другой — очень долгий, с непросчитываемым риском. И все же Раммар был по горло сыт горами, поэтому они пошли не через отвесный Шрамовый перевал, а по течению Ледяной реки, чтобы, обходя болота, пробраться на юг, где Острогорье постепенно переходило в равнину Скарии. Там нужно будет повернуть на запад, к родным просторам Гнилых земель.

Что касалось срока исполнения поручения, то орки слегка запутались. Они совершенно не представляли, сколько осталось до полного кровавля, но по подсчетам Бальбока у них в запасе была примерно неделя.

— Еще целая неделя? — переспросил скептически настроенный Раммар. — Ты в этом действительно уверен?

Внезапно Бальбок растерял всю свою убежденность. Он поднял лапу и принялся пересчитывать дни по когтям, приговаривая: «Итак, в одной неделе орочьего месяца от пяти до шести дней... каждый второй или третий не считается, потому что накануне было выпито слишком много кровавого пива... Итого... итак... м-м-х...». Его высокий лоб покрылся морщинами, и прошло немало времени, прежде чем черты лица его снова прояснились.

— Вот! — гордо провозгласил он. — Думаю, осталось *боугум*.

— *Боугум*? — взорвался Раммар. — Ты имеешь в виду, что осталось всего несколько дней?

— Вот именно, — удовлетворенно ответил Бальбок.

— Ты, непроходимый *умбал*! Тебе понадобилось так долго думать, чтобы выяснить это?

— Ну... я...

— Если мы вовремя не принесем голову Гиргаса в *больбоуг*, срок, установленный нам Грайшаком, истечет, и тогда он прикажет напиговать наши животы чесноком и луком и подать в качестве главного блюда на пиру в честь Гиргаса! — Раммар разъяренно уставился на брата. — Что с тобой, Бальбок? И ты еще хвалился перед Гиргасом и всей сворой, что умеешь считать! Так умеешь ты или нет? Сколько дней оставалось до полного кровавля, когда мы уходили из *больбоуга*? Тебе нужно всего лишь сосчитать те дни, которые мы провели в дороге, и получится как раз то, что у нас осталось!

Тем временем Бальбок еще раз предпринял попытку посчитать дни на когтях своей лапы, но чем громче ругал его брат, тем больше его лихорадило.

— Итак... если у меня есть четыре гномьих скальпа, — пробормотал он, — и брат украдет у меня три, тогда у меня останется... м-м-х... с учетом скальпа моего брата... м-м-х...

У Бальбока на лбу, за которым происходила такая напряженная работа, выступил пот. Тем не менее он не пришел ни к какому результату и наконец сдался.

— Это вычитание, Раммар, а не счет, — принялся он жалобно оправдываться. — А вычитать гораздо труднее, чем считать!

Раммар презрительно засопел. Но сказал себе, что парой дней больше или меньше — все равно не имеет значения. Они выполнили поручение и раздобыли карту Шакары (хотя немного и не в том виде, как ожидалось), и оставалось только доставить ее колдуну, чтобы взамен получить голову Гиргаса. Если после этого они столкнутся с командой убийц Грайшака, то всегда могут показать своим соплеменникам голову предводителя. Наверняка в этом случае *файхок'хай* окажутся рассудительными и убьют только одного из них. И Раммар уже даже вполне представлял себе, кем будет этот кто-то...

Чем дальше путники продвигались на юг, тем пышнее становилась растительность: ко мхам и лишайникам, над которыми возвышались голые скелеты деревьев, вскоре присоединились одинокие кусты и папоротники. Затем русло реки окружили хвойные деревья, и вскоре трое путешественников оказались в высокоствольном лесу; и, хотя стройные ели и сосны нельзя было сравнить с раскидистыми деревьями Гнилых земель, все же орки испытывали некоторое удовлетворение по поводу того, что идут верным путем. Шумно втягивая ноздрями влажный, свидетельствующий о постоянном разложении воздух леса, Раммар шел вперед гораздо веселее, чем раньше, да и настроение у него заметно улучшилось.

— Ну, Бальбок, что скажешь? — крикнул он брату. — Разве здесь не почти как дома?

— Да, — ответил Бальбок, по-прежнему державшийся в хвосте маленького отряда. — Не хватает только нескольких грибочков с личинками внутри — и за ужином можно было бы попировать.

— Ты серьезно? — Аланна вздрогнула от отвращения.

— Конечно. Если будешь себя хорошо вести, то тоже получишь кусочек. Но самых жирных получит, конечно, Раммар, а не очень жирные достанутся мне. А ты, эльфийка, как хочешь, можешь пустые грибы есть...

— Тихо! — зашипел Раммар и поднял лапу.

Брат замер, Аланна тоже притаилась. С тех пор как Империя карликов пришла в упадок, Острые горы считались местом небезопасным. С орками эльфийка хоть знала, чего ожидать. Но кто мог сказать, что за мерзость шляется по долинам?

— Что такое? — тихо прошептал Бальбок. — Ты что-то учуял?

— Нет.

— Что-то услышал?

— Нет.

— Увидел что-то?

— Проклятье, что за дурацкие вопросы? Быстро иди сюда и посмотри сам!

Бальбок сделал виноватое лицо. Затем пробрался к брату. Аланну, которую он снова привязал к себе веревкой, конечно, потащил за собой.

— Вон! — сказал Раммар, указывая на землю. На ней совершенно отчетливо был виден след сапога. Сапога с кованой подошвой, которые часто носят люди и солдаты.

Или следопыты...

— *Шнорш*! — тихо произнес Бальбок. — Это может быть он.

— Кто? — поинтересовалась Аланна.

— Молочнолицый, — недовольно проворчал Раммар. — Человек, который встретился нам в верховьях реки.

— Думаете, он последовал за нами?

— В любом случае, он неподалеку, — произнес Бальбок. — Последнее, что нам сейчас нужно, это стычка с людьми. Эти ребята еще более непредсказуемы, чем гномы, кровожаднее, чем карлики и сумасброднее, чем эльфы.

— Тут я с тобой для разнообразия соглашусь, — сухо заметила Аланна.

— Следы ведут на юг, — определил Бальбок, тем временем обнаруживший еще несколько. — Если мы заберем немного западнее, то, возможно, избежим встречи.

— *Корр*. — Раммар кивнул. — Обойдем человека по дуге. От этих молочнолицых одни неприятности.

Аланне тоже нечего было возразить. В ее глазах люди были еще молодой и незрелой расой, чья жажда власти и наживы уступала только их же грубости. Недаром во время последней войны они были в союзе с орками; при помощи лживых обещаний и лести их было так же легко подчинить, как и этих чудовищ. С тех пор как эльфы все больше и больше отдалялись от этого мира, Восточная империя людей все больше погружалась в войну и беззаконие. Герцоги побеждали князей, князья — рыцарей, а рыцари — города. Каждый из них думал только о собственной выгоде; короля, который бы правил страной, у них не было. Ни короля, ни надежды — и будущего тоже не будет...

Как и предложил Бальбок, они пошли на запад, делая крюк. Обойдя человека стороной, они собирались вернуться к реке.

Но ничего у орков и их пленницы не получилось.

Несчастье пришло со звуком треска, будто хрустнула прогнившая ветка. Раммар инстинктивно остановился, а за ним и его спутники — и мгновением позже всех троих схватило и потянуло кверху!

Почва мгновенно ускользнула из-под ног, над ними сомкнулись грубые канаты, зашнуровав их в тугой узел. Бальбоку в спину упирался локоть Раммара, а на лице стояла нога Аланны. Его собственная нога причудливо вывернулась назад, а правая лапа оказалась прямо в вырезе платья эльфийки, и убрать ее оттуда он не мог.

— Одно неосторожное замечание, орк, — проворчала Аланна, — и тебе конец...

Все трое не сразу поняли, что произошло: они слепо угодили в ловушку, скрытую под лиственным покровом. Не в силах освободиться, они болтались в подвешенном состоянии.

— Опять ты нам устроил, Бальбок! — в ярости орал Раммар. — Все это исключительно твоя вина!

— К-как это?

— Потому что ты должен был учуять ловушку!

— Я должен был учуять ловушку? Как это так?

— А я откуда знаю? Обычно твой дурацкий нос чует все что ни попадя!

— Но уж точно не спрятанную сеть!

— Это я заметил...

— Скажите-ка, петухи, — перебила их Аланна, — не хотите ли вы воспользоваться остатками своего разума и подумать о том, как нам освободиться из этой неприятной ситуации?

— Хорошая идея, — внезапно донесся голос снизу. — Давайте-ка послушаем. Уже предвкушаю.

Орк и их пленница вздрогнули. Сквозь ячейки сети они увидели стройную фигуру, возникшую среди деревьев.

Это был человек.

Его длинные и на взгляд орка тонкие, словно у паука, ноги были обуты в коричневые кожаные сапоги, отогнутые голенища которых доходили до колен; на незнакомце были темно-зеленые брюки и куртка с широким поясом, на котором в ножнах висел меч-бастард. Благодаря темному плащу вид у человека был угрожающим. Капюшон он отбросил, и на лице, обрамленном черными волосами до плеч, сверкали глаза цвета стали; левую щеку пересекал отвратительный шрам.

— Это он! — прошептал Бальбок брату.

— Кто?

— Тот человек, — донеслось шепотом в ответ. — Следопыт, которого я видел у реки.

— *Шнорш*! — выругался Раммар, потому что в этот миг ему стало ясно, что они с братом повели себя словно желторотые новобранцы. След, на который они наткнулись, был проложен нарочно, чтобы они пошли в нужную сторону.

Они сделали именно то, чего хотел молочнолицый, и слепо попались в ловушку — они были пойманы и находились в его власти.

— Смотри-ка, — насмехался человек на языке своего народа. — Внезапно охотники

сами превратились в добычу.

Сказанное показалась ему смешным, и он раскатисто захохотал, насмехаясь над Раммаром и Бальбоком, которые едва сдерживали ярость. С другой стороны, в этой ситуации они ничего не могли предпринять, потому что достать оружие, находясь в сетке, было невозможно.

— Проклятье, человек, — крикнула Аланна находившемуся внизу, когда первой обрела дар речи. — Сколько еще ты собираешься над нами смеяться, прежде чем опустишь?

— Вы хотите спуститься? — спросил человек, вынимая меч, клинок которого опасно блеснул. — Что ж, эльфийка, ваше желание для меня — закон.

В следующий миг он перерубил канат, удерживавший сетку в воздухе. Веревка была переброшена через ветку высоко в кроне дерева, оттуда спускалась вниз и была привязана к стволу еще одного дерева. Поскольку натянута она была сильно, одного-единственного удара оказалось достаточно, чтобы перерубить ее — и вот уже сеть вместе со своим вопящим содержимым полетела вниз.

В сопровождении крика спутников Раммар устремился навстречу лесному грунту. Больно ударился, угодив головой в корень дерева, и крики остальных — и его собственный тоже — тут же стихли, и так темно стало вдруг вокруг, что Раммару показалось, будто Курул проглотил солнце.

Когда Раммар снова пришел в себя, была ночь.

Он лежал, увязанный в удобный узел, на земле, а рядом с ним лежал Бальбок. Он был в сознании, и его продолговатое лицо выражало что угодно, только не уверенность.

Раммару не понадобилось спрашивать, что с ним. Всего в нескольких *кнум'хай* от них потрескивал костер, освещая все вокруг трепетным светом. По другую сторону костра сквозь пелену жара Раммар увидел человека, которому они были обязаны этим *шноршевым* положением, а рядом сидела Аланна, свободная от пут и в наилучшем расположении духа.

Оба возбужденно переговаривались; священнослужительницу словно подменили: она была приветлива и дружелюбна, чего орки от нее никогда не видели.

— Как мне вас благодарить? — услышали братья шепот Аланны. — Когда эти твари схватили меня, мне показалось, что наступил мой смертный час.

— Больше вам нечего бояться, дорогая моя. Я позабочусь о том, чтобы они получили заслуженное наказание за то, что причинили вам.

— Я так благодарна вам за помощь. Я была близка к отчаянию...

— Как это типично, — тихо проворчал Раммар. — Она была близка к отчаянию. Она, конечно, не расскажет о том, что своей глупой попыткой к бегству едва нас всех не погубила.

Похоже, у человека был великолепный слух. Он тут же обратил внимание на орков и стал их разглядывать. Заметив, что Раммар тоже пришел в себя, он поднялся и обошел костер. Аланна последовала за ним с довольной ухмылкой на лице.

— Так, — произнес человек тоном, ледяным и острым, словно клинок секиры, изготовленной карликами. — Проснулся наконец, толстяк?

— Похоже на то, — ответил Раммар. Внешне он никак не отреагировал на оскорбление, про себя же, как и все орки, запомнил это, решив стократ отплатить человеку, как только подвернется такая возможность. Орки часто бывают злопамятны...

— Итак, ты — Раммар, — сказал молочнолицый; похоже, эльфийка кое-что ему рассказала. — А вон тот длинный — это Бальбок, твой брат. Забавно. Я всегда думал, что оркам наплевать на родственные связи.

— По твоим словам можно судить, как мало ты о нас знаешь, — насмешливо заметил Раммар.

— Мое имя — Корвин, — представился человек. — Я — охотник за головами.

Раммар вздрогнул, а лицо Бальбока вытянулось еще сильнее. Неужели такова их судьба? После всего, что им пришлось пережить, попасть в руки охотнику за головами и

умереть совершенно бессмысленной смертью? Своеобразное у Курула иногда бывает чувство юмора...

— Что там у тебя, орк? — с ухмылкой спросил Корвин. — Это очень почетная профессия, а вон то, — он указал на другую сторону костра, — доказывает, что я неплохо разбираюсь в своем деле.

Раммар проследил взглядом за вытянутой рукой человека и увидел торчавшее из земли копьё. С древка его свисали окровавленные скальпы. Раммар разглядел, что все это были скальпы орков.

— Варвар, — с отвращением прорычал он.

— Это я-то варвар? Ты назвал меня варваром? — Ухмылка исчезла с лица охотника за головами. Рука его устремилась к поясу и легла на рукоять меча; мгновение он, похоже, раздумывал над тем, чтобы просто вынуть его и просто зарубить орка.

Раммар мысленно укусил себя за *асар* за то, что не смог промолчать. Неужели нужно искать себе неприятности? Если охотник за головами до сих пор не убил его и Бальбока, значит, у него наверняка были причины. Возможно, думал Раммар, еще не все потеряно, но нельзя провоцировать этого человека, иначе...

— Ну, давай же, человек! — заорал Бальбок, прерывая ход мыслей Раммара. — Давай, раз не можешь удержаться! Заруби моего брата, но сразу же и меня заодно! Потому что если ты оставишь в живых одного из нас, то...

— Заткнись, Бальбок! — перебил его Раммар.

— Но, Раммар! Это же человек, да еще и охотник за головами! Самый что ни на есть подонок!

— Чепуха, — решительно возразил ему Раммар. — Может быть, он и человек, но занимается уважаемой профессией и разбирается в своем ремесле. Ты что, не слушал?

— Н-но... — Бальбок повернул голову и уставился на брата так, как будто тот потерял разум.

— Никаких «но». Ничего не хочу слышать, — пролаял тот. — Мы во власти охотника за головами — и точка. Ему и решать, что с нами будет, а не тебе!

Бальбок в растерянности умолк, и Раммару, несмотря на то что он лежал связанный на земле, удалось покорно опустить голову. Мгновение, казалось, Корвин размышлял над тем, что ему делать, а затем язвительно расхохотался и покачал головой.

— Теперь вы понимаете, что я имею в виду? — спросила Аланна.

— Вполне, — кивнул тот. — Оба совершенно прожженные. Один — болтун, тупой, как бобовая солома, второй — толстый и трусливый.

— Так оно и есть, — подтвердил Раммар, мысленно делая еще одну зарубку на долговой дощечке охотника за головами; ничто не будет забыто, если когда-нибудь удастся покончить с ним. — Ты нас поймал, и мы в твоей власти. Так что ты собираешься делать с нами, а, охотник за головами? Убить?

— Честно говоря, я сделал бы это с удовольствием, — мрачно заметил Корвин. — Но в этом безумном мире, в котором все встало с ног на голову, живой орк ценится выше, чем мертвый.

В поросячьих глазках Раммара сверкнула надежда.

— Итак, ты оставишь нас в живых?

— Да. Оставлю вас в живых — чтобы продать на невольничьем базаре в Андариле. За орков, работающих на шахтах, платят хорошие деньги. За два таких великолепных экземпляра я получу добрых десять-двенадцать монет.

С таким выражением лица, которое придавало его словам оттенок лжи, Раммар ответил:

— Рад это слышать. — Он должен, значит, работать на шахте. Позволить привязать себя к камню и копать в грязи, словно ненавистные чертовы карлики. Мысль об этом угнетала, да что там, просто приводила в ярость.

— Ой-ой, — печально вздохнул Бальбок. — Вот и все. Доброй ночи, Раммар. Прощай,

голова Гиргаса. До невестречи, *больбоуг* .

— Так вам и надо! — набросилась на них Аланна. — Зачем нужно было меня похищать?

— Ой, не надо! — зашипел Раммар, постепенно начиная понимать, что все его усилия тщетны. Если у него будет выбор между принудительными работами и холодной сталью, меч покажется более приемлемым вариантом; в конце концов, он — орк, а не какой-нибудь там карлик, который любит копаться в грязи словно слепой крот, занимаясь при этом самым противоестественным из всех занятий — занятием, для которого в языке орков даже названия не было: *работой* . Карликам приходилось *работать* , потому что они слишком трусливы, чтобы добывать серебро в битвах. Но для орка такое жалкое существование неприемлемо. Позволять использоваться себя на человеческих шахтах — немыслимо для Раммара!

— Что ты имеешь в виду под «ой, не надо»? — спросила Аланна, отвлекая Раммара от мрачных мыслей. Она склонила голову набок и принялась разглядывать его.

— Ты знаешь, о чем я говорю, — ответил Раммар. — Если бы ты была честной, то признала бы, что наше похищение пришлось тебе как раз кстати.

— Что ты сказал? Я что-то не расслышала!

— Но ведь так и было, — проворчал Раммар. Он перестал притворяться, потому что терять было нечего. — Кое-что я заметил сразу: ты не такая, как остальные эльфы. Не только потому, что говоришь по-орочьи, ты непреклонна и более горяча, чем твои сонные соплеменники. Вот что я имел в виду, говоря, что в тебе от орка больше, чем ты сама готова признать.

— Ты несешь чепуху! — возмутилась Аланна.

— Ах, вот как? А почему ты тогда помогла нам, когда мы удирали от стражи храма? Почему поведала, где находится Южная дорога через Северный вал? Признайся, священнослужительница, — ты не особенно спешила вернуться к своим обязанностям. Наше похищение было тебе на руку. Ты давно уже собиралась бежать, и мы оба послужили средством на пути к цели. Разве не так?

— А даже если и так? — серебристо рассмеялась Аланна. — Я сейчас расплачусь, орк. Как подобным тебе существам постоянно удается притворяться жертвами, будучи преступниками? — Она снова обернулась к человеку. — Не верьте ни одному его слову, Корвин. Толстяк такой же лжец, как и трус, и я не могу... *Корвин* ?

Аланна умолкла, когда увидела, как смотрит на нее охотник за головами.

— Что случилось? — поинтересовалась она.

— Стража храма? — спросил Корвин. — Священнослужительница? Возможно ли, что вы забыли мне о чем-то поведать?

— Что ж, я... — пробормотала Аланна и умолкла, потому что не успела придумать отговорку.

— Ага! — довольно воскликнул Раммар. — Так, значит, она и тебя обманула, охотник за головами. Обманула тебя, так же, как и нас.

— Так же, как и нас, — эхом подтвердил Бальбок.

— Кто вы? — потребовал ответа жрицы Корвин.

— Я — эльфийка, меня зовут Аланна, — ответила она. — Я вас не обманывала.

— Но сказали не всю правду, ведь так? Еще раз спрашиваю: кто вы, черт побери? И почему эти орки вас похитили?

— Я уже говорила вам, что не знаю. Я пересекала горы с отрядом представителей своего народа, когда на нас напали тролли. Мне оставалось только спастись бегством, и я целыми днями блуждала по горам, пока не попала в руки этим двум чудовищам. Вместо того чтобы помочь мне, они меня похитили.

— Эта баба врет, как по камню вырезанному!⁸ — возмутился Раммар. — Ложь, от

⁸ Орочье соответствие для «врать, как по писаному».

первого до последнего слова!

— От первого до последнего слова, — подтвердил Бальбок.

— Ее зовут Аланна, — продолжал Раммар, — но она не та, за кого себя выдает; она — Верховная священнослужительница эльфийского храма Шакары.

— Шакары, — повторил Бальбок.

— Именно оттуда, и ниоткуда больше, мы с братом и похитили ее! — воскликнул Раммар. — Клянусь пламенем Курула!

— Пламенем Курула.

— Молчите, ничтожные орки, — насмешливо произнесла Аланна. — Как вы думаете, кому поверит Корвин — двум приبلудным дикарям или прекрасной женщине, которая к тому же является отпрыском древнего эльфийского рода?

Уверенная в победе, она обернулась к Корвину. Но при виде его мрачного взгляда улыбка на ее бледном лице погасла.

— Ч-что такое? — неуверенно спросила она. — Неужели вы верите двум этим мерзким существам больше, чем мне? Разве вы забыли, что я пообещала вам взамен на то, что вы доставите меня в Тиргас Дун в целостности и сохранности?

— Нет, — хриплым голосом ответил Корвин. — Но я спрашиваю себя, чего стоит ваше обещание, если вы привыкли говорить неправду. Итак, в последний раз спрашиваю: кто вы и откуда?

Какое-то время эльфийка выдерживала его вопрошающий взгляд. А потом покорно опустила голову, понимая, что дальше обманывать человека не имеет смысла.

— Ну хорошо, — призналась она, — все так и есть: я являюсь, точнее, я *была* Верховной священнослужительницей Шакары, пока эти двое не утащили меня из храма.

— Тогда вы наверняка знаете тайну карты, — сказал Корвин так быстро и уверенно, что Аланна вздрогнула от ужаса.

— Вам... вам известно о карте Шакары? — удивленно спросила она.

— Ответьте на мой вопрос. Вы владеете тайной карты? Да или нет?

— Ну, э... да, — подтвердила Аланна. — В этом-то и причина того, что эти чудовища выкрали меня. Они находятся на службе у какого-то шарлатана, который мечтает о том, чтобы укрепить свои позиции при помощи древнейшей тайны эльфов, охватить которую вряд ли будет способен его жалкий ум, и я не уверена в том, что... Что такое?

Корвин не ответил. Он долго, так что ей это показалось вечностью, смотрел на Аланну каким-то странным взглядом, а потом разразился раскатистым смехом. Эльфийка и орки подумали, что он сошел с ума, а он все смеялся и смеялся, пока наконец снова не уселся у костра.

— Это нужно отметить! — воскликнул он, схватил мешок, выудил оттуда глиняную бутылку и зубами откупорил ее. Сделав несколько больших глотков, он все еще не мог успокоиться, и снова приложил бутылку ко рту.

Раммар и Бальбок могли только догадываться о том, что находится в бутылке: у людей и гномов существовала своеобразная привычка напиваться перебродившими эссенциями — они называли это алкоголем. Орки любят использовать кровавое пиво, чтобы набраться, и ничто из тех ощущений, что вызывает алкоголь, даже приближенно не может сравниться по своему действию с пророщенной кровожадностью.

Зато на Корвина содержимое бутылки уже оказало свое действие. Взгляд его стал стеклянным, и он постепенно успокоился. Безумный смех утих, воцарилось молчание. Наконец Аланна присела рядом с ним и посмотрела на него долгим пристальным взглядом.

— Все в порядке? — поинтересовалась она.

— Конечно, — ответил он, с трудом ворочая языком от алкоголя. — Теперь я знаю, кто вы на самом деле. Почему же что-то должно быть не в порядке?

— Простите, что я оставила вас в неведении относительно своего происхождения. По

отношению к моему спасителю мне следовало быть честной.

— Вашему спасителю!.. — Охотник за головами презрительно засопел и сделал еще один глоток. — Не думайте обо мне слишком хорошо, эльфийская жрица.

— Не беспокойтесь, — начала Аланна, но умолкла, нахмурилась и спросила:

— Откуда вам известна тайна Шакары? О ней знают только немногие смертные.

Корвин снова засопел. Хотел было приложиться к бутылке, но Аланна мягко отстранила его руку.

— Ну, хорошо, — заворчал он, — я расскажу вам. Вы имеете право знать.

— А как насчет нас? — встрял Раммар.

— Да, как насчет нас? — повторил Бальбок.

— А что насчет вас?

— Если бы мы не указали тебе на то, что эльфийка врет, ты по-прежнему не знал бы, кто она, — ответил Раммар. — Мог бы снять с нас веревки и предложить место у костра.

— Вот именно, мог бы и предложить нам место у костра!

— А ну, заткнитесь! — грубо оборвал Корвин. — Охотнее всего я предложил бы вам место в костре, так что ведите себя потише, черт бы вас побрал. В противном случае я насажу ваши скальпы вон на то копьё!

— Тогда ты не получишь за нас награду, — возразил Раммар. — Живые мы стоим больше, чем мертвые, не забывай.

— А кто вам сказал, что я убью вас, прежде чем снять скальп, — спросил Корвин с ухмылкой, которая совершенно не понравилась Раммару. Поэтому он решил, что лучше помолчать и послушать. Однако орк наострил уши: ведь, в отличие от обоняния, слух его работал великолепно...

— Вы должны знать, что я не всегда был охотником за головами, — пояснил Корвин, обращаясь к Аланне, тоже внимательно ловившей каждое слово. — Я перепробовал множество профессий, и большинство их — с мечом в руке.

— Вы были наемником?

— Большую часть времени. Мой клинок принадлежал тому, кто платил лучше, князю или городу — мне было все равно. Я принимал участие во множестве битв, пока наконец не встретил ее.

— Кого?

— Марену, — тихим, дрожащим голосом ответил Корвин. — Ее волосы были рыжими, словно заходящее солнце, а одного взгляда ее глаз было достаточно, чтобы свести мужчину с ума. Мы столкнулись во время одной из самых кровопролитных битв. Мы сражались по разные стороны баррикад. Мы встретились в густом лесу, вдалеке от битвы. Пофехтовав некоторое время, мы поняли, что будет страшно жаль, если один из нас погибнет. Поэтому мы тут же заключили мир — и как! — При воспоминании об этом лицо Корвина исказила сладострастная ухмылка, которая исчезла, едва он увидел осуждающий взгляд Аланны.

— Ну, ладно, — пробормотал он, — это не важно. В любом случае, с того самого дня мы стали неразлучны. Мы взяли расчет и с тех пор заделались охотниками за головами. Лорды Востока в те дни хорошо платили за орочь скальпы, так что у нас было много денег, и жили мы припеваючи — до тех пор, пока не встретили *того самого орка*.

— Того самого орка? Какого орка? — поинтересовалась Аланна, и Раммар с Бальбоком тоже наострили уши.

— Он бродил по лесу, и мы поймали его. Чтобы спасти свою шкуру, он рассказывал нам всякие странные вещи — о таинственной карте местности, которая существует только в голове эльфийской священнослужительницы и ведет к сказочным сокровищам. Я не придавал большого значения его болтовне, но Марене стало любопытно. Пообещав ему свободу, она выудила у него тайну. Судя по его рассказу, далеко на севере, в ледяном храме Шакары, живет эльфийская священнослужительница, которая хранит тайну карты — карты, ведущей в Тиргас Лан, древний город эльфов, скрытый глубоко в лесах Тровны и хранящий сокровище невообразимой ценности.

Раммар и Бальбок удивленно переглянулись.

Сокровище невообразимой ценности?

Постепенно они начинали понимать, зачем колдуну понадобилась карта...

— И что дальше? — с непроницаемым лицом спросила Аланна.

— Я не поверил ни единому слову этой крысы, а вот Марена поверила. Она потребовала, чтобы он описал дорогу в Шакару и отправилась туда, а я сопровождал ее, хотя в этот бред и не верил.

— А орк? — любопытствовал Бальбок.

— Марена сдержала свое обещание ипустила его, — мрачно ответил Корвин, — и я до сих пор клянусь себя за то, что допустил подобное. Надо было зарезать этого мерзкого ублюдка. Потому что уже на следующий день слабость Марены вышла ей боком. Трусливо пущенная из укрытия стрела попала ей в спину. Она умерла у меня на руках.

— Мне очень жаль, — тихо сказала Аланна.

— Это был тот самый орк, которого онапустила днем раньше, — проворчал Корвин. — Я преследовал его, но он ушел от меня. Последнее, что я слышал, это был его раскатистый смех; я узнал бы его из тысячи. С тех пор я перестал убивать орков только для того, чтобы заработать себе на жизнь — я делаю это ради удовольствия. Гнусные твари, не заслуживающие того, чтобы жить. Я истреблю их, одного за другим.

Раммар и Бальбок озабоченно переглянулись — не похоже было на то, чтобы охотник за головами собирался в ближайшее время заключить с ними мир...

— Мне кажется, что это было совсем недавно, — со стеклянным взглядом сказал Корвин. — Рана еще свежа.

— Да, вашими устами говорит горечь, тоска по любимому человеку, — сказала Аланна. — Но берегитесь, Корвин.

— Беречься? Чего?

— Чтобы ваша месть не превратила вас в то, против чего вы сражаетесь. Орки действительно подлые существа, которые могут только разрушать и не имеют ни капли разума, но...

— Минуточку, — вставил Раммар, который не мог такого позволить. — Может быть, мы и подлые, да и разрушение доставляет нам радость. Но разумом мы обладаем, уж можете мне поверить!

— ...но тот, кто попытается их победить их же оружием, — нимало не смущаясь, продолжала Аланна, — может стать им подобным.

— Вам хорошо говорить, — сказал охотник за головами. — Вам не понять, что такое потерять кого-то, кто значит для тебя больше, чем свет очей!

— Не обманывайте себя, Корвин. Не стоит поспешно судить о других. Правда часто бывает скрыта глубоко.

— Да что вы говорите! — презрительно скривился Корвин. — Вроде как правда о вашем происхождении? Что за странный случай — после того как я счел речи того орка пустой болтовней и все эти годы даже не вспоминал о Шакаре и проклятой карте, я встречаю именно вас, Верховную священнослужительницу Шакары. Так ответьте же, Аланна, — неужели орк сказал тогда правду? Вам известна тайна карты?

— Известна.

— И что, она действительно ведет к сокровищу немыслимой ценности?

— Клятва, которой я когда-то поклялась, запрещает мне рассказывать вам что-либо об этом. Вам нельзя было даже знать о существовании карты.

— И тем не менее я о ней узнал, — невесело улыбнулся Корвин. — Разве не удивительно, какие шутки иногда выкидывает с нами судьба? Как раз когда я начал постепенно забывать об этом, на пути мне попадаетесь именно вы, эльфийская священнослужительница, и старая рана открывается вновь.

— Мне очень жаль, — сказала Аланна, и Раммар нашел, что это прозвучало на удивление искренне.

— Не стоит. Но от вас, священнослужительница, зависит, будет ли смысл в смерти Марены — хотя бы спустя столько лет.

— Что вы имеете в виду? — удивленно спросила она.

— Вы знаете, что я имею в виду. Все эти годы я жил, полагая, что она умерла за ложь, а теперь я узнаю, что сокровище, которое она хотела отыскать, действительно существует. Если я найду его, то доведу до конца то, за что она умерла.

— Нет! — Эльфийка решительно покачала головой. — Это плохая идея. Забудьте о том, что встретили меня и то, о чем рассказали вам орки. Пусть все будет так, как будто...

Она не договорила, потому что внезапно почувствовала на горле клинок Корвина. Он вскочил и моментально выхватил из ножен меч.

— Забыть? Думаете, это так просто? — недовольно спросил он. — Не обманывайтесь тем, что я спас вас из лап орков, священнослужительница. Как я уже говорил, верность моя принадлежит тому, кто лучше всех платит. Так что не рассчитывайте на мое благородство. Я могу быть настолько же бессовестным, как и эти два негодника.

— Ясно, — бесцветным голосом сказала Аланна. Сочувствие в ее глазах исчезло, уступив место ледяному холоду. — Сомневаюсь, однако, что Марена одобрила бы то, чем вы здесь занимаетесь.

— Не смей больше упоминать ее имени, эльфийка, — зарычал Корвин. — Я не хочу, чтобы его касался твой лживый рот.

— Вот теперь-то вы показали свое истинное лицо, да, охотник за головами? — произнесла Аланна. — Пытаетесь запугать меня? Вы не сможете заставить меня рассказать вам то, что я знаю. Я давала клятву — а я клялась скорее умереть, чем раскрыть тайну Шакары.

— Вот видишь, охотник за головами! — воскликнул Раммар, удовлетворенно обнажив в ухмылке желтые зубы. — Твой враг — эльфийка, а вовсе не мы! Развяжи нас, и мы поможем тебе вытрясти из нее тайну. Мы с братом знаем много замечательных способов открыть упрямый рот.

— Вот именно, открыть.

— Не сомневаюсь, орки, но ваши услуги здесь не нужны, — ответил Корвин. — Священнослужительница нарушит обет молчания и без этого.

— А я уверена, что нет, — пообещала Аланна. — Скорее я умру.

— Глупости! — вставил Раммар. — Не умрет она. Эта лживая тварь предала своих собственных людей, чтобы бежать с нами через горы. Я совершенно уверен, что она не станет жертвовать своей жизнью за дело, в которое уже не верит.

— Молчи, орк! — набросилась на него эльфийка. — Да что ты можешь знать, тварь бездушная?

— Достаточно для того, чтобы видеть тебя насквозь. На протяжении всего своего существования ты ждала чего-то, что так и не настало. До сих пор твоя жизнь была скучна и однообразна. До того самого момента, когда появились мы, не так ли? Поэтому ты и помогла нам бежать, и поэтому же ты не захочешь умереть. А совсем не ради того, чтобы сохранить тайну, в которую давным-давно не веришь.

— Ты говоришь ерунду, — упорствовала Аланна, но слова ее звучали уже не так убедительно.

— Смотри-ка, — заметил с ухмылкой Корвин. — Разумом толстый орк, возможно, и не обладает, но, похоже, он действительно видит тебя насквозь. Может быть, в тебе на самом деле больше общего с этими тварями, чем ты думаешь. Действительно ли ты готова умереть? Я знаю, что вы, эльфы, о смерти не особенно думаете. Живете почти вечно. — Он сильнее прижал острие лезвия к алебастрово-белой шее. — Но эта сталь — и в этом, эльфийка, я могу тебя заверить, — способна легко положить конец твоей жизни. Так что подумай хорошенько над тем, что ты будешь делать.

— Если ты убьешь меня, то никогда не узнаешь, где находится сокровище.

— В этом случае мне не будет хуже, чем сейчас, — возразил Корвин. — Мне терять

нечего. А вот ты теряешь целые столетия — стоит мне только еще немного надавить.

И голосом, похожим на рычание волка, добавил:

— Итак, давай сюда карту!

— Чего ты ожидаешь? Что я тебе ее нарисую? — безразлично рассмеялась Аланна. — Ты такой же глупый и наивный, как и орки, которых ты так ненавидишь. Карту Шакары нельзя нарисовать, потому что в ней кроется гораздо больше, чем просто описание пути. Крепость Тиргас Лан, к которой ведет карта, проклята, на нее наложено древнее проклятие.

— Что ты там несешь? — В глазах Корвина сверкали искры. — Эльфийские бредни!

— Ты сомневаешься в моих словах? Тогда тебе даже не стоит пускаться в путь, ведущий в Тровну, охотник за головами, потому что там тебя ждет множество невероятных вещей. Опасности, которые ты себе даже в самом кошмарном сне представить не можешь.

— Что за опасности? О чем ты говоришь?

— Лес Тровны так же проклят, как и сама крепость. Путника подстерегают злые силы, готовые уничтожить любого, кто войдет в него.

— Ох-ох-ох, — подал голос Раммар. — Звучит страшно. Уж лучше каменоломни...

— От такого толстого труса, как ты, я ничего другого и не ожидал, — проворчал Корвин. — А вот я не боюсь.

Он снова обернулся к эльфийке; в глазах его сверкала неумная алчность.

— Если ты не можешь описать путь в Тиргас Лан, священнослужительница, тогда придется тебе сопровождать меня в пути на юг. Ты ведь все равно туда собиралась, разве не так?

— Ну, я уж точно не собиралась продираться через лес Тровны, — ядовито ответила Аланна.

— Пусть так. Я все же наконец узнаю, действительно ли Марена умерла за ложь, или нет. А ты в этом пути узнаешь, во что ты все эти годы верила — в бабушкины сказки или же есть что-то в ваших старых легендах. Что-то же есть, не так ли?

— Негодай.

— В этом действительно больше от орка, чем от эльфийки, — криво усмехаясь, заметил Корвин. — Толстяк прав, ты не такая, как остальные представители твоего народа. Ну, так как? Покажешь дорогу в Тиргас Лан — или лучше умрешь?

Аланна молчала. Корвин по-прежнему не опускал клинка, она чувствовала его острие на своей шее, глядела в ледяные глаза, и казалось, что и воздух между ними обратился в лед.

— Не рассчитывай на то, что я пощажу твою жизнь, — проворчал Корвин. — Бывали времена, когда я убивал за горячий обед, так что не сомневайся, что я сделаю это ради сокровища немыслимой ценности. У тебя есть выбор между бессмысленной смертью и настоящим приключением. Что же ты выберешь?

Прошел показавшийся бесконечным миг, когда даже Раммар и Бальбок задержали дыхание.

— Ну, хорошо, — сказала наконец Аланна. — Я покажу тебе дорогу и провожу тебя. Но после этого ты отведешь меня в Тиргас Дун. И одно я скажу тебе сразу, охотник за головами: можешь забыть о своей награде.

— Ну и пусть. — Он опустил меч. — С деньгами из древнего королевского города эльфов я смогу позволить себе купить всех девочек мира.

— Может быть, — ответила Аланна, и ни один мускул не дрогнул на ее лице, — но ни одна из них не сможет предложить тебе того, что предложила бы я. — Договорив, она повернулась и ушла от костра, чтобы скрыться в темноте.

Корвин вложил меч в ножны и снова сел к огню.

— Осторожно, охотник за головами, — посоветовал ему Раммар. — Эта баба настолько же хитрая, насколько и лживая. Она нарушит свое слово и попытается бежать при первой же возможности.

— Не убежит, — задумчиво пробормотал Корвин, — потому что она точно так же хочет раскрыть тайну, как и я...

Он рассеянно смотрел туда, где в темноте скрылась стройная фигура Аланны. Ее последние слова произвели на него большее впечатление, чем он сам хотел признавать.

— Скажи-ка, — снова напомнил о себе Раммар.

— Что еще? — резко спросил Корвин.

— Если ты собираешься идти с эльфийкой на юг, тогда у тебя не остается времени тащить нас на восток, на невольничий рынок. Так что можешь отпустить нас. Правда же?

— Вот-вот, можешь нас отпустить, — повторил Бальбок.

— Не угадали, друзья мои. Я перережу вам обоим глотки, тогда я наконец покончу с вашим злобным существованием.

— Ты... ты хочешь нас убить?

— Вот именно.

— Но... ведь мы же помогли тебе!

— Только ради собственной выгоды. Сколько вы вредили другим? Сколько деревень сожгли и опустошили? На скольких ничего не подозревающих путников напали и убили их, чтобы потом сожрать?

— Много, — не без гордости ответил Бальбок. — Припоминаю одного заблудившегося путника, который...

— Проклятье, заткнись, ты, несчастье ходячее! — перебил его Раммар. — Ты сейчас договоришься до того, что нас убьют!

— Не беспокойся, толстячок. Я и так знаю, что вы оба — отбросы. На рассвете я столкну вас обоих в темную яму Курула — вы ведь так говорите, не правда ли? Во время тяжелого похода на юг у меня нет возможности волочить за собой балласт.

— Но нужен же тебе кто-то, кто поможет нести сокровища! — вдруг воскликнул Бальбок.

— Молчи, Бальбок! — бушевал Раммар. — Разве я тебе только что не сказал, чтобы ты заткнул свой проклятый ро...

Он замолк на середине фразы, потому что внезапно, словно удар тролля, до него дошел смысл того, что только что сказал Бальбок.

— Мой брат прав! — поспешно завопил он, обращаясь к Корвину. — Если богатства эльфийского города настолько велики, то тебе понадобится кто-то, кто поможет унести их оттуда — например, два сильных орка.

— Не мели чепухи! — Корвин покачал головой. — Для этого мне совершенно не нужны орки. Любой караван карликов окажет мне услугу.

— Может быть, — лицо Раммара расплылось в ухмылке. — Но жизнь бывает так несправедлива: когда нужен караван карликов, его никогда нет под рукой.

С этим действительно было сложно поспорить, и если Раммар правильно растолковал мимику человека, то он действительно задумался.

— Хм-м-м, ну ладно, — сказал наконец Корвин и добавил — к мрачному восхищению орков: — пока что оставляю вас в живых. Вы будете сопровождать меня и эльфийку на юг — в качестве пленников. А если попытаетесь бежать или предпримете что-то, что может повредить эльфийке или мне, то я сверну ваши мерзкие шеи, вы меня поняли?

Раммар и Бальбок кивнули друг другу, обнажив при этом свои желтые зубы.

— Конечно, поняли, — подтвердил Раммар.

— Поняли, — эхом повторил Бальбок.

Для орков сделка была великолепной. Какое-то время они будут жить, и не нужно будет думать о том, что их продадут в рабство на каменоломни. Конечно же, Раммар и не собирался придерживаться условий сделки. Пусть человек и баба спокойно покажут им дорогу к эльфийскому городу. Когда они будут там, орки повернут оружие противника против него самого.

Сокровище невероятной ценности — так вот за чем охотился старый Рурак! Чтобы получить голову Гиргаса, Раммар действительно собирался выполнить условия сделки с колдуном. Но теперь, зная, в чем действительно было дело, он считал, что сделка

беспредметна. Рурак не рисковал ради них собственной шкурой, так чего это они должны чувствовать себя ему обязанными?

Если они вернутся в *больбоуг*, нагруженные эльфийскими сокровищами, никто не спросит их о проклятой Гиргасовой черепушке...

— Не беспокойся, охотник за головами, — усердно закивал головой Раммар, — можешь смело на нас положиться.

— Вот-вот, можешь на нас положиться.

Ухмыляясь, Раммар обернулся к брату.

— И... вот что, Бальбок.

— Да, Раммар?

— Перестань, черт побери, постоянно повторять мои последние слова, жалкий ты *умбал*!

— *Умбал*...

Черты лица Айлонвира омрачились.

Будучи председателем Высокого Совета, он управлял судьбами той части эльфийского народа, которая еще оставалась в Землемирье. Он сидел на своем алебастровом троне; вокруг собрались остальные члены Совета, все — заслуженные представители эльфийского общества, все выразители мудрости своего народа. Только кое-где зияли пустые места, оставленные теми, кто уже отправился к Дальним Берегам.

Чувства Айлонвира тоже были устремлены к бесконечности, но случилось нечто, помешавшее его отъезду и снова обратившее его взор на мир смертных.

Совет заседал теперь редко; эльфы предоставили людям самим заправлять своими делами, и, как логичное следствие этого решения, покой и порядок, царившие в *амбере* со времен окончания Второй войны, сменились волнениями и беззаконием. Люди шли войной друг на друга, Царство карликов погрязло в бесправии, а народы Хаоса — в первую очередь гномы и орки — угрожали границам. Было очевидно, что все, некогда выстроенное эльфами, рухнет, но сыновья и дочери Мирона перестали ломать себе над этим голову. Тысячи лет они защищали Землемирье от сил тьмы — пусть смертные теперь сами думают, как выпутываться из этой ситуации.

Тем больше удивился князь Лорето тому, что было созвано внеочередное заседание Совета. Должно быть, случилось нечто экстраординарное, нечто, заставившее Айлонвира и остальных еще раз заняться делами смертных...

— Вы меня звали, — сказал Лорето, выходя в центр широкого круга. Над ним возвышалась куполообразная кристалльная крыша зала Советов, через которую проникали лучи заходящего солнца, окутывая собравшихся дивным светом.

— Звали, — подтвердил Айлонвир. Внешне председатель казался юным и прекрасным, как и все эльфы; прямые длинные волосы обрамляли угловатое аскетичное лицо без единого изъяна. Но в глазах его отражался груз столетий, на протяжении которых Айлонвир возглавлял Высокий Совет, а также тихая печаль о том, что произошло за это долгое время — кровавые битвы, интриги и предательства. Айлонвир познал мир смертных с темной стороны, но знал и расцвет *амбера*. И все же казалось, будто что-то очень сильно беспокоит его.

— Чем могу вам быть полезен, Высокий Совет? — услужливо поинтересовался Лорето. По его виду нельзя было сказать, что требование прийти на заседание Совета пришлось ко времени. Он собирал вещи для дальнего путешествия. Корабль, который должен был отвезти его к Дальним Берегам, отправлялся через несколько дней...

— Лорето, — начал Айлонвир, — мы посылали за тобой, потому что ты — последний представитель рода Фаравина. В тебе течет кровь Видящего.

— Совсем немного, — отмахнулся Лорето. Он не любил, когда ему напоминали о великом предке. Обычно это влекло за собой наложение новых обязательств.

— И все же, ты — последний представитель рода, и должен знать, что произошло

далеко на севере, в ледяном храме Шакары.

— В храме Шакары? — Лорето пришлось приложить усилия, чтобы никто не заметил, в какой ужас повергли его эти слова. Небрежным жестом отбросив назад свои светлые волосы, он глубоко вздохнул. — Что же произошло? — спросил он затем.

Айлонвир медлил с ответом. Повисло напряженное молчание, а затем он заговорил снова.

— Аланна, Верховная священнослужительница Шакары, была похищена, — поделился он своей тревогой с князем Тиргас Дуна.

— Аланна... похищена? — в ужасе вскричал Лорето, чтобы затем, уже овладев собой, тихо переспросить:

— Аланна была похищена? Кем?

— Осмелились на это два чудовища, орки из Гнилых земель. Большого мы, к сожалению, пока не знаем.

— Но... как же это могло случиться? — переспросил Лорето, все еще не оправившийся от удивления.

— Стражники стали небрежно относиться к своим обязанностям, — печальным голосом пояснил Айлонвир. — Они устали, так же, как и мы все. И все же — очень плохо, что это произошло. Известие принес нам орел.

Лорето кивнул, а в горле у него образовался комок.

— Да, это плохо, — сдавленным голосом произнес он.

— Только священнослужительница Шакары знает, где найти Сокрытый Город, и только избранному, о котором говорил в своем пророчестве Фаравин, может она открыть тайну, а также показать дорогу в Тиргас Лан. И все же... мы опасаемся, что орки могут завладеть тайным знанием...

— Как это? — спросил Лорето. — Разве вы не доверяете Верховной священнослужительнице? Высокий Совет, я хорошо знаю Аланну. Она посвятила свою жизнь сохранению тайны Шакары. Никогда не сделает она ничего такого, что могло бы повредить ее народу. Она скорее умрет, чем выдаст знание о Сокрытом Городе.

— Можем ли мы быть уверены? — спросил Айлонвир, и члены Совета вместе с председателем одарили Лорето взглядами, которые совершенно не понравились последнему.

— Думаю, да, — ответил эльфийский князь, но прозвучало это не очень убедительно.

— Давным-давно, — тихо произнес Айлонвир, — когда в *амбер* пришли первые эльфы, Тровна была плодородной землей. Там не было леса, а были бескрайние поля. Там воздвигли мы Тиргас Лан, древний город, из которого эльфийские короли мудро и мягко управляли *амбером*, на благо всех народов мира смертных. Но мир оказался не вечен. Потому что один из нас — и мне стыдно признаваться, что он входил в состав этого Совета... воспользовался знаниями о сущности этого мира во зло, чтобы использовать их в своих собственных интересах. Он отвернулся от истинного учения и обратил свой взор к темным искусствам, желая только увеличивать свою силу и влияние. После того как его застали за кощунственными экспериментами, он был изгнан из Тиргас Лана. О нем не было вестей много лет — лет, когда над Землемирьем сгустились тучи. Появились орки, а с востока и севера нашим границам начали угрожать гномы и тролли.

В конце концов, когда мы о нем уже забыли, Темный Эльф вернулся — во главе огромного войска орков и троллей, а также других низших существ. От своего настоящего имени он отказался — теперь он называл себя Маргок, повелитель Тьмы, и он вверг *амбер* в кровопролитную войну. Битва продолжалась долгие годы, и погибли в ней многие герои древних дней, но в конце концов нам удалось победить Маргока.

— Но не окончательно, — вставил Лорето.

— Нет, не окончательно. — Айлонвир кивнул. — После того как нам не позволено было поймать его, столетия спустя Маргок вернулся. С помощью лживых обещаний он осуществил союз орков и людей, и началось то, что мы называем Второй войной. И вновь длилась битва долгие годы, прежде чем Маргоку удалось с помощью предательства открыть

Великие Врата. Решающая битва состоялась на стенах Тиргас Лана, и только применив волшебство и магию, сумели мы вновь победить Маргока. Чтобы никогда впредь не творил он зла, его тело было предано огню, а его бессмертный дух — заперт в стенах Тиргас Лана. На всю страну мы наложили проклятие, благодаря которому поля и плодородные земли заросли в прямом смысле слова непроходимым лесом, чтобы никому не удалось когда-либо снова войти в Сокрытый Город, как мы стали называть теперь Тиргас Лан. Только для того одного, о ком говорится в пророчестве Фаравина, кто придет однажды, чтобы освободить Тиргас Лан и вновь объединить *амбер*, и хранилась тайна все эти годы, далеко на севере, в храме Шакары. А дух Маргока все еще витает в Тиргас Лане, заточенный столетия назад, но все такой же злой и испорченный, как и тогда. Теперь ты понимаешь, почему мы тревожимся, Лорето?

— Я знаю историю Маргока, — заявил Лорето, — и, конечно же, понимаю, почему вы беспокоитесь, почтенные члены Высокого Совета. Но заверяю вас, опасности нет. Всю свою жизнь Аланна выполняла свои обязанности. Она скорее умрет, чем покажет приبلудным чудовищам путь в Тиргас Лан. Никогда не выдаст она тайну.

— И даже под пытками?

— Никогда.

— Даже под воздействием магии?

— Даже так.

— Даже от отчаяния?

— Даже от отчаяния.

— И от отвергнутой любви?

Лорето хотел ответить так же, как и раньше, — и тут до него дошел смысл сказанного Айлонвиром. То, как смотрели на него члены Совета, вдруг показалось ему осуждающим. Он неуверенно устоял в пол, даже покраснел, что случается с эльфами крайне редко.

— Высокий Совет, — тихо произнес он, — не знаю, что вам сказали, но...

— Лорето, — строго перебил его Айлонвир, — мы знаем, что ты испытываешь к священнослужительнице Аланне.

Он испуганно поднял взгляд.

— В-вы знаете это?

— Уже давно. Не отрицай, в этом нет никакого смысла.

— Н-но если вы знали об этом... — пробормотал Лорето.

— Ты хочешь знать, почему мы не потребовали от тебя объяснений?

Лорето кивнул.

— Мир изменяется, Лорето. Вещи меняются, начинается новая эпоха. То, что еще вчера казалось нам непреложной истиной, сегодня может быть неправдой. Сейчас никто не может сказать, что верно, а что — нет. Ясно только одно: Тиргас Лан не должен быть обнаружен, а силы Тьмы — освобождены.

— Я знаю, — тихо сказал Лорето.

— Князь Лорето, то, что я тебе сейчас скажу, тебе не понравится, но у нас есть все основания предполагать, что священнослужительница Аланна сама способствовала своему бегству из Шакары.

— Что? — ужаснулся Лорето. Он не ослышался?

— В сообщении, которое принес орел, говорилось, что она помогла оркам, Они ушли через врата Фаравина, что может сделать только посвященный — а кто другой мог сделать это, кроме Верховной священнослужительницы?

— Это невозможно...

— Это так, — настаивал Айлонвир, — и я предлагаю тебе проверить свои чувства и спросить себя, насколько ты сам замешан в несчастье. Мы знаем о твоём письме Верховной священнослужительнице и о том, что ты решился отречься от своей любви к ней, чтобы уплыть к Дальним Берегам. Отвергнутая любовь, Лорето, может нанести рану глубже, чем самый острый меч. Даже среди нам подобных.

— Все это так, почтенный Айлонвир, но Аланна никогда не предаст нас!

— Ты так в этом убежден? — печально усмехнулся председатель Совета. — Хотелось бы мне разделить твою уверенность, князь Лорето, но боюсь, Верховная священнослужительница уже не та, что раньше, и я сомневаюсь, что мы по-прежнему можем ей доверять. Знание, которое она хранит, ни в коем случае не должно попасть в чужие руки, Лорето, — и твоей задачей будет позаботиться об этом.

— М-моей? — Эльфийский князь подумал, что ослышался.

— Как князь Тиргас Дуна и Верховный Мечник Совета ты обязан помогать нам в кризисных ситуациях — а это кризисная ситуация, Лорето, и в этом нет сомнения.

— Но уже совсем скоро я покину *амбер*, — напомнил Лорето, и паника охватила его, словно перебродившая пряность. — Мое место на следующем корабле, мои вещи собраны...

— Князь Лорето, у тебя здесь есть обязанности, которые необходимо выполнить, — сказал Айлонвир, и голос его зазвучал властно. — Боюсь, мне придется напомнить еще раз о том, что ты не совсем невиновен в случившемся.

Лорето не возражал.

Он пристыженно смотрел в пол, тело его пробрала легкая дрожь. Мысленно он уже видел себя на корме баркаса, уносящего его к Дальним Берегам. Он уже попрощался с Землемирьем, и это далось ему очень легко. Даже печаль от того, что ему не суждено никогда больше увидеться с Аланной, ничего не значила по сравнению с вечной юностью и радостью, ожидавшими его на Дальних Берегах.

Эльфийский князь поспешно перебрал в уме варианты. Что можно сделать? Как уклониться от исполнения обязанностей, которые налагает его положение? Выхода не было. Никакого, если он все же планирует пуститься в долгожданное путешествие после выполнения своей миссии.

— Как пожелаете, почтенные члены Совета, — сказал поэтому Лорето, низко кланяясь. — Ваша воля — моя воля.

— Высокий Совет с благосклонностью принимает твое решение, Лорето, — произнес Айлонвир. — Ничего другого мы и не ожидали. Никто не должен узнать, где находится Сокрытый Город. Ты должен помешать Верховной священнослужительнице Аланне выдать тайну — любой ценой!

— Когда я должен выступить?

— Еще сегодня. Тебя будет сопровождать легион лучших воинов. В гавани стоит несколько судов, которые повезут вас по Восточной реке. Ищите Аланну и ее похитителей на равнине Скарии. Найдите ее или идите по ее следу — и освободите Верховную священнослужительницу из плена этих чудовищ.

— А... если это окажется невозможным?

— Тайна должна быть сохранена, это главное. Если спасти священнослужительницу невозможно, ты должен сделать все, чтобы она не выдала своего знания. И, говоря *все*, я имею в виду *все*, Лорето. Я понятно выразился?

— Разумеется, почтенный Айлонвир, — подтвердил Лорето, и ни один мускул не дрогнул на его лице. Конечно, он очень хорошо понимал, что имел в виду председатель Совета, и мысль о том, что придется причинить зло Аланне, вызывала у него тошноту. С другой стороны, в этой миссии речь шла о благосостоянии народа эльфов — и не в последнюю очередь о его собственном: если он не исполнит ее к вящему удовлетворению Совета, можно забыть об отъезде к Дальним Берегам...

— Тогда иди, Лорето. Нельзя терять времени. Да пребудут, с тобой наши наилучшие пожелания и надежды.

— Благодарю, Высокий Совет, — смиренно ответил эльфийский князь, еще раз поклонившись, а затем повернулся и в своем развевающемся за плечами плаще пошел из зала Советов.

— Лорето? — еще раз окликнул его Айлонвир уже на порога.

Князь Лорето обернулся.

— Да?

— Поскольку твоя миссия потребует времени, ты наверняка не будешь против того, что я займу твое место на корабле, отправляющемся к Дальним Берегам, ведь правда?

У Лорето возникло ощущение, что его столкнули в разверзшуюся под ногами пропасть.

— Конечно же нет, — с трудом вымолвил он и опустил голову.

И покинул зал.

2. Фойзахг'хай анн абхайм

Своеобразная компания двигалась вдоль главного рукава Ледяной реки на юг: два орка, привязанные друг к другу спина к спине (поэтому поход был для них сущей пыткой); эльфийка, хотя и без пут, но производившая впечатление, что делает каждый шаг против воли; и наконец человек в темных одеждах следопыта с оружием, как своим, так и орочьим.

Невольные спутники продвигались на юг. Они все еще двигались по склонам Острых гор, постепенно переходившим в равнину. Вскоре по правую руку раскинулись бесконечные просторы Скарии, слева протянулись холмы, по другую сторону которых простиралась империя людей. А сами они были посередине, на ничейной земле, где не было ни права, ни законов, где жили сомнительные личности и дикие звери. А посреди этой ничейной земли, далеко на юге, раскинулся лес Тровны, образуя непреодолимый барьер, отделявший Империю эльфов от остального мира.

Когда-то, и Раммар знал это, Империя эльфов занимала почти все Землемирье, от океана на юге до сурового севера, от холмов на востоке до склонов Черногорья. Только Гнилые земли не принадлежали им никогда, и этим приземистый орк очень сильно гордился — только эта толика гордости и питала его в том унижительном положении, в котором находились они с Бальбоком.

Привязанные друг к другу, поначалу они пытались идти боком, но поскольку Раммар и его брат были совершенно разного роста и комплекции, им приходилось исполнять причудливый танец, и длинные ноги Бальбока и коротенькие, кривые — Раммара несколько раз переплетались, так что братья каждый раз растягивались на земле — к немалому удовольствию охотника за головами.

После этого орки решили испытать другую технику: шел только один из них, неся другого на спине. Это тоже не сработало: из-за немалого веса Раммара Бальбок преодолевал каждый раз очень небольшое расстояние, прежде чем брату приходилось его сменять. И поскольку, ко всему прочему, Бальбок снова отказался бросить тяжелый штандарт, Раммару волей-неволей приходилось тащить обоих — как брата, так и ненавистную палку в его лапах.

Продвижение вперед было тяжелым, и тем не менее Раммар не жаловался — по крайней мере, настолько громко, чтобы его услышал Корвин. Охотник за головами доказал, что все человеческое было ему чуждо. Им с большим трудом удалось убедить его, что полезнее оставить их в живых. И ни Раммар, ни Бальбок не хотели давать ему повода изменить свое мнение.

Отряд шел днем, делая привал только тогда, когда опускались сумерки, так как из-за множества опасностей, подстерегавших путников в ничейных землях, продолжать путь и ночью становилось слишком рискованно. Во время отдыха Раммару и Бальбоку приходилось довольствоваться местом в стороне от лагеря, где Корвин привязывал их к дереву или скале. Он разжигал костер в земляной яме, чтобы его не было видно издалека, и грелся вместе с эльфийкой и ужинал. От костра поднимался аромат жареного мяса, в буквальном смысле сводя орков с ума.

На четвертый день Раммар не сдержался.

— Эй, охотник за головами! — крикнул он, когда Корвин с Аланной сидели у огня и ели. — Эй, охотник за голова-а-а-ми-и-и!

— Тупое создание! — донесся грубый ответ. — С чего это тебе взбрело в голову так рычать? Хочешь натравить на нас троллей? В этой местности их должно быть особенно

много.

— А почему бы и нет? — возмущенно ответил Раммар. — Быть растерзанным троллем или быть твоим пленником — для нас получается все равно — смерть, только быстрее.

Корвин нагло улыбнулся ему в ответ.

— Что ты хочешь? Я же оставил вас в живых, разве нет?

— Оставил. Вопрос только в том, сколько нам осталось жить, если так пойдет и дальше.

— А что такое? — Ухмылка охотника за головами стала еще отвратительнее. — Разве вам не нравится, как я с вами общаюсь?

— Вот то-то и оно, что нет. Весь день связаны, с трудом двигаемся...

— Идти вы можете, этого достаточно. На твоем месте я сидел бы тихо и не рисковал открывать рот, после всего того, что у вас на совести.

— Что у нас на совести? — возмутился Раммар. — Это мы сказали тебе о том, что это за баба! Именно мы! Ты бы так и верил ее сказочке.

— Ерунда.

— Это не ерунда, и ты это знаешь. Но вместо того чтобы связать ее, ты позволяешь ей свободно передвигаться, а нас держишь в плену. Послушайся моих слов, охотник за головами: она обдурит тебя, как обдурила нас.

Корвин бросил на Аланну, сидевшую рядом с ним и с отсутствующим выражением лица глядевшую на огонь, мимолетный взгляд.

— Нет, — убежденно раздалось в ответ, — она этого не сделает.

— Почему ты так уверен?

— Все очень просто, орк, — потому что, в отличие от тебя и твоего вшивого брата, она — чувствующее и мыслящее существо. И потому что хочет узнать, стоит ли тайна, которую она хранила на протяжении всей своей жизни, приложенных к этому усилий.

Раммар вздохнул. Для него не существовало другой расы, такой же сложной и трудно разгадываемой, как люди. Превосходили их только эльфы, эти хитрые, лукавые создания, которые никогда прямо и ясно для каждого не скажут, что они имеют в виду, а вместо этого пускаются в намеки. Раммар много слышал об этом, и вот теперь, когда ему приходилось иметь дело с милой представительницей расы эльфов, он понял, что все — действительно все! — что говорили о них в *больбоуге*, было правдой.

Чего стоит одна только их привычка к цветистым выражениям... Орки были в этом плане совсем другими: то, что приходило им в голову, то они и говорили, и если они на кого-нибудь злились, тот хорошо это чувствовал. Это всегда было больно, а иногда даже немного смертельно, но зато честно. А эльфы, постоянно болтая о правдивости, сами этого, похоже, всерьез не воспринимали. Аланна самым хладнокровным образом обманула их — и не единожды. Хотя было время — и Раммар считал себя из-за этого дураком, — когда она казалась ему очень даже симпатичной.

Это было тогда, когда она поблагодарила его за то, что он спас ей жизнь. Орк никогда бы так не поступил, но почему-то Раммару это понравилось. Но эльфийка обманула его, и теперь она в очередной раз надела одну из своих многочисленных масок. Вместо того чтобы злиться на охотника за головами — ведь он шантажировал ее и заставлял раскрыть свою тайну, — она вступила с ним в союз.

Почему?

Что это значит?

Что такого между этим человеком и эльфийкой? Отчего они так замечательно ладят, хотя по всем правилам должны друг друга ненавидеть? Как ни напрягал Раммар несколько несчастных серых клеточек своего головного мозга, но понять не мог. Что-то такое Корвин делал правильно, что он и Бальбок сделали неверно. Но что?

— Охотник за головами, — сознавая свое бессилие, проворчал Раммар, — если ты не хочешь нас развязывать, то дай нам хотя бы поесть. Мы с братом умираем от голода.

— Вы получите пищу, когда мы будем у цели! — последовал издевательский ответ. —

И ни часом раньше!

— Но на это может потребоваться еще несколько дней!

— Все зависит от того, насколько быстро вы будете шагать.

— Но... — Раммар хотел было снова возразить, но ничего дельного в голову ему не пришло.

— Это очень глупо с твоей стороны, — заполнил паузу Бальбок.

— Что? — возмутился Корвин.

— Глупо с твоей стороны заставлять нас голодать, — пояснил худощавый орк, ставший за последние дни еще более худым. — Мы ведь должны в конце концов помочь тебе унести сокровища из Сокрытого Города. Как мы сделаем это, если от слабости едва держимся на ногах?

— Вот именно, как мы сделаем это, если от слабости едва можем держаться на но... — громко подтвердил Раммар, но до него дошло, что теперь он повторяет за Бальбоком, словно эхо. — Я вот что имел в виду: мой брат прав. Дай нам поесть, охотник за головами, иначе тебе же хуже будет.

Корвин сердито зарычал, а потом пробормотал:

— Ну хорошо, мне все равно. — И он бросил оркам кусок мяса. Еще только вчера он поймал зайца, и это была одна из его лапок.

Раммар и Бальбок хотели жадно наброситься на нее. Но они были привязаны к дереву, и, когда их пасти раскрылись, пытаясь поймать заячью лапку, братья с шумом ударились друг об друга.

— Ай! — в ярости закричал Раммар. — Чертов *умбал* ! Кто позволил тебе кусать старшего брата?

— Но я голоден!

— Это еще не повод так жадничать!

— Кроме того, это я выпросил мясо у охотника за головами.

— Ну и что? А я сколько всего для нас сделал? А ты при этом помалкивал!

— Что ж! Стоит мне только вспомнить вяленое мясо...

— Ну ладно, но на этот раз я честно собирался поделиться с тобой.

Раммар снова потянулся за мясом — и понял, что не дотянется до заячьей лапки. Кладнув зубами, он укусил пустоту; и Бальбок, с клыков которого уже капала слюна, тоже не мог дотянуться до мяса.

— Ну вот, смотри, что ты наделал, — запричитал он. — Теперь никто из нас не наестся.

— Это мы еще посмотрим, — засопел Раммар. — Эй, охотник за головами! Ты сделал это нарочно, так ведь? Тебе доставляет удовольствие мучить нас.

Корвин широко ухмыльнулся.

— Вы ведь хотели еды — вот вам еда. Нечего вам жаловаться.

— Но мы не можем ее достать!

— Это ваша проблема, а не моя.

Раммар разразился потоком орочьих ругательств, а Бальбок завыл, словно побитая собака, — пустой желудок может привести в отчаяние даже самого закаленного в боях орочьего воина, и существовало немало таких, кто в подобных ситуациях съедал свою лапу или ногу.

Аланна наконец не выдержала воплей орков. Она раздраженно поднялась и, подойдя к ним, подняла заячью лапку и протянула обоим так, чтобы они могли откусить по куску.

— Это еще что такое? — воскликнул разъяренный и в то же время удивленный охотник за головами.

— Если ты мучишь их подобным образом, Корвин, ты ничем не лучше их. Я делаю это не для них, а для тебя.

— Мило с твоей стороны, — с издевкой в голосе произнес охотник. — Но эти твари не оценят твоего сострадания. Они очень скоро забудут, что ты была добра по отношению к ним, и предадут при первой же возможности. В их языке даже нет слова «благодарность».

Разве не так?

— Конечно, нет, — прочавкал Раммар, которому вопрос показался довольно-таки странным. — Для такой чепухи в нашем языке просто нет применения.

Корвин поглядел на Аланну, глаза его метали молнии.

— Ну, что я говорил?

— Зато у нас есть десять различных выражений для «проломить кому-либо череп»! — Бальбок принялся защищать орочий язык, и в голосе его слышалась гордость.

— Так оно и есть, — подтвердил Раммар. — Культура орков более высокоразвита, чем принято считать. Мы знаем надцать наименований смерти, в зависимости от того, каким образом умершие попадают в яму Курула. А также у нас есть несколько слов для «пускания ветров». Такие ветры, которые нападают после того, как выпил слишком много кровавого пива, называются *похга*. Если газы возникли от долгого марша...

— Да прекрати же, это отвратительно! — воскликнула Аланна, и после короткой паузы все расхохотались: Корвин смеялся грубым, ироничным смехом, Аланна смущенно хихикала, а орки нервно и немного неестественно загоготали.

То был краткий миг единства, прежде чем они снова стали врагами и теми, кем им наказано было стать судьбой: преисполненным мести охотником за головами, которого жадность гнала на юг;

эльфийкой, ищущей правды и убегаящей от своего предназначения;

двумя орками, которые вообще-то всего лишь хотели попасть домой, назад, к знакомой вони своей пещеры.

Дорога снова вела их на юг.

Там, где последние склоны Острых гор терялись на широкой равнине Скарии, а Ледяная река расходилась на несколько рукавов, более мелких и узких, чем бурные верховья, Корвин позволил группе отдохнуть. Раммар, которому пришлось на один раз больше нести брата вместе со штандартом — тощий орк крепко сжимал в его лапах, — совершенно обессиленный опустился на землю. Аланна, которой нипочем были переходы на большие расстояния, присела на обломок скалы и обвела взглядом широкую равнину, простиравшуюся на юге.

Деревья карабкались по предгорьям, то и дело пересекавшим равнину рубцами серых скал. Чем дальше на юг, тем беднее была растительность, и теперь только коричневые кустики травы и темные кустарники представляли скудный покров почвы. А по ту сторону степи, едва различимая невооруженным глазом, на горизонте затянутого тучами неба виднелась темная полоса.

Лес Тровны...

— Ну наконец-то, — простонал Раммар. — Уже совсем близко.

— Не обманывайся, орк, — сказала ему Аланна. — Нельзя доверять глазам, потому что на равнине Скарии оценить расстояния невозможно. До опушки леса еще три или четыре дня пути.

Орк вздохнул и покачал головой.

— Я этого не переживу. Охотник за головами, если ты действительно хочешь, чтобы я тащил твои сокровища, тебе придется отвязать меня от брата.

Корвин лег неподалеку на берегу реки животом вниз, чтобы сделать несколько глотков прохладной влаги. Затем поднялся и взглянул на Раммара.

— Хорошо, толстяк, я вас отвязу.

— Ты... ты нас отвязешь? — Пороссячи глазки Раммара сверкнули. — Так ты... ты... позволишь нам идти?

— По поводу «идти» я ничего не говорил. Нет, вы с братом постройте для нас плот, на котором мы продолжим путешествие. Здесь, на юге, нет водоворотов и опасных течений, так что можем рискнуть плыть по реке.

— Плот? — пронзительно закричал Бальбок. Разве этот человек не знает, что орки

ненавидят воду и скорее отрубят себе ноги, чем ступят на шаткие доски?

— Нам это подойдет, охотник за головами, — поспешил заверить Раммар.

— Но, Раммар! — возмутился Бальбок. — Мы орки, а не моряки!

— А я — твой брат, а не носильщик, — возразил Раммар. — Будем делать так, как сказал человек, понятно? И если он хочет, чтобы мы построили плот, то мы построим чертов плот!

— Ну... ну ладно, — проворчал Бальбок. — Я хотел сказать только одно, Раммар...

— Что?

Бальбок непонимающе посмотрел на брата.

— Мы ведь совсем не знаем, как строить...

— Оставьте свои дурацкие разговоры на потом, — вдруг сказала Аланна и спрыгнула с камня. — У нас гости.

— Гости? — принялся Бальбок. — Кто?.. Что?..

— Карлики, — только и сказал Раммар.

— Как это? — Бальбок снова принялся. — Ты их чуешь? А я думал, ты...

— Нет, тупоумный. Я их *вижу* — вон там!

Бальбок посмотрел туда, куда указал кивком головы брат, и заметил четыре лодки, идущие со стороны гор к окруженному скалами колену реки. Лодки были сделаны из дуба, на носу и на корме у каждой находился гальюн, очень похожий на тот, что был у буера. В лодках сидели низкорослые бородатые фигурки в кольчугах, дружно и равномерно поднимавшие и опускавшие весла. А на корме первой лодки — Раммар и Бальбок глазам своим не поверили — стоял не кто иной, как Ортмар фон Бут, сын Ортвина!

— Надо уходить! — сказал Раммар.

— Слишком поздно, — проворчал охотник за головами. — Они нас видели. Если теперь мы обратимся в бегство, то это покажется им подозрительным. Если они последуют за нами по земле, то скоро догонят, потому что ни ты, ни твой брат не можете достаточно быстро передвигаться.

Он обернулся к Раммару.

— Разве только мы с эльфийкой оставим вас здесь.

— Нет, лучше не надо, — поспешно произнес Раммар. Лучше уж оставаться пленником человека, чем попасть во власть мрачных бородачей.

Вот уже первая лодка пристала к берегу, и Ортмар соскочил на землю. Его лицо там, где его не закрывали шлем и борода, было хмурым, глаза предводителя сверкали от гнева.

Похоже, Корвин тоже не был рад появлению карликов. Быстрым жестом он велел Аланне предоставить говорить ему, и пошел навстречу гостям, держа руку на рукояти меча.

— Добрый день, почтенные граждане Царства карликов, — приветствовал он. — Что привело вас в эти отдаленные земли?

— То же самое мы могли бы спросить тебя, человек, — грубо ответил Ортмар. — Кроме того, не пойму, что в этом дне, равно как и во всех прочих, доброго.

— Похоже, у вас какая-то печаль, — заметил Корвин.

— Печаль? — раскатисто рассмеялся карлик. — У вас, у людей, странная склонность все недооценивать. У меня большая забота, человек. Дела, которыми я занимался на севере, провалились, и мне и моим людям пришлось обратить свой взор на юг.

Раммар и Бальбок сразу все поняли, и ни одному из них не удалось скрыть ухмылки. Под «провалившимся делом» наверняка подразумевалась поставка оружия северным варварам. Еще бы, поскольку главаря берсеркеров и его людей уже не было в живых, они не могли заплатить заказчику Ортмара, торговцу оружием Мурилу Ганцвару, и в том, что пройдоха не получил денег, он, конечно же, обвинил карликов. Их преследовали по поручению Ганцвара, желая вырвать силой причитающуюся сумму. Вот и все объяснение плохому настроению Ортмара...

— Если бы он только знал, — прошептал Бальбок брату, тоже подумав что-то в этом роде.

— А ты, человек? — обратился предводитель карликов к Корвину. — Что привело сюда тебя? Мы, карлики, не любим, когда чужаки бродят по нашим владениям.

— Прошу прощения, господин карлик, но это не ваши владения.

— Но когда-то они принадлежали нам, и снова будут принадлежать, это так же верно, как и то, что меня зовут Ортмар фон Бут, сын Ортвина.

— *Вы* и есть Ортмар? — Лицо охотника за головами несколько побледнело.

— Так и есть. Ты слышал обо мне?

— Кое-что, — пробормотал Корвин, косясь на воинов-карликов, тем временем сошедших на землю и присоединившихся к своему предводителю. Все они выглядели довольно потрепанными, но мрачные лица говорили о том, что с ними шутки плохи.

— Надеюсь, только хорошее?

— Конечно. — Охотник за головами слегка поклонился. — Деяния Ортмара фон Бута громко воспевают в тавернах Востока.

— Ты только послушай этого подхалима, — прошептал Раммар, обращаясь к брату. — Когда охотник за головами оказывается не самым сильным, он начинает извиваться, словно дождевой червяк. Что-то он натворил.

— Думаешь?

— Можешь мне поверить. На *такие* вещи нюх у меня великолепный...

Последние слова он произнес слишком громко, поэтому Ортмар обратил внимание на братьев. Глаза предводителя карликов при виде орков расширились.

— Ну конечно, — проворчал Ортмар. — Я должен был догадаться, что эта вонь не возникла сама собой.

Держа в руках свою искусно украшенную секиру, он подошел к пленникам и принялся.

— Странно, — проворчал он. — Могу поклясться, что где-то я этот запах уже чуял. Вопрос в том, где.

— Этого не может быть, — поспешил заверить его Раммар. — Нам еще не доводилось встречаться.

— Конечно, не доводилось, не то моя секира давным-давно расколола бы твой мерзкий череп. И все же эта вонь мне знакома. Вы откуда?

— Охотник за головами поймал нас в верховьях Ледяной реки, — быстро ответил Раммар.

— Охотник за головами? — Ортмар обернулся к Корвину.

— Это... это моя профессия, — несколько неохотно признался тот.

— Как твое имя?

— Леандр Оркоубийца, если вам угодно. — Корвин еще раз поклонился.

На лице карлика не дрогнул ни один мускул. А Раммар внутренне торжествовал. Похоже, охотник за головами действительно что-то натворил. Что-то связанное с карликами. Иначе какой смысл называться вымышленным именем?

— А ты? — обернулся Ортмар к Аланне. — Кто ты такая, если мне позволено будет спросить?

— Меня зовут Аланна, и во мне течет кровь эльфов, — последовал гордый ответ Аланны. — Этого вам должно быть достаточно, господин карлик.

— Ба! — Ортмар сплюнул, причем половина слюны повисла у него на бороде. — Чем меньше вас остается, тем более надменными вы становитесь. Трудно поверить, что когда-то наши народы сражались бок о бок друг с другом.

— Можете быть уверены, — сказала Аланна, глядя на слюну в его бороде, — мне тоже нелегко поверить в это.

В ответ на ее слова предводитель карликов рассмеялся. А потом пророкотал:

— Охотник за головами, эльфийка и два пленных орка. И что я должен обо всем этом думать?

— Не стоит думать о нас, господин карлик, — поспешно произнес Корвин. — Мы всего

лишь путники, здесь задерживаться не собираемся, хотели остановиться на ночлег. Уже завтра мы покинем эту местность и подадимся на юг.

— На юг, вот как? — Глаза предводителя гномов завращались в глазницах, при этом он мельком оглянулся по сторонам. Раммар с ужасом понял, что таким образом он давал своим людям знак начать медленно окружать их. А Корвин, казалось, ничего не заметил.

— Знаешь, охотник за головами, — сказал карлик, обращаясь к Корвину, — у меня такое ощущение, что ты говоришь неправду. Как вам наверняка известно, мой народ обладает способностью видеть скрытое. Если бы все было не так, нам никогда бы не удалось отнять у недр земли ее сокровища.

— Охотно верю, — ответил Корвин, заметно начиная нервничать. — И все же не пойму, что...

— Зато я могу сказать тебе это, карлик! — услышал вдруг Раммар свой голос, прежде чем успел подумать над тем, что он, собственно, делает. Он инстинктивно почуял возможность получить свободу и не хотел упускать ее.

— Что? — обернулся Ортмар. В глазах его вспыхнул огонь. — Что ты можешь сказать мне, ублюдок?

— Охотник за головами обманывает тебя, карлик! — громко и четко провозгласил Раммар. — Он назвался вымышленным именем, потому что ему есть что скрывать от тебя.

— Вот как?

— Не слушайте его, — поспешно сказал Корвин. — Это всего лишь мстительная жирная тварь. А ты, орк, немедленно заткнись, не то я закрою твой мерзкий рот твоими же собственными внутренностями! Ты меня понял?

— Я-то понял, человек, но молчать не собираюсь, — с удовольствием ответил Раммар. — Карлик должен узнать правду.

— Правду? — спросил Ортмар. — А что за правда?

— Я скажу тебе, если ты пообещаешь отпустить нас с братом.

— Мне все равно, — рассмеялся карлик в свою длинную бороду. — Ну, отпущу я вас. Все равно вам далеко не уйти. Мы здесь не единственные карлики.

— А еще нам нужна эльфийка, — добавил Раммар, и глаза его хитро сверкнули.

— Об этом не может быть и речи! — в один голос воскликнули Корвин и Аланна, и этого оказалось достаточно, чтобы Ортмар согласился выполнить и это требование тоже.

— Почему бы и нет? — с лукавой улыбкой ответил он. — Уверен, важная дама из Эльфийской империи сумеет по достоинству оценить общество двух орков.

— Договорились, карлик, — кивнул Раммар. — Итак, отвязывай нас, и мы скажем тебе, кто это и что он делает в этой местности.

— Нет! — крикнула Аланна, бросая на орка умоляющий взгляд. — Не делай этого, Раммар!

— Смотри-ка, ты даже мое имя вспомнила, — пожаловался орк. — А раньше я был для тебя всего лишь мерзким чудовищем. Как быстро все меняется, не правда ли?

Ортмар кивком головы велел своим людям освободить орков от пут.

— Ну вот, орк, — сказал он. — А теперь говори, что там с этим охотником за головами.

— С превеликим удовольствием, — усмехнулся Раммар, когда путы упали с него. — Его настоящее имя — Корвин, и на самом деле он не такой безобидный, как кажется, а грубый и жестокий человек!

— Я так и знал! — воскликнул Ортмар, и глаза его запылали ненавистью. — Охотник за головами по имени Корвин! — Он мрачно уставился на человека. — Какой удивительный поворот судьбы, что я встретил здесь именно тебя!

— Ты его знаешь? — растерянно спросил Бальбок.

— Конечно, — подтвердил Ортмар, и прежде чем Корвин успел отреагировать, со всех сторон его окружили карлики-воины с занесенными секирами.

— Даже не думай бежать, — пророкотал Ортмар. — Мои люди, может быть, и маловаты ростом, чтобы отрубить тебе голову, но до твоего мужского достоинства они

дотянутся.

— Что вам сделал Корвин? — поинтересовалась Аланна. — Вы обращаетесь с ним как с преступником.

— А он и есть преступник. Вот он, — короткий палец карлика обвиняюще уткнулся в Корвина, — год назад обворовал один из моих складов и украл все оружие, какое только нашел. А до этого он соблазнил мою дочь, которую я оставил там сторожить.

— *Что ?* — воскликнула шокированная Аланна. Раммар и Бальбок тоже удивленно переглянулись — женщины карликов не славились своей красотой.

— Это неправда! — решительно заявил Корвин.

— Сукин сын, ты еще осмеливаешься это отрицать?

— Оружие я, может быть, и взял, но твоя дочь — уродливая баба, такая же бородатая, как и ты. Она тебе соврала, чтобы не признаваться, что уснула на посту.

— Вот как! Значит, моя дочь уродлива? — воскликнул разъяренный Ортмар. — Вперед, друг мой. За это ты поплатишься, и причем очень, очень жестоким образом, это я тебе обещаю. А вы двое, — он обернулся к Раммару и Бальбоку, — забирайте эльфийку и убирайтесь! Немедленно! Не хочу больше видеть ваши мерзкие рожи.

— С превеликим удовольствием, — заверил его Раммар и, пока брат его хватался за штандарт, вцепился в отчаянно сопротивляющуюся Аланну, которой это ни капли не помогло. Раммар недолго думая перебросил жрицу через плечо и крепко сжал, не обращая внимания на кулаки, колотящие по его спине. — С тобой очень приятно иметь дело, карлик.

— Взаимно, орк, — сказал Ортмар, когда братья собрались уходить. — И все же...

— Да? — остановился Раммар.

— Почему у меня такое чувство, будто бы я вас обоих знаю?

Раммар вытянул лицо, притворяясь, что крепко задумался.

— Знаешь что? — сказал он. — Понятия не имею.

— Я тоже, — добавил Бальбок. — У Северного вала мы никогда не бывали.

— Так оно и есть, — уверенно подтвердил Раммар, затем повернулся и пошел восвояси. Но ему удалось сделать всего лишь несколько шагов. А затем до него начало доходить, что сказал его брат.

— Еще минуточку, орк! — крикнул Ортмар, и в его голосе послышалось рычание волка. — Откуда вы знаете, что мы были у Северного вала?

— Мы... э...

— Ну, теперь-то мы можем вам это сказать, — затараторил Бальбок. — Мы забрались в ваши ящики и зайцами прошли через туннель под горой. Доложу вам, что это было крайне мерзко, потому что мне было нечего есть, а Раммар забрал себе все вяленое мясо... *Да что такое ?* — спросил он, заметив убийственный взгляд брата.

— Ребята! — зарычал тут предводитель карликов. — Схватить их! Связать и принести ко мне!

— Н-но... — пробормотал Бальбок, однако карлики уже догнали их и окружили.

— Так это были вы! — убежденно проговорил Ортмар. — *Вы* расстроили мою сделку с северными варварами! Не знаю уж, что вы сделали, но с того самого дня, когда вы тайно пробрались с нами через гору, северные варвары никогда больше не показывались у Северного вала. И в расторгнутой сделке обвинили меня! О, я придумаю для вас такую смерть, такую ужасную, что... что... — ему не хватало слов для описания, — что ее только и можно назвать: ужасная, — закончил он наконец. — Из ваших волос я сплету канаты, из кожи сделаю ремень, а зубы буду носить на шее как ожерелье — это так же верно, как то, что меня зовут Ортмар фон Бут, сын Ортвина!

Тем временем воины-карлики схватили орков и связали — Бальбока в удобный, Раммара — в менее удобный узел. Потребовались совместные усилия четырех карликов, чтобы принести последнего к Ортмару. При этом Раммар ругался по-орочи.

— Ну почему Курул привязал к моей ноге именно такого брата, как ты? Что я сделал? Неужели же я приветливый и милый, что меня нужно было так наказывать?

— Что такое, орк? — язвительно поинтересовалась Аланна, понимавшая все, что он говорил. — Ты что, недоволен своей судьбой? Это все потому, что нельзя желать слишком многого.

— Слишком многого? Все, чего я хочу, это вернуться домой!

— Точно так же, как и я, — ответила Аланна. — Но у меня такое чувство, что я только что оказалась немного ближе к своей цели, а для тебя и твоего брата путешествие на этом закончится. Я пообещаю карликам хорошую награду за то, что они доставят меня в Тиргас Дун. Они — контрабандисты и за деньги согласны на все. А вы оба готовьтесь к тому, чтобы предстать перед своим Курулом — и держите себя в лапах, говорят, он мерзкий.

И она рассмеялась своим серебристым смехом, а Раммар готов был лопнуть — он чувствовал, что все его предали.

Мысли лихорадочно неслись вскачь. Нужно что-то предпринять, не то жизнь его не будет достаточно долгой для того, чтобы оторвать за эту глупость Бальбоку голову. Прежде чем рухнуть в темную яму Курула, Раммар непременно хотел лишить брата этой части тела. А может быть, даже еще кое-какой.

— Слушай, великий предводитель карликов! — крикнул он. — Я хочу сказать тебе кое-что еще. Что-то, что может быстро сделать тебя самым богатым карликом Землемирья!

— Нет! — снова в один голос воскликнули Корвин и Аланна, догадываясь, конечно же, что собирается сделать Раммар!

— И что же это? — Ортмар уставился на орка; глаза его метали молнии, состоящие наполовину из злости, наполовину из жадности.

— Мне известно о сокровище, — заявил Раммар. — О сокровище неизмеримой ценности!

— Ну конечно, — сплюнул карлик. — Обычная ложь чудища, которое пытается спасти свою шкуру.

— Нет, я говорю правду, — настаивал Раммар. — Вот он, — он кивнул головой в сторону Корвина, — не просто так здесь ошивается. Он собирался в лес Тровны, чтобы завладеть легендарным сокровищем Тиргас Лана.

— Черт возьми! — загрохотал карлик. — Этого сокровища не существует, точно так же, как и Сокрытого Города. Это всего лишь миф, и ничего более.

— А вот тут ты ошибаешься, — заверил его Раммар. — Я могу тебе сказать, каким образом попасть в Тиргас Лан и прибрать сокровище к рукам. Но взамен ты должен пообещать отпустить меня.

Сын Ортвина на мгновение задумался. А потом, видимо, пришел к выводу, что терять ему нечего.

— Ну, хорошо, — согласился он. — Выкладывай, что ты там знаешь, орк, и я пощажу твою жизнь. Ты знаешь дорогу в Тиргас Лан?

Раммар покачал головой.

— Я — нет, а вот эльфийка знает! Она — не кто иная, как Верховная священнослужительница Шакары, в задачу которой входило сохранение тайны Сокрытого Города.

— Это правда? — повернулся Ортмар к Аланне.

— И что, если так? — холодно ответила она.

— Не шути со мной, эльфийка! Все может обернуться еще хуже. Поэтому я спрашиваю: ты знаешь, где искать Сокрытый Город?

— Да, — в отчаянии призналась она. — И что?

— Что ж, поскольку нашему другу, охотнику за головами, недолго осталось жить, применения для сокровища ему не найти. Зато эти деньги разом спасут меня ото всех забот.

— А согласитесь ли вы взамен отвести меня в Тиргас Дун?

— В любое место на карте, — часто закивал головой карлик.

— Ну, хорошо, — согласилась Аланна к огромному удовольствию Раммара, — заключим сделку.

— Нет! — воскликнул Корвин. — Ты не имеешь права!

— А почему это, охотник за головами? — поинтересовалась она.

— Потому что ты обещала провести к Сокрытому Городу *меня*. И потому что я должен был отвести тебя к твоим в Тиргас Дун.

— Карлики тоже справятся. Не так ли, Ортмар, сын Ортвина?

— С превеликим удовольствием, — с ухмылкой поклонился карлик.

— Но ведь ты не можешь доверять ему! — напомнил Корвин. — Он — контрабандист, и головорез к тому же!

— А ты — охотник за головами. — Она пожала плечами. — Честно говоря, особой разницы я не вижу.

— Предательница! — прорычал Корвин.

Она покачала головой.

— Вот уж не знала, что мы заключили договор, который я обязана выполнять. — Она снова посмотрела на Ортмара. — Сделка заключена, господин карлик. Мы в деле.

— Великолепно, — заявил Ортмар, потирая короткопалые ладошки. — Просто великолепно!

— Ну вот, теперь ты получил то, что хотел, — напомнил о себе Раммар. — Можешь отпускать меня.

— Мочь-то я могу, — кивнул карлик. — Но не буду.

— *Что-о-о*? — Голос Раммара едва не сорвался. — Почему не будешь?

— Потому что тебе известна тайна эльфийки. Слишком рискованно оставлять тебя в живых. Ты и второй орк — вас обоих казнят на заре, вместе с охотником за головами.

— Но ведь... ты же слово давал!

— Слово, данное орку, не считается, — с ухмылкой ответил Ортмар, а затем обернулся к Аланне. — А ты, эльфийка, смотри мне. Если собираешься надуть меня, пусть это послужит тебе уроком. Как видишь, шуток я не понимаю.

— Это очевидно, — ответила эльфийка, и ее узкие глаза опасно сверкнули...

Раммара одолевали самые что ни на есть мрачные мысли.

Это все были сплошь ужасные кровавые фантазии, в которых он придумывал для своего брата Бальбока виды смерти столь причудливые, что Раммар сам удивился богатству своего воображения.

— Раммар? — тихо прошептал Бальбок, лежавший на траве рядом с ним, связанный точно так же, как и брат, не способный пошевелиться. Штандарт торчал рядом из скудной почвы; карлики водрузили его в насмешку. — Раммар, ты на меня еще сердишься?

Раммар не издал ни звука, и для брата это оказалось хуже, чем если бы он разразился страшными проклятиями как обычно. На этот раз Бальбоку стало ясно, что Раммар *по-настоящему* зол на него. *Саобх* называлось это по-орочи — то яростное состояние, из которого обычно можно выйти, только размозжив кому-нибудь голову. И Бальбок вполне точно представлял себе, кем будет этот кто-то, как только Раммар снова окажется на свободе...

Не считая двух воинов-карликов, которых отрядили сторожить пленных орков и охотника за головами — Корвин лежал рядом с Бальбоком и Раммаром, точно так же связанный, как и орки, — остальная часть отряда Ортмара сидела у большого костра, разожженного карликами. Приземистые тела бородачей отбрасывали до странного много тени, они же кружками вливали в себя пиво, чтобы как следует отпраздновать столь счастливый поворот событий.

Раммаровы предположения были абсолютно верны: из-за того, что северные варвары не оплатили поставку оружия, Ортмар впал в немилость у своего заказчика и теперь карлика преследовали его люди. Надежда получить сокровище немыслимой ценности пришлось как раз кстати. А то обстоятельство, что на заре трое врагов рухнут в яму Курула, давало карликам дополнительный повод для того, чтобы напиться.

— Пейте и празднуйте! — слышался рык Ортмара. — Ночь мы будем заседать в суде, как положено у нас, у карликов, но с первыми лучами солнца мы покажем, на что способны наши секиры!

Он пользовался языком людей, чтобы пленники могли его понять. Раммару не особенно хотелось, чтобы ему доказали, какие острые лезвия у карликовских секир. Зато Корвин, похоже, готовился встретить свою судьбу спокойно.

— Чего тарачишься, орочья морда? — спросил он, когда Раммар повернулся к нему. — Не доводилось тебе еще встречаться с секирами карликов, а?

— Нет, — проворчал Раммар. — И как по мне, то пусть бы так и продолжалось.

— Раньше нужно было думать, прежде чем обрекать нас всех на смерть, негодяй ты этакий. Если бы ты не раскрывал свой дурацкий рот, все было бы под контролем.

— Да что ты говоришь! Ты что, не заметил, что карлик с самого начала не поверил ни единому твоему слову?

— Конечно заметил, — проворчал Корвин.

— Ты вор! — сказал Раммар, обнажая клыки. — И называешь меня негодяем?

— Этот Ортмар — контрабандист, гнусный тип, даже среди карликов пользующийся довольно-таки сомнительной славой, — оправдывался Корвин. — То, что я отнял у него, он еще раньше украл у других.

— А его дочь?

— Злобное создание! — заверил его Корвин. — Но я не обязан отчитываться перед тобой, орк. Это ведь ты *меня* предал, а не наоборот, и это при всем при том, Что я сохранил вам жизнь.

— Сохранил — чтобы гнать по стране привязанными спина к спине!

— А что такое? Мне попался чувствительный орк? Да это же смешно!

— Не смешнее, чем охотник за головами, который никак не может оправиться от потери любимой женщины.

— Осторожно, — предупредил Корвин. — Думай, что говоришь.

— Что такое? Что ты мне сделаешь? — дерзко усмехнулся Раммар. — Нравится тебе это или нет, охотник за головами, но дела у тебя идут не лучше, чем у нас. Заклятый оркоубийца разделит свою судьбу с двумя чудовищами. Вот это смешно.

— Тут он прав, — подтвердил Бальбок, надеясь, что брат на него больше не злится.

— А ну, заткнись, несчастье ходячее! — зарычал Корвин. — Может быть, ты и не такой хитрый, как твой жирный брат, зато настолько же глуп, как темна ночь.

— Побереги язык, пока тебе его не оторвали! — грубо оборвал его Раммар. — Бальбок — мой брат, и он храбрый воин. Украшение рода орков! Еще одно слово — и я повыбиваю тебе зубы.

— Каким же образом, а, толстяк? Ты связан, так же, как и я. И, даже если бы ты не был связан, ты все равно не сумел бы поймать меня — с твоим-то пузом и коротенькими кривыми ножками!

— Ну, погоди! — засопел Раммар, у которого лопнуло терпение. В жилах его вскипел *саобх*, и он словно ненормальный заворочался в своих путах. — С меня хватит! — бушевал он. — Я тебе покажу, что значит оскорблять Раммара Резкого, жалкая, опустившаяся, подлая, бледнолицая, вонючая...

Он внезапно замолчал, так как путы неожиданно ослабли. Раммар удивленно уставился на свои лапы, которые вдруг смог поднять, потому что они уже не были связаны веревками. В ярости ему удалось разорвать их — какой же он все-таки великолепный экземпляр!

— Тихо! — прошептал кто-то ему на ухо.

Уголкем глаза он заметил, как мимо бесшумно проскользнула светлая фигура, и в следующий миг он осознал, что Бальбок и Корвин тоже свободны. И только тогда Раммар понял, что не *саобх* разорвал его путы, а их просто-напросто разрезали, и этот кто-то был не кто иной, как Аланна.

— Быстро! — прошептала Аланна пленникам. — Поторопитесь. Не знаю, когда

стражники очнутся.

— Стражники? — Раммар удивленно огляделся. Стражники-карлики исчезли — и только приглядевшись внимательнее, он заметил, что они все еще здесь. Просто лежат без сознания в траве, на лбу у каждого по шишке. А остальные члены отряда карликов даже не думали о пленниках — там царило пьяное веселье.

— Спасибо! — Корвин одарил эльфийку смущенной ухмылкой. — Спасение подоспело вовремя.

В ответ на его ухмылку она улыбнулась.

— Я рада, что смогла помочь.

— А я думал, у нас нет договора.

— Его и нет. — Она пожала плечиками. — Но я предпочитаю сама выбирать себе спутников.

— Хорошая позиция — но почему тогда ты освободила обоих орков? Надо было оставить их связанными, тогда мы избавились бы от них.

Аланна подмигнула Раммару и Бальбоку.

— Они оба спасли мне там, в верховьях Ледяной реки, жизнь. Я им обязана.

Орки удивленно переглянулись. Нет, никогда им не понять эльфов.

Быстро и настолько бесшумно, насколько это было возможно, они выбрались из отсветов костра. И вдруг, когда они уже почти достигли спасительной темноты, Бальбок еще раз обернулся.

— Что такое? — прошептал Раммар.

— Я кое-что забыл, — ответил Бальбок и, пригнувшись, вернулся туда, где они лежали связанные, — и Раммар схватился за то место на затылке, где у орков находится мозг, когда увидел, что его брат хватается торчащий из земли штандарт.

В этот момент один из стражников пришел в себя. Карлик, кряхтя, очнулся и поднял голову — после чего Бальбок недолго думая приложил его древком по голове. Раздался глухой звук, карлик закатил глаза и снова отправился в царство снов, а Бальбок бесшумно догнал остальных.

— Ты с ума сошел? — зашипел Раммар. — Рисковать тем, что нас обнаружат, только из-за этой дурацкой штуки?

— Орки не ходят без штандартов! — напомнил Бальбок. — Кроме того, у нас нет оружия, а ты знаешь, на что способна эта штука.

— Оружие мы себе вернем, — прошептала Аланна. — Оно хранится на другой стороне лагеря, неподалеку от лодок.

— Тогда чего же мы ждем, — проворчал Корвин, и они скользнули в темноту.

— Раммар? — прошептал Бальбок.

— Что?

— Ты действительно так думаешь?

— Как?

— Что я — украшение рода орочьего?

— Черт побери, заткнись, жалкий *умбал* ! Я с тобой больше не разговариваю, забыл, что ли?

3. Колл ур'Тровна

Прежде чем бежать из лагеря карликов, они вернули себе оружие. Точнее сказать, Корвин взял эту обязанность на себя после короткого, но жаркого спора. Он не вернул Раммару и Бальбоку их оружие, а взял секиру и *сапарак* себе — в качестве залога, как он сказал. Конечно же, Раммар возражал, но потом подчинился, опасаясь, что они привлекут внимание карликов, если снова заспорят.

Компания тихо забралась в одну из лодок и, оттолкнувшись от берега, поплыла по течению. И только когда отблески костра и пьяные разговоры остались далеко позади в

темноте, беглецы взяли за весла.

Короткими, но сильными гребками они вели лодку по течению до излучины, где Ледяная поворачивает на восток и устремляется к Андарилу. Узкий приток вел на юг, на равнину Скарии.

Беглецы вошли в поток, радуясь тому, что река сокращает им много утомительных часов марша; но от них не ускользнул тот факт, что что-то неладно: чем дальше продвигались они на юг, тем меньше воды несла река. Она все разветвлялась и разветвлялась, пока наконец не ушла в сухую почву степи и лодка не стала царапать дном ложе реки.

— Проклятье! — проворчал Корвин. — Как это возможно? Река не может просто так исчезнуть, это против всяких законов природы.

— В этом виновата близость леса, — пояснила Аланна. — Проклятие, лежащее на Тровне, сказывается и здесь, на севере, удерживая воду, ключевой элемент жизни. На нашем языке Ледяная называется *Ваньянен* — исчезнувшая вода.

— Ба! — в один голос сказали Раммар и Бальбок. Худощавый орк добавил к тому же презрительную фразу «эльфийское колдовство», что, однако, ничего не меняло: приходилось продолжать путешествие пешком. Они бросили лодку, взвалили на плечи нехитрую поклажу и отправились дальше.

Странная это была группа,двигающаяся к большому лесу: два орка, человек и эльфийка, которых свело вместе причудливое настроение судьбы, а общая цель — Тиргас Лан, Сокрытый Город — связала.

Раммар и Бальбок направлялись туда потому, что почуяли возможность самим завладеть сокровищем. Корвин — потому, что хотел обрести в Сокрытом Городе не только сокровище, но и смысл своего жалкого существования. Аланна — потому что, с одной стороны, хотела узнать, что это за тайна, которую она хранила всю свою жизнь, а с другой — потому что чувствовала нечто, наполнявшее ее усталый дух новой радостью жизни...

Тем временем холмы и скалы Острогорья остались далеко позади. Они маршировали на юг по скудным пастбищам. Поскольку провианта не было, у орков снова урчало в животах. Утром путники сделали совсем небольшой привал. Как только Ортмар и его бородатые товарищи заметят, что пленники и эльфийка сбежали, то пустятся в погоню, а посреди широкой степи негде укрыться и переждать. Поэтому беглецам приходилось идти дальше, нравилось им это или нет; и только когда их будут окружать спасительные деревья леса, смогут они отдохнуть. Это было ясно даже Раммару, шедшему в этой небольшой колонне прямо за Аланной. Следом двигался Бальбок, а Корвин составлял арьергард, потому что, хотя Раммар и Бальбок не были вооружены, он не собирался спускать с орков глаз.

Раммар плелся за эльфийкой и снова и снова делал попытки понять ее. Ее одежда по-прежнему была белой и казалась совершенно нетронутой, только развеивалась на ветру, словно знамя над широкой степью. Ну почему, черт побери, Аланна освободила его и брата? Разве не должна была ее ненависть к похитителям быть сильнее, чем чувство долга, которое эльфийка испытывала по отношению к ним из-за того, что они спасли ей жизнь? Орку никогда не пришло бы в голову помогать кому-то лишь потому, что этот кто-то помог ему самому. Каждый сам за себя — этому правилу очень рано учатся маленькие орки.

Может быть, эльфийка просто пришла для себя к выводу, что общество толпы карликов действительно хуже, чем общество двух орков и что существуют более страшные преступления, чем чуть-чуть похищения и немножечко грабежа? Аланна ведь и Корвина освободила, хотя у нее были все причины для того, чтобы осуждать его. За отсутствием соответствующих слов Раммар и Бальбок не поблагодарили ее за спасение — что, однако, не означало, что они ему не были рады. Только вот Раммар не мог взять в толк, что заставило эльфийку пойти на это; она сама и причины ее поступков по-прежнему оставались за пределами его понимания.

Загадочно все это...

Полдня размышлял Раммар над странным поведением эльфов и людей, и, когда в

темно-зеленой полосе на юге наконец-то стали различимы отдельные деревья, его постигло прозрение — словно удар секиры.

— Вот оно! — прошипел он, обращаясь к Бальбоку. — Думаю, теперь я понял, что здесь происходит.

— Ты со мной опять разговариваешь? — удивленно спросил Бальбок. С тех пор как они бежали из лагеря карликов, Раммар не сказал ему ни слова.

— Приходится, *умбал*. Тут ведь и поговорить больше не с кем!

— Это меня радует, — раскатисто рассмеялся Бальбок.

— Не спеши радоваться, — ответил Раммар тихо-тихо, чтобы ни Корвин, ни Аланна не услышали. — Если верно то, что я предполагаю, смеяться нам обоим не придется.

— Как так? Что случилось?

— Только скажи, что ты ничего не заметил.

— Нет, а что?

— Вот это на тебя похоже. Вслепую несешься с открытыми глазами. Мне самому понадобилось немало времени, чтобы додуматься, но я уже почти уверен: молочноголицый и остроухая друг в друга втрескались.

— Втрескались? — Бальбок нахмурился. — Что-то я не слышал никакого треска.

— *Умбал*, я не это имел в виду. Это такой странный язык, на котором все время говорят люди. В нашем языке нет для этого слова, но люди называют это... называют это... Проклятье, как же оно называется? Начинается на «л», если я ничего не путаю...

— *Ложь*? — предложил Бальбок первое, что пришло ему в голову на языке людей, начинавшееся на «л».

— Нет.

— *Лук*?

— Тоже нет.

— *Ливерная колбаса*?

— Ерунда. Я вспомнил: они называют это *любовь*. Это запутывает их чувства и заставляет вести себя в полном несоответствии с природой. Как бы хитры и мерзки они ни были, влюбившись, и люди, и эльфы превращаются в сущих ягнят.

— Ты имеешь в виду, что это своего рода болезнь?

— Конечно, — зашипел Раммар. — И это объясняет, почему эльфийка не ненавидит охотника за головами. Этот негодяй вскружил ей голову.

— Вскружил голову? — удивился Бальбок.

— Образно выражаясь.

— Ты завидуешь, — заключил Бальбок.

— Я — что?

— Завидуешь, — убежденно повторил худощавый орк.

— Вот бред! Твое счастье, что я устал идти, не то я удушил бы тебя за такую наглость. Эльфийка мне совершенно безразлична, понял? Пусть она с этим жалким оркоубийцей Корвином... ну, ты меня понял.

— Нет, — Бальбок покачал головой. — Что ты имеешь в виду?

— Ты действительно не знаешь?

— А что я должен знать?

— *Шнорш*! — засопел Раммар. Сейчас было не время и не место рассказывать брату о жизни. С другой стороны, рано или поздно он должен это узнать, и если карлики их поймут или они попадутся в лапы своре Грайшака, то пусть Бальбок хотя бы умрет не таким глупым, каким родился.

Раммар пошел медленнее, чтобы увеличить расстояние до эльфийки, потом шепотом кое-что объяснил брату, используя при этом наглядные жесты. При этом лицо Бальбока все больше вытягивалось. Наконец он скривился от отвращения.

— Но это же... омерзительно! — в ужасе простонал он.

— Думаешь? Как полагаешь, тугодум, каким образом ты появился на свет?

— Как и всякий орк, — убежденно ответил Бальбок. — Выпрыгнул из лопнувшего гнойника Курула.

— И ты действительно в это веришь?

— Конечно, а ты разве нет?

— Не совсем, — проворчал Раммар и пошел дальше. — Боюсь, есть еще кое-что, что нужно будет при случае тебе объяснить.

— Что именно?

— Скажите-ка, вы, двое! — крикнул шедший позади них Корвин. — Как вы думаете, чем мы здесь занимаемся? Гуляем? А ну, руки в ноги!

И, чтобы придать вес своим словам, он достал свой меч и ткнул им Раммара в *асар*, а тот мысленно сделал еще одну зарубку по поводу охотника за головами. Вот только доберется до оружия...

— Что именно? — повторил свой вопрос Бальбок.

— Позже! — остановил его Раммар.

Аланна ушла вперед и уже ожидала на опушке леса, светлая фигурка с развевающимися волосами на темном фоне деревьев. Вдруг она стала казаться еще грациознее и прекраснее. Корвин тихо и тяжело вздохнул.

— Чего вы ждете? — крикнула она им. — Разве вы не видите, какие на небе собираются тучи? В любую минуту может разразиться ливень!

Раммар запрокинул голову и посмотрел вверх. Эльфийка была права: небо затянуло темными грозowymi облаками. То здесь, то там время от времени вспыхивали молнии, громыхал гром.

— Курул не на шутку разозлился, — сделал вывод Бальбок.

— Да, — согласился с ним Раммар. — Может быть, пара молний поразит наших врагов.

И в следующий миг меж тучами действительно сверкнула молния, но поразила не Корвина и не Аланну, а один из высоких дубов, стоявших на опушке леса. Дерево рухнуло с громким треском, от обуглившегося ствола повалил дым.

— Вы действительно считаете, что заходить сейчас в лес — хорошая идея? — спросил Бальбок.

— Не беспокойся, — с мягкой улыбкой ответила Аланна. — Тровна — совсем не такой лес, как все остальные.

И с этими словами она развернулась и двинулась вперед всех через естественные, образованные ветвями и мхом, ворота. Пройдя через них, эльфийка оказалась в темном мире леса. Орки хотели последовать за ней, но вдруг замешкались, словно что-то их удержало.

Они почувствовали стену, не такую, чтобы можно было увидеть и пощупать, но их инстинкты отчетливо сигнализировали о том, что впереди что-то есть. Невидимый барьер, отделявший лес от внешнего мира, и по другую сторону которого вроде как жили смерть и разрушение.

— Ну, что там еще? — раздраженно спросил Корвин.

— Опасность, — только и сказал Бальбок.

— Чепуха, тебе это только кажется, орк.

— Он прав, — в виде исключения согласился с братом Раммар. — Я предпочел бы, охотник за головами, чтобы ты вернул нам оружие, чтобы мы могли защищаться, если до этого дойдет.

— Ты что, считаешь меня настолько глупым, толстяк? Вы тут же попытаетесь напасть на меня, если я отдам вам оружие.

— Даю слово, что это не так, — заверил его Раммар.

— Слово орка! — Корвин покачал головой. — И ты думаешь, что я поверю ему? — Он невесело рассмеялся.

В следующий миг грянула гроза. Налетел сильный ветер, и все небесные хляби разверзлись и пролились дождем. Громыхало так, что казалось, будто Курул готовит конец света; бело-голубые молнии пронзали тучи, но все они поражали цели на равнине Скарии, а

не в лесу. Даже орки поняли, что что-то здесь не так, и Бальбок выразил это кратко.

— Эльфийское колдовство, — презрительно сказал он.

— А если даже и колдовство, — проворчал Корвин. — Или вы наконец сдвинетесь с места, или я зарублю вас тут же! Мне все равно, но решайте быстро, потому что у меня нет ни малейшего желания промокнуть из-за вас до нитки.

Раммар и Бальбок переглянулись и решили, что лучше иметь дело с угрожающим лесом, чем с очевидно сумасшедшим охотником за головами. Собрав всю свою волю в кулак, братья медленно преодолели барьер, и в следующий миг их приняла затхлая темнота под деревьями.

Непогода осталась позади, как будто они вступили под сень крепости. Лиственный покров был настолько плотным, что не пропускал барабанивший по нему дождь, свист ветра превратился в тихий шепот, и даже гром звучал теперь как отдаленный шум. Мох заглушал шаги орков, когда они двигались меж древними кряжистыми стволами, кора которых напоминала шкуру дракона.

Аланна шла впереди в своем белом наряде, светившемся в лесном полумраке. Раммар и Бальбок нерешительно плелись за ней, Корвин замыкал арьергард. Мельком взглянув на охотника за головами, Раммар заметил, что тот нервничает. Меч свой Корвин не вложил в ножны, и недоверчиво оглядывался вокруг при каждом шорохе.

А шорохов в Тровне было много.

Поначалу слышались только крики птиц, но чем глубже путешественники забирались в чащу и чем темнее становилось, тем более жуткие и непривычные звуки раздавались вокруг: глухое рычание, издаваемое, вполне возможно, каким-нибудь крупным хищником, затем резкий крик жертвы, то вдруг — пронзительный визг, пробравший орков до костей, то хихиканье, блуждающее меж деревьями. Ко всему этому прибавлялись звуки, издаваемые собственно лесом: немолчное шуршание и поскрипывание, напоминавшее о том, что деревья — существа живые. Оба орка прямо возненавидели этот лес. Не то чтобы им не нравились темные, затхлые места, но от этого леса у любого уважающего себя чудища должны были поползти по спине мурашки.

— Мне это не нравится, Раммар, — высказал Бальбок свои ощущения, неохотно переставляя ноги.

— Знаю, брат. Мне это тоже не нравится.

— Что у вас там? — с ухмылкой поинтересовался Корвин, хотя в его взгляде тоже поселился страх. Охотник за головами понял их, хотя они и разговаривали по-орочьи. — Здесь же влажно, темно, воняет гнилью — вы должны чувствовать себя как дома.

— Доук, — сказал Бальбок, качая головой. — Это совершенно не так, как дома. Это сделали эльфы!

— Сделали эльфы? — рассмеялся Корвин и снова высказал свое личное убеждение: — Ты выдумываешь. Это такой же лес, как и все остальные.

— Орк прав, — сказала Аланна, остановившаяся, чтобы дождаться спутников. — В давние времена, еще до Второй войны, равнина Скарии простиралась до самого моря. Лес возник позже — как укрепление, созданное с целью отделить Империю эльфов от всего остального мира, а также для того, чтобы скрыть Тиргас Лан, древний город королей.

— Это что же, — удивленно спросил Корвин, — вы приказали — и вырос целый лес?

— Не обычный лес, — напомнила ему Аланна. — Тровна — отверженная земля. Над ней тяготеет проклятие, которое должно отгонять преступников и грабителей — таких же преступников и грабителей, как мы.

— Да, — согласился Корвин. — Но, в отличие от каких-то там приبلудных грабителей и преступников, мы знаем дорогу.

— Это ничего не меняет в наших намерениях, — пояснила Аланна. Она снова повернулась и отыскивала тропинку между двумя близко стоящими, заросшими лианами и мхом деревьями.

Раммар и Бальбок с ужасом поняли, что в Тровне все было больше обычного. Листья

гигантских папоротников образовывали над головами второй купол, а некоторые грибы были размером им до бедра. Орки надеялись, что подобный гигантизм не коснется здешних животных. Слишком хорошо они помнили встречу с гигантским пауком.

Тропа вилась по лесу, и вскоре стемнело настолько, что не видно было даже на десять *кнум'хай*. Кроме того, орки давным-давно перестали ориентироваться среди чужих и путаных запахов. Если бы Аланна не шла впереди в своем сверкающе-белом платье, они давным-давно потерялись бы.

Наконец лианы сплелись настолько тесно, что идти дальше стало невозможно. Корвин хотел прорубить путь мечом, но Аланна удержала его.

— Лес должен открыть дорогу сам, — сказала она. — Будет лучше подождать до утра.

Поскольку все устали от длительного перехода, никто не возражал. Оркам пришлось смириться с тем, что охотник за головами сплел из лиан веревку и привязал их к дереву. Сам Корвин сел с эльфийкой неподалеку, где они, насколько мог слышать Раммар, и перешептывались до поздней ночи. Орк не понимал, что они говорят, но чувствовал, что прав в своем предположении. Между охотником за головами и эльфийкой была эта ужасная вещь, которой не бывает между орками, а среди людей она постоянно приводит к неприятностям...

В какой-то момент он провалился в беспокойный сон, и его все время мучили кошмары. В них он снова видел себя и Бальбока в крепости Рурака. Они висели на потолке вниз головой, а колдун стоял перед ними с искаженным от ярости лицом. Он обвинял их в том, что они предали его, и предрекал им жуткую смерть, а в следующий миг с магом произошло ужасное превращение. И без того тонкая кожа его лица лопнула, под ней открылась гнилая плоть. Глазные яблоки превратились в кашеобразную слизь, которая тут же закапала из глазниц, и Рурак разразился таким отвратительным смехом, что Раммар в ужасе закричал.

Собственный крик пробудил его ото сна.

Он обнаружил себя на небольшой полянке. К его огромному удивлению, он оказался привязанным к дереву, а рядом был Бальбок. Рурака и близко не было, зато Раммар увидел удивленные лица Корвина и Аланны.

— Что за крики, толстяк? — набросился на него охотник за головами. — Хочешь натравить на нас всех существ этого проклятого леса?

— У тебя был кошмар? — с понимающей улыбкой поинтересовалась Аланна, и внезапно Раммар понял, что она рассказала им о лесе Тровны далеко не все.

— Чепуха! — солгал он, невольно качая своей бесформенной головой. — Мы, орки, как правило, так утром и просыпаемся, когда особенно хорошо поспим.

— Правда? — У Бальбока вытянулось лицо. — Так, значит, я никогда в жизни хорошо не спал...

— Сделайте одолжение, избавьте меня от своей болтовни, — проворчал Корвин, развязывая путы. — Аланна говорит, что нам предстоит долгий путь. Пора выступать.

— Выступать? Куда? — зевнул Раммар. — Признайся, эльфийка: мы потерялись в этом *инориевом* лесу и повсюду нас окружают одни лианы.

— Ах, вот как? — ответила Аланна. — А ты оглядывался по сторонам?

Раммар поднял голову — и к своему безграничному удивлению увидел, что за ночь полянка изменилась. Лианы исчезли, а деревья, похоже, не только расступились, но и казались не такими угрожающими, как раньше. И, словно приглашение, то тут, то там сквозь густой лиственный покров падали теплые лучики света.

— Как... как это возможно? — удивленно спросил Раммар. Бальбок тоже тарашил глаза.

— Я же говорила: лес откроет дорогу. Нужно только дать ему достаточно времени.

— Но как?... — спросил Раммар, чтобы самому себе раздраженно ответить: — Эльфийское колдовство.

Аланна усмехнулась.

— Для вас, орков, все, что не движется, — мертвое, не так ли?
— И не только это, — подтвердил, кивая головой, Бальбок. — А также то, что не дерется, не пьет и не нападает из-за угла, по-настоящему не живет.
— Для кого как, — проворчал Корвин.
— Помолчи, — проворчал Раммар.
— Лес — живой, — продолжала Аланна, не обращая внимания на слова Бальбока, — и он был пробужден к жизни только по одной причине: чтобы скрыть то, что не должно быть обнаружено. Смысл его существования заключается в том, чтобы держать подальше непрошенных гостей и преграждать им путь, заботясь о том, чтобы они никогда не нашли того, что скрыто. Только одну, ту, что знает дорогу, пропустит он, как это было предсказано Видящим Фаравином.
— Тебя, — предположил Раммар.
— Так и есть. Я знаю путь, а лес знает меня, поэтому он беспрепятственно пропускает нас. Теперь ты понимаешь, почему за ночь исчезли лианы?
Раммар и Бальбок недоверчиво переглянулись.
— Да, — ответили они в один голос. — Эльфийское колдовство!
Аланна вздохнула и отвернулась...

Они собрали поклажу и продолжили путь. Определить, в каком направлении они двигались, было невозможно, несмотря на солнечный свет, сочившийся сквозь густые кроны деревьев. Корвин снова велел оркам идти впереди, чтобы можно было наблюдать за ними, и в это утро Раммар и Бальбок даже ухом на это не повели: у них были заботы поважнее.

— Я голоден, — ворчал Бальбок. — Если я не получу еды, то дальше идти не смогу.
— Ах ты, проклятый обжора! — ворчал Раммар. Немного тише он добавил:
— Я бы тоже съел кусочек чего-нибудь.
— Равно как и я, — услышали они слова Корвина, который уловил тихое бормотание Раммара. — Удивительно, но наши мнения решили ради исключения сойтись, толстяк. Мы уже несколько дней не ели ничего приличного. Нужно поискать зайца или...
— Поберегись! — воскликнула Аланна, внезапно остановившись и повернувшись к ним лицом. — Жизнь в лесу Тровны священна. Нельзя причинять вред ни единому невинному созданию — это преступление!

— Тебе хорошо говорить, — ответил Раммар. — Тебе, похоже, вообще есть не нужно, если не хочешь, а вот нам нужно. Чем же нам, по-твоему, наполнить наши урчащие животы?

— Корни этих растений, — она указала на растение с длинными зелеными листьями, — очень вкусны и крайне питательны. Многие грибы и ягоды, растущие в этом лесу, тоже съедобные.

— Ах, вот как? А как нам узнать, какие съедобные, а какие — нет?
— Очень просто, — с ненавистью ответил Корвин. — Ты будешь пробовать первым. Если ты подохнешь, то мы будем знать, что от этого вида растений лучше держаться подальше, а, с другой стороны, мы от тебя наконец-то избавимся.

Раммар в ярости оскалил желтые зубы.
— Об этом не может быть и речи. Бальбок, ты будешь все это пробовать, понял?
Но прежде чем успел разразиться спор, Аланна быстро произнесла:
— Я покажу вам, какие грибы можно есть, а какие нельзя. Вот, например, тот...
— Этот? — Раммар вырвал растение величиной с голову из лесного грунта и хотел тут же засунуть его в рот.

— ...настолько ядовит, что его не переварит даже желудок орка. Его яд приводит к мучительной смерти уже через несколько мгновений.

— Ну, вперед, чего же ты ждешь? — с ухмылкой бросил Корвин. — Кусай!
— Доук. — Раммар выбросил гриб. — У тебя есть идеи получше, эльфийка?
— Вон те, — ответила Аланна, показывая под куст папоротника, где на зеленом мшистом ковре росли добрых две дюжины крошечных грибочков, — не очень вкусные, но

зато и не ядовитые.

— Ага, — несколько разочарованно протянул Раммар. — А нет больших грибов, таких, чтобы были не ядовитые?

Та покачала головой.

— Тровна — место испытаний. Здесь поощряется скромность, а жадность в любой форме рано или поздно приводит к смерти. Вам всем нужно хорошенько это запомнить.

Орки и охотник за головами склонились над маленькими грибами, пусть они и годились только на то, чтобы разыгрался аппетит — так думали все трое. Однако как только каждый откусил по кусочку, кусочки эти чудесным образом стали приумножаться во рту. И после того как оголодавшие путники съели по несколько штук, они почувствовали себя так, словно каждый умял по половине кабана.

— Ну как? — поинтересовалась Аланна, наблюдавшая за грибной трапезой. — Получше?

— Еще бы, — заверил ее Бальбок. — Теперь мой желудок не издает ни единого звука...

И в этот момент послышался звук, нечеловеческий и пронзительный. Рев, какого никогда еще не доводилось слышать никому из путешественников.

— Пламя Курула! — выдавил из себя Раммар. — Для неиздающего никаких звуков, твой желудок возмущается что-то слишком громко.

— Это не мой желудок, — возразил Бальбок. — Не знаю, что...

И снова раздался душераздирающий рев. В тот же миг земля в лесу содрогнулась. А когда рев раздался в третий раз, он был еще громче, чем раньше.

— Оно идет сюда! — воскликнул Корвин и выхватил меч. — Что бы это ни было, оно идет прямо к нам!

И снова вопль, дикий и ужасный, сопровождаемый треском и грохотом. Что-то с силой прокладывало себе дорогу через лес. Что-то очень большое...

— Ты прав, — почти не дыша прошептала Аланна. — Оставайтесь на месте и не шевелитесь. Ведите себя тихо, слышите меня? И не дышите даже.

— Как так? — спросил Бальбок. — Что это?

— Что-то злое, — шепотом ответила эльфийка.

Треск и грохот нарастали, земля дрожала под топотом ног, и снова воздух сотряс оглушительный рев, а затем из леса вывалился настоящий ужас!

— Тролль! — хриплым голосом воскликнул Раммар. Но это была только половина правды, потому что гигантское существо, ломавшее окружающие деревья, словно прутья, было самым крупным и ужасным троллем, с которым когда-либо доводилось встречаться орку.

Тролли и сами по себе — жуткие создания: почти в три раза больше любого орка, с буйной шерстью и толстой серой кожей, защищающей от стрел и *сапарак*. От этого же тролля даже его собственные сородичи из Северного Черногорья, вероятно, бросились бы наутек.

То был не горный тролль, и не ледяной, которые водятся на Крайнем Севере, а лесной тролль невероятных размеров. Раммар прикинул, что он был в добрых два раза крупнее обычного экземпляра. Его шкура была настолько толстой, что на его мускулистом, распираемом разрушительной силой теле, она образовывала панцирь. Кое-где тролль порос мхом, что заставляло предположить, что этот экземпляр был очень, очень стар. В отличие от коротких колонноподобных ног руки монстра были длинными и даже когда он выпрямлялся, доставали земли. Левая лапища была сжата в огромный кулак, которым тролль яростно крушил все вокруг, разбивая лес в щепки, в правой страшилище сжимало булаву, и там, где она опускалась, в земле оставался кратер.

Из огромного рта его гигантской головы доносился не только душераздирающий рев, но и мерзкое зловоние, а меж желтыми зубами еще торчали остатки съеденной пищи. Тролли известны тем, что едят все, что попадется им в мощные челюсти: людей, животных, гномов — и даже орков.

От ужаса четверо невольных попутчиков застыли на поляне, а глаз тролля в это время таращился на них — в отличие от своих горных собратьев, у этого экземпляра был всего один глаз, посреди лба, налитый кровью и горящий жадой убийства.

Вероятно, тролль рассчитывал на более крупного противника, потому что, заноса булаву для удара, он на мгновение остановился и презрительно рыкнул.

— *Шнорш* ! — проворчал Раммар.

Затем булава опустилась, и четверо путешественников, неподвижно замерших на месте, внезапно ожили. Раммар и Бальбок упали в одну сторону, Корвин — в другую, утянув за собой Аланну.

Спутники почувствовали порыв ветра, когда воздух рассекла булава, просвистевшая на волосок от них, а также дрожь почвы, когда мощное оружие образовало в земле очередную ямину (там еще долгое время ничего не вырастет).

Изрыгая страшные проклятия, Раммар откатился в сторону и снова вскочил на свои короткие ноги, Бальбок тоже — сжимая в лапах штандарт.

Снова взлетела булава, на этот раз занесенная в горизонтальном ударе, который должен был смести все живое с лица земли. В то время как Аланна подпрыгнула вверх и, к удивлению остальных, сделала сальто, приземлившись за пределами досягаемости булавы, орки и охотник за головами ушли от удара менее элегантным способом: они бросились на землю — причем орки приземлились в большую лужу.

Вонючая жижа приняла обоих, но, вместо того чтобы рассердить орков, невольное купание в грязи оказало на братьев влияние, подобное эликсиру жизни. Запах напомнил им родной дом, укрепив их в желании вернуться в Гнилые земли, и желание их было настолько сильным, что победило страх перед мерзкой тварью.

Вымокнув в грязи, орки вскочили на ноги, чтобы сразиться с троллем — но как это сделать, без оружия-то?

— Охотник за головами! — крикнул Раммар, силясь перекричать яростный рык колосса, который готовился к новой атаке, вырывая для этого деревья с корнем. — Верни нам оружие! Быстро!

— Забудь, орк! — Корвин схватился за лук и стрелы. — Я один справлюсь с этим страшилищем!

И вот уже две стрелы одна за другой сорвались с тетивы. Они попали троллю в грудь, но не сумели пробить толстую бронированную кожу и просто отскочили, не причинив никакого вреда.

— Да что ты говоришь, — язвительно проворчал Раммар.

В следующий миг булава снова устремилась вниз, на этот раз в сопровождении тролльского кулака, и в лесу разразилась самая настоящая канонада от тролльских ударов. Спутникам пришлось уворачиваться не только от жуткой булавы и кулачища, но и от взметающихся в воздух ветвей и корней — настолько острых, что некоторые безо всякого труда могли пробить насквозь человека и даже орка.

Бальбок пригнулся, уходя от смертоносного удара булавы, пронесшейся у него над головой. Когда он вскочил, его вдруг осенила идея: он по-прежнему сжимал в лапах штандарт колдуна, а разве не спасал он им с братом жизнь уже дважды? Обхватив древко обеими лапами, Бальбок решительно подскочил к троллю и направил на него черный шар.

— Смотри сюда, мерзкий *умбал* ! — прорычал худощавый орк, втайне радуясь тому, что в виде исключения он и сам может кого-нибудь обозвать идиотом. — Смотри на магический шар и трепещи, жалкий уродец!

Тролль, который как раз собирался расплющить лежащего на земле Корвина, обернулся. Из его ноздрей валил пар, и, очевидно, огромное существо не знало, что ему делать при виде Бальбока — смеяться или тупо ударить. Он решил на последнее и поднял булаву, чтобы припечатать Бальбока вместе со штандартом.

— Бальбок! — изо всех сил прорычал Раммар. — Убирайся оттуда!

— Нет! — храбро возразил Бальбок. — Полевое знамя колдуна защитит меня!

Но шар на штандарте не подавал признаков жизни, и вот уже булава тролля устремилась вниз.

— *Шно-о-ори !..* — послышался рев Бальбока, который в этот момент понял, что забыл один из самых главных орочьих законов, а именно: никогда, никогда не полагаться на колдовство.

Булава летела к нему на свидание, и Бальбок уже представлял свои останки, прилипшие к ней — когда нечто, похожее на большой шар, принеслось, ударилось об орка и сбilo его с ног.

Бальбока отбросило в сторону, он растянулся во весь свой рост, а совсем рядом, сотрясая ужасным ударом лесную почву, вонзилась булава. Сомнений не было: если бы булава попала в Бальбока, настал бы ему конец. Но к своему огромному удивлению, худощавый обнаружил, что все еще жив — а рядом с ним лежал тот, кто в последний миг отбросил его в сторону.

— Раммар? — вырвалось у Бальбока. Он не мог понять, как это брат рисковал своей шкурой, чтобы спасти его.

— Полевое знамя колдуна защитит меня! — передразнил Раммар брата, поднимаясь на ноги. — Полевое знамя колдуна защитит меня!

— Ну да... — Бальбок пожал плечами. — Я думал...

— Внимательнее, *умбал* !

Булава снова устремилась вниз. Орки бросились врассыпную, словно перепуганные куры — и вовремя. Между ними, будто карающая молния Курула, опустилось дерево, уродуя землю очередным кратером.

Стрела, выпущенная Корвином, попала троллю в шею, но снова отлетела от крепкого панциря, не причинив вреда.

— Чего ты этим добиваешься, охотник за головами? — крикнул Раммар, пытаясь на четвереньках уползти в безопасное место. — Хочешь, чтобы монстр умер от смеха?

— Мои стрелы попадают в него, — удивленно прохрипел Корвин, — но ему хоть бы хны!

— Дай мне лук! — потребовал Бальбок. — Я знаю, куда стрелять!

— Даже и не думай! За кого ты меня...

— Да дай ты ему уже этот проклятый лук! — взвизгнула Аланна, прятаясь за огромным деревом. — Или мы все должны умереть из-за твоего дурацкого упрямства?

Корвин нерешительно уставился сначала на нее, затем на Бальбока, и, когда тролль свободной рукой забарабанил себя в грудь и снова издал душераздирающий рык, охотник за головами бросил долговязому лук и колчан со стрелами, а спустя пару мгновений Раммар получил свой *сапарак*.

— Самое время, — хрюкнул толстый орк. — Готов, Бальбок?

— Готов, Раммар!

Затем оба перешли в атаку. Бальбок положил стрелу на тетиву и выпустил ее в тролля.

— Ха! — крикнул Корвин. — На этого монстра стрелы не действуют, ты же видел!

Но орк и не собирался укладывать тролля выстрелом из лука, он просто хотел привлечь его внимание к себе и брату, и это ему удалось. Тролль в ярости обернулся, махнул булавой и свалил еще одно дерево, стоявшее на пути смертоносного оружия. Затем он потопал к оркам, фыркая от ярости, с налитым кровью глазом.

— Бальбок? — спросил Раммар, стоя рядом с братом, а в горле у него тем временем образовался большой комок.

— Не беспокойся! — ответил худощавый. Снова натянув тетиву, он ждал, словно в запасе у него было все время на свете, словно не было никакого дикого лесного тролля, который стремился расплющить их и сожрать. Лес дрожал от каждого шага чудовища, и вот тролль уже вырос перед ними во весь свой угрожающе высокий рост.

— Бальбок! — Раммар уже отпрянул и хотел повернуться и броситься наутек сломя голову, когда стрела Бальбока наконец-то сорвалась с тетивы.

Звения, она преодолела короткую дистанцию и — вонзилась прямо в глаз тролля!

Последовал отвратительный звук, когда огромное глазное яблоко лопнуло, словно перезревший плод. Из глазницы фонтаном хлынула кровь, а ослепленный тролль страшно взвыл. Прижимая лапу к ране, из которой хлестала темная кровь, слепо размахивая булавой, тролль принялся исполнять на поляне еще более причудливый танец, чем до этого.

— Чего мы ждем? — зарычал Раммар, к которому моментально вернулось мужество. — С ревом в бой!

Держа обеими лапами *сапарак*, подняв его острием вверх, он с диким криком устремился на бушующего тролля. А тот хотя и был тяжело ранен, но все же оставался живым, злым и еще более непредсказуемым, чем раньше. И вот уже булава снова со свистом рассекала воздух.

— Раммар! — хотел предупредить Бальбок.

В следующий миг послышался громкий хлопок: булава настигла толстого орка и отбросила его в сторону, словно надоедливое насекомое. Раммар с визгом перелетел поляну и грянулся о ствол мощного дуба. Оглушенный, он скользнул вниз. Тролль, заметив, что булава во что-то попала, издал, несмотря на мучившую его боль, вопль триумфа. Но радовался он недолго.

Бальбок быстро перебежал к Корвину и отобрал свою секиру. В порядке исключения долговязый решил отказаться от боевого клича, так как не хотел предупреждать тролля о готовящемся нападении.

В следующий миг орк добрался до правой ноги гигантского чудовища и, словно дровосек, размахнувшись секирой, глубоко вогнал лезвие в кряжистую конечность.

Урод завизжал от ярости и боли. Наконечники стрел не могли пробить его бронированную кожу, но острому лезвию от души занесенной орочьей секиры она противостоять не смогла. Металл рассек не только кожу, но и мышцы, и даже сухожилия. Когда Бальбок выдернул оружие, из глубокой раны хлынула кровь, и орк тут же нанес второй и третий удары.

Тролль ревел, буйствовал, но работать поврежденной ногой уже не мог. Он попытался достать обидчика булавой, но это тоже не удалось, поскольку Бальбок каждый раз ловко проскакивал между ног тролля, когда булава взлетала вверх — при этом ему нужно было следить за тем, чтобы тролль не зацепил его своим огромным детородным органом.

Орк то и дело наносил удары по поврежденной ноге чудовища, увеличивая рану с каждым разом — и наконец добрался до кости.

— Осторожно, тролль падает! — издал Бальбок традиционный предупредительный крик и как следует замахнулся, чтобы изо всех сил ударить по цели.

Послышался громкий хруст, когда лезвие секиры раскололо кость голени. Нога подломилась, и тролль действительно рухнул, словно подрубленное дерево.

С глухим стуком огромное существо грохнулось навзничь, все еще рыча и размахивая во все стороны булавой. Но дальность поражения в значительной степени уменьшилась.

Издавая дикие боевые кличи, очухавшийся от троллего удара Раммар и Корвин устремились к поверженному противнику и набросились на монстра. При этом орку и охотнику за головами приходилось внимательно следить за тем, чтобы не поскользнуться на скользкой земле, потому что из обрубка ноги чудовища потоком хлестала темная кровь, пропитывая лесную землю и превращая полянку в полную грязи яму.

Пока Корвин выпускал добрую дюжину стрел в широко раскрытую глотку тролля, Раммар одним прыжком вскочил на грудь поверженной твари и изо всех сил вонзил *сапарак* туда, где, как он предполагал, находилось сердце. Он думал, что после этого гигант успокоится, однако это было ошибкой; тот издал еще более яростный крик и, наполненный силой отчаяния, оторвал от земли плечи и торс. Раммар слетел с его груди и приземлился в кровавое месиво.

— Дурак! — крикнула ему Аланна. — Разве ты не знаешь, где у троллей сердце?

— Нет, — смущенно ответил Раммар, втягивая голову в плечи, чтобы не попасть под

удар бесцельно молотившей повсюду лапы тролля.

— Не важно, где там у него сердце! — зарычал Бальбок, подскакивая к троллю. — Без мозгов жить все равно никто не может!

Долговязый как следует размахнулся и что было сил опустил секиру, одним ударом раскроив троллю череп!

Во все стороны брызнула кровь, из трещины потек мозг, тролль в последний раз вздыбился и застыл.

Битва была позади.

Забрызганные кровью, тяжело дыша, братья устали на труп чудовища, которое едва не положило конец их путешествию.

— Без мозгов жить никто не может? — хитро спросил Корвин в наступившей тишине.

— Так и есть, разве нет? — ответил Бальбок.

Охотник за головами покачал головой.

— Ты сам — лучшее тому опровержение.

На несколько мгновений снова повисло молчание. Потом Раммар уже не мог дольше сдерживаться и прыснул (хотя оркам и не годится смеяться над шутками людей). Корвин тоже рассмеялся, и даже Аланна хрипло захихикала. Наконец, даже Бальбок улыбнулся, хотя шутка и была о нем.

Напряжение и страх смерти, сковывавшие спутников, разрядились смехом облегчения, и в порыве общего веселья охотник за головами примирительно похлопал Раммара по плечу, а толстенький орк стукнул его кулаком в грудь, что среди им подобных считалось признаком уважения. Когда до обоих дошло, что они сделали, рука Корвина отдернулась назад — он осознал, что собирался побрататься с убийцами Марены, а орк сплюнул, понимая, что едва не подружился с человеком, да еще с тем, который только и думает о том, как бы содрать с него скальп.

Они отпрянули друг от друга, словно между ними ударила молния, а мгновением позже снова подняли оружие — с клинков все еще капала кровь тролля. Секира и *сапарак* с одной стороны, полуторный меч Корвина с другой — так и стояли они друг напротив друга.

— Я так и знал, — зашипел охотник за головами. — Мне было ясно, что вам, мерзким негодьям, доверять нельзя!

— А мне было ясно, что спасти человеку шкуру бесполезно, — выкрикнул в ответ Раммар. — Если бы не мой брат, ты был бы трупом!

— Срать мне на это! Пусть мне лучше тролль голову откусит, чем я буду подло убит жирным орком.

— Жирный орк сейчас вонзит тебе *сапарак* в кишки и как следует повернет!

— Только попробуй, толстяк, — я раньше отрублю тебе лапы и сниму скальп, пока ты еще только будешь падать!

— Только через мой труп, — сквозь стиснутые зубы прошипел Бальбок, вставая перед братом, чтобы защитить его собой.

— Ты сказал, жердь тощая!

— Молочноносый!

— Рубленая рожа!

— Наивный!

Рыча, словно хищники, орк и охотник за головами хотели уже наброситься друг на друга, все еще не отошедшие от прошлой битвы, когда между ними встала сияющая белая фигура и с укоризной посмотрела сначала на одного, потом на другого.

— Вы закончили? — поинтересовалась Аланна.

— Нет еще, — ответил Корвин, рыча, словно голодный волк. — Только когда скальп этого горлопана будет висеть У меня на поясе.

— Прекрати, человек! — строго осаждала она его. — И убери сейчас же свой меч!

— *Kopp*, — согласился Бальбок. — Против меня у тебя все равно никаких шансов, так что лучше и не пытайся.

— А ты, — обернулась к орку Аланна и продолжила не менее строгим тоном, — опусти свою секиру, причем немедленно!

— Что? Но...

— Вы за кого себя принимаете? Выстояли в нападении тролля, чтобы в следующий же миг как сумасшедшие наброситься друг на друга? Вы еще не поняли, что мы предназначены друг для друга? Нравится вам это или нет, но судьба сделала нас союзниками. Либо вы наконец это признаете, либо скоро умрете. По сравнению с опасностями, которые подстерегают нас в стенах Тиргас Лана, битва с троллем — просто напрасная трата времени.

Аланна говорила проникновенным голосом, и ни орки, ни Корвин не осмелились ей возразить. Поколебавшись еще мгновение, они опустили оружие.

— Вот так-то, — сказала Аланна. — Никто не выиграет от того, что вы друг друга поубиваете. У нас общая цель, так что забудьте свои мелкие споры и подумайте, зачем мы здесь. Никогда еще никому не удавалось настолько глубоко зайти в лес Тровны. До Тиргас Лана уже недалеко, я чувствую это. Не позволяйте ненависти по отношению друг к другу помешать нашей миссии.

— Ну, хорошо, — проворчал Корвин, убирая меч в ножны.

— Хорошо, — проворчали и Бальбок с Раммаром.

После этого они продолжили путь по тропе, которую стелил им под ноги лес.

— Я одного понять не могу, эльфийка, — сказал Раммар, когда они шли мимо мертвого тролля. — Если лес показывает тебе дорогу к Сокрытому Городу и вроде бы ничего не имеет против тебя, то почему тогда на нас напали?

Аланна устремила на него многозначительный взгляд.

— Я говорила только о *себе*, — ответила она. — О двух орках и одном охотнике за головами речи не было.

— Ты хочешь сказать, что тролль метил в нас, а никак не в тебя? — удивленно спросил Раммар.

Аланна улыбнулась.

— Именно.

Они шли целый день. Меж мощными деревьями, с которых свисали густые занавеси из влажного мха, под корнями, мимо гигантских грибов и папоротников, возвышавшихся над тропой словно причудливые арки, извилистая тропа вела все глубже в чащобу.

Каждый раз, когда дорога упиралась в непроницаемую стену из зарослей или мха, Аланна делала перерыв, садилась на мягкую лесную подстилку, закрывала глаза и некоторое время медитировала. И лес изменялся, открывая проход, по которому они могли продолжать путь, хотя Раммар, Бальбок и Корвин не замечали, как это происходило.

Все это казалось оркам крайне подозрительным.

И не только потому, что они давным-давно потеряли ориентир; их беспокоили также постоянное потрескивание и шуршание, которыми был наполнен затхлый воздух. Кроме того, оба испытывали неясное чувство, будто бы за ними наблюдают, но на мягкой земле не было следов, а подозрительных запахов Бальбок не чуял.

Аланна спокойно шла впереди. Эльфийке, похоже, не нужны были ни привалы, ни отдых, напротив, она казалась тем более бодрой и исполненной сил, чем ближе был Сокрытый Город. К огромному облегчению Раммара, тролли путешественникам больше не попадались, зато было вдоволь всякого мелкого зверья — змей, сворачивавшихся на влажной земле и шипевших при приближении спутников, ядовитых пауков, сплетавших свою паутину между деревьями (но, к облегчению Раммара и Бальбока, все они были не крупнее кролика).

Все же ближе к вечеру — лес уже погрузился во тьму — произошло крайне жуткое событие.

Усталые и обессиленные от продолжительного перехода, орки и охотник за головами брели за эльфийкой, когда та внезапно остановилась, запрокинула голову, закрыла глаза, а потом прошептала одно-единственное слово:

— Опасность!

В следующий миг Бальбок учуял его — едкий запах смерти и разложения.

Внезапно всем показалось, что гигантская пасть проглотила заходящее солнце, и путников накрыла темная тень. Осколки кроваво-красного закатного неба, то и дело проглядывавшего сквозь кроны деревьев, внезапно пропали, воздух наполнился глухим шумом.

Звук усилился, и орки и их спутники почувствовали, как над ними что-то пронеслось; *нечто*, скользившее по воздуху на гигантский крыльях.

Смертельный страх ледяной лапой схватил Раммара, опустился в грудь, побродил там и наконец добрался до самого сердца. Толстый орк издал мученический вздох, в панике уставившись на темное небо, где вдруг завизжало гигантское, угрожающее *нечто*.

Раммар раскрыл пасть, хотел вырычать свой страх — но прежде чем из его горла вырвался звук, прилетела лапа Бальбока и запечатала брату рот.

— Тихо! — прошипела Аланна. — Если оно нас услышит, мы пропали...

Раммар заметил, что на лбу у него выступил пот, но понял, что должен сохранять спокойствие, пусть даже это и нелегко. Потому что присутствие этого... *чего-то* (чем бы оно ни было) заставляло его чувствовать себя беспомощным и еще более трусливым, чем когда-либо. Никогда в жизни — ни при нападении гномов, ни в битве против гигантского паука, ни когда скрестил оружие с берсеркером, даже тогда, когда Ледяная река едва не проглотила их, орк не испытывал подобного страха. Словно раскаленное железо этот страх вгрызался в остатки разума и, казалось, уничтожал там все, пока Раммар не остался один, одинокий, голый и беззащитный.

Хотя Бальбок все еще прижимал лапу ко рту брата, Раммару удалось обернуться, чтобы в полутьме увидеть лица своих товарищей — и, судя по всему, они чувствовали себя не лучше, чем он.

У Бальбока вытянулась лицо, щеки ввалились, а глаза едва не выкатились из глазниц. Корвин обеспокоенно сдвинул брови, лоб прорезали морщины. Даже эльфийка — по крайней мере, так показалось Раммару — немного растеряла свою самоуверенность; вроде бы ужасы Тровны были нацелены не на нее, а только на ее спутников, но кто мог сказать, понимало ли *нечто*, чем бы оно там ни было, эту тонкую разницу?

Проходили мгновения, казавшиеся четверым спутникам вечностью. Угрожающий шум висел над ними, становясь то тише, то громче, — и вдруг тень исчезла, и снова над деревьями показался мрачный красный закат.

Осталась какая-то бездыханная тишина, даже лес со всеми своими постоянными рожденьями и смертями умолк: не стало слышно скрипа деревьев, жуткие создания, сновавшие невидимками в густом подлеске, замолчали, шепот и шушуканье ветра стихло. И только по прошествии времени лес вернулся к своей привычной жизни, а Раммар обрел дар речи.

— Что это, черт возьми, было? — тихо спросил он.

— Не знаю, — ответила Аланна. — Лес Тровны скрывает в себе множество тайн, некоторые из них — настолько древние и ужасные, что их не помнит даже мой народ.

— Проклятье! — заворчал толстый орк. — Я едва не обшноршился.

— Я тоже, — хрипло прошептал Корвин.

Они переглянулись, начиная понимать, что проявили друг перед другом слабинку. У Раммара на языке уже вертелось насмешливое замечание, но он проглотил его вместе с горьким привкусом, оставшимся после жуткого события.

— Что мы теперь будем делать? — обратился он к Аланне.

— Мы останемся здесь и разобьем лагерь, — решила эльфийка. Эта тень, это странное *нечто*, казалось, обеспокоило и ее; возможно, даже больше, чем эльфийка хотела признать. — Это создание еще здесь, неподалеку, — только и сказала она. — Если мы двинемся дальше, то существует опасность быть обнаруженными. Кроме того, скоро совсем стемнеет.

Ни один из трех сопровождающих ее не возражал; если уж эльфийка не горела желанием идти через лес по темноте, то орки и охотник за головами — и подавно. Достаточно того, что мерзкие создания Тровны буйствуют днем; страшно представить, что может случиться с наступлением ночи!

Поскольку путники договаривались, что Корвин будет дежурить первым, Раммар и Бальбок могли прилечь, хотя понимали, что нелегко будет заснуть после всего пережитого. Раммар был уверен, что ему будут сниться ненасытные тролли и огромные тени, если вот только...

— Как насчет костра? — спросил он.

— Не этой ночью, — покачала головой Аланна. — Это может привлечь ту тварь. Вот это, — она взяла палку, наклонилась и очертила круг вокруг их временного пристанища, — будет защищать нас целую ночь и отгонять зло.

— Как скажешь. — Раммар был настроен скептически. А про себя подумал, что лучше уже пусть их охраняет эльфийское колдовство, чем вообще ничего. Бальбок тоже отнесся к происходящему равнодушно.

Эльфийка улеглась на мягкий мох, в то время как орки устроили себе ложе из пожухлой листвы.

— Проклятье, — проворчал Корвин. — Воняет. Неужели вам, несчастные, обязательно все время валяться в грязи и гнили?

— А что ты имеешь против этого? — удивленно спросил Бальбок. — Грязь и гниль — это очень полезно.

— Может быть, для орка это и так, — мрачно ответил охотник за головами, — а меня от этого тошнит. Надо было убить тебя, когда была возможность. А лучше всего было оставить вас в лагере гномов.

— Не тебе решать это, — напомнила Аланна.

— Точно, иначе этих вонючек здесь бы не было, — продолжал бурчать Корвин. — Причем совершенно же ясно, почему на нас напал тролль и почему нами заинтересовалась эта странная живая тень — это все орки виноваты!

— Это, значит, *мы* виноваты? — возмущенно спросил Раммар. — Это еще почему?

— Потому что вы — порождения зла, вот почему. Стражи леса чувствуют ваше присутствие и пытаются вас задержать. Если бы мы с эльфийкой были одни, мы, наверное, давно бы уже добрались до Тиргас Лана.

— Ошибаешься, — сказала Аланна, прежде чем Раммар успел что-либо ответить. — Орки здесь ни при чем, Корвин.

— Что? Но ведь...

— Разве ты не помнишь, что я говорила о Тровне? Лес рассматривает как незваного гостя *каждого*, и не важно, идет ли речь о человеке, орке или еще о ком-нибудь. Только Хранительница карты может спокойно пройти через лес. Так записано в пророчестве Фаравина.

— Этого еще не хватало, — застонал Корвин. — Сделай милость, избавь меня от пророчеств. Я не хочу знать, что нас ждет впереди.

Аланна улыбнулась, а затем спросила:

— Знаешь, что я думаю?

— Что?

— Я думаю, что на самом деле — ты очень пугливое существо, Корвин. И в этом страхе кроется причина твоего враждебного поведения.

— Ерунда!

— Это не ерунда, и ты это знаешь. Хотя тебе это и не нравится, Корвин, — ты всего лишь человек, а людям свойственно бояться. И если тебя это успокоит, то я тоже испугалась, когда это существо принялось кружить над нами, хотя я и Хранительница.

— Не повезло тебе, — пожал плечами Корвин. — В любом случае, я не боюсь. Ни этой твари, ни чего-либо еще.

— Упрямец! Почему не хочешь признать этого?
— Потому что нечего здесь признавать, вот почему.
— Это неправда! Я чувствую твой страх, и чувствую, что за ним кроется нечто большее — грусть и тоска...

— Эльфийка! — угрожающе зарычал охотник за головами. — Я был бы тебе очень признателен, если бы ты оставила все это при себе...

— Ты научился как следует прятать свою боль, но она не ушла. Пока ты не выйдешь против нее, ты никогда не справишься с ней.

— Спасибо, — проворчал он. — Еще будут мудрые советы?

— Ну почему ты меня не слушаешь? Я хочу помочь.

— Это очень по-дружески с твоей стороны, но помощь мне не нужна.

— Глупец!

— Высокомерная девка!

— Грубиян!

— Наглая, отвратительная...

Раммар и Бальбок немало удивились — эльфийка и охотник за головами осыпали друг друга ругательствами не хуже двух орков. При этом Раммар понимал, почему они оба так себя ведут, но по какой-то причине эта мысль ему совершенно не нравилась.

Чтобы спорщики своими криками не привлекли внимания жуткой живой тени, он решил вмешаться.

— Скажите-ка, вы, двое, — зашипел он, — к чему это глупое токование?

— Токование? — переспросил Корвин, уставившись на него.

— Ну конечно, — проворчал орк. — Ясно же, что ты положил на эльфийку глаз, а эльфийка странным образом находит тебя не настолько отталкивающим, каким ты являешься на самом деле.

— Это... это чушь! — беспомощно возразил Корвин, но взгляд, которым он обменялся с Аланной, доказал Раммару, что он попал не в бровь, а в глаз.

— Вместо того чтобы ругаться, — продолжал орк, — лучше займитесь этим сразу же, здесь и сейчас. Тогда все будет позади.

— Что ты имеешь в виду? — спросил неприятно пораженный Корвин.

— Что мы должны сделать? — покраснев, спросила Аланна.

— Ну что же еще? — грязно улыбнулся орк.

— Ты... ты имеешь в виду?..

Раммар кивнул.

— Лучше всего сделать это вон в той луже. Вам наверняка придет в голову кое-что забавное.

— Что именно? — спросил Бальбок.

— Молчи! — пробурчал Раммар.

— Я правильно поняла? — удивленно переспросила Аланна. — Ты... ты не только подталкиваешь нас к тому, чтобы совершить любовный акт, но мы еще при этом должны вываливаться в грязи?

— Так, как поступают орки, — подтвердил Раммар, и его ухмылка стала еще более отвратительной.

— Ах ты, мерзкое создание! — воскликнула она. — Как ты посмел поливать грязью такой возвышенный акт?

— Не поливать, — поправил орк. — О поливании речи не было.

— Неужели же у тебя нет тонких чувств? — возмутилась эльфийка.

— Конечно же, нет, — сказал Корвин. — Он — орк, а орки следуют только своим инстинктам.

— В таком деле это совершенно логично, — заявил Раммар, по-прежнему ухмыляясь во весь рот.

— Это низкие, омерзительные инстинкты. — Черты лица Аланны исказило презрение.

— Вот именно, — согласился с ней Корвин. — Они — примитивные дикари и никогда не изменятся.

Охотник за головами и эльфийка вдруг снова пришли к единому мнению. Их ссора была забыта — ничего другого Раммар и не добивался.

— *Корр*, итак, я — примитивный дикарь, — пробормотал он. — Они тут токуют так, что даже у орка уши вянут, а примитивный дикарь в итоге — я. Ты понял, Бальбок?

— Нет, — ответил ему брат, неподвижно лежавший на спине. — Я вообще ничего не понимаю. Я голоден.

— Я тоже. В этом проклятом лесу нет ничего, кроме жестких корешков и крошечных грибов. Они мне уже поперек горла стоят.

— И мне тоже. Стоит только подумать о большом котле засорителя желудка...

— Заткнись! — прорычал Раммар.

— Не могу. Вот он опять у меня перед глазами: огромный котел с глазами змей и кишками гномов, и...

— Заткнись! — сказал Раммар, на этот раз энергичнее, и Бальбок действительно замолчал. Но по его блестящим глазам было ясно, что он продолжает представлять себе вкусы, которые еще могут быть в котле.

— В одном я тебе клянусь, Раммар, — проговорил он снова. — Если мы когда-нибудь отсюда выберемся, я возьму самый большой котел, который ты когда-либо видел, и приготовлю самый лучший засоритель желудка, который ты когда-либо ел. *Корр*?

Раммар вздохнул — что еще можно на это ответить?

— *Корр*, — тихо сказал он.

4. Боль ур'сул'хай-коул

Узкие и острые, словно лезвия мечей, корабли эльфов рассекали быстрину Восточной реки. Движимым вперед равномерными ударами весел, четырем триерам понадобилось всего несколько дней для того, чтобы достичь той местности у подножия Черногорья, где Восточная и Западная реки сливались в один поток, испокон веку служивший естественной границей между Гнилыми землями и Эльфийской империей, отсюда же происходило его название — *гландуин* называли его на своем языке эльфы, *абхаймкроиаш* — орки, Граничной рекой — люди.

Меж мрачными серыми склонами Черногорья Граничная поворачивала к угрожающей зеленой ленте леса Тровны, устремляясь к северу через мертвые Ничейные земли, где солнце было редким гостем. Серые тучи — остатки бури, которая бушевала дальше на востоке, — затянули небо темной пеленой, подобной той, что накрыла сердце Лорето.

С тяжестью в душе стоял эльфийский князь на носу корабля, возглавлявшего флотилию. Носовая фигура, представлявшая собой шею и голову лебедя, величественно рассекала волны, почти бесшумно расступавшиеся перед острой, словно нож, носовой частью корабля; слышен был только плеск весел, погружающихся в воду и снова вздымающихся.

Трижды по тридцать гребцов с каждой стороны корабля заботились о том, чтобы они двигались по течению с бешеной скоростью — слишком быстро, как для Лорето.

Сам он не торопился достичь равнины Скарии — пустынной земли, лежавшей когда-то в сердце Эльфийского царства. Ему было непонятно, зачем его предки отдали жизни за то, чтобы оспорить этот безрадостный клочок у сил зла; по его мнению, территории к востоку от Гнилых земель можно было спокойно оставить темным. Более того: надо было отдать им в придачу и все Землемирье.

Лорето никогда не понимал, что такого нашел его народ в смертных. Их глупость и жадность — в первую очередь, человеческая, — были просто безграничны, и ни разу еще люди не отплатили доблестью и преданностью за все то добро, которое сделали им эльфы. Если бы Лорето мог решать, его народ давным-давно покинул бы *амбер* и отправился в

поисках счастья и удовлетворения на Дальние Берега.

И все же судьба оказалась достаточно милосердной для того, чтобы позволить ему жить во времена битв с темными. Даже среди отъявленных идеалистов его народа постепенно начинает наступать прозрение. Эльфы осознали, что впустую потратили время, что лучше всего предоставить людей и карликов, орков и гномов самим себе и наконец вернуться туда, откуда они в свое время пришли.

Такое отрезвление имело, конечно же, свои минусы. У Лорето сердце обливалось кровью, когда он думал о том, что корабль, на котором он должен был отправиться к Дальним Берегам, ушел без него и что председатель Высокого Совета занял его место, в то время как сам Лорето вынужден заниматься этой миссией.

Куда же подевались старые ценности?

Лорето проклинал Айлонвира за дерзость и поймал себя на том, что его посещают мысли, недостойные эльфийского князя. Дело было не только в том, что старейшина совета вынудил его остаться, в то время как сам отплыл к Дальним Берегам; он еще и принуждал его вновь увидаться с Аланной, что было едва ли не хуже. Именно встречи со жрицей Лорето стремился избежать, именно по этой причине и послал возлюбленной письмо, в котором объяснял, что между ними все кончено и он будет искать свое счастье в новом мире.

Он не хотел смотреть на ее преисполненное ужаса лицо, видеть слезы разочарования и отчаяния. Так было гораздо легче сохранить чистую совесть, которая являлась обязательным условием для всех желающих ступить на Дальние Берега. Тех же, у кого совесть была нечиста, хранители острова отправляли назад.

Но все сложилось иначе: Аланна была похищена из Шакары, и в поручение Лорето не входило собственно вызволять ее из плена чудовищ. Нет, указания Айлонвира на этот счет были однозначны: необходимо *любой ценой* помешать Верховной выдать тайну — даже если это будет означать навеки запечатать ее уста!

При мысли об этом Лорето содрогнулся. Сможет ли он это сделать? Достаточно ли его верности Айлонвиру и Совету для того, чтобы совершить убийство?

Эльфийский князь решительно покачал головой.

Вопрос стоит не так.

Он получил приказание Высокого Совета и должен его выполнить, и не ему рассуждать о его правильности. Если Аланна действительно сотрудничает с врагом и хочет выдать тайну, которую хранила на протяжении целой жизни, то она заслуживает смерти — и он, Лорето, при этом всего лишь орудие в руках справедливости. Если он исполнит желание Высокого Совета к его вящему удовлетворению, то окажется на борту следующего корабля, который покинет гавань Тиргас Дуна.

Речь шла только об этом.

Цель — Дальние Берега.

Стены Тиргас Лана так неожиданно вынырнули из зелени древнего леса, что путешественники остановились как вкопанные.

Невидимая тропа, казалось, потерялась в зарослях и лианах, но в следующий миг завеса из мха и зеленых листьев расступилась, словно по волшебству, открывая самое огромное и невероятное из всего, что когда-либо доводилось видеть Раммару и Бальбоку.

Ни одна крепость орков, какой бы величественной и мрачной она ни была, не могла сравниться с Тиргас Ланом: стены, такие огромные и нерушимые, что дух захватывало, возвышались прямо перед ними, увенчанные изящными зубцами. За ними возвышались башни, вершины которых частично разрушило время; некогда над ними трепетали флаги, возвещая о власти эльфов, — теперь же остались только пустые флагштоки, словно костлявые пальцы, указывавшие в небо.

Камни стен были черны и испещрены трещинами; своей пористой поверхностью они напоминали губки. Должно быть, это поработал огонь, самый горячий из всего, что когда-либо могли бы разжечь орки или люди.

Вся крепость, казалось, была покрыта черной смолой, а там, где лес принялся отвоевывать территорию, буяли мхи и корни ползли вверх по стенам, а с башен свисали лианы. Казалось, что лес хочет задушить крепость: со всех сторон напирал зеленый поток, будто стремясь уничтожить творение эльфов и заставить забыть о нем навсегда.

— Клянусь червями в кишках Торги! — задыхаясь, выдавил Раммар. — Это действительно самая большая крепость, которую когда-либо возводили в *сохгале* !

— Для разнообразия соглашусь с тобой, орочья морда, — поддакнул ему не менее пораженный Корвин.

— Это Тиргас Лан, — сказала Аланна, — древний город королей, город-крепость, который некогда был центром Эльфийского царства.

Даже в ее обычно таком спокойном голосе сквозило удивление. Впервые в жизни Верховная жрица Шакары видела крепость, защите которой была посвящена вся ее жизнь до сегодняшнего дня. Зубы времени разрушили стены и башни, но над крепостью все еще витал дух былой силы.

— Фаравин, — благоговейно прошептала Аланна. — Вот здесь и состоялась последняя битва с Маргоком. Здесь в последний раз встретились защитники Добра и слуги Хаоса. Их кровь напитала эту землю, и из этого семени вырос лес Тровны.

— Неудивительно, — прокомментировал Бальбок, — что в этом проклятом лесу так много паразитов.

— А почему камень такой ломкий? — поинтересовался Бальбок.

— Не позволяй глазам обманывать тебя, о мой простодушный спутник, — посоветовала ему эльфийка. — Стены Тиргас Лана устояли и в драконовом пламени, и перед черной магией, и все еще нерушимы. Даже страсть орков к уничтожению не смогла повредить их.

— Это мы еще посмотрим, — упрямо проворчал Раммар. — На вид оно все такое хрупкое, что мне достаточно только как следует ударить!

— Как я уже говорила, не верь глазам своим, — напомнила эльфийка. — В пророчестве Фаравина сказано, что те, кто желает войти в Тиргас Лан, не будучи Избранными, никогда не смогут попасть в крепость.

— К чему эти речи? — заворчал Раммар. — Где вход? Я покажу тебе...

— Вход долго искать не придется, — перебил его Корвин. — Мы сплетем из лиан канат и просто перелезем через стену.

— Не советую, — заметила Аланна.

— Почему не советуешь?

— Вот уже много столетий никто не входил в Сокрытый Город. Над ним лежит проклятие, которое падет только тогда, когда Избранный откроет Великие Врата. Тогда падет и проклятие, тяготеющее над лесом. Врата — единственный путь внутрь древнего города. Любая другая попытка проникнуть туда окончится смертельным исходом.

— Ну ладно, — проворчал Корвин. — И где эти ворота?

— Где-то здесь, если идти вдоль этой стены, — предположила эльфийка. — Предлагаю разделиться. Орки пойдут налево, мы с Корвином направо. Тот, кто первым найдет Врата, подождет остальных.

— Еще чего, — возразил Раммар. — Не такие мы дурные. Ты ведь священнослужительница Шакары, знаешь здесь все вдоль и поперек. Как только вы найдете Врата, ты откроешь их и улизнешь с молочнолицым, а мы с братом останемся с носом.

— Нет, я...

— Я скажу тебе, эльфийка, как мы поступим — мы не разделимся, нравится это вам или нет.

Аланна вздохнула и бросила на Корвина полный сожаления взгляд, говоривший, что она не имела ничего против того, чтобы немного побыть с ним наедине. Но все же согласилась, да и охотнику за головами было нечего возразить — возможно, потому, что таким образом он мог следить за орками.

Двигаясь вдоль заросшей пышной зеленью стены, простиравшейся по левую руку от них, четверо спутников начали поиски входа в город-крепость.

По дороге Раммар постепенно понял, почему Тиргас Лан был одновременно и крепостью, и городом. Сооружение было укреплено, словно замок, вокруг него были высокие стены и защитные сооружения; а размеры их были настолько огромны, что внутри помещался целый город. В стене через равные промежутки располагались башни, выступавшие плавными полукружьями, камни, из которых они были сложены, тоже были черны и пористы. По верху высокой стены шли острые зубцы, и Раммар даже начал опасаться, что оттуда, сверху, их обстреляют.

Аланна возглавляла небольшой отряд. Говорили мало, лишь осторожно озирались. Что-то изменилось: рядом со стеной не чувствовалось ветра, вездесущие шорохи леса смолкли.

— Клянусь темным пламенем Курула! — раздраженно ворчал Раммар себе под нос. — Похоже, все живущие в этом лесу существа достаточно умны для того, чтобы держаться от этой стены подальше. И только нам обязательно нужно сунуть сюда свой нос.

— Тебя никто не заставляет, орк! — ухмыльнулся Корвин. — Можешь оставаться снаружи, и сокровища Тиргас Лана достанутся мне.

Раммар презрительно сплюнул.

— Я скорее сам, безоружный, сражусь с лесным троллем, чем предоставлю этот триумф тебе, жалкий ты...

По другую сторону стены вдруг раздался звук, заставивший всех содрогнуться: протяжный нечеловеческий стон, сопровождаемый хриплым сопением.

— Поосторожнее со словами, орк, — тихо произнесла Аланна. — Они очень легко могут исполниться...

Раммар решил помолчать и взять пример с брата, который двигался позади с каменным лицом. Ему снова показалось, что Бальбока ничто не может вывести из равновесия, и Раммар спросил себя, откуда у его недалекого брата такое спокойствие. Они ведь совсем рядом с сокровищем, из-за которого проделали весь этот долгий путь по равнине Скарии, через лес Тровны, где повсюду таятся смертельные опасности.

Но сначала спутники нашли именно то, что искали: меж двумя высокими, гордыми башнями, соединенными в вышине огражденным зубцами мостиком, находились Врата — гигантское сооружение, в створках которых были выгравированы руны древнего эльфийского письма.

— Злой ты мой орк, — нарушил свое молчание Бальбок, удивленно глядя на Врата. — Если уже ворота такие большие, то какова же толщина стены?

— Тиргас Лан звался когда-то жемчужиной Эльфийского царства, — пояснила Аланна. — Это было самое роскошное место, которое когда-либо видели в *амбере*, с наполненными светом залами, цветущими садами и колоннадами, где можно было бродить одному, если хотелось...

— Ба! — заметил Бальбок, скривившись. — Повсюду свет и краски. Ужас какой-то.

— Не беспокойся, — сказала Аланна, и в ее голосе проскользнула горечь. — Ничего из этого не сохранилось. Здесь, у этих Врат было некогда совершено позорное предательство, и существа, подобные тебе и твоему брату, утопили блеск и гордость Тиргас Лана в огне и крови.

— *Корр*, — восхищенно согласился Бальбок, — где проходит наш брат орк, не скоро вырастает что-нибудь новое. Думаю, нам нужно...

Он умолк, когда Раммар изо всех сил ударил его локтем под ребра. Даже толстый орк считал нетактичным прославлять кровавые деяния их предков именно здесь. На лице Аланны отчетливо читалось смущение, и по какой-то непонятной причине Раммар не хотел причинять ей боль.

— Как открыть ворота? — спросил он, чтобы сменить тему.

Аланна задумчиво посмотрела на закрытые Врата, на треть поросшие мхом и корнями. Казалось, эльфийка перенеслась на короткий миг в другое место, в другое время.

Корвин вернул ее в реальность, мягко опустив свою руку на ее плечо.

— Орк о чем-то спросил тебя, — напомнил он, не затем, чтобы сделать приятное Раммару, но потому, что ему самому не терпелось войти в Сокрытый Город.

— Я знаю, — тихо ответила она. — Я давно уже ответила: возможности открыть Врата снаружи нет. На них лежит проклятие, и оно пропустит только того, кто избран для этого судьбой.

— Тебя, — предположил Раммар. — Ты ведь Хранительница тайны. Лес показал тебе дорогу сюда, поэтому тебе и ворота откроют.

— Возможно, — кивнула Аланна. — Но может быть и так, что путь Хранительницы оканчивается здесь.

— Существует только одна возможность проверить, — с ухмылкой заявил Раммар и, словно придворный, пропускающий свою госпожу, склонился и развел лапы в пригласительном жесте.

Аланна глубоко вздохнула. Казалось, ей стоило некоторых усилий приблизиться к Вратам — как будто невидимые руки хотели ее от этого удержать. На самом же деле, подумал Раммар, эльфийку мучит совесть. Она ведь сейчас предает последние триста лет своей жизни, а это — по крайней мере, так думал Раммар, — даже для эльфов немалое время.

Аланна подошла к магическим Вратам, перед которыми ее светящаяся фигурка показалась совсем крошечной. Казалось, эльфийку овеяло дыхание прошедших дней. Она застыла, закрыла глаза и раскинула руки.

— Это еще что такое? — прошептал Раммар. — Ну неужели эти эльфы не могут просто сделать что-то без продолжительной медитации?

— Заткнись! — прошипел Корвин. Охотник за головами не мог отвести взгляд от Аланны, и Раммар спросил себя, что заставляет человека так таращиться — жажда обладания сокровищами или жажда обладания эльфийкой?

На мягком, певучем эльфийском языке, при звуках которого у орков волосы на спине встали дыбом, Аланна произнесла несколько слов, которые не оказали никакого воздействия. Затем эльфийка возвысила голос и произнесла фразу громче, сопровождая ее эффектными жестами — но результат был тот же.

Великие Врата Тиргас Лана не открывались.

Аланна оглянулась, бросив на своих спутников через плечо неуверенный взгляд, в котором со всей ясностью читалось: она не знает, что делать дальше. Жрица предприняла еще одну попытку, положив на Врата руку — и на этот раз реакция последовала, хотя и не такая, как ожидалось.

Эльфийские руны, выгравированные на гигантских Вратах, внезапно засветились тем голубоватым светом, который Раммар и Бальбок уже видели в Шакаре. Спутники уже вновь начали обретать надежду, когда сияние внезапно собралось в молнию, вырвавшуюся из камня и ударившую в Аланну.

Эльфийка вскрикнула, отлетела назад и осталась, оглушенная, лежать на мху. Корвин тут же подскочил к ней.

— Аланна! С тобой все в порядке? — обеспокоенно воскликнул он.

— Д-думаю, да, — тихо ответила она, раненная не телом, а душой. — На миг я почувствовала нечто...

— Что ты имеешь в виду?

— Показалось, что Врата немного приоткрылись и кто-то оттуда выглянул. На меня посмотрели внимательно и сочли недостойной; все, как я и предполагала.

— Проклятье, — проворчал Корвин. — Что теперь?

Аланна печально покачала головой.

— Я не знаю.

— Минуточку, — упрямо сказал Бальбок, — мы так легко не сдадимся. Я ведь не затем шел по степи и по лесу, голодал, чтобы теперь капитулировать перед какими-то дурацкими воротами.

— Для орка ты говоришь на удивление разумно, — заметил Корвин. — Но что нам теперь предпринять?

— Что же еще? — ответил Бальбок и злобно зарычал. — Открывать эту чертову штуку, конечно же!

Зажав в лапах секиру, он, сопя от ярости, потопал к Вратам, преисполненный решимости изрубить их на тысячу кусков. Раммар держался поодаль. Толстеный орк опасался, что брат уложит его в приступе *саобха* — коротконогий полагал, что будет лучше, если брата поразит молния, чем его самого поразит Бальбокова секира.

По мере приближения к Вратам, Бальбок ускорил шаг, пригнул голову и уже хотел было с хриплым криком броситься на них — бесполезная затея, как прокомментировала все это, нахмурившись, Аланна, а Корвин сделал недвусмысленный жест. Раммар тоже подумал, что брат слишком долго питался ягодами и крошечными грибочками, и из-за этого потерял рассудок.

— Во имя темного пламени Курула! — зарычал Бальбок что было сил и в следующий миг с разбегу врезался во Врата.

Раздался какой-то пустой и глухой звук: Врата, конечно же, несколько не сдвинулись. Зато Бальбок отлетел назад и, оглушенный, зашатался, но ярость его не утихла.

— Ну, погоди, дрянь такая! — крикнул он. — Было бы смешно, если бы я не достал тебя! — И, подняв секиру, снова устремился вперед и ударился о Врата.

Взметнулся сноп искр, когда острое лезвие секиры ударилось о створки, но даже царапины не осталось на них. Бальбок ударил еще раз, и еще — и оно наконец поддалось — не Врата, конечно же, а с треском лопнувшее лезвие секиры.

С проклятием на губах, Бальбок отшвырнул бесполезные остатки оружия в сторону. Его ярость только усилилась. Взбешенный, он подскочил ко Вратам и замолотил по ним голыми лапами — жалкое зрелище, и Раммар решил прекратить его — Охотник за головами и эльфийка и так уже были совсем невысокого мнения об орках, и без того, чтобы Бальбок бушевал, словно безумный.

— Что ты делаешь, *умбал*? — крикнул Раммар, топая к брату. — Неужели обязательно доказывать всему свету, что мы, орки, не способны ни на что, кроме...

Он вдруг умолк, потому что надпись на Вратах снова засветилась голубым светом. Ожидая, что из них вылетит молния, которая вполне может попасть в него, Раммар бросился на землю.

Но все вышло иначе.

Сияние стало еще более интенсивным, наполнило Врата, стало настолько ярким, что четверо путешественников вынуждены были заслониться от него. Раздался мощный треск, и вдруг среди голубого сияния возникла черная щель. Она все расширялась и расширялась, и, точно так же, как в Шакаре, Врата открылись, словно по волшебству. Тяжелые створки со скрипом расходились в стороны, чтобы пропустить путников внутрь Сокрытого Города.

— Ну наконец-то! — воскликнул Бальбок, подпрыгивая. — Самое время!

Раммар, не веря своим глазам, поднялся и, моргая, уставился на Врата. Корвин и Аланна недоверчиво приблизились, не понимая, что происходит.

— Н-но это же невозможно! — выдохнула эльфийка. — Орк не может открыть Врата в Тиргас Лан.

Удивление Аланны помогло Раммару преодолеть свое собственное.

— А почему нет? — воскликнул он. — Ты просто от нас этого не ожидала, да?

— Точно так же, как и в Шакаре, — прошептала Аланна, наблюдая за тем, как Врата полностью открылись. Сияние померкло, стали видны башни и здания, вздымавшиеся по ту сторону Врат. — Вы и Врата Фаравина открыли.

— Неплохо, да? — оскалился Раммар, хотя ему было не совсем ясно, что именно так удивляет эльфийку. Бальбок *открыл* ворота — ну и что? Если ему это удалось, значит, не так уж это было и трудно...

Нерешительно, словно все еще не в силах до конца поверить в происходящее, эльфийка

и охотник за головами подошли ближе. Глаза Корвина сверкали от жадности, смешанной с некоторой долей зависти. То, что именно его заклятым врагам удалось открыть вход в Сокрытый Город, ему совершенно не нравилось, что еще больше обрадовало Раммара. Коротконогий снизошел до того, чтобы по-приятельски похлопать брата по груди.

— Неплохо, Бальбок, должен признать, это было совсем неплохо. Хотя я, конечно же, тоже смог бы.

— Думаешь? — с сомнением поглядел на него Бальбок.

— Собачья лапа! — возмущенно воскликнул Раммар. — Ты что же, не веришь в это?

Бальбок покачал головой.

— Я только спрашиваю себя, почему же ты тогда этого не сделал.

— Как это на тебя похоже! — Раммар сердито топнул ногой. — Я разок дал тебе шанс, а ты опять жалуешься. Когда же ты будешь, наконец, доволен?

— Когда я завладею сокровищем Тиргас Лана, — ответил Корвин, хотя его никто не спрашивал.

Охотник за головами и эльфийка подошли ближе, и теперь вся четверка стояла у входа в город, в который никто не входил на протяжении многих веков. Прямо за Вратами находился большой зал, в котором некогда несли службу стражи города; за ним начиналась широкая улица, как можно было увидеть через вторые, открытые ворота. По обеим сторонам улицы высились здания с высокими арками и колоннами, тоже из почерневшего, как и стены крепости, камня.

— Чего вы ждете? — подталкивал их Корвин с мечом в руке.

— Этого... этого не может быть, — бормотала Аланна, которая не могла прийти в себя. — Никто, кроме Избранного, не может открыть Врата Тиргас Лана. Так сказано в пророчестве.

— Ну, что ж, — не без гордости заявил Раммар, — в таком случае получается, что кто-то из нас — Избранный.

Эльфийка устремила на орка уничтожающий взгляд, и голосом, от которого тот содрогнулся, выкрикнула:

— Примитивный дурак! Да что ты понимаешь? С такими вещами не шутят!

— А я и не собирался шутить, — заверил ее Раммар. — Давайте заберем наконец это чертово сокровище и уберемся.

— Я того же мнения, — согласился с ним Корвин.

— Бальбок?

— Я готов, — заверил хudoщавый орк.

— Итак, в путь, — проворчал Корвин, входя во Врата. — За Марену.

— За истину, — сказала Аланна и последовала за ним.

Раммар и Бальбок переглянулись.

— За нас, — одновременно произнесли они.

А затем вступили в Сокрытый Город.

Ортмар фон Бут, сын Ортвина, находился в дурном расположении духа. Жалкие орки и охотник за головами ушли от него, и все указывало на то, что бежать им помогла эльфийка.

Что это могло означать, предводитель карликов понять не мог. Он знал одно: нужно вернуть эльфийку, потому что она была единственной, кто знал дорогу к сокровищу, и он зажарит орков и человека живьем, как только их поймает.

Ортмару было ясно, что они повернули на юг, к лесу Тровны, поэтому он со своими людьми тоже отправился в южном направлении. На берегу реки они обнаружили украденную лодку, оставили рядом собственные лодки и последовали за беглецами пешком, подгоняемые жадной мести и жадностью; Ортмар не был бы сыном старого фон Бута, если бы возможность завладеть сокровищем неслыханной ценности оставила его равнодушным.

На скудной степной земле следы были почти не видны, но, зная, что беглецы направляются в лес Тровны, карлики просто направились на юг, навстречу темно-зеленой

полосе, появившейся далеко на горизонте.

До тех пор, пока у них не появились гости...

— Ортмар, — сказал Талин, шедший рядом во главе каравана. — Посмотри туда!

Тот проследил взглядом за рукой заместителя, указывавшей на запад. Там, по другую сторону скудной равнины, вздымались острые хребты Черногорья. Но внимание Талина привлекли не далекие горы, а блики, едва различимые в слабом дневном свете, и облако пыли, окутывающее эти блики.

— Кто-то идет, — добавил Талин, хотя это было излишним.

— И не один, — проворчал Ортмар. — Это, черт возьми, целое войско приближается!

Предводитель карликов опустился на колени и приложил ухо к пыльной земле. Услышанное заставило его содрогнуться, потому что это был топот сотен сапог. А абсолютно четкий ритм, который отбивали приближавшиеся к ним, позволял сделать только один вывод.

— Эльфы, — презрительно скривился Ортмар, поднимаясь.

— Эльфы? — Талин снова посмотрел на запад. Блики, свидетельствовавшие о наличии оружия и доспехов, стали ярче, и в пыли уже проступали очертания. — Но это же невозможно!

— Ты сомневаешься? Тогда сам послушай! — проворчал Ортмар. — С юности мне не доводилось слышать такой четкости движения в строю. Только эльфы во множестве могут идти как один.

Талин не собирался оспаривать слова Ортмара. С одной стороны, предводитель карликов был известен своим тонким слухом, а с другой стороны, воздержаться от пререканий было полезнее для здоровья. И в особенности тогда, когда сын Ортвина находился в столь скверном расположении духа, как сегодня.

— Проклятье! — проворчал предводитель в бороду, а те немногие части лица, которые борода не скрывала, тем временем налились краской. — Этого мне еще не хватало. Сотни лет не видывали эльфов в *дурумине*, и вот именно сейчас им приспичило вернуться!

— А ты не думаешь, что это может быть связано с похищением священнослужительницы? — обеспокоенно спросил Талин.

— Да ну, быть не может, — скривился Ортмар. — Они просто вышли прогуляться, ноги поразмять.

А затем взорвался:

— Конечно, это связано с похищением жрицы, дурень! Они хотят освободить ее, чтобы никто не добрался до сокровища! Но у сына Ортвина не отнять того, на что он положил глаз!

— Что ты задумал? До леса еще далеко, а эльфы передвигаются чертовски быстро. Они нагонят нас прежде, чем мы доберемся до леса.

— Ты же не думаешь, что я побегу перед горсткой эльфов? — заворчал Ортмар, вонзая острие своей секиры в землю. Опираясь на оружие, предводитель карликов спокойно смотрел на приближающийся отряд эльфов.

— Что ты собираешься делать?

— А что мне остается? — широко ухмыльнулся Ортмар. — Торговаться и выторговать для нас самое лучшее, как всегда.

На это возразить было нечего, и, хотя остальные карлики заметно нервничали, они стали ждать, сгорая от нетерпения узнать, что выторгует для них предводитель. В прошлом у отряда не было оснований жаловаться на умение Ортмара договариваться (если не считать неудавшейся сделки с Мурилом Ганцваром).

Перед приближающейся армией, чей топот уже доносился издалека, ехал конный авангард; он остановился перед группой бородачей. Эльфы придержали своих крупных, стройных животных, выглядевших не менее высокомерно, чем их наездники, и с нескрываемым презрением поглядели вниз, на карликов.

— Кто вы? — спросил Ортмара один из эльфийских воинов; у всех были широкие

белые плащи, нагрудники из сверкающего серебра и шлемы с огромными белыми плюмажами, а на их пиках развевалось знамя Тиргас Дуна — и только у эльфа, который заговорил с карликом, плюмаж был голубым. — Объяснитесь, карлик, или вы покойник!

— Почему вы угрожаете мне, высокий господин? — вопросом на вопрос ответил Ортмар. Он стоял во главе своего отряда, поэтому эльф сразу разгадал в нем предводителя. Оба пользовались человеческим языком. — Разве местность к северу от Тровны не принадлежит всем народам? И разве не вы сами издали этот закон?

— Это верно, — ответил эльф, — но сейчас времена темные. Сейчас нам постоянно приходится быть настороже.

— Точно так же, как и нам. — Карлик слегка поклонился. — И все же смею вас заверить, что Ортмар фон Бут, сын Ортвина, ничего не замышляет против благородного народа Тиргас Дуна.

— Рад слышать это, — равнодушно ответил эльф. — Приветствую вас от имени князя Лорето.

— Вы — Лорето?

— Нет. Я — его полководец и заместитель. Называют меня Итель.

— Так скажите же мне, благородный господин Итель, почему князь Лорето сам не говорит со мной? Я такой же предводитель, как и он, к тому же благородного происхождения. Разве не подобает говорить равному с равным?

— Я — Лорето, — сказал кто-то, прежде чем полководец успел ответить. Ряды конников (Ортмар на скорую руку насчитал две дюжины) разделились, и к нему направил своего скакуна молодой эльф — хотя Ортмар знал, что впечатление может быть обманчиво. Парню вполне могло быть добрых пять сотен лет. Плюмаж на его шлеме тоже был голубым.

— Приветствую вас, князь Лорето, — восторженно произнес Ортмар и снова поклонился. — Позволительно ли задать вопрос, что ищет такое множество гордых воинов так далеко к северу от Тиргас Дуна?

— Позволительно, господин карлик, — спокойно произнес эльф, — но не ждите от меня ответа. Я не обязан отчитываться перед вами, дело наше не имеет к вам никакого отношения.

— Конечно нет, — покладисто поспешил заверить его Ортмар, и в глазах его заплясали хитрые искорки. — Возможно, это не имеет ничего общего с похищенной эльфийской священнослужительницей, с которой мы встречались...

Сын Ортвина наслаждался впечатлением, которое произвели на эльфов его слова. Сначала у князя Лорето просто вытянулось лицо, а затем расширились и узкие глаза.

— Вам... Вам известно о похищении?

— Полагаю, что так, — кивнул Ортмар.

— Откуда? — недовольно поинтересовался Лорето, и от взгляда карлика не укрылось, что спутники эльфийского князя угрожающе опустили пики.

Но Ортмар оставался спокойным.

— Откуда мне известно? — протянул он. — Все очень просто: еще совсем недавно священнослужительница была в нашей компании.

— Она была одна?

— Нет, конечно. С ней были два орка и человек, под власть которых она попала. Человек — дурной, преступный проходимец, который зарабатывает на жизнь как охотник за головами. — Ортмар демонстративно скривился — все знают, что эльфы не жалуют эту профессию. Даже в том случае, если она направлена против таких бесчестных существ, как орки...

— Понимаю, — спокойно произнес эльфийский князь; казалось, он уже преодолел свое первоначальное удивление. — И где они сейчас?

— А вот это, высокий господин, довольно печальная история, — ответил Ортмар, — и я не уверен, обязан ли я вам ее рассказывать.

— Говорите не колеблясь.

— Ну, хорошо, — согласился Ортмар, и после короткой паузы изложил эльфу свою версию событий. — Поскольку эльфийка находилась в плену у чудовищ, я приложил все усилия к тому, чтобы освободить ее. В славном бою мне удалось победить и взять в плен всех троих: орков и их господина-человека. Я намеревался казнить их на рассвете следующего дня, как издавна полагается у моего народа.

— И что?

— До этого дело не дошло, — раздраженно признался Ортмар. — Ночью пленникам удалось бежать. Должно быть, кто-то помог им — и я боюсь, что это была сама священнослужительница.

— Это невозможно!

— Все говорит в пользу этой версии. Кто-то нанес стражам удар сзади и разрезал пленникам пути — своими силами троица освободиться не могла.

— Значит, ее вынудили к этому!

— Кто бы мог это сделать? Трое пленников, которые должны были вот-вот принять смерть?

Больше эльфийский князь не возражал, и, хотя Ортмару никогда не доводилось практиковаться в чтении по безупречным лицам эльфов, он понял, что князю Лорето с трудом пришлось эту новость проглотить.

Об эльфийском сокровище и о том, что ему известно о Сокрытом Городе, Ортмар, конечно, не сказал, поскольку эльф явно не собирался играть в открытую.

— Эта священнослужительница... — начал Лорето.

— Аланна, — подсказал ему Ортмар.

— Тебе известно даже ее имя?

— Она сообщила мне его.

Снова размышления и беспокойство отразились на лице эльфа.

— Вы знаете, куда направились орки, человек и священнослужительница Аланна?

— На юг, князь Лорето. В этом и состоит причина того, что мы с моими людьми находимся здесь. Вот уже несколько дней мы идем по следу похитителей, чтобы привлечь их к ответу за их дела, но пока не сумели догнать их.

— Это изменится, — убежденно произнес эльфийский князь. — Под моими знаменами идут лучшие следопыты, самые меткие лучники и самые ловкие мечники моего народа. Вам удастся сделать то, что не удавалось до сих пор, а именно — догнать похитителей и захватить их в плен.

— Итак, вы признаете, что находитесь здесь из-за священнослужительницы? — спросил Ортмар, и снова глаза его хитро сверкнули.

— Мне не нужно признаваться вам в чем-то, — заявил Лорето. — Но вполне может быть, что у нас с вами одна цель, пусть и побудительные причины разные. Мне важно исключительно доброе здравие священнослужительницы — а вы, похоже, нацелены только на месть.

— Так оно и есть. Охотник за головами, о котором я говорил, мой давний враг, который в прошлом попортил мне немало крови. А для убийства орка и причин особых не нужно. Но неужели вы хотите сказать, что выступили таким войском только для того, чтобы помочь бабе? — Ортмар кивнул на войско эльфов, которое тем временем догнало авангард. Он быстро пересчитал их и пришел к выводу, что воинов было около тысячи.

— У нас свои причины, господин карлик, — ушел от ответа эльфийский князь. — Ничего более вам знать не нужно.

Ортмар ухмыльнулся.

— А вам нужно знать, что мы можем помочь вам в ваших поисках.

— Каким образом?

— Как я уже говорил, я знаю охотника за головами и его уловки. А также могу чутя этих проклятых орков за десять миль против ветра. Кроме того, я — последний, кто говорил с вашей священнослужительницей; возможно, она рассказала мне о том, что вам будет

интересно.

— О чем вы говорите?

— Всеу свое время, эльфийский князь, — заявил Ортмар. — Сын Ортвина не даст оставить себя в дураках.

— Что вы себе позволяете? — Лошадь Лорето почуяла ярость хозяина и нервно загарцевала на месте. — Разве вы не понимаете, что одного-единственного мановения моего пальца достаточно, чтобы вы и ваши люди упали наземь, пронзенные стрелами?

— Вполне возможно, но тогда вы никогда не узнаете, что сказала священнослужительница, прежде чем скрыться под покровом ночи.

Безупречные черты лица Лорето дрогнули, рот превратился в узкую щелочку. Его бесконечно злило, что какой-то карлик ставит ему условия, но миссия, которую он должен был выполнить, значила для него чересчур много.

— Ну что ж, — сказал он наконец. — Идемте с нами, раз вы так хотите. Помогите нам найти священнослужительницу, и мы одарим вас по-княжески.

— Иного от князя я и не ожидал, — с ухмылкой ответил Ортмар. — А охотник за головами?

— Забирайте его, если он вам так нужен — а священнослужительница и орки достанутся нам.

— Ничего не имею против, — солгал сын Ортвина (а между делом, подумал он, мы будем высматривать Сокрытый Город). Ну какой же карлик удовлетворится княжеской подачкой, если может завладеть целым сокровищем?

В целом же Ортмару было очевидно, что на самом деле эльфам важна не священнослужительница, а это сокровище. Иначе зачем еще посылать целое войско? И так, в той истории, которую рассказал ему толстый орк, похоже, что-то есть.

— Присоединяйтесь к нам! — крикнул полководец Итель карликам. — Но предупреждаю, темп марша из-за коротконогих карликов мы не сбросим.

— Не беспокойтесь, высокий господин, мы достаточно быстры, — заверил Ортмар и подмигнул Талину.

Когда речь шла о золоте и драгоценностях, потомкам Грутиана было не занимать усердия.

5. Корцоул ур'бас

Они шагали по древней главной улице Тиргас Лана. Некогда здесь ключом била жизнь, торговцы предлагали товары, по колоннадам прогуливались ученые в широких накидках, ломая голову над устройством космоса. Из переулков доносился гул голосов и звонкий смех, плескались фонтаны, подбрасывая вверх хрустально чистую воду, в которой отражалось солнце.

И ничего этого не осталось.

Улицы города опустели; казалось, здесь не было даже животных. Колодцы были запечатаны, а высокие окна напоминали пустые глазницы гигантских черепов; Раммар содрогнулся при мысли о том, что кто-то — или что-то — могло притаиться там, в темноте и, возможно, наблюдает за ними.

Караульное помещение осталось позади, четверка устремилась к цитадели королей. Она являлась центром крепости; от нее улицы разбегались лучами во все стороны, к башням, расположенным через равные промежутки в городской стене. Четкий геометрический порядок, типичный для всех эльфийских построек, все еще угадывался под буяющей зеленью, а Раммару и Бальбоку это было ненавистно, ведь орки находят эльфийское стремление к порядку отвратительным. От этой гармонии жутковатое чувство, охватившее обоих братьев при входе в Сокрытый Город, только усилилось.

В воздухе витал странный запах, возвещавший о смерти и разложении, и больше всего Раммару хотелось броситься прочь отсюда. Удерживали его от этого только две причины: с

одной стороны, он не хотел показать слабость перед человеком и эльфийкой, с другой стороны, его гнала вперед близость сокровищ.

С оружием на изготовку — Бальбок, разбивший секиру о Врата, позаимствовал у Корвина лук и стрелы — маленькая группа кралась мимо почерневших фасадов, и Раммара радовало то, что охотник за головами тоже чувствовал себя немного не в своей тарелке. Держа в руках меч, Корвин нервно оглядывался, готовый в любой миг отразить нападение.

Угроза, витавшая в воздухе, ощущалась почти физически, и только Аланна, казалось, не замечала ничего.

Эльфийка с удивлением озиралась по сторонам, то и дело обнаруживая вещи, знакомые ей по предсказанию Фаравина: колодец, ворота или статую, которую было уже почти что и не узнать, потому что ее покрывал толстый слой мха. Для беглой священнослужительницы постепенно подтверждалось все то, в чем она в последнее время сомневалась, и три сотни лет, проведенные в храме Шакары, вновь обретали смысл.

Они добрались до цитадели, выстроенной в форме огромного октагона, с огражденной зубцами башней на каждом из восьми углов. В центре поднимался большой каменный купол, окруженный восемью узкими башенками, благодаря которым он казался похожим на гигантскую корону. Ворота цитадели были распахнуты настежь и выжидающе глядели на пришельцев. За ними начиналась полная, непроглядная тьма.

— Разве это не великолепно? — в который раз спросила Аланна. — Все именно так, как описано в книгах Фаравина!

— *Kopp*, действительно великолепно, — с кислой миной пробормотал Раммар. — Я только вот спрашиваю себя, что может притаиться там, в темноте. Во всем городе прямо-таки воняет смертью и разложением.

— А я-то думал, оркам нравится запах смерти и разложения, — подколот его Корвин.

— Это точно, — подтвердил Раммар, — пока это не *моя* смерть и не *мое* разложение!

— Это действительно великолепно! — сама себе ответила Аланна, не слыша возражений спутников. — Из этой цитадели когда-то не только вырос город Тиргас Лан, но отсюда управляли всем Эльфийским царством мудрые и добрые правители, на достойных головах которых покоилась эльфийская корона.

— Эта корона была из золота? — сразу же заинтересовался Бальбок.

— Конечно, — подтвердила Аланна. — Кроме того, она была украшена самыми лучшими драгоценными камнями Империи. А почему тебя это интересует?

— Ну, как же, а вдруг эта штука еще здесь, — пожал плечами орк, — и потом, возможно, корона является частью сокровища, ради которого мы сюда и пришли. Разве не так?

Аланна не ответила — ее настолько восхищало это место с его славным прошлым, что даже грубая жадность орков не могла испортить ей настроение.

— Это было здесь, — то и дело шептала она. — Светлое пение над сверкающей водой, мягкое сияние забытых золотых времен. Разве вы не чувствуете? Разве не видите, какое это когда-то было место?

Бальбок покачал головой.

— Я не вижу ничего, кроме черных руин и кучи сорняков.

— Да, — согласился с ним Корвин полным горечи голосом, — ваши предки как следует постарались. Потому что именно орки напали на Тиргас Лан и превратили его в то, что мы видим. Это же все знают.

— Правильно! — гордо кивнул Бальбок.

— Там были не только орки, — поправила его Аланна, — там были и люди, заключившие союз с чудовищами. Они польстились на обещания Маргока, переметнулись на его сторону и пошли на юг под его темными знаменами. Долго бушевали бои под стенами Тиргас Лана, пока предательство не открыло Великие Врата. В беспримерной битве, подобной которой никогда не было и не будет, моим предкам удалось сокрушить поборников Хаоса и пленить их предводителя. Но Маргок был побежден не окончательно;

предание гласит, что его злой дух по-прежнему заточен внутри этих стен. Это его зловещее присутствие пугает вас и заставляет ощущать, что за вами наблюдают.

— Это кто здесь боится? — возмутился Раммар. — Бальбок, ты знаешь, о ком это она говорит?

— Не имею ни малейшего понятия, — заверил его Бальбок, и орки переглянулись и подмигнули друг другу.

— Как бы там ни было, — заметила Аланна, — нам нужно быть осторожными, когда будем входить в цитадель. В пророчестве Фаравина сказано, что опасность и зло таятся во тьме.

— Пророчество Фаравина? — спросил Корвин. — А я думал, ты в него уже не веришь! Эльфийка бросила на него печальный взгляд.

— Я тоже так думала...

Аланна по-прежнему шла впереди, когда спутники прошли ворота цитадели и очутились за поднятой решеткой перед крепостью, острые зубцы которой угрожающе поблескивали у них над головами.

Мягкого сияния ее платья было недостаточно, чтобы отогнать царившую за воротами тьму. Поэтому Корвин и орки выдернули несколько факелов, торчавших в стенах, и зажгли их. Трепещущий огонь отбрасывал причудливые тени.

Спутники осторожно двинулись вперед, миновали холл, пол в котором был покрыт мусором и пылью. Лесная зелень не проникла сюда, и Раммар сомневался в том, что этому есть естественная причина. Цитадель казалась окутанной аурой угрозы — жуткая сила, удерживавшая все живое вдали от этого места.

Спутники достигли широкой лестницы, покрытые пылью ступеньки которой вели вверх. Орки, человек и эльфийка обменялись многозначительными взглядами, а затем начали медленно подниматься.

Раммар заметил, что волосы у него на спине встали дыбом, а ладони вспотели; и, хотя он неохотно признавался в этом даже самому себе, — он испытывал страх.

Человеческий страх...

Лестница оканчивалась широким, обрамленным колоннами коридором, по стилю постройки напоявившим оркам храм-крепость Шакары. В нишах между колоннами стояли каменные монументы, которые хотя и были покрыты липкой черной массой, но сохранили былые торжественность и величие. Неизвестно, в чем было дело — в испытываемом Раммаром страхе или в естественной потребности, — в любом случае, толстенького орка обуяло внезапное желание облегчиться, и по старой привычке он подошел к одной из статуй, чтобы помочиться на ногу величественному наследию эльфов.

Раммар расставил ноги и хотел уже излиться, когда внезапно почувствовал между ног обнаженную сталь.

— Если ты сделаешь это, орк, — прошипел сердитый голос, — я позабочусь о том, чтобы ты истек, словно треснувший сосуд.

Раммар испуганно запыхтел, повернул голову и уставился в сверкающие глаза Аланны. Эльфийка сжимала в руке кинжал Корвина, и его клинок находился в опасной близости от лучшей части тела Раммара.

— А ч-что такое? — спросил он, невинно улыбаясь. — Вы что же, эльфы, шуток вообще не понимаете?

— Не понимаем, когда речь идет о кощунстве, — одернула она его. — Те, кто увековечен здесь, жили во времена, когда твоей расы вообще не существовало, а когда их черты были запечатлены в камне, тебе подобные еще валялись в вонючих болотах. Немного уважения было бы к лицу — даже такому мерзкому, как твое.

— Как скажешь, эльфийка, — испуганно ответил Раммар, — у тебя очень веские аргументы.

— Так и есть, — подтвердила Аланна. Она еще раз яростно сверкнула глазами в его

сторону, затем опустила клинок и повернулась.

— Что это с ней? — удивленно спросил Бальбок.

— А я откуда знаю, — прошипел Раммар, у которого еще дрожали колени. — Эти эльфийские бабы совершенно непредсказуемы. Охотнику за головами не позавидуешь.

— Похоже на то, — задумчиво кивнул Бальбок. — Если бы я только знал, что она имеет против валяния в вонючих болотах...

Орки поспешили присоединиться к остальным. Корвин уже достиг конца коридора, где дорогу преграждали огромные ворота. Как и статуи, они были покрыты смолистой черной массой, мерзко поблескивавшей в свете факелов. Корвин потыкал ее острием своего меча.

— Эта штука мягкая, — сообщил он, не решаясь коснуться ее рукой. — Что это может быть?

— Не знаю, — ответила Аланна. — Возможно, ответ на этот вопрос находится за дверью.

— Тогда нужно быстренько посмотреть, — заявил Бальбок. — Вон наверху засов. Если я взберусь наверх, то, должно быть, смогу открыть.

— Вопрос только в том, — прошептала Аланна, — стоит ли это делать.

— *Карсок*? — спросил Раммар.

— Потому что у того засова, что наверху, наверняка есть свое назначение, — ответила эльфийка, — а еще потому, что дверь закрыта не изнутри, а снаружи.

— Ты имеешь в виду?... — заключил Корвин.

Она кивнула.

— Думаю, эта дверь служит не для того, чтобы запретить вход незванным гостям, а чтобы помешать чему-то выйти наружу. Чему-то или кому-то.

— Минуточку! — вздрогнув, вмешался в разговор Раммар. — Я только уточняю, чтобы не было неясности: мы говорим о Маргоке?

— Только о его духе, — ответила Аланна. — В свое время тело его сожгли, чтобы его злая воля не нашла больше пристанища.

— Тогда его дух должен быть довольно крупным, — заметил Бальбок, глядя на ворота, которые были высотой в десять человеческих ростов, а шириной — в пять.

— Да, — только и сказала Аланна, и тон ее голоса совершенно не понравился никому из ее спутников.

— А есть другая дорога? — спросил Корвин.

— Вон там еще одна лестница, — заметил Раммар, уже успевший осмотреться.

— Попытаем счастья, — предложила Аланна.

Они в последний раз взглянули на жуткие ворота, а потом развернулись и направились к винтовой лестнице. Чем выше они поднимались, тем у же она становилась, поэтому идти стало трудно в первую очередь Раммару. Тихо ругаясь себе под нос, толстенький орк протискивался все дальше и дальше, снедаемый мыслью о том, что может застрять меж черными стенами в этом мрачном склепе.

В конце концов ему пришлось сжать зубы и утончиться настолько, насколько это вообще было возможно, чтобы словно пробка из бутылки пролететь через двери в конце лестницы и при этом врезаться в Бальбока, который как раз остановился.

— *Дарр малаи* ! Разве ты не видишь, что я иду как раз за тобой? Неужели нужно постоянно у меня на дороге...

Он умолк, как только увидел, где они находятся. Это был большой зал с низким потолком, поддерживаемым множеством колонн. В торце комнаты находилась небольшая арка, закрытая металлической пластиной. Она не заржавела, и вообще по ней нельзя было определить возраст — пластина матово поблескивала в свете факелов.

— Ворота в сокровищницу, — тихо вздохнула Аланна.

— Ты уверена? — переспросил удивленный Корвин.

— В любом случае, так она описана в книгах Фаравина.

— Великолепно, — состроил гримасу охотник за головами. — И нет ни засова, ни

рычага, чтобы открыть ворота.

— Ну, чего же вы ждете? — обратился он к оркам. — Теперь можете доказать, Избранные вы или нет.

— Это еще что такое? — зашипела Аланна. — Ты ведь не думаешь всерьез, что...

— Не важно, что я думаю. Факты таковы, что этим чудовищам удалось открыть Великие Врата. Что помогло им — провидение, или у них просто было больше везения и соображения, не знаю. Но я хочу знать, что находится за этой дверью.

Раммар и Бальбок быстро переглянулись, а затем вместе отправились к двери. При этом Раммар не торопился, наслаждаясь тем, что человек и эльфийка зависят от них. В театральном жесте он раскинул лапы и пробормотал несколько не связанных между собой слов на орочьем языке, которые, хотя и не имели смысла, придавали величественность происходящему.

Они с Бальбоком одновременно положили лапы на ворота — и действительно, вспыхнул голубоватый свет, окутав как металл, так и обоих орков!

В следующий миг открылись не только те ворота, на которые положили лапы Раммар и Бальбок, но и другие, находившиеся рядом.

— Этого не может быть! — воскликнула Аланна, испытывая смесь неприкрытого ужаса и невероятного удивления.

Однако, тем не менее, факт оспорить было нельзя. С громким скрипом, сообщавшим о том, что ворота не открывались вот уже целую эпоху, окованные металлом створки поднялись к потолку. Поскольку Раммар был самым низеньким в группе, он первым увидел, что находится по ту сторону ворот — и издал хриплый крик.

— *Ойр!* — громко воскликнул он. — *Орхгойд! Смарахг'хай!*

И, прежде чем Корвин или еще кто-нибудь успели что-либо предпринять, толстенький орк проскользнул под воротами и оказался по ту сторону, где продолжал кричать все громче и громче.

Бальбок пригнулся и последовал за ним, эльфийка и охотник за головами тоже пролезли под воротами, как только отверстие оказалось достаточно большим. То, что они увидели по другую сторону, превзошло самые смелые их ожидания.

Они оказались на каменной платформе с балюстрадой — а за ней простирался огромный зал, полукруглый купол над которым был настолько велик, что свет факелов не достигал противоположной стороны. А между ними лежали — спутники не поверили своим глазам — груды золота, серебра, драгоценных камней и украшений, сверкавших и переливавшихся в свете факелов. Перед ними раскрылись сокровища эльфийского царства: золотые сундуки, до краев наполненные жемчугом, изумрудами и сверкающими бриллиантами; доспехи и шлемы из чистого серебра, блистающие в желтоватом свете факелов; великолепно выкованные секиры и мечи, рукоятки которых были украшены драгоценными камнями; колесница из чистого золота с колесами из серебра; золотые статуи и бюсты, кроме того, искусно сделанные украшения, вазы, кубки, тарелки...

Все это плавало в бесконечном море из монет самой различной стоимости и эпох; там были и монеты карликов — дань, которую некогда платили жители Острогорья эльфийскому королю. Но внимание Раммара привлекла украшенная драгоценными камнями золотая корона, парившая над вершиной центральной горы сокровищ, не поддерживаемая ничем, кроме голубого луча, падавшего через отверстие в зените купола.

— Корона Сигвина! — прошептала Аланна. — Она ждет Избранного. Итак, это правда. Все было правдой...

— Невероятно, — хриплым голосом прокомментировал Корвин. — Почему, черт побери, твои люди не забрали все эти сокровища с собой, когда уходили из Тиргас Лана?

— Потому что на этих сокровищах — кровь, — тихо ответила Аланна, заметно побледнев даже для эльфийки. Постепенно она начинала понимать, что предала не только тайну, хранить которую была обязана, но и последние триста лет своей жизни. — Мои предки пришли к выводу, что обладание золотом и серебром только портит смертных.

Моему же народу не важно обогащение.

Корвин искоса посмотрел на нее и вздрогнул.

— Им, может быть, и не важно, — засопел он. — А вот мне важно в любом случае!

И, прежде чем Аланна успела что-либо ответить, он спрыгнул с балюстрады в заполненную неисчислимыми богатствами комнату.

— Нет, Корвин! — в ужасе воскликнула Аланна. — Не делай этого! Это сокровище проклято, оно не принесет тебе счастья!

— Об этом нужно было думать раньше, до того, как ты нас сюда привела, — холодно ответил охотник за головами. Жадный блеск в его глазах превратился в пылающий огонь.

— Что же я наделала? — дрожащими губами прошептала Аланна, чтобы в следующий миг ее высмеяли Раммар и Бальбок.

— Вот это на вас, эльфов, похоже, — пропел Раммар. — Сначала болтать, а потом притворяться, что раскаялись! Но теперь уже поздно, баба эльфийская. Что сделано, то сделано. Теперь ты знаешь свою правду, а у нас есть сокровище.

И с этими словами он, а затем и Бальбок подошли к балюстраде, прыгнули вниз и, спружинив, приземлились в блестящие монеты и сверкающие драгоценные камни. Затем Раммар, хохоча как безумный, запрыгал, выхватил украшенный камнями меч, принялся жонглировать изумрудами величиной с кулак, купаться в золотых монетах. Бальбок тоже радовался и ухмылялся во весь рот — уже хотя бы потому, что его брат был рад. То, что эльфийка была близка к истерике, не волновало ни орков, ни человека.

— Что я наделала?! — то и дело шептала Аланна. — Что же я наделала?..

Корвина было не узнать, Бальбок стоял, широко ухмыляясь, в глазах — жадный блеск, а Раммар и вовсе сошел с ума. Прошло всего несколько мгновений, а сокровища уже отняли у них разум, и все, чего им хотелось теперь, — это обладать ими.

— Ты только посмотри, Бальбок! — кричал Раммар, подбрасывая в воздух пригоршню золота и посыпая им свою голову и плечи. — Кому теперь нужен череп Гиргаса, если мы можем вернуться в *больбоуг*, нагруженные сокровищами? Грайшак будет ползать перед нами и умолять о пощаде, когда...

Толстенький орк умолк, когда внезапно что-то привлекло его внимание — это была эльфийская корона, парившая над сокровищами, окутанная голубым сиянием. Эта драгоценность захватила его больше, чем все остальные сокровища, собранные эльфами, и в нем проснулась не испытанная доселе жадность. Он стремился завладеть ею и ничем другим!

В глазах его плескался огонь безумия, когда он направился покорять центральную гору сокровищ, над которой парила корона. Это было совсем нелегко, потому что золотые монеты, кубки, тарелки и украшения постоянно скатывались вниз. Ему пришлось карабкаться вверх на четвереньках.

Ни Корвин, набивавший золотом свои карманы, ни Бальбок, забросивший на плечо лук и украсивший свои лапы золотыми перстнями, не обратили на него внимания, и только Аланна увидела, что час пробил.

— *He-e-et* ! — закричала она в приступе ужаса. — Только не это! Только не эльфийскую корону!

— А почему нет? — ответил Раммар, мерзко хихикая. — Мне всегда хотелось поносить корону! Я уверен, она очень пойдет к моей морде.

— Только Избранный может взять корону! — крикнула Аланна, и ее голос едва не сорвался. — На того обрушится проклятие Тиргас Лана, кто коснется ее, не будучи Избранным!

— Ха! — выкрикнул Раммар, покачав головой. — Теперь тебе меня не запугать, эльфийская баба! Что ты там лепечешь о судьбе Избранного? Ты забыла уже, что мне удалось открыть ворота? *Я* — Избранный!

Громко рыча слова, Раммар взобрался на вершину горы сокровищ и протянул к короне свои короткие пальцы. Он не достал корону, и ему пришлось прибегнуть к помощи *сапарака*, чтобы выудить ее, но потом он схватил ее своими лапами и, ликуя, поднял ее над головой.

— Нет! — в отчаянии вскричала Аланна.

— Она у меня! — громко воскликнул Раммар, хохоча. — Смотрите все: я — король Эльфийского царства! Теперь вы все должны трепетать передо мной, потому что Раммар Резкий будет правителем, которого будут бояться все!

И с этими знаменательными словами он надел на голову эльфийскую корону, которая в последний раз украшала опечаленное чело Фаравина Видящего.

— Кошунство! — воскликнула Аланна, и в ее голосе не осталось ни капли мягкости. — Чудовище надело украшение Эльфийской империи!

— Неплохо, да? — громко рассмеялся Раммар. — А знаешь, что в этом самое лучшее, а, баба эльфийская? Что ты сама виновата в этом, потому что без твоей помощи мы никогда не нашли бы это место!

Испуганный крик Аланны превратился в стон, потому что она слишком хорошо знала, что орк прав.

До этого никогда бы не дошло, если бы она не поддалась неизмеримому эгоизму, если бы не предала все важное в своей жизни только для того, чтобы удовлетворить легкомысленную жажду приключений и детское любопытство. И что ее заставило покинуть храм Шакары? Почему, в конце концов, она помогла оркам бежать? Потому ли, что ей хотелось узнать подоплеку легенды о Тиргас Лане, вместо того чтобы просто делать то, что делала три сотни лет, а именно — беспрекословно подчиняться протоколу и традициям?

Почему она усомнилась? У нее не было причин. Все оказалось правдой, все было именно так, как написано в книгах по истории. Фаравин предвещал правду каждым своим словом. Но в своей самовлюбленности Аланна все предала — это стало ей ясно в тот миг, когда она увидела отвратительного толстого орка с эльфийской короной.

Но ужасное кошунство не осталось без последствий.

Раммар все еще скакал по вершине золотой горы, жестикулируя как безумный, когда внезапно раздался шум, поднимавшийся, казалось, из глубин мира. Сокровищница содрогнулась, и Раммар потерял равновесие. Он испуганно вскрикнул и, пронзительно визжа и размахивая лапами, полетел кувырком, а вокруг него все звенело и дребезжало. Он остался лежать среди монет, украшений и двух золотых статуй, которые были переданы эльфам в качестве дани давно пришедшей в упадок расой. Корону он потерял.

— Ч-что это было? — удивленно спросил Раммар.

— Проклятие, — ответила Аланна, и, хотя она и говорила негромко, слова эхом отразились от купола — так тихо стало вокруг. Ее услышали все; Корвин и Бальбок тоже удивленно уставились на нее.

— Какое еще проклятие? — прохрипел Раммар.

— Руки святотатца коснулись короны Сигвина. Такое преступление не может оставаться безнаказанным.

И, словно в подтверждение слов эльфийки, сокровищница содрогнулась от еще одного толчка. На этот раз он был более сильным, послышались шипение и фыркание, доносившиеся, казалось, из глубины и моментально заставившие всех забыть о богатствах.

— Что это такое? — поинтересовался Корвин.

— Что-то пробудилось, — дрожащим голосом ответила Аланна. — Что-то темное, ужасное, которому лучше было бы не пробуждаться.

А потом закричала:

— Если ваши жизни дороги вам, бегите!

— Что? Я должен бежать? — воскликнул охотник за головами. — Но ведь я еще не все карманы набил и...

— Оставайся и умри — или беги, и будешь жить! — кричала эльфийка. — Это твое решение, дурак!

Всего мгновение охотник за головами и орки стояли в нерешительности, озадаченно переглядываясь. А потом Раммар подмигнул брату — и они тут же пришли к единодушному решению по поводу того, что нужно сделать: еще когда охотник за головами гнал их по

склонам Острых гор, связанными, спина к спине, оба орка придумали план, и вот теперь пришло время воплотить его в жизнь!

Раммар поднял *сапарак*, Бальбок, обмотавший вокруг своей длинной шеи добрую дюжину ниток жемчуга, схватился пальцами в золотых перстнях за лук, и не успел Корвин оглянуться, как острие орочьего копья и наконечники стрел смотрели на него.

— Эт-то еще что такое? — пробормотал он.

— Как что? — с ухмылкой ответил Раммар. — Ты что же, действительно думаешь, что мы станем делить сокровище с тобой? Мы орки — а орки не делятся, если могут взять все!

Корвин затравленно смотрел на Раммара.

— Разве вы не слышали, что сказала Аланна? Там, внизу, в глубине пробудилось нечто, и мы должны бежать, если не хотим, чтобы оно нас уничтожило.

— Ха! — выдавил Раммар, и его налитые кровью глаза сверкнули от жадности. — На такую чушь мы не поведемся. Я же знаю, о чем вы с эльфийкой перешептывались за нашими спинами!

— Проклятие, ты, рожа орочья! — хрипло кричал Корвин. — Что ты мелешь?

— Мы с Бальбоком всегда знали, что вы попытаетесь надуть нас. Но вы не приняли в расчет хитрость орков, и за это теперь поплатитесь. Вперед, Бальбок, накорми его собственными стрелами!

— Святотатство! Кошунство! — кричала с платформы Аланна, вне себя от отчаяния. — Бегите, глупцы — или проклятие Тиргас Лана настигнет вас. Страж пробудился!

— Какой еще страж? — презрительно засопел жадный Раммар. — Думаешь, несколько толчков и стонов произведут на меня впечатление? Раммар Резкий противостоял гулям и берсеркеру, и гнилое эльфийское колдовство меня не испугает. Вперед, Бальбок!

— *Kopp*, — согласился брат, натягивая тетиву лука и целясь охотнику за головами в грудь.

— Вы, жалкие предатели! — бушевал Корвин. — Вы, презренные скоты! Надо было Аланне оставить вас карлика!

— Надо было, — согласился Раммар, — но теперь для подобных размышлений уже слишком поздно. Если кто-то здесь и останется, то это будешь ты, жалкий *умба*...

Он умолк на полуслове, когда что-то пролетело прямо рядом с ним и застряло в паре шагов в куче золотых монет и украшений.

Это была стрела, и Раммар тут же понял, что стрела это гномья!

Толстенький орк озадаченно хрюкнул и обернулся, чтобы увидеть, что Аланна уже не одна. Незамеченные орками и охотником за головами, на каменной платформе появились с полдюжины гномов. Они угрожали копьем эльфийке и злобно тарасились на орков и человека. Если бы Раммар умел различать их лица, то парочка из них могли бы показаться ему знакомыми — а так он не видел ничего, кроме оскаленных зубов и желчно-желтых глаз, слышал преисполненное ненависти похрюкивание зеленого отродья.

— Ловушка! — в ужасе воскликнул Корвин, а Бальбок окончательно вышел из себя.

— Гномы! — с отвращением воскликнул он, совершенно забыв о том, что должен был всадить охотнику за головами в грудь стрелу. — Откуда они здесь взялись?

— Мне все равно! — зарычал Раммар, поднимая *сапарак*. — Гораздо важнее, куда они пойдут — а пойдут они в темную яму Курула! Стреляй, Бальбок!

На этот раз худощавый не колебался, его стрела рванулась с тетивы и вонзилась в шею гнома, который, забулькав, перегнулся через балюстраду, упал и приземлился на золото.

Его товарищи яростно зарычали и подбежали к каменным перилам, чтобы броситься на своих заклятых врагов. Раммар и Бальбок ожидали нападения, Корвин тоже вынул из ножен меч.

— Исчезни, охотник за головами! — крикнул ему Раммар. — Нам не нужна твоя помощь, чтобы разобраться с парочкой каких-то жалких гномов!

В этот момент из ведущего в сокровищницу коридора донесся пронзительный крик, и на платформе показались еще добрых две дюжины гномов.

Раммар тут же передумал.

— Ну ладно, человек. Можешь оставаться. Но только потому, что сегодня я в хорошем настроении...

И вот уже первые гномы налетели, и орк ударил своим *сапараком*, вонзая первому нападающему свое оружие в глотку. Из раны хлынул фонтан зеленой крови, орошая эльфийское золото. Второй гном поплатился передними зубами, когда Раммар древком копья угодил врагу прямо в лицо. В следующий миг Раммар нанес ему *сапараком* удар в живот, чтобы прекратить мерзкий визг.

Тем временем Бальбок спустил с тетивы стрелы, достав двух гномов прежде, чем они успели подбежать ближе. А Корвин орудовал своим мечом-бастардом; тяжелый клинок свистел в воздухе, рассекая нападающих прямо по талии. Тоненькие ножки гномов-воjak проходили еще пару шагов, словно не понимая, что произошло и какой жалкий конец постиг их владельца, а потом подкашивались.

— Ну, погодите, зеленолицые подонки! — рычал охотник за головами. — Вы осмелились тронуть эльфийскую священнослужительницу — и за это, черт побери, поплатитесь!

И, чтобы придать своим словам больше веса, он тут же обезглавил следующего нападающего, голова которого отлетела в сторону. Еще три удара меча — и Корвин добрался до каменной платформы, подтянулся и влез на балюстраду, не обращая внимания на направленные на него клинки и копья.

Бальбок послал вверх добрых полдюжины стрел, и столько же гномов рухнули замертво. Поскольку после этого колчан за его спиной опустел, он отбросил в сторону лук и недолго думая схватил золотую секиру, лежавшую на груде драгоценных камней. Она была искусно украшена, в рукоять были вставлены бриллианты, но Бальбок, издавая дикий неудержимый рев, размахнулся ею, словно грубым боевым молотом.

Возможно, эльфийское оружие было не таким массивным, как его орочья секира, а лезвие не столь острым даже в первом приближении — но, когда исполинский орк противостоит в битве гному, который достает ему аккуратно до пояса, острота оружия не играет особой роли. Сверкающее драгоценными камнями лезвие исправно опускалось, и те из гномов, кто не успевал достаточно быстро увернуться, падали с разmozженной головой.

— Вперед, брат! — кричал Раммар. — Охотник за головами и эльфийка не должны уйти от нас!

— Почему? — спросил Бальбок в пылу сражения.

— Дурацкий вопрос — кто-то же должен помочь нам, в конце-то концов, нести все эти богатства! — Раммар грязно ухмыльнулся и оба бросились к платформе. Два гнома, попавшиеся им на пути, рухнули просто наземь и попали оркам под ноги — что при весе Раммара было смертельно.

Орки добрались до платформы. Бальбок взлетел наверх одним прыжком, Раммар, болтая ногами, подтянулся на балюстраду, приложив немало усилий. Его хотели было встретить острия гномьих копий, когда мощный удар секиры смел горе-копьемосцев в сторону. Бальбок очищал платформу от гномьего отродья, и Корвин в этом ему помогал. С трудом верилось, что только что орк и охотник за головами были самыми настоящими врагами.

Объединив усилия, они избавились от противников еще до того, как Раммар преодолел балюстраду (причем ему почему-то потребовалось на это больше времени, чем теоретически было необходимо). Зеленая кровь заливала каменную платформу, повсюду валялись тела убитых врагов и отрубленные части тел. А посреди всего этого стояли два последних гнома.

Шипя от ненависти, они угрожали Аланне копьями. Их наконечники были смазаны ядом; достаточно было одной-единственной царапины, чтобы даже эльфийка умерла в течение нескольких мгновений. Острия копий находились в опасной близости от шеи жрицы.

— Осторожно! — крикнул Корвин оркам, когда те хотели броситься на оставшихся врагов. — Если мы нападём, они убьют Аланну!

— Ну и что? — выдавил из себя Раммар, сопя не от кровожадности, а от того, что запыхался, перелезая через балюстраду. — Лучше эльфийку, чем меня!

— Жалкий червяк! — возмутился Корвин. — Она спасла тебе жизнь, а ты хочешь вот так просто пожертвовать ею?

— Я тоже спас ей жизнь, — ответил Раммар. — Так что мы, пожалуй, квиты!

— Ты не имеешь права подвергать ее жизнь опасности!

— А ты не имеешь права мной командовать, молочнолицый!

— Ты за это заплатишься!

— Ты первый, ты...

Гномы, удивленно переводившие взгляд с одного на другого, начали заметно нервничать. Было видно, что они вот-вот потеряют терпение и сделают то, к чему их подталкивали низменные инстинкты, а именно — просто кольнут и прольют как можно больше крови, прежде чем сами окажутся в темной яме Курула.

— Скажите-ка, спорщики! — обратилась Аланна к своим якобы спасителям, приводя тем самым гномов в еще большее недоумение. — Вы не задумывались над тем, что я тоже имею право вставить словечко?

Орки и охотник за головами прервали свой диспут.

— А что тут говорить? — удивленно спросил Корвин.

Раммар и Бальбок одобрительно кивнули.

— Ну, к примеру, могли бы спросить меня, способны ли какие-то гномы вообще угрожать эльфийской священнослужительнице, — быстро ответила Аланна, и в следующий миг случилось нечто такое, на что не рассчитывал никто, а меньше всех — два гнома-воина.

Потому что на ладонях эльфийки внезапно вспыхнуло голубое пламя, настолько яркое, что все присутствующие на мгновение ослепли. Это мгновение Аланна использовала для того, чтобы молниеносно обернуться вокруг своей оси, а когда свет вновь погас, оба гнома-воина лежали на полу в конвульсиях и через секунду в муках скончались.

— Ч-что это было? — озадаченно спросил Корвин.

Аланна одарила его улыбкой.

— Наши друзья-орки, пожалуй, назвали бы это эльфийским колдовством.

— *Kopp*, — воодушевленно согласился с ней Раммар, — это первый раз, когда я вижу, что ваше колдовство на что-то годится. Можешь научить при случае?

— Не дойдет до этого, орочья рожа, — прорычал Корвин и встал рядом с Аланной. — Потому что теперь мы вдвоем и вам не удастся подло нас убить. Насколько я вижу, остались неоплаченные счета.

— Действительно, охотник за головами! — раздался в этот миг хриплый, отвратительный голос, от которого все четверо содрогнулись; он показался Раммару и Бальбоку довольно знакомым.

Ко всеобщему удивлению, народу на площадке снова прибавилось. Но на этот раз из коридора перед сокровищницей вышли не гномы. Это были орки — и не какие-то там орки.

Раммар и Бальбок узнали некоторых из желтоглазых, носатых, скалящих зубы и многократно битых неприятельским оружием рож. Это были — как это ни казалось невероятным — орки из их деревни, которые вошли на балюстраду с обнаженными мечами и секирами наперевес.

А предводителем их был — Раммар и Бальбок не поверили своим глазам — не кто иной, как Грайшак, главарь их *больбоуга*. Металлическая пластина в его черепе поблескивала в свете факелов...

— *Ахгош доук*, — с ухмылкой приветствовал их Грайшак.

— *А-ахгош доук кудаид*, — неуверенно раздалось в ответ.

— Не ожидали? — спросил Грайшак, со всей очевидностью наслаждаясь эффектом, который произвело его появление.

— Н-немного, — признался Раммар, хотя это было еще очень слабо сказано. Встретить

в этом месте Грайшака было примерно то же самое, что встретиться лично с Курулом.

— Это меня не удивляет. Я так и думал, что вы не разгадаете план, поскольку вы наивные и глупые.

— Глупые и?.. — Разум Раммара выписал замысловатый кульбит, пока он пытался хотя бы приблизительно понять, что нужно Грайшаку в Тиргас Лане и как он и его воины нашли Сокрытый Город. Что, во имя всех червей во внутренностях Торги, здесь происходит? Раммару было только одно: они с братом оказались в *инорше* по самую шею...

— Я-я все могу объяснить, Грайшак, — пробормотал он. — На самом деле... ну, голова Гиргаса была у нас почти что в кармане, но тут появился этот колдун, и нам пришлось иметь дело с северными варварами и эльфами, а потом еще Бальбок сглупил и разболтал все карликам и... и... все это только его вина, без него я давным-давно уже вернулся бы в *больбоуг* и принес бы тебе голову...

— Голову Гиргаса? — Грайшак презрительно засопел. — Ты действительно думаешь, что я из-за этого пришел? Чтобы я пустился в такое далекое путешествие из-за отрубленной головы какого-то *умбала*, который был слишком глуп для того, чтобы уследить за своей собственной головой?

— Э... да, — неуверенно ответил Раммар, а Бальбок стоял рядом, и лицо у него было несчастное. — Я думал, что, если мы не вернемся до полного кровавля, ты натравишь на нас *файхок'хай*, чтобы они принесли тебе *наши* головы...

— *Файхок'хай* — мои лучшие воины, вонючка, — прорычал Грайшак. — У них есть дела поважнее, чем гоняться за двумя *умбал'хай*, которые даже календаря орочьего не знают. Если бы я хотел вас убить, то сделал бы это давным-давно. Но у судьбы на вас другие планы. Тут дело в большем, чем ваши мерзкие черепушки — не так ли, о великий учитель?

— Так! — прозвучал в ответ голос, который тоже показался Раммару и Бальбоку до боли знакомым.

Ряды орков расступились, и, к безграничному удивлению братьев, появился кое-кто еще, кого они оба ожидали увидеть в этом месте меньше всего.

Рурак Палач.

Колдун, который отправил их в полную опасностей миссию к храму Шакары и которому они в какой-то момент перестали быть верны. На то были причины, так думал Раммар, но сомневался, что Рурак поймет это.

На колдуне была черная мантия, и он, казалось, парил над каменным полом, когда шел между рядами орков, держа в похужей на лапу руке свой колдовской жезл. Черты бородатого лица под капюшоном были такими же худыми и костлявыми, как у мертвеца, а взгляд его глаз был холодным и колючим.

Орки содрогнулись. Повинуясь внезапному порыву, Раммар хотел было дать деру. Пусть Бальбок сам расхлебывает все это. Но поскольку их окружили *файхок'хай* Грайшака и любая попытка к бегству утонула бы в крови, эта возможность отпадала. Раммару не оставалось ничего другого, кроме как ждать, а темные закоулки его орочьего мозга тем временем искали ответ.

Как так получилось?

Откуда тут внезапно появились Грайшак и Рурак?

И как, во имя внутренностей Торги, они отыскивали Сокрытый Город?

Но как орк ни старался, он просто не мог взять в толк, как это все сложилось. Ясно было одно: все происходило иначе, чем думали они с братом...

6. Ур'дхруурц тулл

— Вот мы и встретились снова, наивные мои друзья, — произнес колдун тем замогильным голосом, при звуках которого содрогнулись даже орки, и провел своей рукой-лапой по длинной седой бороде. — Позже, чем ожидалось, да и место другое.

— Я-я все могу объяснить, — поспешил заверить Раммар. — Мы сделали все в

точности так, как вы нам велели, великий колдун. По ущельям добрались на север, прошли болота и преодолели Северный вал — точнее, пересекли, — и это было совершенно непросто, уж можете мне поверить.

— И? — холодно спросил Рурак.

В горле у Раммара образовался большой комок, и ему пришлось откашляться.

— Что ж, — продолжил он, — после того как Северный вал остался позади, мы в неравном бою захватили буер, на котором и добрались до Шакары. И представьте себе, великий колдун, карта Шакары существует не на самом деле, а только в голове вот этой эльфийки. — Раммар указал на Аланну, которая до сих пор просто стояла, не произнося ни слова; только холодно рассматривала Рурака.

— Я знаю, — сказал колдун.

— З-знаете? — Раммар начал заикаться. — Д-должно ли это значить, ч-что вы с самого начала все знали?

— Конечно, глупый мой слуга.

— Но... почему вы не?... Я имею в виду, вам стоило нам... — Или вы что-то другое задумали? На самом деле вам нужна была не карта?

— Судьба, пожалуй, пожадничала, наделяя тебя умом, — принялся насмехаться Рурак, — но все же ты постепенно начинаешь этими крохами пользоваться. Действительно, я совершенно точно знал, что представляет собой карта Шакары, и понимал, что вы оба попытаетесь обмануть меня, как только узнаете, куда ведет карта.

— Нет-нет, великий колдун! — поспешил заверить его Раммар. — Мы... мы...

— Только попробуй отрицать это! — сказал Рурак, и взгляд его стал и вовсе ледяным. — Или тебя опять подвесить над ямой? Но на этот раз существа в ней не будут плодом воображения.

— Н-не стоит, — сказал Раммар, обмениваясь виноватым взглядом с Бальбоком. Они считали себя умными и хитрыми, самыми настоящими орками, и теперь вот выясняется, что их действия, похоже, были частью большого плана, о котором они оба даже и не подозревали.

— Это все ты виноват, жалкий *умбал*! — Не зная, что делать, Раммар набросился на брата. — Я с самого начала говорил, что верить колдуну нельзя!

— Это ты начал ему льстить, — возразил Бальбок, — не я!

— Это неправда!

— Правда! — возмутился Бальбок. — И я сыт по горло тем, что ты постоянно обзываешь меня *умбалом*!

— Так перестань вести себя как *умбал*!

— А ты перестань постоянно опекать меня. Лучший орк из нас двоих, конечно же, я, вот так!

— Ах ты, грязная личинка! Жук навозный! Если ты еще раз осмелишься так со мной разговаривать...

— Невероятно! — качая головой, перебил старшего орка Рурак. — Даже сейчас вы не придумали ничего лучше, чем начать ссориться — как вы и делали на протяжении всего вашего путешествия. Неужели все отпрыски твоего народа такие глупые, Грайшак?

— К счастью, нет, учитель, — ответил предводитель орков.

— На протяжении всего нашего путешествия? — эхом повторил Бальбок, в ужасе уставившись на Рурака. — Это означает, что ты за нами наблюдал?

— Конечно. — Рурак ухмыльнулся и неторопливо кивнул. — Или ты думаешь, что я настолько глуп, чтобы доверять двум оркам?

— Но как?... — бормотал Бальбок. — Я имею в виду, откуда?..

— Разве ты не догадываешься, простофиля? Ты же сам дал мне возможность, тем, что все время нес мое око у себя над головой.

— Твое око? — Бальбок озадаченно огляделся по сторонам, и его взгляд упал на штандарт, который он оставил прислоненным к балюстраде, и в намерении которого был

матово-черный шар.

— Ты правильно подумал, — сказал Рурак, и ухмылка его стала еще шире. — Благодаря магическому оку я видел все, что вы творили. Я наблюдал за вами на каждом шагу и в любое время был информирован о ваших делах — и о вашем предательстве.

— *Торноумух* ! — удивленно вымолвил Бальбок — до этого он никогда бы не додумался!

Зато Раммара теперь было не удержать — теперь, когда он знал, в чем был смысл ненавистного штандарта. Он, хрипя, хватал ртом воздух, а затем обрушил на голову брата поток отборной брани.

— Пустоголовый! Тупорылый! Невероятный *умбал* ! Надо было расколоть тебе череп, вытрусить мозги и скормить гномам — но, пожалуй, я их даже не нашел бы! Разве я не говорил тебе, что не нужен нам никакой дурацкий штандарт? Что надо бросить эту чертову штуку? Но нет же, надо было тащить ее с собой всю долгую дорогу! Стоит мне только вспомнить о том, что в лагере карликов ты рисковал нашими жизнями из-за нее! И что я вместе с тобой нес эту *иноршевую* штуку! Меня... меня прямо разрывает от *саобха* !

Бальбок вздрагивал при каждом слове, словно от удара плетью. Все глубже он втягивал голову в плечи, все более подавленным становилось выражение его лица, и в конце концов он принял совершенно жалкий вид.

— Не стоит так ругать своего брага, — великодушно произнес Рурак. — Без ока вы, пожалуй, не пережили бы встречу с пауком, не так ли?

— Так это вы помогли нам? — спросил Раммар.

— Конечно. Вы же должны были достичь цели.

— А почему ты не помог нам, когда мы сражались с троллем? — спросил Бальбок.

— Как почему? — ответил Раммар брату. — Потому что к этому времени мы уже давным-давно достигли цели и выполнили свое предназначение.

— Не совсем, — возразил Рурак. — Просто потому, что я не имел ничего против того, чтобы вот этот, — он указал на Корвина, — остался там навсегда. Он совершенно лишний здесь и бесполезный.

— Это значит, что я не являюсь частью твоего великого плана? — злобно зашипел охотник за головами.

— Так и есть, — равнодушно признался Рурак. — Тебя забросило сюда прихотью судьбы, словно пожухлый лист.

— Ничто в этой вселенной не случайно, колдун, — вмешалась Аланна, — все тщательно спланировано.

Колдун вздохнул, и на его лице появилось сочувствующее выражение.

— Ох уж эти эльфы и их непоколебимая вера в порядок. Даже сейчас, когда ваш народ ослабел и покидает этот мир, вы цепляетесь за свои убеждения — как потерпевший кораблекрушение хватается за доску, а его жжет солнце и окружают кровожадные акулы. Силы Хаоса торжествуют, эльфийка, а не порядок. Вот эти двое орков — лучшее тому подтверждение. На протяжении столетий эльфы ждали того, чтобы исполнилось пророчество Фаравина — и кто бы мог подумать, что два орка завершат то, что началось так давно?

— Да что вы знаете об этом? — возразила Аланна.

— Будьте покойны, дорогая моя, я знаю *все* , — самоуверенно ответил ей Рурак, что совершенно не понравилось ни эльфийке, ни ее спутникам. — Рурак Палач — так называли меня когда-то, и боялись не только враги, но и союзники, и даже слуги. Я разочарован тем, что мое имя уже ничего не говорит эльфам. Но, может быть, вы лучше узнаете меня под именем, которое когда-то дал мне ваш народ.

— Что это за имя? — поинтересовалась Аланна.

— Гвантегар.

Аланна вздрогнула, словно ее ударили кулаком. Все ее мужество тут же улетучилось, сопротивление было сломлено.

Гвантегар.

Если переводить на язык людей, то это имя будет звучать как «смертоносный», и истории, связываемые с ним, были слишком ужасны.

— Это невозможно... — прошептала она. — Гвантегар мертв, уже давно...

— Мои наивные помощники тоже так думали, — сказал колдун, глядя на Раммара и Бальбока. — Но вы же наверняка умнее их, не так ли?

— Как же вам удалось?..

— Для этого потребовалось колдовство, основывающееся на началах мира и тайне бытия. Я отнимал силу у других и мог продолжать существовать. Эликсир из квинтэссенции их бытия помог мне пережить столетия, в точности так, как учил меня Маргок.

— Маргок?

— Вот именно, драгоценная моя. А кто же еще, как вы думаете, мог открыть мне тайну вечной жизни? Подумайте, какова цель у всего этого? Я знаю все, эльфийская священнослужительница, потому что не что иное, как сама Тьма открыла мне это. Она назначила меня своим доверенным лицом, когда остальные отвернулись от нее и трусливо бежали. Поэтому мне известна тайна, которую хранит это место. Мне известна власть Тиргас Лана; известно, какого ужасного гостя скрывают в себе стены древнего города королей. После всего того времени, после Второй войны, дух Маргока все еще здесь, заточенный в этих мрачных стенах. Теперь настал час освободить его.

— Нет! — в ужасе вскричала Аланна.

— А почему вы настолько потрясены? Вы же сами приложили к этому руку, эльфийская священнослужительница. Ваша неудовлетворенность и любопытство сделали возможным то, что все вообще могло получиться именно так — в точности как и предсказывал когда-то Маргок!

— Нет! Нет! Нет!..

— Тьма вернется, и мир погрузится во тьму! — громовым голосом воскликнул колдун. — Но, чтобы вернуть его дух, мне нужна жизненная энергия эльфийки!

Он сделал короткую паузу, горящими глазами уставился на Аланну и тихо продолжил:

— После всего, что вы для меня сделали, священнослужительница, вам, конечно же, не составит труда принести для меня еще и эту жертву.

— Нет, пожалуйста...

— Забудь об этом, колдун! — воскликнул Корвин и заслонил собой Аланну, сжимая в руке меч. — Тот, кто решит коснуться ее, пусть сначала пройдет мимо меня!

— Правда? — Рурак сочувственно пощелкал языком. — Как трогательно. Итак, все до ужаса банально: одинокий охотник за головами влюбился в эльфийскую священнослужительницу. А она — в него, если я правильно читаю взгляды. Как же вы прозрачны.

— А ты — сумасшедший, если думаешь, что я сдамся без боя! — злобно ответил Корвин.

— Да что ты говоришь... — Небрежным жестом Рурак подал знак *файхок'хай*, и воины Грайшака окружили охотника за головами. Тот приготовился сражаться, поднял меч и стал ждать нападения.

Но орки не оказали ему чести и не скрестили с ним клинки. Один из *файхок'хай*, стоявший за спиной Корвина, нанес ему под колени удар *сапараком*, так что у Корвина подкосились ноги. Охотник за головами вскрикнул и упал на колени. В следующий миг *сапарак* нанес ему удар по правой руке и выбил из нее меч.

Затем орки набросились на него, и принялись колотить его обмотанными проволокой кулаками. Удары со всех сторон обрушивались на безоружного человека. Нижняя губа лопнула, сломалась переносица, его несколько раз ударили в голову, прежде чем он смог высвободить руки и начать защищаться. Под лавиной разъяренных орков, под градом ужасных ударов он упал наземь, и, когда жестокая свора наконец отпустила его, на полу съезжился окровавленный комок.

— Вы низкие твари! — вскрикнула Аланна и упала на колени рядом с Корвином.

Охотник за головами был еще жив, но лежал на полу свернувшись, словно червь. Лицо его было разбито и почти неузнаваемо.

Раммар и Бальбок тоже были огорошены. Их заклятый враг валялся разбитый на полу, и они должны были бы радоваться, но почему-то у них это совсем не получалось...

— Как видите, — снова обратился Рурак к братьям-оркам, — вы — не единственные, кого мои планы захватили врасплох. Это был заговор, простодушные мои друзья, с самого начала: нападение на свору Гиргаса, битва с гномами... Частью плана было даже то, что ваш предводитель потерял голову, и только самый храбрый из вас выжил в битве.

— Самый храбрый? — удивленно переспросил Раммар.

Рурак кивнул.

— Когда вы появились в моей крепости вдвоем, я сразу понял, что один из вас обманывает меня. Но поскольку я не мог выяснить, кто говорил правду, а кто — нет, то решил послать в Шакару вас обоих. Едва вы выступили из крепости, как я послал весть Грайшаку: вместе со своей личной гвардией он покинул деревню, встретился с гномами и со мной, и мы стали ждать, когда вы вернетесь с севера, вместе с эльфийкой, конечно же. Потом мы шли за вами, всю дорогу, до этого самого места.

— Предатели! — прохрипел Корвин, все еще лежавший на полу, глядя на Раммара и Бальбока сверкающими от ярости заплывшими глазами. — Жалкие предатели!..

— Да нет же, охотник за головами, — покачал головой Рурак. — Они оба знали о моих планах ровно столько же, сколько и ты.

Грайшак презрительно посмотрел на обоих братьев-орков.

— И каково это, думать, что ты самый главный *госгош*, а под конец выяснить, что ты — последний *асар*?

— Неприятно, — признался Бальбок, и вдруг глаза его хитро сверкнули. — Но вам еще придется убедить нас, что мы влезли в *шнорш* обеими лапами.

Грайшак удивленно нахмурился.

— Что ты имеешь в виду?

— А что, если ты совсем ненастоящий? — спросил Бальбок. — Если ты — всего лишь мираж, что вот он, — он указал на колдуна, — тебя вызвал?

— Ты серьезно? — удивленно уставился на него Грайшак.

— Конечно, он прав! — согласился с братом Раммар, внезапно почувстввав надежду. — В крепости колдуна мы видели, на что он способен. Он может заставить появиться целый пруд с мерзкими *ухл-бхуурц'хай*, а потом приказать ему исчезнуть. Так почему он не может вызвать тебя, Грайшак?

— Ты хочешь сказать, что я — *ухл-бхуурц*? — Голос Грайшака был опасно спокоен.

— Нет, — возразил Раммар, и его пухлые щеки раздвинула надменная ухмылка. — Я хочу сказать, что ты ненастоящий. Иначе ты не позволил бы мне *вот это*! — И с этими словами он изо всех сил ударил Грайшака прямо в отвратительную морду.

Грайшак попятился на несколько шагов, из его носа хлынула кровь.

— Вот доказательство! — ликующе воскликнул Раммар. — Настоящий Грайшак никогда не позволил бы этого!

— Вот как? — прогнусавил предводитель орков — и в следующий миг его кинжал оказался приставленным к горлу Раммара. — А я это и не *позволю*, уж будь спокоен, толстяк! Если ты немедленно не заткнешься, я разрублю тебя от макушки до пят и заставлю твоего брата жрать твои вонючие внутренности. Как тебе это?

— *Шнорш*, — прохрипел Раммар. — Плохая была идея.

— *Корр*, — прорычал Грайшак, отпуская его. — Так теперь вы верите, что я — настоящий?

— П-похоже, придется, — простонал Раммар, потирая шею там, где острый клинок царапнул кожу. — Но... почему ты здесь? Откуда ты знаешь этого колдуна?

Рурак, которого, похоже, забавляла возня орков, расхохотался.

— Разве вы не догадываетесь, после всего того, что я вам рассказал? — Он обернулся к

предводителю орков. — Ты был прав, Грайшак: эти двое действительно самые глупые представители твоей расы, с которыми мне когда-либо приходилось встречаться — а это кое-что да значит.

— Не так ли? — усердно закивал Грайшак. — Но они не должны умереть такими же глупыми, какими были, когда их выплюнуло в мир. Поэтому я расскажу им о том, как возник наш союз. Вы позволите, учитель?

— Конечно же, верный мой слуга.

— Слуга? Учитель? — Порсячыи глазки Раммара озадаченно заморгали, а лицо Бальбока так удлинилось, что едва не вывалилась нижняя челюсть.

— Ах вы, невежественные создания, безмозглые личинки! — начал свои пояснения Грайшак. — Разве вы не понимаете? Это учитель Рурак когда-то нашел меня и спас мне жизнь, после того как собственная свора позорно оставила меня подыхать.

— Ты... ты имеешь в виду?..

— Именно это и ничто другое, — подтвердил Грайшак, постучав лапой по своей стальной пластине. — Он собрал мой *коум* и вставил эту пластину. Так я и выжил, хотя враг расколол мне череп.

— *Kopp*, — негромко проворчал Бальбок, — но кое-что при этом повредилось...

— Что ты сказал? — возмутился Грайшак.

— Ничего, совсем ничего, — поспешил заверить его Раммар. — Мой брат часто говорит всякую ерунду. Он же *умбал*, и с этим ничего не поделаешь.

— Ну ладно... В любом случае, я стал последователем колдуна, потому что я обязан ему не только жизнью, но и всем тем, чем я стал. Он научил меня тому, что я знаю, и когда я потом вернулся в *больбоуг*, я был самым сильным и самым страшным орком из всех.

— Это точно, — лаконично согласился с ним Раммар — оторвать голыми лапами кому-нибудь голову, как это сделал Грайшак со своим предшественником, это даже не каждому орку под силу.

— Рурак сделал меня тем, кем я стал, — раболепно продолжал Грайшак. — Он не только *мой* предводитель, но и предводитель *всех* орков.

— Замечательный предводитель, — принялся горячиться Бальбок. — Тот, кто делает одно дело с гномами и позволяет красть у нашей своры головы.

— Разве ты до сих пор не понял, *умбал* ты этакий? — заорал на него Грайшак. — Началась новая эпоха! Сейчас мы не против гномов и не против троллей, а исключительно только против *вот этих*! — С охваченным жадой убийства взглядом Грайшак указал на Корвина и Аланну, стоявшую на коленях рядом с окровавленным охотником за головами. — Теперь наша ненависть направлена против людей и эльфов, потому что они выступают за все то, что отвратительно нам!

— Так и есть, — довольно согласился с ним Рурак. — Когда-то Маргок пытался создать союз орков и людей, но это требование было с самого начала обречено на провал. Теперь я, его самый верный слуга, создал войско из орков и гномов. Тролли, кобольды и гули тоже присоединятся и пойдут под нашими знаменами, и армия Тьмы и Хаоса покорит Землемирье. Эльфийский род ослабел, люди — разрознены; никто не окажет нам сопротивления — особенно в том случае, если Маргок будет с нами и поведет войска Хаоса в бой.

— Нет, — ужаснувшись при мысли об этом, прошептала Аланна. — Вы не можете этого сделать!

— Прошу прощения, дорогая моя, а кто мне может в этом помешать? Уж, конечно, не вы. — Он злобно захихикал. — Кто бы мог подумать, что любопытство скупающей эльфийки определит судьбу мира!

Рурак раскатисто расхохотался, его орки и гномы присоединились к нему; молчал только Грайшак.

Но Аланна больше не могла выносить насмешек врага. Побледнев как полотно, она упала и осталась лежать без сознания рядом с Корвином.

— Аланна, нет! — воскликнул тот; его разбитое лицо было все залито кровью. — Ты, ублюдочный колдун, что ты с ней сделал?

— Ничего, — равнодушно произнес Рурак. — В случившемся виновата исключительно она одна. Каждый в ответе за свои поступки — разве ты не знал этого, охотник за головами?

— Аланна! Нет! — хрипло кричал Корвин, когда воины Грайшака подхватили Аланну своими грубыми лапами и собрались уносить прочь. — Аланна! Я не вынесу этого...

И его, и Раммара с Бальбоком тоже схватили и унесли — и никто не заметил, как в глубинах древней цитадели снова что-то загрохотало.

7. Анн куннарт ур'кро

Сказать, что настроение у Раммара было в минусах, было бы очень слабо, и все же это в некоторой мере соответствовало истине...

Толстенький орк и его брат пересекли Внутренности Торги и болота, имели дело с гигантским пауком, гулями, карликами и северными варварами, сражались с эльфами и троллем, выстояли в борьбе со стихией, ушли из плена карликов, точно так же, как и от охотника за головами, прошли сотни миль — и все затем, чтобы оказаться в таком же точно *шноршевом* положении, как и в начале своего приключения: они свисали вниз головой с потолка в каком-то мрачном помещении.

Где-то плескалась вода, а когда орки пытались пошевелиться, цепи, на которых они висели, начинали звенеть. На этот раз лапы у них были связаны за спиной, так что они казались самим себе двумя кусками мяса, подвешенными в кладовой.

— Вот честно, Раммар, — прорычал Бальбок брату. — Если бы мы знали, что все это дело так закончится, мы бы так не напрягались, правда? Мы могли бы сразу остаться в крепости колдуна.

— Умник нашелся! — засопел Раммар. — Слышать тебя не могу. Всего этого не случилось бы, если бы ты не настоял на том, чтобы взять этот чертов штандарт!

— Но ведь ты тоже хотел взять его с собой!

— Если бы все было по-моему, мы выбросили бы его где-нибудь по дороге и не...

Пронзительный крик, в котором не было ничего человеческого, разнесся по подземелью.

— Охотник за головами, — равнодушно произнес Раммар. — Они его пытаются.

— А по какой причине? — спросил Бальбок.

— С каких это пор оркам нужна причина, чтобы кого-нибудь помучить? — раздраженно проворчал Раммар. — Кстати, на этот раз причина есть: Корвин, в конце концов, человек, к тому же, зарабатывал себе на жизнь тем, что охотился на орков.

Вновь раздался пронзительный крик, еще громче и отчаяннее, чем раньше.

— Так ему и надо, — заметил Раммар. — Не надо было этому *умбалу* из рода людей совать свой молочный нос в наши дела. Он более чем заслуживает смерти.

— *Корр*, — согласился Бальбок, и оба прислушались к ужасным крикам охотника за головами, которые уже не прекращались. Грайшак был настоящим мастером пыточного дела, и богатство его фантазии в этом плане было широко известно.

— Нет! — вдруг донесся до них рык Корвина. — Только не глаз! Только не глаз!.. — Последовавший за этим мерзкий звук, похожий на то, как будто кто-то раздавил переспелый помидор, сказал им, что Грайшак не позволил себя смягчить.

Орки переглянулись.

— Он это заслужил, правда? — спросил Бальбок.

— Конечно, — проворчал Раммар. — Этот жалкий оркоубийца мучил нас и доводил до белого каления, унижал при каждой возможности. Но все же...

— ...тебе не нравится, что Грайшак мучает его, — закончил Бальбок.

— Не нравится, — признал Раммар.

— Мне это тоже не нравится, — признался Бальбок. — Корвин, может, и оркоубийца и

наш враг, но, по крайней мере, он никогда не делал из этого тайны. А вот Грайшак...

— ...притворялся, что он наш предводитель, а на самом деле все время состоял на службе у этого колдуна.

— Вот именно, — засопел разъяренный Бальбок. — Они вместе задумали все это, обманывали нас на каждом шагу и манипулировали нами.

— Манипулировали, — поправил его Раммар.

— *Обишноривали*, — более точно выразился Бальбок. — Знаешь что, Раммар, я с удовольствием раздробил бы Грайшаку череп, со стальной пластиной или без нее.

— Вполне понимаю, — заметил Раммар, продолжая слушать крики охотника за головами, перешедшие в вой. Похоже, Корвин долго не протянет. — Проблема только в том, что вряд ли у нас будет такая возможность. И кроме того...

Он умолк, когда в коридоре перед ржавой решетчатой дверью их тюрьмы раздались шаги. На стене показалась тень, дверь отворилась и в следующий миг в комнате, с высокого потолка которой свисали Раммар и Бальбок, показалась худощавая фигура. Рурак был тут как тут.

— *Ахгош доук*, недалекие мои друзья, — лицемерно приветствовал их он. — Так ведь это говорится на вашем языке, да?

— И что? — только и спросил Раммар. Он даже и не подумал ответить на приветствие; его благоговейное уважение к колдуну сменилось холодной яростью.

— Я пришел передать вам привет от вашего друга, охотника за головами. Что-то он неважно себя чувствует.

— Что ты с ним сделал?

— Я? — тихо рассмеялся Рурак. — Ты, наверное, имел в виду, что с ним сделал ваш предводитель Грайшак? Но на вашем месте я поинтересовался бы, какая судьба уготована вам.

— Что бы там ни было, — раздраженно проворчал Бальбок, — ничего не может быть хуже, чем выносить общество лживого колдуна. Правильно, Раммар?

— Будь я проклят, если неправильно, Бальбок.

— Вы обиделись, — кивнул Рурак, — ваша гордость уязвлена. Видите ли, я не знал, что у орков имеется что-то подобное. Но, может быть, в вашем случае это и не так. Вы же не просто какие-то там орки.

— Это верно, — подтвердил Раммар. — Отпусти меня, колдун, и я клянусь тебе, что я разобью твою мерзкую физиономию по всем правилам искусства. Тогда узнаешь, что я за орк.

— Громкие слова из уст труса, который уполз с поля битвы против гномов.

— Что-о-о? — наострил уши Бальбок.

— Разве ты не знал? — притворился удивленным Рурак. — Твой брат всегда предпочитает оставаться в живых э-э-э... таким способом.

— Это правда? — спросил Бальбок и строго поглядел на Раммара. — Ты трусливо спрятался?

— Да, — подавленно признался Раммар, — это правда. Я действительно был проклятым трусом... — Он отвел взгляд от брата и уставился на Рурака. — Но я изменился, колдун, и если в этом дурацком путешествии, в которое ты нас послал, я и научился чему-то, так это тому, что прятаться и подхалимничать — не значит победить. Я орк, точно так же, как и мой брат!

— Смотри-ка, какой интересный поворот. — Рурак внезапно посерьезнел. — Сначала я не хотел этому верить, но, похоже, все подтверждается...

— Что? — засопел Раммар, который так разошелся, что Бальбок даже начал бросать на него предупреждающие взгляды. — Чему ты не хотел верить, ты, жалкий, подлый, грязный пес-колдун?

Рурак снова ухмыльнулся, он решил не обращать внимания на оскорбления, которыми осыпал его толстенный орк.

— А вы никогда не задумывались над тем, как вам удалось открыть Врата Фаравина в Шакаре? Почему Великие Врата Тиргас Лана, которые были заперты более тысячи лет, открылись, когда вы подошли к ним? Почему для вас не составило труда войти в сокровищницу?

— Не меняй тему! — неудержимо продолжал возмущаться Раммар. — Ты нас подставил и предал, воспользовался нашей ситуацией только для того, чтобы своим планам... — Он замолчал. — Что ты сказал?

— Существует причина, по которой все эти ворота, которые были закрыты на протяжении многих столетий, вы смогли открыть безо всякого труда, — пояснил Рурак. — Вам не интересно узнать, в чем она заключается?

— Э-это потому, что мы — Избранные? — с надеждой поинтересовался Бальбок.

— Избранные? — ехидно рассмеялся Рурак. — Нет, конечно. Все не настолько драматично.

— Так в чем же дело? — поинтересовался Раммар.

— Я вам скажу, — прямо ответил колдун. — Все дело в том, что вы — эльфы.

Возникла пауза, все замолчали. А потом Раммар и Бальбок прыснули со смеху.

— Мы — и эльфы! Хороша шуточка! — развеселился Бальбок.

— В тебе погиб придворный шут, колдун! — добавил Раммар и затрясся от смеха.

— Я не шучу, — заверил их Рурак. — Все орки когда-то были эльфами. Попытки, увечья и темная магия превратили их в то, чем они являются сегодня, — искаженные, отвратительные существа, которые боятся света и служат только Хаосу.

— И мы этим гордимся! — перебил его Бальбок, плача от смеха.

— Сам Темный Эльф вызвал это племя к жизни, — невозмутимо продолжал Рурак, — когда-то давно, когда его оттолкнули подобные ему только потому, что он занимался темными искусствами и проводил запрещенные эксперименты — эксперименты, целью которых было создание новой расы, темных эльфов, таких же, как он сам. Он мечтал о том, чтобы собрать войско, армию воинов, которые беспрекословно следовали бы за ним, и после нескольких неудачных попыток он достиг успеха: из пленных эльфов-воинов, которых он мучил и на которых наложил темные заклинания, он создал первых темных эльфов. Он назвал их *отродьем Маргока* — но сами они, неспособные произнести эти слова, называли себя *орками*.

— Видишь, Раммар, — несколько удивленно произнес Бальбок, — итак, история о лопающихся гнойниках, из которых мы все появились, не совсем неправильная.

— Чушь! — кричал Раммар. — Все это чушь!

— А вот и нет, — заверил его колдун. — А что касается вас обоих, то история на этом не заканчивается. Потому что со временем Маргок искалечил и превратил в порождение тьмы многих эльфов — но вы оба ведете свой род от самых первых темных эльфов, которых создал Маргок. Королевского сына по имени Курран Маргок поймал и велел мучить, чтобы при помощи темной, ужасной магии превратить в своего слугу. И по прихоти судьбы у этого Куррана был брат-близнец по имени Куллан, который после смерти отца взшел на трон королей Тиргас Лана. А из рода этого Куллана позднее произошел не кто иной, как Фаравин Видящий.

— Хе? — воскликнул Раммар, а его орочий мозг тем временем лихорадочно работал. — Но ведь это должно означать, что...

— Именно так, простодушные мои друзья — в ваших жилах течет кровь предка Фаравина, защитника Тиргас Лана. Именно он позаботился о том, чтобы эти стены стали тюрьмой для духа Маргока, и наложил на город проклятие, согласно которому никто, кроме Избранного, не сможет открыть Врата. Но, — добавил колдун с сочувствующей улыбкой, — как это обычно бывает с эльфами, добрый Фаравин был высокомерным нахалом. Проклятие не действовало на представителей его рода, потому что Фаравин был убежден в том, что освободитель Тиргас Лана будет его кровным потомком — и в некотором роде оказался прав. Потому что вы оба — его потомки.

— Так мы таки Избранные, — заметил Бальбок.

— Я бы не сказал. Вы, скорее, то, что я называю прихотью судьбы, песчинки в жерновах времени, потому что в первую очередь вы — орки. Поэтому проклятый лес сначала воспринял вас как нежеланных гостей и послал на вас тролля.

— Да что ты говоришь, — ответил Раммар, прилагая максимум усилий, чтобы его голос звучал ровно. — А откуда тебе все это известно?

— Когда темный эльф Маргок был изгнан после поражения в Первой войне, он отступил в крепость, которая является моим нынешним пристанищем, — охотно пояснил Рурак. — Там он продолжал заниматься своими запрещенными экспериментами, пока его попытки наконец не увенчались успехом, и он смог подготовить то, что затем стали называть Второй войной в истории Землемирья. Как вам известно, я тоже сражался в той войне, но, когда битва за Тиргас Лан была проиграна, мне пришлось бежать. Я отошел далеко вглубь Гнилых земель, где находилась крепость, бывшая прежде пристанищем Маргока. В глубоких темницах я однажды наткнулся на его тайные записи. Так я узнал, что существуют орки, в жилах которых течет кровь Фаравина, и, после того как мне пришлось ждать несколько столетий, я решил покинуть свое безопасное убежище и возобновить контакт с орками. Мне повезло, потому что я нашел одного из них — полудохлого, с раздробленным черепом...

— Грайшака, — проворчал Раммар.

— Именно его. Я спас ему жизнь и кое-что изменил в его мозгу, так что он стал моим верным и надежным слугой. Он охотно помог мне найти вас и претворить мой план в жизнь.

— Так вот как все было, — проворчал Раммар, мрачно глядя на колдуна.

Тот кивнул, снова злобно ухмыльнувшись.

— Я думал, вам стоит узнать это, прежде чем ваши брюха наспигуют луком и чесноком и в качестве главного блюда подадут к столу на пиру в честь Маргока.

У орков не было возможности что-либо ответить на это, потому что вновь послышались шаги. В дверях показались два *файхок'хай*, волочивших по полу полумертвого Корвина.

Выглядел охотник за головами ужасно. Весь его обнаженный торс был покрыт ожогами и кровавыми полосами. Лицо его и раньше нельзя было узнать, а теперь там, где был левый глаз, зияла окровавленная рана, перевязанная грязной тряпкой. Состояние Корвина было жалким.

За ним шел Грайшак. На лице его блуждала садистская ухмылка, он наблюдал за тем, как Корвина приковали к стене камеры.

— Ну что? — поинтересовался он у Раммара и Бальбока. — Как вы себя чувствуете?

— Преданными и проданными, — признал Раммар.

— Ну что вы. Я уверен, Гиргас гордился бы вами, — принялся насмехаться Грайшак. — Чего вы только не предпринимали, чтобы вернуть его голову! Никаких усилий не жалели — и все же оказались в кладовой. Насмешка судьбы, можно сказать.

— Нет, — возразил Бальбок, — это ты так некрасиво поступил с нами. И за это я размозжу тебе голову, клянусь в этом.

— Ой-ой, правда? — Грайшак сочувственно зацокал татуированным языком. — Интересно посмотреть, с чего ты начнешь. Но, может быть, тебе просто стоит спросить совета у твоего друга, охотника за головами.

И с этими словами предводитель орков разразился раскатистым смехом — смехом, в котором отчетливо слышалось, насколько искажен был его дух. Смех отражался от потолка и стен, и Рурак вместе с *файхок'хай* присоединились к нему.

Внезапно жизнь вернулась к Корвину, который только что висел на цепях бледный и обессиленный.

— Этот смех! — воскликнул он в приступе ярости и силы, которых от него никто не ожидал. — Мне... мне знаком этот смех! Я узнал бы его из тысячи. Это был *ты* ! Это *ты* сделал!..

Грайшак перестал смеяться и обернулся к человеку.

— Что я сделал?

— *Ты* убил женщину, которую я любил! — срывающимся голосом закричал Корвин. — *Ты* — тот самый орк, смех которого преследует меня в самых кошмарных снах!

— Может быть. — Предводитель орков пожал плечами. — Я убил множество людей, среди них много женщин. Так почему бы мне было не убить твою?

— Ублюдок! — заревел Корвин, натянув цепи с такой силой, что браслеты впились ему в запястья. — Жалкая свинья! Я убью тебя, слышишь?

— Встань в очередь, охотник за головами, — с ухмылкой ответил предводитель орков. Затем повернулся и покинул камеру, а за ним вышли колдун и *файхок'хай*.

— Будь проклят, убийца! — в отчаянии и боли крикнул Корвин ему вслед, но ответом ему был только злорадный смех.

— Стоп!

Князь Лорето поднял правую руку, и войско эльфов тут же остановилось. И только карликам, кучка которых шла вместе с воинами-эльфами, потребовалось мгновение, чтобы понять сигнал. Но даже тогда на это среагировали не все.

— Что такое, господин эльф? — поинтересовался Ортмар фон Бут, сын Ортвина. Вот уже много часов войско шло через лес, не встречая никаких следов эльфийки, охотника за головами или двух орков. При этом вонь, витавшая в воздухе, недвусмысленно говорила о том, что чудовища где-то рядом.

Движением руки Лорето велел ему замолчать. Эльфийский князь вел в поводу своего скакуна, потому что заплетенная корнями и лианами лесная почва делала продвижение верхом невозможным. Животное то и дело мотало головой и беспокойно всхрапывало — очевидно, это место не нравилось коню так же, как и предводителю карликов.

Ортмар не намерен был вот так позволять эльфу затыкать себе рот, будь остроухий сколь угодно благородных кровей. Он и его люди не присягали Лорето на верность; они — равноправные партнеры.

— Что такое? — повторил он поэтому снова, хотя на этот раз немного тише.

— Опасность, — ответил эльф. — Полководец Итель и некоторые следопыты отправились вперед, чтобы разведать местность и еще не вернулись.

— Да что вы говорите, — сказал Ортмар, поднимая секиру, чтобы быть готовым к любым неожиданностям. Его люди последовали его примеру, а эльфийские воины подняли щиты и обнажили мечи. — Вы уверены, что священнослужительница и ее сообщники проходили здесь? Я не вижу никаких следов, и у меня такое ощущение, что...

— Ш-ш-ш, — произнес эльфийский князь, снова поднимая руку и давая ему понять, чтоб он замолчал.

В этот момент на другой стороне поляны внезапно зашевелились гигантские папоротники.

Ортмар пробормотал в бороду проклятия и приготовился к битве, но это оказались Итель и остальные, вернувшиеся из разведки. Князь Лорето облегченно вздохнул.

— Ну что? — поинтересовался он у своего заместителя. — Что вы обнаружили?

— Вот это, — ответил Итель, показывая предмет, размером с кулачок. То была пряжка из ржавого металла, погнутая и с небольшими шипами. Ни эльфы, ни карлики, ни люди обычно не носили подобных украшений.

— Орки, — с отвращением заявил Лорето. — Итак, они близко.

— Конечно, близко, — заметил Ортмар. — Я же вам это уже говорил.

— Этот предмет не тех орков, о которых вы упомянули, господин карлик, — поправил его Итель. — Далеко впереди мы обнаружили следы в трясине. Много различных следов, которые указывают на то, что мы имеем дело с немалым количеством чудовищ. С целым войском.

— Что? — непонимающе воскликнул Ортмар. — Но ведь этого не может быть! Откуда они вдруг свалились на нашу голову?

— Из Гнилых земель, — предположил Лорето. — Выше развилки по течению есть мелкое место. Возможно, чудовища использовали его в качестве брода и переправились целым войском.

— Войском? — насторожился карлик. — Сколько их может быть?

— Трудно сказать, — ответил Итель. — Две тысячи, возможно, даже больше. Кроме того, мы обнаружили следы гномьих воинов.

— Гномьих воинов? Но орки и гномы — заклятые враги. Они никогда бы...

— Говорю только то, что видел, — защищался Итель. — Кроме того, я не обязан перед вами отчитываться, господин карлик. Мой предводитель — князь Лорето, а не вы.

Ортмар переводил взгляд с одного на другого. Охотнее всего он, по обычаю карликов, задал бы этим высокомерным остроухим взбучку. Хотя, если Итель прав и в этом лесу действительно бродят две тысячи орков и гномов, будет разумно иметь под боком тысячу эльфов-воинов.

— Конечно, — сказал он поэтому, слегка поклонившись. — И все же стоит задуматься над тем, что делает такое крупное войско орков в этом лесу. Нет ли связи между их появлением здесь и вашей миссией?

— Боюсь, вы правы, мой невысокий друг, — произнес Лорето, но взгляд его был отрешенным. — Нас послали из Тиргас Дуна, чтобы воспрепятствовать несчастью — и подавить грозящую всем нам опасность в зародыше. Но, похоже, мы опоздали. Зло уже нашло путь в...

Он умолк, когда понял, что едва не выдал карлику цель их экспедиции. Зато Ортмар понял, что его предположение подтверждается: эльфы собирались не только приструнить жрицу-предательницу. Каша в Сокрытом Городе заваривалась из-за сокровища, в этом предводитель карликов был совершенно уверен, и его желание завладеть им стало сильным как никогда.

— И что вы собираетесь теперь предпринять? — осторожно спросил он поэтому.

Лорето колебался.

— Что же еще? — сказал наконец остроухий. — Мы продолжим поиски и сделаем то, что до лжно. Даже если это будет означать для многих из нас, что Дальние Берега останутся за горизонтом навеки.

Услыхав слова Лорето, Итель и еще несколько воинов заметно вздрогнули, но смолчали. Пресловутая дисциплина эльфов была, похоже, сильнее всяческих сомнений и страхов.

— Тогда позвольте сказать вам, князь, — торжественно заявил Ортмар фон Бут, — что мы с моими людьми будем рядом с вами в минуту опасности. Когда-то существовал союз между карликами и эльфами, и теперь этот союз будет возрожден. Или вам кажется, что пара острых секир при численном превосходстве орков вам не понадобится?

Лорето одарил его долгим испытывающим взглядом. Наконец его бледные черты озарила улыбка, и спонтанным выражением его чувств стала протянутая Ортмару рука.

— В таком случае позвольте приветствовать вас, брат, — промолвил он. — Народ карликов часто поносят из-за его жадности и стремления к наживе. Но имя Ортмара фон Бута будут отныне прославлять за храбрость и бескорыстие, с которыми он пришел на помощь этому миру. Если бы смертных вроде вас было больше, друг мой, эльфы не стали бы покидать *амбер*.

— Благодарю вас, князь, — поклонившись, ответил сын Ортвина, поэтому Лорето не заметил хитрой ухмылки, промелькнувшей под его бородой, в то время как правая рука карлика пожимала изящную руку эльфа.

Они все еще были пленниками кладовой: Раммар и Бальбок, свисавшие с потолка вниз головами, и Корвин, прикованный к стене темницы.

Изуродованный, покрытый множеством кровоточащих ран, охотник за головами производил жалкое впечатление, и, казалось, в живых его удерживала только ненависть. Он

неутомимо дергал цепи, не замечая того, что металлические пластины вокруг его запястий впиваются от этого в плоть все глубже и глубже. Он постоянно ворчал себе под нос, предвещая своим мучителям смерть и вечное проклятие.

— Да свершится суд мира над этими проклятыми орками! Да поглотит яма Курула все это отродье до единого! Клянусь, если я когда-нибудь отсюда выберусь, этот ублюдок Грайшак умрет от моей руки...

Раммар и Бальбок озадаченно переглянулись. Поскольку они висели вниз головами уже довольно долгое время, их лица приобрели темный цвет, а из носов капала густая орочья кровь. В таком положении им было довольно трудно собраться с мыслями, но идея отплатить Грайшаку за предательство была неплоха.

Братья еще не переварили тот факт, что в их жилах течет благородная эльфийская кровь. Для орка это было неслыханно — наверное, поэтому Грайшак готовил им такой позорный конец, а именно — быть съеденными своим братом, орком, несмотря на омерзительный вкус. С какой охотой Раммар и Бальбок приняли бы разоблачения колдуна за пустую болтовню, но факты — упрямая вещь, ведь им действительно удалось открыть те ворота, закрытые сотни лет...

— Раммар? — спросил Бальбок, а Корвин в это время продолжал возмущаться.

— Что?

— Так мы все-таки орки — или нет?

— Что ты имеешь в виду, дурья башка?

— Ну, если верно то, что говорит колдун, то мы не орки, а эльфы, разве нет?

— Скажи-ка, что у тебя в голове? Вонючая куча *инорша* ? Конечно, мы орки и никто другие! Ты ведь слышал, что сказал колдун: это Темный Эльф сделал нас теми, кто мы есть.

— Понятно, — пробормотал Бальбок, но по его длинному лицу было видно, что это далеко не все, что его занимает.

— Ну, что там еще? — нетерпеливо спросил Раммар.

— Ну, я... — Бальбок умолк; он не осмеливался выразить свою мысль.

— Ну, говори уже; когда повара Грайшака начнут нам пуза луком и чесноком, будет слишком поздно.

— В принципе, это совсем не важно, — сказал Бальбок. — Дело только в том, что я...

— Что еще?

—..что у меня уже не раз возникало чувство, что мы оба немного не такие, как остальные в *больбоуге*, — прошептал он, боясь, что его подслушают.

— Что ты имеешь в виду?

— Помнишь, когда мы еще были маленькими? Все молодые орки шли охотиться на троллей, и только мы должны были оставаться в *больбоуге*. Или когда все получали свой первый шрам, нам нанесли сразу два? Или когда...

— К чему ты клонишь? — строго спросил Раммар.

— Может быть, — сказал Бальбок, — остальные давно уже догадывались, что с нами что-то не так. Что мы другие, я имею в виду.

— Ну и бред! Правда, брат, ты столько всякой чуши наговорил за время нашего путешествия, но это уже чересчур. Мы орки — и дело с концом. Ничего другого я и слышать не желаю.

— А... если я тебе скажу, что я знаю это?

— Что ты знаешь — что?

— Я знаю твою тайну, — произнес Бальбок.

— Да какую еще тайну? — Раммар делал вид, что не понимает, а сам принялся нервно раскачивать цепь.

— Я всегда это знал, — признался Бальбок. — Вообще-то я не хотел тебе этого говорить, но поскольку жить нам осталось недолго...

— Что за тайна? — громче сказал Раммар; заговорщицкий шепот брата сводил его с ума.

— Я знаю, что ты не такой, как остальные орки, — тихо признался брату Бальбок. — Я знаю, что ты... что ты не ешь человечины.

— Кто такое сказал? — залаял Раммар.

— Я наблюдал за тобой. Всегда, когда подают человечину, у тебя либо нет аппетита, либо ты берешь себе другую еду — вот, например, как после битвы с северными варварами.

— Ты, отвратительный, жалкий, лживый... — принялся возмущаться Раммар, но потом передумал. — И давно ты это знаешь? — осторожно поинтересовался он.

— Всегда знал.

— И кому ты об этом рассказывал? Может, уже весь *больбоуг* знает, а?

— Никому. — Бальбок покачал головой, и она заболела. — Ты ведь мой брат, Раммар, твоя тайна в надежных лапах...

— Это меня радует.

— ...но несмотря на это, мне очень неприятно иметь брата, который не ест человечины, — продолжал Бальбок.

— Тебе неприятно? — Раммар подумал, что ослышался. — Ты, жалкий *умбал*, что ты о себе возомнил? Думаешь, ты лучше? Я старался не обращать внимания на то, что у тебя меж ушами сплошной ветер, но если уж на то пошло...

Его перебил громкий хохот — это Корвин веселился, несмотря на свое ужасное положение.

— Что тут такого смешного? — сердито спросил Раммар.

— Вы бы себя слышали, — насмехался Корвин. — Два орка, которых волнует то, принадлежат ли они к своему племени. А один из них к тому же не ест человечины. Что вы за фигуры такие?

— Выбирай выражения, охотник за головами, — проворчал Раммар, — не то может статься, что я изменю своим привычкам.

— Вы, орки, настолько же глупые, насколько жадные. Ваш предводитель предал вас, все ваше опустившееся племя собирается вас сожрать, но все, что вы способны делать в такую минуту, — это причитать, размышляя о том, настоящие ли вы орки или нет.

— На нашем месте ты поступил бы точно так же.

— Ну уж нет. На вашем месте я думал бы о том, как уйти от вертела и сбежать из этой вонючей дыры.

— Сбежать? — Раммар выругался по-орочьи. — Такие глупости способен говорить только человек. Ты хоть видел, как *файхок'хай* нас связали? Не похоже на то, чтобы мы могли вот так просто взять и освободиться.

— И только поэтому вы готовы сдать? Какие же вы простаки. Неудивительно, что мы проиграли войну, с такими-то союзниками.

— Это не орки войну проиграли, а люди, — внес ясность Бальбок. — Это же всем известно.

— Ах, вот как? Так я вам кое-что скажу: чем иметь таких союзников, как вы, уж лучше вести войну в одиночку.

— Вот как? — засопел Раммар. — Тогда позволь сказать тебе, охотник за головами, что ты — подлец, и мы лучше умрем, чем еще раз сразимся рядом с тобой.

— Так вперед, орочья морда. Вы как раз к этому и готовитесь. — Корвин издал горький смешок, и молчание снова воцарилось в темнице, в которую приспешники Рурака на скорую руку превратили кладовую.

Некоторое время никто из трех пленников не произносил ни слова.

— Охотник за головами? — подал наконец голос Раммар, и прозвучало это довольно-таки жалко.

— Да?

— У тебя, что, есть план?

— Вполне возможно.

— Так давай послушаем его, — потребовал Раммар, вытягивая вперед свою

бесформенную голову. — Я весь орк.⁹

— А вы уверены? — насмешливо поинтересовался Корвин. — Придется вам смириться, что вы станете еще худшими орками, чем раньше. И никогда больше не сможете вернуться в *больбоуг*.

Долго раздумывать Раммару и Бальбоку не пришлось. Выбор у них был между бегством и перспективой быть сожранными себе подобными; знакомой вони их пещеры им все равно никогда больше не вдохнуть. Быстро переглянувшись, они пришли к согласию и мрачно кивнули друг другу (из-за чего у обоих сильно разболелись головы).

— Так слушайте внимательно, — прошептал Корвин. — Я не собираюсь сдохнуть в этих чертовых стенах и не желаю отдавать Аланну этому ненормальному колдуну.

— Ты хочешь освободить ее? — Раммар был настроен скептически.

— Вот именно. А еще мне нужна голова Грайшака. Гибель моей возлюбленной на совести у этой свиньи, и он более чем заслуживает смерти.

— *Корр*, — согласился с ним Раммар. — Я тоже такого мнения.

— Нужно держаться вместе, если удастся бежать, — напомнил Корвин обоим оркам и открыл им наскоро придуманный план.

Мерцающие отсветы факелов создавали в тронном зале древней цитадели королей жуткий призрачный свет.

В далекие дни эльфийского правления король и его свита находились здесь бо льшую часть времени, здесь же заседал суд, здесь слагалась история царства, простиравшегося от южного берега моря и до самых склонов Северного вала, от Гнилых земель на западе в глубь восточных холмов.

Но все это было в прошлом. Эльфийская империя развалилась и там, где некогда блистала столица, драгоценнейшая жемчужина ее короны, сегодня буял гигантский лес, а столица превратилась в руины, гордые башни и зубцы покрылись вязкой сажей, свидетельствующей о присутствии зла. Там, где когда-то восседал эльфийский король, маячила худощавая фигура колдуна в черной-пречерной накидке, с длинной, до пояса, бородой. Глаза, глядевшие из-под капюшона, светились нескрываемой злобой. Рядом с тронном стоял колдовской жезл, вырезанный из темного дерева, с черепом в качестве набалдашника, в глазницах черепа сверкали изумруды.

Придя в себя, Аланна тихо застонала. Первое, что она увидела, был взгляд колючих глаз, которые Рурак не отводил от пленницы. Эльфийка осознала, что лежит на алтаре из гладкого полированного камня, поверхность которого показалась ей такой же холодной, как лед Шакары. С нее сняли белоснежное платье, а вместо него надели неприметную черную рясу. Руки и ноги были связаны, во рту — грязная тряпка вместо кляпа, мешавшая ей закричать от ужаса.

Рурак выждал, пока жрица окончательно придет в себя. А затем схватил свой жезл, поднялся с алебастрового трона, спустился по ступенькам и угрожающе навис над Аланной.

Она уставилась на него широко открытыми глазами, вспоминая и вновь осознавая те страшные вещи, которые произошли за последние часы перед тем, как она упала в обморок. Вспомнила она и о том, что собирался сделать Рурак. Хотела что-то сказать, но из-за кляпа смогла только сдавленно замычать.

— Вы, наверное, спрашиваете, что здесь происходит, — предположил колдун, делая костлявой рукой движение, охватывающее тронный зал; так же, как и в сокровищнице, над тронным залом высился высокий купол, у стен стояли почерневшие статуи, а темнота по ту сторону окон заставляла предположить, что ночь уже наступила.

С купола капала та самая вязкая черная масса, которая встречалась Аланне и ее спутникам в других местах цитадели, а в центре круглого зала находилось такое же круглое

⁹ Орочий вариант выражения «я весь внимание».

отверстие, окруженное невысокими перилами, и через это отверстие падал луч голубого света, источник которого находился в самом высоком месте потолка-купола.

Это был тот самый луч света, в котором висела эльфийская корона. Тронный зал, как определила Аланна, находился прямо над сокровищницей, как и описывал Фаравин, а отверстие в полу вело прямо к золоту и драгоценным камням...

Аланна оглядывалась по сторонам до тех пор, пока Рурак насмешливо не расхохотался.

— Вы правы, эльфийская священнослужительница. В древние времена это было место радости и счастья, мира и справедливости. Часть меня хорошо помнит это. Что касается счастья и радости, то я не уверен — но мир и справедливость вновь воцарятся здесь, как только Маргок вернется в мир живых.

Аланна не могла больше сдерживаться. Пытаясь избавиться от пут, она протестовала изо всех сил, но вновь не смогла произнести ничего, кроме нескольких глухих звуков.

— Вы чувствуете его присутствие? — спросил Рурак. — Его дух здесь. Все, что ему нужно, чтобы вырваться из заточения, когда-то навязанное Фаравином, это жизненная энергия эльфа благородного происхождения. Или эльфийки. Когда я увидел вас, Аланна, то сразу понял, что вы просто созданы для этой задачи. В тот миг, когда вы оставите на этом алтаре свою жизнь, вернется тьма, чтобы повести к победе силы Хаоса.

— Мхм, — снова повторила Аланна, отчаянно мотая головой. Рурак захихикал и жестом подозвал нескольких орков, прежде державшихся в тени. Они подошли, схватили Аланну и грубо расхохотались. Аланна сопротивлялась, насколько могла — связанной и с кляпом во рту, ей нечего было противопоставить этим чудовищам.

— Хорошо держите ее, жестокие мои друзья, — сказал Рурак *файхок'хай*, а затем вынул из-под накидки кинжал, клинок которого был таким же изогнутым, как и кинжалы эльфов, только совершенно черным. — Как только взойдет луна, придет время возвращения Маргока, и мы все будем тысячекратно вознаграждены за свою верность.

Орки засопели; если бы они получили возможность убивать и поджигать по мере своих потребностей, это было бы для них достаточным вознаграждением. Взгляды, которые бросала Аланна на своих мучителей, были исполнены отвращения.

— Не смотрите так на моих помощников, — предупредил ее Рурак, — потому что они больше похожи на вас, чем вы думаете. Происхождение у эльфов и орков одно, и когда Маргок вернется, он продолжит то, что начал: не останется эльфов, орков, людей, карликов и гномов, все сольются в одну-единственную расу, которая будет бродить по Землемирию и повиноваться своему темному Повелителю...

С отчаянной силой Аланна сумела выплюнуть кляп.

— Нет! — в ужасе воскликнула она. — Вы не имеете права этого делать! Это означает конец всему!

— Вот именно, — сказал Рурак и начал бормотать формулу призыва, от звуков которого по спине пробежал холодок...

И вдруг за стенами тронного зала раздался громкий крик, послышался торопливый топот сапог, и ночь, только что царившая по ту сторону высоких окон, осветилась трепещущим светом огня.

— Что здесь происходит? — строго закричал Рурак, глядя на *файхок'хай*. Ответа он не получил, зато распахнулись створки дверей в тронный зал, и появился не кто иной, как Грайшак. Орк со стальной пластиной торопился, высокомерная уверенность исчезла с его лица.

— Учитель! — закричал он так громко, что по огромному залу разнеслось эхо. — О великий волшебник, послушайте меня!

— Что? — недовольно спросил Рурак. — Как ты осмеливаешься мешать мне именно сейчас, ничтожный ты червяк?!

— Я червяк, я знаю, — заверил его Грайшак, бросаясь перед колдуном на колени. — Не браните меня, о великий учитель, хотя я принес плохие новости.

— Плохие новости? О чем ты говоришь?

— Цитадель подверглась нападению.

— Нападению? — Колдун отбросил капюшон мантии, обнажая лысый шишковатый череп, кожа на котором местами подгнила, и проглядывали оголенные кости.

— Это эльфы и карлики, — сказал Грайшак и голос его задрожал. — Под покровом темноты они прошли Великие Врата и внезапно оказались прямо у цитадели.

— Чушь! — взволнованно воскликнул Рурак. От его голоса содрогнулся пахнувший смертью и разложением воздух. — Ты говоришь невозможные вещи!

— Посмотрите сами, учитель, — предложил Грайшак, указывая на покоящийся на треножнике черный шар, похожий на тот, что протаскал за собой всю дорогу Бальбок.

Рурак подошел к шару, повел над ним костлявыми пальцами, бормоча магические формулы. После этого шар засветился изнутри, и черная поверхность посветлела. В шаре стали видны картинки, сначала нечеткие и размытые, но затем изображение улучшилось. Стали видны эльфийские воины, шедшие с факелами в руках по главной улице Тиргас Лана.

— Клянусь темной душой Маргока! — воскликнул колдун. — Как это могло случиться? Откуда взялось это проклятое эльфийское войско?

— Не знаю, — подавленно признался Грайшак.

— Сколько их?

— Много, — беспомощно ответил Грайшак.

Рурак вздохнул, хорошо помня, что у орков проблемы со счетом.

— Их больше, чем нас? — переформулировал он вопрос.

— Нет, мастер.

— Тогда не о чем волноваться. — Рурак несколько успокоился. — Вставай, дурак! И защищай цитадель! До последней капли своей черной крови, если понадобится! Ни один эльф не должен войти в зал, пока я не закончу церемонию. Ты меня понял?

— *Корр*.

— Когда Маргок вернется, он сотрет слуг Света в порошок при помощи своей темной силы — но до тех пор ты, Грайшак, должен защищать цитадель от врагов!

— Конечно, учитель.

— Это нападение оказалось для нас неожиданным, признаю. Но пусть даже эльфы неведомым мне способом прознали о моих планах, они пришли слишком поздно для того, чтобы удержать меня. Все готово, и когда слабый лунный свет пробьется через облака, кинжал Маргока обеспечит возвращение Великого в этот мир! Господин орков вернется — и вы, дорогая моя, — его лихорадочно горящий взгляд упал при этом на Аланну, — должны будете при этом умереть...

8. Ойнзохг!

Князю Лорето Тиргас-Дунскому казалось, что он является частью сна, с одной стороны, восхитительного, а с другой стороны — невероятно страшного.

Хотя он прекрасно знал историю Второй войны и ему было известно, какую тайну хранил храм Шакары и что скрывается под пологом проклятого леса Тровны, эльфийский князь был глубоко тронут и потрясен, когда оказался перед Великими Вратами Тиргас Лана.

Целый день эльфы шли по следам войска орков, широкой полосой тянувшимся через чащобу, и в лучах заходящего солнца наткнулись на гигантские каменные ворота, которые некогда запечатал сам Фаравин.

Но Лорето был не просто заворожен их видом, он пришел в ужас — потому что Великие Врата были распахнуты, и этому существовало только одно объяснение: Аланна выдала тайну Шакары, да еще и кому — оркам, отбросам *амбера* !

Князь Тиргас Дуна и Верховный Мечник Высокого Совета признался себе, что никогда на самом деле не верил в предсказание. Пророчество Фаравина было чем-то таким, чем каждого эльфа пичкают с ранней юности, но на протяжении столетий все настолько крепко вцепились в эту историю, что в какой-то момент вполне естественно возникли сомнения. И

более того, Лорето то и дело высказывал эти сомнения, пусть и шепотом; но нельзя исключать, что именно он заразил своими сомнениями Верховную священнослужительницу Шакары. Тем забавнее казалась ирония судьбы — именно он должен был теперь помешать Аланне предать Тиргас Лан. Однако было похоже, что он пришел слишком поздно, и в этот же миг Лорето понял, почему они смогли беспрепятственно пройти через дебри Тровны: Врата Тиргас Лана открыты, а значит, проклятие Фаравина снято. Но как, спрашивал себя Лорето, смогли они открыть Врата, если это под силу только Избранному?

Пока эльфийский князь размышлял над этим, его воины и карлики валили ровные деревья, чтобы сделать из них штурмовые лестницы. Итель вынес это предложение на рассмотрение Лорето. Военачальник опасался, что орки заняли древнюю цитадель королей в центре Сокрытого Города и что они успеют там закрепиться, как только почуют присутствие эльфов. Поэтому, может статься, придется брать крепость штурмом. Лорето счел эту мысль мудрой; да и сам Лорето оказался очень умным и мудрым Верховным Мечником, раз сделал военачальником такого эльфа, как Итель.

Вот уже зажглись факелы, изменилось построение. Конный авангард под предводительством Ителя первым въехал в распахнутые настежь ворота города-крепости. За ними следовал отряд в тысячу эльфийских воинов, среди них был также Ортмар фон Бут и его карлики. Мерцающий свет факелов разгонял тьму, освещая улицы города-призрака.

Князь Лорето двигался во главе основной части войска. Никогда прежде не доводилось ему бывать в Тиргас Лане. Город — несмотря на неверие в пророчество Фаравина — никогда его по-настоящему не интересовал, он вообще сомневался в существовании древней твердыни королей. Копание в прошлом не вязалось с его жизненной философией, он гораздо охотнее уносился мыслями в будущее, которое манило подальше от любых дел смертных — на Дальние Берега.

Но Дальние Берега были далеко, а корабль, который должен был отвезти его туда, отплыл без него. Вместо того чтобы находиться на борту корабля, он находился в Тиргас Лане, темной ночью, во главе войска, и запах тления, витавший здесь, не предвещал ничего хорошего: в этом месте творилось зло. Лорето мысленно упрекал Аланну в том, что она поставила его в такое неловкое положение — сбежала из храма Шакары и показала каким-то жалким чудовищам дорогу в Сокрытый Город. Эльфийский князь поклялся себе, что бывшая возлюбленная ответит за это...

Лорето и его войско приближались к цитадели. На зубцах башен запылали желтые огни. Сначала эльфийский князь насчитал дюжину, но это число удваивалось и утраивалось с быстротой молнии — а затем все огни поднялись в темное небо, оставляя за собой в черноте ночи светящиеся следы.

Зрелище было завораживающим — пока Лорето внезапно не осознал, что это: огненные стрелы!

— В укрытие! — пронзительно скомандовал он, после чего пехотинцы накрылись щитами — и вовремя.

Вот уже стрелы забарабанили по щитам, поливая улицу смертоносным огненным дождем. Некоторых зазевавшихся поразило орочье оружие, но большинство все же отразило их щитами. Несколько мгновений — и стрелы погасли, но Лорето видел, что на стенах крепости уже готовится следующая атака.

— Орки! — хрипло кричал кто-то — это был не кто иной, как военачальник Итель, возвращавшийся к основной части войска во главе авангарда. — Это орки! Целое войско! — Он придержал коня рядом с князем Лорето, и вымолвил:

— Чудовища вооружены до зубов, господин, и, предположительно, они захватили крепость!

— Я так и знал! — прошипел Лорето, и в следующий же миг из цитадели донесся разъяренный рев орков. Эльфийскому князю стало не по себе. Он не хотел этого, не хотел сражаться и рисковать жизнью за дело, в которое ни капельки не верил. Какое ему дело до того, куда катится мир смертных? Если Аланна вступила в союз с исчадиями Тьмы, то это не

должно его волновать; он все равно собирался покинуть юдоль смертных, чтобы обрести родину на Дальних Берегах.

— Что нам делать, князь Лорето? — тормозил его Итель. — Командовать наступление?

— Наступление? — Лорето заколебался. Конечно, одна его часть, которую воспитывали в осознании своих обязанностей и в дисциплине, хотела уступить чувству долга военачальника, но другая, напротив, давным-давно понимала, что битва за *амбер* проиграна; так зачем же ставить на кон свою жизнь: спасти мир, который не хочет, чтобы его спасали?

— Нет, — сказал Лорето, покачав головой. — Мы не станем наступать.

— Что? — недоуменно уставился на него военачальник.

— Командуйте отступление, великолепный Итель.

— Но...

— Наша задача заключалась в том, чтобы освободить Верховную священнослужительницу Шакары из-под власти похитителей, *прежде чем* она укажет им путь в Тиргас Лан. Очевидно, теперь уже слишком поздно, так что здесь нам делать нечего.

— Но, князь Лорето! Мы не можем допустить, чтобы чудовища захватили город королей. Вы же знаете, чей дух по легенде заперт в стенах Тиргас Лана!

— Ну и что? Вы что же, думаете, что я принесу в жертву жизни моих людей из-за старой истории о призраках?

— Но в трудах Фаравина...

— Я знаю, что написано в трудах Фаравина, военачальник Итель. И все же я не склонен свою жизнь и жизни моих воинов...

— Прошу прощения, князь Лорето, — перебил его Ортмар фон Бут; предводитель карликов все слышал и не собирался так легко отказываться от сокровищ. — Вам не кажется, что вы просто не хотите утруждать себя? Разве это не ваша священная обязанность — защищать древний город всеми силами?

— Как вы осмеливаетесь делать мне замечания, господин карлик? — разозлился эльфийский князь. — По какому праву вы берете на себя смелость решать, что относится к моим обязанностям, а что — нет?

— По праву того, кто готов пожертвовать своей жизнью и жизнями своих людей ради того, чтобы загнать силы Тьмы туда, где им положено находиться, — твердым голосом заявил Ортмар. — Сын Ортвина дал вам слово, что будет вместе с вами сражаться против чудовищ. И вы тоже дали мне свое слово. Хотите сказать, что слово эльфа в наши дни ничего уже не значит?

— Карлик прав, мой князь, — согласился Итель с сыном Ортвина. — Вам стоит подумать о своей славе, о порядочности, связываемой с вашим именем. Если вы сейчас скомандуете отступление, Высокий Совет расценит это как поражение и трусость, и вам не позволят отправиться к Дальним Берегам.

Лорето шумно вдохнул прохладный ночной воздух, втягивая ноздрями смрад пожарища и смерти. Возвышенные слова карлика не могли повлиять на его решение, а вот угроза Ителя заставила его задуматься. Военачальник был прав: если он без боя сдаст Тиргас Лан силам Хаоса, ему откажут в праве отплыть к Дальним Берегам. По крайней мере, Лорето должен хотя бы для вида приложить все усилия к тому, чтобы освободить занятую орками цитадель и...

— Горящие стрелы! — закричал кто-то, и вот уже снова полетели в них огненные снаряды, волоча за собой серые полосы дыма.

Стоявшему рядом с Лорето молодому эльфийскому воину стрела вонзилась в грудь. Он упал; оперение стрелы продолжало пылать в трепещущем теле.

В горле у Лорето образовался комок.

— Ну хорошо, — бесцветным голосом сказал он. — Мы атакуем!

— Стража! Стра-а-а-ажа! Ко мне, сейчас же!

Раммар ревел настолько громко, что едва не сорвал голос, хотя шум битвы, бушевавшей у ворот цитадели, не доносился до их темницы.

— Это еще что такое? — в ужасе спросил его Корвин. — Зачем ты зовешь стражу?

— Молчи! — грубо оборвал его Раммар. — Стража! Проклятье, да идите же сюда! Я должен сообщить вам кое-что важное! Этот пленник собрался бежать!

— Предатель! — закричал вне себя Корвин. — Жалкая орочья морда! Я так и знал, что тебе нельзя доверять!

— Раньше думать надо было, — прорычал Раммар, все еще висевший на потолке вниз головой, и снова закричал. — Стража! Стра-а-ажа!

Наконец перед зарешеченной дверью раздались шаги. Появился гном-воин, которого поставили охранять пленников — отвратительный, на удивление крупный для своей расы парень, с торчащими на зеленой морде желтыми клыками.

— Ну наконец-то, — проворчал Раммар. — Самое время. Подойди сюда, я должен сказать тебе кое-что важное!

— Предатель! — бушевал Корвин, дергаясь на цепях. — Жалкая вонючая свинья!

Похоже, гному понравилось, что пленники ссорятся, и он злорадно захихикал. Он открыл дверь темницы и вошел, приподняв копьё.

— У меня важное сообщение для Грайшака, — затараторил Раммар. — Вон тот человек собирается бежать из темницы и ужасно отомстить нашему любимому предводителю. Кроме того, он хочет освободить эльфийскую священнослужительницу, одноглазый подонок!

Похоже, гном понял каждое его слово и злобно засопел. Он обернулся к охотнику за головами, чтобы слегка помучить его наконецником копьё. Уродец наносил все больше уколов, и Корвин каждый раз вскрикивал.

— Ты пожалеешь об этом, орк! — бушевал он. — Сам Курул пошлет ужасные молнии, чтобы поджечь твой проклятый *асар*, и от тебя не останется ничего, кроме вонючей, клокочущей...

Больше ничего сказать он не успел, потому что в этот момент в игру вступил Бальбок.

Худощавый орк, свисавший с потолка с закрытыми глазами, словно потерявший сознание, внезапно подтянулся на своей цепи, сильно качнулся, и обрушился прямо на гнома.

Зеленокожий, чье внимание было обращено на Корвина, которого он то и дело тыкал копьём, не заметил манипуляций Бальбока. А тот широко раскрыл рот — и изо всех сил цапнул!

Острые, как ножи, орочьи зубы прокусили грубую кожу и вонзились в жесткую плоть. Во все стороны брызнула зеленая гномья кровь, когда клыки Бальбока разорвали артерию стражника. Гном заверещал словно сумасшедший и принялся отбиваться, но Бальбок не отпускал.

Раскачиваясь на цепи, он таскал за собой гнома, тряся его, как прожорливый хищник трясет свою жертву. От вкуса теплой, несоленой гномьей крови его едва не вывернуло, но он заставил себя сильнее сжимать зубы — пока шея гнома не сломалась с омерзительным хрустом. Визг тут же утих, и гном вяло и безжизненно обвис в клыках Бальбока.

— Ну наконец-то, — проворчал Раммар. — Я уже думал, ты будешь тянуть до завтра, жалкий *умбал*!

— А ты неплохой актер, толстячок! — уважительно сказал Корвин. — Я даже на какой-то миг подумал, что ты решил все переиграть.

— Чтоб ты знал, человек, — мы, орки, полны сюрпризов.

— Похоже на то, — пробормотал Корвин, глядя на безжизненного гнома в зубах у Бальбока. — А теперь бросай его сюда, длинный, чтобы я мог дотянуться до ключа.

— М-м-х, — произнес Бальбок, сообщая, что понял, и снова принялся раскачиваться на цепи туда-сюда, на этот раз в направлении Корвина. Труп стражника он использовал как противовес, а затем бросил его Корвину, настолько точно, что человек поймал его прикованными над головой руками, и охотнику за головами каким-то образом даже удалось

ухватить связку ключей, закрепленную на поясе гнома.

Было очень трудно скользкими от своей собственной и гномьей крови руками вставить ключ в замок наручников и открыть его — но в конце концов Корвин оказался на свободе, не помня себя от счастья.

— Эй! — крикнул ему Раммар, беспомощно болтаясь под потолком. — Ты про нас не забудь-то, *корр*?

— *Корр*, — согласился Корвин и ухватился за лебедку, при помощи которой опускались цепи. Раммар и Бальбок ударились головами об пол и принялись ругаться, но, когда Корвин наконец освободил их от пут и орки, хоть и нетвердо, встали на ноги, они поуспокоились.

— Что теперь? — спросил Бальбок, потирая череп.

— К Аланне! — сказал Корвин, забирая бесхозное копье гнома. — Этот колдун собирается сотворить с ней какое-то свинство, но я не допущу этого.

— Иди уже, — сказал ему Раммар. — А мы с Бальбоком будем тем временем пробиваться к сокровищнице.

— Об этом и речи быть не может, — возразил ему Корвин. — Мы останемся вместе, на случай, если встретимся с толпой орков.

— Хорошо, тогда идем все к сокровищнице, — решил Раммар. — А об эльфийке позаботимся позже.

— Позже будет поздно, до тебя что, плохо доходит? — заорал на него Корвин. — Аланне нужна помощь, мы не имеем права бросать ее в беде! Ведь именно *ей* мы обязаны тем, что вообще находимся здесь.

— Это точно, — согласился с ним Бальбок.

— Кроме того, этот Грайшак тоже будет рядом с ней, — более спокойным тоном продолжал Корвин, — и, если я все правильно понял, я не единственный, кто хочет с ним покончить.

— Не единственный, — признал Раммар, засопев с такой силой, что из ноздрей у него повалил пар. — Это уж точно.

— Итак?

— Позаботимся об эльфийке, — угрюмо согласился Раммар. — А потом заберем сокровище...

Главная улица Тиргас Лана дрожала от грохота эльфийских шагов, приближавшихся к главным воротам цитадели. Орки опустили решетку, но не закрыли створки ворот — рычащая, скалящаяся орда, кровожадно вращая глазами, толпилась по ту сторону решетки, и им не терпелось обрушиться на противника.

Эльфийский князь передал командование пехотой военачальнику Ителю. Сам Лорето командовал лучниками. Таким образом, по его оценке, он сильно увеличивал свои шансы остаться в живых в предстоящей битве.

— Стрелы! Спустить! — приказал он, и эльфы-воины отправили в полет тонкие жала.

В отличие от орков, они не поджигали стрелы, чтобы чудовища не видели летящей смерти в ночной темноте. Только многоголосое гудение, на мгновение повисшее в воздухе, предупреждало об опасности, а затем на орков обрушивались сотни оперенных смертей.

Со своей позиции Лорето не мог различить, скольких орков поразил первый удар — но по крику чудовищ понимал, что многие выстрелы достигали цели. Может быть, надеялся он, битву можно будет выиграть и на расстоянии...

Военачальник Итель не поддавался этой иллюзии, равно как и Ортмар фон Бут. Бок о бок продвигались эльфийский полководец и предводитель карликов к цитадели и вели своих людей, причем эльфийские воины дисциплинированно шли фалангой, а карлики, громко рыча, что было духу неслись вперед, чтобы поспевать за широким шагом своих братьев по оружию.

На галереях орки приветствовали неприятеля потоком горящих стрел, в большинстве

своим отскакивавших от щитов эльфийских воинов или отраженных секирами карликов. Но то и дело та или иная стрела пробивала защиту нападающих и то там, то здесь вскрикивал эльф, пораженный в грудь или в шею.

И тут же товарищи закрывали образовавшуюся брешь. Ровным шагом они приближались к стене, не обращая внимания на ужасающий вид врага, ожидавшего их на стенах, — и наконец эльфы и карлики добрались до ворот цитадели.

Итель поднял меч, отдал резкий приказ, и фаланга его воинов разделилась. Закрываясь щитами от стрел и камней, летевших со стен, эльфы подняли импровизированные штурмовые лестницы, а стройная колонна, которая еще в незапамятные времена была вытесана из мрамора, стала импровизированным тараном.

Под защитой следующего выстрела лучников Лорето, эльфийские воины ударили колонной по решетке, за которой ревела, бушевала и брызгала слюной толпа орков. Храбрые воины устремились под завесой из стрел и дыма, и импровизированный таран с ужасающей силой ударился о препятствие. Решетка дрогнула, и некоторые орки, взобравшиеся по ней, потеряли равновесие и рухнули на *сапарак'хай* своих же товарищей, но ржавый металл устоял под ударом.

Эльфы тут же отступили и перегруппировались для следующего удара. Немало эльфов полегло при этом под градом камней, которыми орки забрасывали их со стены. Нападающие снова и снова атаковали решетку, в то время как их товарищи пытались взобраться по лестницам на стены цитадели. Атакой руководил сам Итель; словно знамя развевался его голубой плюмаж.

К оркам на стенах присоединились гномы. Согнувшись, они сидели за зубцами и посылали в атакующих ядовитые стрелы. Стрелы находили цель, и смелые эльфийские воины с криком падали наземь. Но Итель упорно вел войска в бой; брался за дело, когда нужно было поднять штурмовые лестницы. Он первым поднялся наверх, оказавшись лицом к лицу с иступленными чудовищами.

Лорето наблюдал с безопасного расстояния за битвой, кипевшей у стен. И, хотя он ненавидел войну и битвы, внезапно его грудь переполнилась гордостью — гордостью за своих солдат, которые так храбро сражались против армии монстров. С помощью Ителя — он был в этом уверен — ему удастся взять цитадель. Пусть военачальник спокойно рискует своей жизнью — он, Лорето, пожнет его славу...

В сопровождении нескольких карликов и эльфов Итель оказался на вершине лестницы — сияющий наследник Фаравина на пути к победе. Он уже добрался до самой стены, готовый вспрыгнуть за зубцы, чтобы карающим мечем остановить силы Хаоса — когда ржавое лезвие орочьей секиры одним-единственным ударом отделило его голову от шеи.

Лорето в ужасе наблюдал за тем, как шлем с голубым плюмажем полетел в сторону, в то время как обезглавленное тело Ителя упало, сметая с лестницы тех, кто следовал за ним. А на зубцах цитадели поднялся орк, обезглавивший смельчака — отвратительный, грубый самец, в глазах которого пылало настоящее безумие, а левая половина его головы была закрыта сверкающей стальной пластиной.

Чудовище издало дикий, оглушительный рев, от которого мурашки побежали по коже, и взмахнуло окровавленным топором — и у Лорето возникло чувство, что взгляд бушующего над всей битвой был устремлен прямо на него.

— Клянусь Дальними Берегами, — тихо пробормотал он, а потом словно разверзлась тьма и поглотила войско эльфов.

На стенах цитадели появился большой котел — и, прежде чем Лорето или кто-либо другой успел предупредить об опасности или дать приказ к отступлению, на эльфов, несших таран, полилась кипящая смола.

Крики воинов были ужасны. В следующий миг на стенах вновь полыхнул огонь, и вниз понеслись горящие стрелы. В мгновение ока площадь перед воротами превратилась в бушующее море пламени, яростно пожиравшее все, до чего могло дотянуться.

Лорето видел, как солдаты бежали прочь, похожие на живые факелы, видел карлика,

борода которого занялась, и он пронзительно кричал и визжал, а в это время пламя уничтожало его лицо. В нос эльфийскому князю ударил запах горелой плоти, его затошнило. Он беспомощно наблюдал за тем, как наследники Фаравина гибли в огне и в дыму.

Его охватила паника, мешая ясно мыслить. Предводитель эльфов стоял неподвижно. Уже давно он перестал отдавать приказы об атаке, порядок в стройных рядах эльфийских воинов нарушился. Одни были мертвы или ранены и, извиваясь, ползали по земле, другие с криками обращались в бегство. Совсем немногие оставались на своих позициях, но и они умирали в горящей смоле или под градом стрел.

— Господин! — До ушей Лорето донесся издалика чей-то голос. — Господин, что прикажете?..

Лорето потребовалось время, чтобы сквозь охвативший его туман ужаса понять: это к нему подошел лучник, совсем молодой эльф семидесяти или восьмидесяти лет, вопросительно и неуверенно глядевший на него.

— Что прикажете, господин? — повторил лучник. — Наши мечники и союзники из Царства карликов находятся в крайне бедственном положении. Мы должны напасть, господин, и помочь нашим братьям по оружию!

— Помочь... — эхом в устах Лорето прозвучали слова воина, глухо и бессмысленно. После всех ужасов, которые он видел, эльфийскому князю не хотелось помогать другим или даже пытаться изменить что-то в этой неравной битве. Он не хотел кончить свою жизнь так, как Итель, не хотел стать жертвой орка-варвара, секира которого не знала уважения к превосходству или к возрасту эльфийской культуры.

Все, чего хотел Лорето, это взойти на корабль, плывущий к Дальним Берегам, а для этого он должен выжить...

— Нет, — сказал он поэтому, и в его голосе было столько твердости и решительности, что он сам себе удивился.

— Нет? — Молодой лучник поднял брови. — Что это означает, господин?

Лорето обратил взгляд к Вратам, где продолжали сражаться и умирать. Хриплый рев орков наполнял ночь, ему отвечал крик раненых и отчаянные призывы нападающих.

— Это означает, что битва проиграна, — спокойным голосом пояснил эльфийский князь. — Мы отступаем.

9. Оунхон-айрун

Пляшущие отсветы пламени, бушевавшего перед воротами цитадели, проникали через высокие окна тронного зала; были слышны крики орков, звон оружия и хрипы умирающих. Но Рурак Палач ни на что не обращал внимания.

Колдун стоял с закрытыми глазами, погруженный в глубокую медитацию, бормоча слова на древнем, запретном языке. Черное острие магического кинжала указывало на Аланну, лежавшую на жертвенном камне и удерживаемую неумолимыми стражами.

Файхок'хай насмехались над ней. Наблюдая за тем, как эльфийка отчаянно барахтается в своих путах, они заливались раскатистым смехом. Расширенными от ужаса глазами Аланна глядела на клинок, угрожающе раскачивавшийся над ней, и последними словами ругала себя за то, что отвернулась от Шакары и перечеркнула свою прошлую жизнь. Ну зачем ей понадобились разнообразие и приключения? В своем легкомыслии она предала все: вместо того чтобы хранить тайну о Тиргас Лане, доверенную ей, именно она станет тем, кто вновь высвободит дух Темного Эльфа через собственное жертвоприношение. *Амбер* погрузится во тьму, как уже было когда-то, — и виновата в этом будет эльфийская священнослужительница благородных кровей...

Глаза ее застилали слезы отчаяния, мысленно она молила предков и космический порядок о прощении за все, что натворила в своем высокомерии и легкомыслии. Но ироничный смех орков и черный клинок, зависший над ее грудью, казалось, говорили, что прощения не будет...

На мгновение тронный зал заполнился бледным светом — Луна вышла из-за туч и слабо осветила Сокрытый Город — и мгновением позже в комнате промелькнула молния, появившаяся прямо из ниоткуда.

Смех орков тут же смолк.

— Курул! Курул! — бормотали чудовища, и в их подернутых кровавой поволокой глазах читался страх.

Древний тронный зал наполнился ледяным дыханием, проникавшим под одежду и сквозь кожу; эльфийка моментально продрогла до костей. Холод сменил неестественный ветер, перешедший в вихрь — в древних стенах поднялась буря. И в жалобном завывании ветра Аланне послышался пронзительный, ликующий хохот — или ей показалось?

Тысячелетняя пыль, щепки трухлявого дерева, свечи и мелкие осколки камня — все поднялось, закрутилось в диком урагане, центром которого был алтарь. Рурак, со своим черным кинжалом склонившийся над Аланной, стоял в эпицентре вихря; ветер даже не касался его. А орки в панике озирались, истошно вопя, и наконец, когда из ниоткуда снова полыхнули молнии, сломя голову бросились наутек. *Файхок'хай*, может, и были самыми лучшими и храбрыми воинами своего племени, но, когда сам Курул показал свою силу и послал молнии, их охватил ужас.

Рурак не обращал на них внимания. Колдун по-прежнему с закрытыми глазами бормотал слова призыва. Аланна сомневалась в том, что он вообще заметил, что творится вокруг, и, несмотря на свой страх и отчаяние, решила, что это возможность для побега. Так же, как была, связанная, она хотела скатиться с алтаря, чтобы избежать смертоносного клинка, который мог обрушиться на нее в любой миг.

Ей удалось повернуться, и она собиралась уже сползти за край камня, когда случилось нечто неожиданное. В зале снова сверкнули молнии, но на этот раз они сконцентрировались на кинжале, который Рурак держал в поднятой руке, другой судорожно вцепившись в посох.

Яркие молнии ударили со всех сторон в черный клинок и, казалось, слились с ним воедино — и одна молния, не яркая и не слепящая, а, наоборот, непроглядно черная, вылетела из острия оружия и ударила в Аланну. В мгновение ока эльфийка потеряла способность двигаться. Ее наполнила тлетворная энергия, тело содрогалось в конвульсиях.

— Нет! — закричала она, терзаемая болью и охваченная ужасом, понимая, что ощущает силу Темного Эльфа.

Рурак открыл глаза и словно безумный уставился на Аланну.

— Маргок! — воззвал он, перекрикивая рев и неистовство бури. — Повелитель Тьмы — явись!

— *Я здесь, верный мой слуга!* — послышался голос, не имевший тела и, казалось, оседлавший ураган. — *Делай то, что до лжно! Отними жизнь, чтобы я мог вернуться в мир смертных!*

— Да будет так! — закричал Рурак и хотел уже вонзить кинжал в сердце эльфийки...

Настолько быстро, насколько позволяли их измученные конечности, Раммар, Бальбок и Корвин неслись по коридорам.

Оба орка чувствовали себя не очень хорошо: ноги едва держали их после того, как они много часов провисели вниз головами. Корвину тоже с трудом удавалось передвигаться после пыток, которые учинил ему Грайшак; повязка на его лице насквозь пропиталась кровью.

Но троица спешила, подгоняемая желанием отомстить мучителям и помешать их планам.

Вооружены они были только гномьим копьем, которое нес Корвин. Оркам пришлось бы полагаться только на клыки, когти и кулаки, если бы им встретился противник. То, что сражаться придется против себе подобных, мало смущало Раммара и Бальбока. Рурак и Грайшак совершили ошибку, предав их, а в таких вещах орки шуток не понимают...

По крутой винтовой лестнице они поднялись в цитадель. Понять, куда поворачивать,

было не очень-то трудно: рев бури и пляшущие отсветы потрескивающих молний разносились во всех коридорах, и даже Бальбок понимал, что это дело рук колдуна.

— Церемония уже началась, — прохрипел запыхавшийся Корвин. — Нужно торопиться!

Они бежали по длинному, с высокими окнами коридору. На бегу Раммар увидел через окна огонь, на стенах мелькали вооруженные до зубов фигуры.

— Там, снаружи, идет бой! — крикнул он своим спутникам. — Кто-то атакует цитадель!

— Тем лучше, — прорычал Корвин. — Против этих жалких ублюдков нам любая помощь пригодится...

Они приближались к концу коридора и к источнику бури, бушевавшей в стенах замка. Такая буря никак не могла возникнуть по природным причинам; и у Раммара и Бальбока шерсть на спине встала дыбом, потому что они поняли, что имеют дело с колдовством.

В лицо дышал ледяной ветер, усиливающийся с каждой секундой. Дверь в конце коридора была сломана, деревянные створки разбиты силой урагана. Щепки и мелкие камни летели в спутников с такой силой, что им пришлось закрываться руками и лапами, осторожно, шаг за шагом продвигаясь вперед.

Внезапно дорогу преградила мощная фигура. С клыков капала желчь, глаза были налиты кровью, стальная пластина закрывала полголовы.

Грайшак неожиданно появился из бокового коридора, ухмыляясь и держа в лапах окровавленную секиру. Отсвет молнии выхватил из темноты его отвратительное лицо.

— Куда путь держим? — с ухмылкой спросил он.

— К Рураку, — мрачно ответил Корвин, первым оправившийся от ужаса.

— Тогда нам по пути, — пояснил Грайшак. — Я как раз собирался доложить колдуну, что мы победили...

— Ты еще не победил, железноголовый! — воскликнул Корвин и атаковал гномьим копьем, наконечник которого был смазан ядом; орку пришлось с этим считаться.

Грайшак инстинктивно отпрянул и освободил дорогу.

— Сейчас! — крикнул Корвин своим спутникам-оркам. — Бегите так быстро, как только сможете! Освободите эльфийку, пока не поздно!

Раммар сломя голову бросился бежать мимо Грайшака по коридору, а Бальбок еще колебался.

— Ты идешь или нет? — набросился на него Раммар. — Разве ты не слышал, что сказал человек?

— С каких это пор мы делаем то, что говорит человек? — крикнул Бальбок, все же тронувшийся с места и поспешивший к брату.

— С тех пор как благодаря ему мы остались в живых, — ответил ему Раммар. И побежал дальше своеобразным свиным галопом, а Бальбок в буквальном смысле наступал ему на пятки.

Грайшак и охотник за головами остались позади, обрушившись друг на друга с оружием в руках. Гномье копье против тяжелой орочьей секиры — Раммар опасался, что знает, чем закончится этот поединок.

— Освободите Аланну! — крикнул им вдогонку охотник за головами, а потом они оказались в проеме двери, створки которой лежали, разбитые в щепки.

В лицо братьям ударил ветер, еще более сильный, чем в коридоре. Они оказались в просторном зале, где разыгрался настоящий ураган. Щепки, металлические подсвечники и многое другое летало по воздуху, так что оркам пришлось втянуть головы в плечи и пригнуться, чтобы не получить по черепушке каким-нибудь эльфийским произведением искусства. Бушующий ураган кружил в центре круглого зала, где в полу зияло отверстие и стоял каменный трон. Между троном и дырой в полу находился алтарь, на котором Раммар и Бальбок увидели Аланну.

И эльфийка была не одна.

Над ней, склонившись, стоял Рурак: в одной руке кинжал, в другой — посох. Из острия кинжала вырывался черный-пречерный луч, окутавший священнослужительницу Шакары. Казалось, Аланна не в состоянии даже пошевелиться — и как раз в тот самый миг, когда орки ворвались в тронный зал, Рурак собрался вонзить ей в сердце клинок!

— *Доук* ! — изо всех сил зарычал Бальбок, отталкиваясь своими длинными ногами и несясь через зал, не обращая внимания на метнувшийся к нему пронизывающий ветер.

Вот уже опустился кинжал, острый и смертоносный, чтобы оборвать жизнь жрицы, давая начало другой.

Но черный клинок не долетел до Аланны.

Подгоняемый яростью и твердым желанием наплевать колдуну, так бесчестно поступившему с ними, в *бру-милл* , худощавый орк преодолел расстояние между собой и магом одним отчаянным прыжком и в буквальном смысле в последний момент, прежде чем клинок Маргока успел вонзиться в грудь эльфийки, оттолкнул колдуна.

Рурак, который стоял с закрытыми глазами, погруженный в темные заклиния, совершенно не ожидал нападения. Вскрикнув, он попытался к эльфийскому трону, который тут же и занял безо всякого на то права. От испуга он выпустил из рук посох, и тот со стуком грохнулся на пол.

Поскольку острие кинжала уже не было направлено на Аланну, черная молния отпустила эльфийку, дернулась в поисках другой цели — и нашла ее!

Самого Рурака в следующий же миг окутала темная энергия. Сотрясаемый конвульсиями, колдун упал перед ступенями трона, хрипя так, словно его сжигали заживо. Он попытался добраться до посоха, но напрасно. Колдун с криками принялся кататься по полу.

— Ты, несчастье ходячее! — крикнул Раммар, добежавший до жертвенного алтаря. — Что ты опять натворил?

— Н-не знаю... — пробормотал Бальбок.

Раммар подмигнул ему.

— Хорошо сделано, брат. А теперь давай забирать тетку и чесать отсюда!

Если Раммар говорил так, это, вероятно, означало, что Бальбок должен нести священнослужительницу. Лицо ее было пепельно-серым, она была почти без сознания. Вокруг ее стройного тела все еще потрескивали черные искорки, погасшие только тогда, когда Бальбок поднял ее и водрузил на плечо — так же орк тащил эльфийку из храма Шакары. С тех пор прошла, казалось, не одна вечность...

— А теперь валим отсюда! — воскликнул Раммар, и орки с эльфийкой на плече принялись пробираться через бурю, бушевавшую еще сильнее, чем раньше, к выходу. При этом Раммар получил трухлявой доской по черепушке и принялся изрыгать страшные проклятия, а Бальбок поймал канделябр, который в противном случае раздробил бы ему голову. Штука эта была добрых четыре *кнум'хай* длиной с широким, похожим на тарелку основанием, и в случае чего ею можно было пользоваться как оружием, поэтому Бальбок решил пока что оставить ее себе.

Добравшись до дверного проема, орки еще раз оглянулись на колдуна, хрипевшего как безумный. Из широко раскрытых глаз злодея вылетали черные молнии.

— *Шнорш* , — прорычал Раммар. — Нужно быстро убираться отсюда...

— Ну что, охотник за головами? С тебя не довольно? — Ухмылка на омерзительном лице Грайшака была настолько широкой, что разделила его покрытую шрамами физиономию на две части.

— Вовсе нет! — ответил Корвин — хотя к ранам, оставленным пытками, добавилось еще несколько.

Охотник за головами несколько раз с трудом уходил от яростных атак предводителя орков, но пару раз не сумел увернуться, и острое лезвие полоснуло его. В потерях числилось несколько ребер, сломанных в тех местах, где Грайшак достал его древком секиры, и правое

бедро, где зияла рана, и Корвин с трудом держался на ногах.

Охотник за головами пытался все это игнорировать, сжимая зубы и полностью концентрируясь на противнике, движимый чувством мести.

Тыльной стороной ладони он в который раз вытер кровь, заливающую оставшийся глаз, с ненавистью смотревший на орка. Затем снова с такой силой обхватил гномье копьё обеими руками, что костяшки пальцев побелели.

— Боишься? — с наслаждением поинтересовался Грайшак. Орк взмахнул секирой. Оружие свистнуло так, что не осталось никаких сомнений в том, кто, по его мнению, выйдет из этой дуэли победителем.

— Тебя? Ни на волос, — упрямо ответил Корвин. — Ты подлым образом убил женщину, которую я любил, ты пытал меня исключительно ради собственного удовольствия. Ты — опустившийся, отвратительный ублюдок! Орк! И за это ты умрешь!

— Да что ты говоришь, — насмехался Грайшак. — А мне кажется, что твой окровавленный скальп через несколько мгновений будет висеть у меня на поясе.

— Ты *асар-тул*, — ответил Корвин, снова делая выпад, нацелив наконецник копья в грудь орка. Конечно, он мог бы просто бросить копьё, но если он промахнется, то останется безоружным, а это означает верную смерть.

Внезапная атака Корвина, выполненная тяжело, на нетвердых ногах, не произвела на Грайшака впечатления. Предводитель орков презрительно засопел, уклоняясь от нацеленного оружия, поворачиваясь вокруг собственной оси и нанося охотнику за головами удар древком секиры.

Удар пришелся по спине и был настолько сильным, что Корвин покачнулся, сделал несколько нетвердых шагов и ударился о черную стену коридора. При этом гномье копьё сломалось, и смазанный смертоносным ядом наконецник едва не угодил Корвину в лицо.

— Осторожнее, охотник за головами! — принялся насмехаться Грайшак. — Хочешь потерять и второй глаз? Было бы жаль. Я бы охотно поджарил его и съел. Ты знаешь, что жареные человеческие глаза на вкус как мед?

— Нет, — мрачно ответил Корвин, — но мне всегда было интересно, какие на вкус жареные орочьи глаза...

С этими словами он хотел снова подняться и атаковать, но Грайшак, похоже, пришел к выводу, что неравная дуэль и так продлилась достаточно долго. Слабый противник надоел ему, орк бросился вперед с воплем, подобным рычанию бешеного медведя, и размахнулся секирой, намереваясь разрубить противника пополам.

Вот уже лезвие секиры взлетело, и Корвин, слишком измученный и обессиленный, чтобы даже уклониться, покорился судьбе, утешаясь тем, что вновь встретится с Мареной в вечности, которая находится далеко на другом берегу реки жизни.

Он ждал, что вот сейчас секира грубо расколется ему череп, но послышался мерзкий металлический звон, и смертоносный удар был отведен.

Корвин удивленно открыл единственный глаз и увидел, что жизнь ему спас железный канделябр. В лапах эту несуразную вещь сжимал не кто иной, как Бальбок. Долговязый блокировал секиру Грайшака как раз перед тем, как она опустилась на череп охотника за головами.

— Ты! — выдавил Грайшак, яростно зарывав. — Почему ты еще жив? Разве колдун не справился с вами, безмозглыми *умбал'хай*?

— У колдуна дела поважнее, — ответил Бальбок. — Вы оба проиграли, вонючка!

— Клянусь всеми червями в гнилых внутренностях Торги! — заорал Грайшак, и его и без того безгранично омерзительные черты лица исказились от ярости. — Ты за это поплаতিшься — никто безнаказанно не называет меня воню...

Предводитель орков оборвал себя на полуслове. Внутренности его разрывало от колющей боли. Всего на миг он выпустил из поля зрения скорчившегося на полу противника — и Корвин воспользовался этим, чтобы изо всех сил всадить зазубренный наконецник гномьего копья в живот Грайшаку.

— Вонючка, — упрямо повторил охотник за головами.

Грайшак оглядел себя вытаращенными глазами и обнаружил торчащий из пуза обломок гномьего копья.

— Г-гномский яд, — пробормотал он, проникаясь ужасным осознанием того, что эта рана означает смерть. Он с недоверием посмотрел сначала на Корвина, потом на Бальбока — и во внезапном приступе ярости замахнулся топором, чтобы увести с собой в яму Курула по крайней мере человека.

Но Бальбок предвидел это.

Едва Грайшак раскрылся, как худощавый орк ударил нижним концом канделябра в грудь своему предводителю-предателю. Грайшак потерял равновесие, попятился, и Бальбок, как следует размахнувшись, нанес удар!

Похожее на тарелку основание канделябра изо всех сил ударило Грайшака по черепу. Раздался мерзкий треск, и из того места, где стальная пластина переходила в кожу и кости, брызнуло серое мозговое вещество, в большем количестве, чем кто-либо мог предполагать для Грайшака.

Урод остановился как громом пораженный, устремив на противника остекленевший взгляд. Мгновение казалось, будто он, как уже было однажды, презрев все законы природы, избегнет смерти, а затем секира выпала у него из лап и со звоном рухнула на пол, а за ней последовал ее хозяин, свалившийся с раздробленным черепом и так и оставшийся лежать неподвижно.

— Забавно, — глубокомысленно заметил Бальбок (вокруг головы Грайшака образовывалась лужа черной орочьей крови), — а я всегда думал, что такой стальной череп выдержит больше...

— Идите сюда, оба! *Луарк* !

Звал Раммар. Толстенький орк сидел в отдалении на корточках рядом с потерявшей сознание Аланной, которую Бальбок уложил там перед атакой.

— *Рушоум'док кро'док* ! — кричал Раммар. — Кажется, она умирает!

— Нет! — Несмотря на слабость и многочисленные раны Корвину удалось подняться. Нетвердой походкой он приблизился к эльфийке, безжизненно замершей на полу; светлые волосы ее были опалены и засунуты в черный мешок, который натянули ей на голову приспешники Рурака.

— Только не это во второй раз! — выдавил из себя Корвин, опускаясь рядом с ней на колени. — Ты не должна умирать, слышишь?

Аланна не шевелилась. Пепельно-серое лицо выглядело так, будто жизнь уже покинула эльфийку.

— Ты должна жить! — умолял Корвин, уложив ее голову себе на колени и глядя по волосам окровавленными руками. — Ты должна жить! Я не хочу потерять тебя так, как потерял Марену! Только не это, слышишь? Я этого не перенесу!

Слезы брызнули из глаза и потекли по щеке. Бальбок и Раммар обеспокоенно переглянулись.

— Живи, слышишь меня? Ты должна жить! — уговаривал Корвин Аланну, которая лежала у него на руках, и кожа лица ее становилась с каждым мгновением все бледнее и бледнее. — Нет, нет! Этого не может быть! Ты не должна умирать! — Корвин продолжал говорить, укачивая на руках безжизненную фигурку, а все тело его дрожало, тряслось от боли и отчаяния.

Наконец Раммар тронул его за плечо.

— Все кончено, охотник за головами, — тихо сказал орк. — *Криок'док* . Она мертва.

— *Не-е-ет* ! — закричал Корвин так громко, что голос его сорвался, и оттолкнул лапу орка. — Она не умерла! Она должна жить, понимаешь, мерзкое ты существо? Она должна жить — потому что я люблю ее!

И слова эти будто оказались магической формулой, способной сокрушить силы зла и спасти жизнь: Аланна внезапно с хрипом вдохнула. Грудь ее поднялась, она открыла глаза и

недоуменно уставилась на Корвина.

— Что?.. Как?..

Корвин вздохнул, испытывая бесконечное облегчение, и вытер слезы с окровавленного лица.

— Я... я уже думал, что мы тебя потеряли...

Аланна, еще не пришедшая в себя, посмотрела на него странным взглядом.

— И будет Избранный дарить жизнь там, где уже нависла тень смерти, — процитировала она текст, хранить который было ее задачей на протяжении трехсот лет — пророчество Фаравина.

— Ты спас мне жизнь, Корвин, — прошептала она. — Ты — Избранный!

Корвин покачал головой и помог ей подняться, хотя сам с трудом держался на ногах.

— Да что ты, — мягко сказал он. — Просто... я... я не мог вынести того, что теряю тебя.

— Что ты говоришь? Я предательница, — печальным голосом произнесла Аланна. — Я недостойна того, чтобы жить!

— А я так не считаю, — заявил Корвин, — потому что люблю тебя! — И недолго думая прижался губами к ее губам, которые ответили ему страстным, нежным поцелуем.

— Превосходно, голубки, — напомнил о своем существовании Раммар. — Здорово, что вы наконец-то нашли друг друга. Но если хотите знать мое мнение, то сейчас не самое время делать маленького полуэльфа. Надо подумать, как выбраться отсюда, пока...

— Слишком поздно! — послышался голос, в котором звучали раскаты грома.

Раммар обернулся и к своему ужасу увидел стоящего перед собой Рурака.

Одежда колдуна свисала клочьями, кожа во многих местах обуглилась до черноты, длинная борода сгорела, а перепачканное кровью лицо застыло неподвижной маской, на которой жили только горящие глаза.

И в следующий миг с ним произошло кошмарное превращение...

10. Ур'Курул ларшар'хай

Это было беспорядочное отступление.

Эльфийские лучники сломя голову бежали по главной улице Тиргас Лана, чтобы оказаться как можно дальше от страшного противника, в руках которого была цитадель.

Когда воины, еще сражавшиеся у стен, увидели, что их братья по оружию бегут, их покинуло мужество, и они обратились в бегство, и многие из них погибли от отравленной гномьей стрелы, пущенной в спину.

— Вы куда собрались? — громовым голосом крикнул Ортмар фон Бут. Широко расставив ноги и держа в руках секиру, сын Ортвина стоял как скала, выдерживающая напор бушующей массы воды. — Может, вы останетесь и будете сражаться? — яростно кричал он, отказываясь верить в то, что его мечта о великом сокровище напрасна. Ему встретились двое его людей в помятых шлемах и с опаленными бородами; из доброй дюжины ран сочилась кровь.

— Почему вы бежите? — набросился он на них. — Немедленно остановитесь и сражайтесь! Иначе я скажу Талину, чтобы он укоротил вам всем бороды!

— Талин мертв! — сообщил ему один из карликов. — Орк обезглавил его и насадил голову на копье.

— А Марвин? Рагнар? Эдвин?

— Мертв, мертв, мертв! — услышал он в ответ, и, пока его люди мчались мимо, охваченные паникой, спасая свои шкуры, Ортмар начал понимать, что битва за Тиргас Лан проиграна. Он в последний раз тоскливо взглянул на стену, перед которой бушевало пламя, и увидел головы, насаженные орками на копья и выставленные вдоль зубцов. После того как его желудок вывернуло наизнанку, а его содержимое растеклось по длинной бороде, сын Ортвина тоже бросился бежать.

В этот миг со скрипом поднялась решетка перед воротами цитадели, и свора брызжащих слюной, орущих и до зубов вооруженных орков высыпала на улицы города. Чудовища бросились догонять беглецов — их кровожадность была еще не утолена...

Испещренное морщинами лицо колдуна лопнуло в нескольких местах, плоть под ним разложилась и обнажила кости, глаза Рурака расплавились в кашеобразную массу, которая закапала из глазниц — в точности так же, как в том сне, который видел Раммар в первую ночь в Тровне.

Руки колдуна, вытянутые вперед и рисующие в воздухе формулы заклинаний, в то время как сам он бормотал ужасные проклятия, распались на глазах у спутников; похожая на пергамент кожа лопнула, и из-под разложившейся плоти показались голые кости.

Рурак прямо у них на глазах превратился в живой скелет, на котором то там, то тут висели клочья плоти, а в пустых глазницах полыхало оранжевым светом страшное пламя.

— *Глупцы !* — раздался громовой насмешливый голос, и, хотя костлявая челюсть при этом поднималась и опускалась, слова доносились на самом деле не изо рта скелета. Спутники слышали голос, который Аланне уже доводилось слышать в тронном зале, когда его носителем был ураган. — *Вы действительно думали, что сможете от меня уйти ?*

— Это Маргок! — крикнула Аланна, а Корвин тем временем помогал ей держаться на ногах. — Его дух захватил тело колдуна!

— *Именно так ,* — подтвердила жуткая фигура, — *но тело Рурака старо, и колдовство, сохранявшее ему до сих пор жизнь, уже не действует. Мне нужна жизненная сила эльфа — твоя сила, священнослужительница .*

— Забудь об этом, костлявый! — решительно возразил Корвин. — Аланна принадлежит мне!

— *Как трогательно, охотник за головами ,* — продолжала насмехаться жуткий скелет. — *И ты думаешь, это меня остановит ?*

Маргок раскатисто засмеялся, и его смех, казалось, потряс цитадель до самого основания. Затем он поднял свои костлявые руки и из них вылетели черные молнии.

Корвин отреагировал моментально, потянув Аланну за собой на пол, но одна из черных молний все же угодила в него. Охотник за головами вскрикнул, словно его ударили мечом. Раммар, который по причине своей полноты тоже оказался недостаточно проворен, получил молнию и заревел словно безумный; вокруг него витал вихрь черной энергии.

А Бальбок, быстро улизнувший из опасной зоны, схватил секиру Грайшака, бесхозно лежавшую на полу, и собрался снести ею колдуну голову с плеч.

— *Глупец !* — заревел тот. И прежде чем Бальбок смог добежать до противника, навстречу ему метнулась черная молния, отбросившая орка назад: Бальбок, словно его ударил лапой тролль, взвился в воздух и тяжело приземлился на пол, перекувыркнувшись через голову.

— *Шнорш !* — закричал Раммар. — Нужно бежать прочь, прочь отсюда!..

Тут даже Корвину было нечего возразить, поэтому они понеслись, поковыляли и потащились по коридору к тронному залу.

Колдун следовал за ними, язвительно насмехаясь и стуча костлявыми пятками. Он то и дело посылал черные молнии, подгоняя четверку, намереваясь загнать их в ловушку. Они не думали о том, что выхода из тронного зала нет, они просто хотели уйти от этого жуткого злодея.

Буря в тронном зале стихла. Повсюду валялись обломки предметов. Раммар и Корвин затравленно оглядывались в поисках выхода, когда в проеме появился Маргок. Повелительным жестом своих костлявых рук Темный Эльф отменил все законы природы, и все обломки, лежавшие вокруг, взметнулись и понеслись к дверям, чтобы забаррикадировать их.

Путь к спасению был отрезан.

Спутники, которые некогда были врагами, устремились к эльфийскому трону.

— *Вы бы себя видели* , — издевался Маргок. — *Сидите там, дрожа от страха. Позвольте сказать вам, глупыши, что Эльфийской империи давным-давно не существует. А вот я, Маргок Темный, вернулся, чтобы взять то, что мне полагается. Землемирье будет принадлежать мне — и на этот раз никому не удастся меня остановить !*

Вслед за этими словами он сделал эффектный жест костлявой рукой, и пол у Раммара ушел из-под ног. Неодолимая сила подняла его вверх, к купольному своду. Он закричал от страха, перекувыркнулся в воздухе, и скудное содержимое его желудка брызнуло во все стороны.

— Прекрати, колдун! Оставь нас в покое! — потребовал Корвин.

Бальбок мрачно насупился, осклабился, размахнулся изо всех сил и метнул секиру Грайшака. Но как бы хорошо он ни целился, стараясь, чтобы лезвие разрубило Маргока пополам, на расстоянии ладони от колдуна секира прекратила полет и просто повисла в воздухе.

— *И это все ?* — спросил колдун и рассмеялся. — *Это все, что вы можете сделать, чтобы противостоять великому Маргоку? О жалкие создания! Все вы умрете, и мир даже не вспомнит о вас. Бессмыслен был ваш долгий путь, бессмысленны все ваши усилия — потому что восторжествую я, Маргок. А теперь иди сюда, эльфийка — давай закончим то, что начал мой верный слуга Рурак.*

И с этими словами колдун отпустил Раммара, который камнем упал вниз, шумно ударился об пол у подножия одной из мощных статуй и остался лежать без сознания. А в следующий миг Аланну подхватила та самая ужасная сила, которая только что вращала в воздухе Раммара, и вырвала ее из рук Корвина.

— Нет! — закричал охотник за головами, пытаясь удержать ее. Но он был слишком слаб, а сила волшебника слишком велика. Эльфийку подхватила невидимая титаническая рука и понесла навстречу Маргоку, ожидавшему ее с ухмылкой на том, что еще оставалось от лица.

Вдруг пол тронного зала содрогнулся. Как и раньше, в сокровищнице, в недрах цитадели что-то зарычало, и последовал толчок, от которого содрогнулся древний зал королей. Толчок свалил с ног Корвина и Бальбока. И только Раммар, неподвижно лежавший на полу, ничего не заметил.

— *Что это было ?* — вырвалось у Маргока.

— Это был Страж, злодей! — ответила ему Аланна, все еще парившая в воздухе на расстоянии вытянутой руки от Маргока. — Он спал много сотен лет. Жадность орка пробудила его, и он придет, чтобы исполнить свою обязанность, которая когда-то была наложена на него.

— *Страж ?* — переспросил колдун, и, хотя на его лице не было уже ни кожи, ни плоти, стало видно, что на миг он потерял уверенность в себе. — *Какой Страж? Не помню никакого Стража...*

Снова содрогнулся тронный зал, с потрепанного бурей потолка посыпалась штукатурка и полетели куски камня.

— Ты можешь не помнить его, но он хорошо знает тебя, — воскликнула Аланна. — Некогда, до того, как пришли эльфы, эта земля принадлежала ему. Он служил хранителем сокровищ королям древних дней, а ты его предал.

— *Но это невозможно !* — закричал Маргок, начиная понимать, о чем говорит эльфийка. — *Этого не может быть. Его уже нет в живых. Я сам убил его...*

— Ты пытался, — ответила Аланна, а шум и толчки тем временем нарастали и были уже настолько сильны, что ее слова едва различались. — При этом ты должен был знать, что нельзя убить то, что существует от начала времен. Дракона, некогда хранившего сокровища Тиргас Лана, может и нет в живых — но Драгнадх возвращается!

Из отверстия, ведущего в сокровищницу, внезапно донеслись оглушительный шум, звон, треск и трение металла о металл, когда что-то чудовищное, скрытое глубоко под горами сокровищ, поднималось на поверхность, движимое грубой силой, отметая с

презрением золото и драгоценности.

— *Нет !* — в ужасе зарычал Маргок.

Луч голубого света, спускавшийся из центра купола в отверстие в полу, погас, послышалось сопение, заглушившее треск, доносившийся из глубины, и из отверстия повалил пар. Бальбок и Корвин в ужасе переглянулись, не зная, что и думать.

В следующий миг что-то со страшной силой ударило в пол тронного зала. Сотрясение оказалось таким сильным, что статуи, стоявшие у стен зала, закачались. Бальбок с ужасом увидел, что статуя, у подножия которой без сознания лежит Раммар, вот-вот упадет и раздавит брата!

Когда тронный зал сотрясся в очередной раз, Бальбок побежал. На него сыпались штукатурка и мелкие камни, он бросил затравленный взгляд на отверстие в полу, от которого уже наполовину отвалилась балюстрада — и увидел, что из сокровищницы вылезла огромная костлявая лапа, вцепившаяся в край отверстия.

— *Шнори !* — выдавил он, ускоряясь, потому что за одной лапой последовала вторая, а то, что поднялось из отверстия в полу вслед за этим, было, вне всякого сомнения, самой огромной и самой ужасной мордой, которую когда-либо доводилось видеть Бальбоку: две пустые глазницы в обрамлении светящихся голубоватым светом костей, под ними — огромная челюсть, вооруженная зубами, каждый из которых был размером с двух рослых гномов.

Маргок издал вопль ужаса — и в следующий миг огромное существо с могучей силой прорвалось через пол!

Поскольку оно было больше отверстия, края отверстия лопнули. Во все стороны брызнули осколки камня, и Маргоку пришлось применить свою волшебную силу для того, чтобы отразить их. Эльфийку он отпустил, и она с криком упала на пол. К ней тут же подбежал Корвин.

В фонтане из золота и сверкающих драгоценностей из глубины вылетел Драгнадх и взвился под купол — гигантское, наводящее ужас существо, бившее крыльями, а длинный хвост монстра со смертоносной силой хлестал все вокруг. Это был дракон, но теперь у него не было кожи рептилии; на его костях не было даже плоти и сухожилий. То, что видели Корвин и Аланна, — это окруженный голубоватым сиянием огромный скелет Драгнадха, жизнь в котором поддерживала магия. В каком-то смысле он представлял собой противоположность не-мертвому колдуну.

При виде Драгнадха Маргок взвыл от ненависти. Однажды, много столетий тому назад, они уже встречались: в битве за Тиргас Лан между ними состоялось драматичное сражение над башнями и куполами города. Тогда Маргок вышел победителем, но, очевидно, до конца он своего противника так и не поборол...

Несколько сильных взмахов — и Драгнадх поднялся выше. Там он на миг застыл и уставился вниз в тронный зал пустыми глазницами, словно хотел обозреть все происходящее, увидел колдуна в потрепанной мантии, и из невидимых легких вырвался оглушительный яростный рык.

Корвин и Аланна прижали руки к ушам, чтобы не оглохнуть. Бальбок, у которого был не такой чувствительный орочий слух, в этот миг как раз добрался до Раммара. Рев Драгнадха хотя слегка и привел толстого орка в чувство, но тот, похоже, не понимал, где находится и что произошло. Бальбок схватил брата, поднял и оттащил, несмотря на немалый вес толстяка, — и как раз вовремя, потому что пронзительный вопль Драгнадха окончательно опрокинул статую, и гигантский памятник приземлился как раз туда, где только что лежал Раммар.

Тем временем Маргок оправился от пережитого ужаса и издал глухой ироничный смешок.

— *Итак, ты еще жив, дракон !* — крикнул он тому, кто кружил под куполом. — *Так давай же доведем это до конца. Я жду не дождусь !*

С этими словами он поднял свои костлявые руки и выпустил черные молнии, которые

попали в дракона. Несколько мгновений не-мертвый монстр был окружен черной короной, против которой, казалось, сражался эльфийский огонь, поддерживавший жизнь в драконе. Из горла существа вырвался отвратительный рев, оно яростно било крыльями по воздуху.

Наконец ему удалось освободиться от губительной власти черных молний. Еще на миг замер дракон под куполом, а затем сложил крылья, подобно хищной птице, увидевшей добычу, и рухнул вниз. Маргок, который был целью его атаки, пронзительно взвизгнул. Он еще раз поднял руки и швырнул черную как ночь молнию, впрочем, плохо нацеленную, и поэтому в Драгнадха не попал.

— *He-e-et !* — изо всех сил взревел колдун, прежде чем на него обрушилось яростное копьё холодного голубого пламени.

С грохотом, перекрывшим рев всех бурь, эльфийский огонь окутал Маргока. Колдун закричал и принялся размахивать руками, но это не помогло. Его костлявое тело охватило голубое пламя, и Маргок запрыгал по залу, похожий на синий факел, рыча и дергаясь как сумасшедший, подходя при этом на опасное расстояние к дыре в полу.

Когда Драгнадх, паривший над ним на своих мощных крыльях, еще раз изрыгнул пламя, нацеленное на колдуна, Маргок ступил ногой в пустоту. Издав пронзительный крик, он потерял равновесие и ухнул в пропасть, устремляясь к золоту сокровищницы.

Раммар, которого рев и шум окончательно привели в сознание, и Бальбок обменялись озадаченными взглядами. А потом они не удержались и принялись громко ликовать, не обращая никакого внимания на Драгнадха, парившего над отверстием. Если не-мертвый дракон и заметил орков, он не показал этого; его внимание занимали другие вещи. Он вновь поднялся под купол. Но на этот раз он не застыл там, а снова изрыгнул разрушительный огонь.

Пламя взметнулось до самого купола и взорвало его. Посыпались обломки камней, чтобы разлететься на мелкие кусочки на полу тронного зала, и за ломаными краями остатков потолка показалась бледная луна. Под наводящий ужас рев Драгнадх выскользнул наружу и исчез; в каком направлении — оркам было совершенно все равно.

— *Шнорш* , — тихо произнес Бальбок. — Это еще что такое было?

— Откуда я знаю? — пожал плечами Раммар. — По крайней мере теперь мы знаем, что находилось за теми воротами, священнослужительница не хотела, чтобы мы их открывали.

— И что теперь? — спросил Бальбок, глядя на разбитый купольный свод.

— Ты еще спрашиваешь? — дерзко произнес Раммар, потирая ушибленную голову. — Вперед, к сокровищнице!

Освещенные трепещущими отсветами пламени, в конце центральной улицы показались Главные Врата. Лорето с облегчением вздохнул, потому что по ту сторону Врат был ночной лес, который теперь, когда было снято проклятие Фаравина, уже не сулил путникам гибели, а стал спасительным убежищем.

На улицах Тиргас Лана слышались дикие вопли орков, которые начали преследование. На бегущих эльфов и карликов то и дело обрушивались стрелы, и немало их окончило свою жизнь с оперенным жалом в спине. Тех, кто был ранен и не мог бежать, безжалостно растаптывали орки. Чудовища были ненасытны в своей кровожадности.

У Лорето душа ушла в пятки, и он спросил себя, неужели же ему никогда не увидеть Дальних Берегов? От страха горло у него сжалось, и он прищипорил коня, однако толку от этого было мало, потому что перед эльфийским князем неслась вся масса убегающего войска и протиснуться было нельзя — воины в панике щемились в игольное ушко Врат.

Лорето то и дело оглядывался и видел, что орда орков приближается. Вот уже чудовища настигли последних бегущих и недолго думая зарубили на месте. На земле остались окровавленные тела; а головы орки стали бросать вдогонку эльфам и карликам, словно давая понять, что их в конце концов ожидает.

Жажда убийства у этих тварей не знала границ, и Лорето пришел к ужасному выводу, что, несмотря на все усилия остаться в живых, ему не суждено увидеть Дальние Берега...

— Князь Лорето! Смотрите!

Эти слова прокричал Айлан, молодой лучник, который преданно остался рядом со своим предателем-господином. Дрожащей рукой он указывал вдоль улицы на цитадель.

Нечто невероятно мощное вырвалось из увенчанного башенками купола. Нечто, взметнувшееся высоко к освещенным лунной облакам, на миг застыло там... нечто, похожее на...

— Драгнадх, — пролепетал Лорето, не в силах поверить, что это существо, которое он на протяжении всей своей жизни считал мифом, действительно сейчас у него перед глазами. А затем он повторил, на этот раз громче: — Драгнадх!

Солдаты останавливались и оборачивались. Все увидели гигантское существо, состоявшее исключительно из костей и тем не менее двигавшееся с поразительной энергией. Из пустой груди не-мертвого дракона вырвался пронзительный вопль, и обрушился на стены цитадели, где сотнями толпились горлающие и визжащие орки, и низверг на них из пасти яркое голубое пламя.

— Драгнадх! Тот самый Драгнадх!..

Все больше эльфов застывали на бегу и, ничего не понимая, глядели на то, что происходило на стенах. Прыгали и кричали орки и гномы, окутанные холодным пламенем, живьем пожиравшим их тела. Их крики и визг были ужасны, но еще страшнее был рев, который раздавался после каждой атаки Драгнадха. Не-мертвый дракон снова и снова поднимался, чтобы, подобно хищной птице, обрушиваться и нести смерть всем, кто находился на стенах.

Лорето онемел от изумления.

По легенде, Драгнадх некогда был великим драконом, которого в давние времена победил король Сигвин. Над его сокровищницей и был построен Тиргас Лан, а в благодарность за то, что Сигвин оставил крылатого противника в живых, дракон охранял королевские богатства. Он поклялся в этом торжественной клятвой, которая, по легенде, привязывала его к исполнению обязанностей даже за гробом.

Говорили, что дракон нашел свою смерть в последней битве за Тиргас Лан...

Когда эльфийские воины и карлики поняли, что получили неожиданную поддержку, когда увидели, что их безжалостных врагов столь же безжалостно истребляют на стенах цитадели, в их душах поселилась надежда. Вверх с ликованием взметались кулаки, к ночному небу вздымалось оружие.

Тем временем цитадель была объята синим пламенем, орков на стенах и след простыл. Рассекая воздух своими широкими костистыми крыльями, Драгнадх поднялся над стенами и полетел вдоль центральной улицы, настигая орков, преследовавших эльфийское войнство и карликов. Чудовища давно поняли, что у них появился новый, более могущественный противник, но они были слишком тупы и ослеплены кровью, чтобы вполне оценить угрозу и бежать. Оскалившись, они вышли против Драгнадха — чтобы в следующий миг быть сметенными голубым файерболом, катившимся по улице.

Целые шеренги орков становились жертвами холодного драконьего огня. Спасения не было. Тех, кто в последний миг хотел убежать, Драгнадх ловил костистыми лапами и рвал на части. На главной улице Тиргас Лана бушевала ужасная мясорубка, понадобилось всего несколько мгновений, чтобы ни единого орка и гнома не осталось в живых. Там, где недавно толпились сотни кровожадных уродов, лежали черные горы трупов, издававших ужасную вонь.

Драгнадх взглянул на плоды трудов своих и удовлетворенно зарычал. А затем обернулся к эльфам и карликам.

Лорето пришел в ужас.

Ликование от вида гибнущих орков было настолько велико, что ему в голову даже не пришла мысль о том, что Драгнадх может напасть и на него, и на его людей, ведь они были эльфами, а значит, наследниками полноправных властителей этого города. С другой стороны, как постепенно начинал понимать Лорето, они точно так же незаконно вторглись в

Тиргас Лан, и еще большой вопрос, существует ли для Драгнадха разница между ними и орочьим племенем.

Эльфийские воины закричали от ужаса, когда не-мертвый дракон ринулся к ним на своих костистых крыльях, кажется, устремляясь прямо к князю.

Лорето пожалел о том, что был верхом и, таким образом, сильно выделялся из массы солдат. Понимая, что бежать уже слишком поздно, он в ужасе глядел на несущегося с шипением Драгнадха. Дракон приближался, неистово рассекая воздух... чтобы застыть всего лишь на расстоянии длины копья от князя. Древнее создание молотило крыльями и таким образом зависло в воздухе, и взгляд его пустых глазниц, в которых тлел голубой огонь, был устремлен на Лорето.

У эльфийского князя возникло чувство, словно не-мертвое существо видит его душу насквозь, до самого дна, и внимательно изучает ее. Бесконечно долгий миг смотрели друг на друга Драгнадх и эльф, а затем Страж, яростно шипя, взвился, чтобы вернуться к цитадели. И Лорето понял, что нужно от него дракону.

— Наступаем! — громко скомандовал он и обнажил меч.

— Что? — удивленно переспросил Айлан. — Но, господин...

— Наступаем! — повторил Лорето и натянул поводья. — Чудовища уничтожены, Тиргас Лан — наш!

С этими словами он прищпорил скакуна, и ряды воинов расступились. Застучали копыта, Лорето пронесся мимо, высоко подняв эльфийский клинок и устремляясь к цитадели.

Какую-то секунду его люди колебались, а затем командиры отдали приказ следовать за князем, и, взревев сотнями глоток, солдаты, а за ними и карлики, понеслись по улице, на этот раз увлекаемые не животным страхом, а уверенностью в победе, мимо дымящихся останков орков.

А Драгнадх вернулся в цитадель...

В сокровищнице все было вверх дном.

Горы золота, возвышавшиеся в огромном зале, разметаны, статуи и сундуки с сокровищами погребены под лавинами из монет и драгоценных камней, в центре зияет гигантский кратер — там, где из глубин своего логова поднимался Драгнадх.

То, что здесь воняло смертью и серой, мало волновало Раммара и Бальбока. Они спрыгнули сюда из тронного зала через дыру в полу, чтобы приземлиться на монеты из золота и серебра.

Бальбок хватал все, до чего мог дотянуться, и даже не смотрел, сто ящие ли это вещи или не очень. Зато Раммар внимательно осматривал все, прежде чем опустить в карман своей кожаной юбки монеты и бриллианты, кольца и цепочки. Эльфийскую корону, которую он носил всего несколько мгновений и которая так ему понравилась, он нигде найти не мог. Луч голубого света, который держал ее в воздухе, погас, и Раммар предположил, что эта штука оказалась погребена где-то под грудями золота и серебра. Искать ее не стоило, ведь вокруг было полно других красивых вещей, которые только и ждали, чтобы он забрал их себе.

О Корвине и Алане орки уже не беспокоились. По мнению Раммара, они достаточно помогли обоим; теперь пусть сами думают, что делать дальше.

Пылающие жадностью глаза, ослепленные блеском золота и драгоценных камней, не позволили оркам заметить, как из кратера поднялась жуткая фигура. Пока внезапно не загремел голос, такой мрачный и жуткий, словно доносился прямо из грубого горла Курула:

— *Ах вы, жалкие глупцы! Тянете руки к эльфийскому золоту!*

От испуга Раммар выронил золотой шар, который никак не хотел влезать в карман, вздрогнул и Бальбок. Перед ними стоял не кто иной, как Маргок. Точнее, то, что оставил от него драконий огонь.

У колдуна больше не было ног, на которых он мог бы стоять, поэтому он парил в двух *кнум'хай* от пола. Смотреть на него было жутко: костлявое тело почернело, лицо-череп

превратилось в обуглившуюся маску, но в глазницах все еще полыхал тлетворный пламень. Ноги колдуна заканчивались культями, зато руки еще сохранились — почерневшие костлявые пальцы, двигавшиеся самым причудливым образом. Жизнь в «теле» поддерживал злой дух Маргока, вопреки всем законам природы.

— Честно говоря, колдун, — прорычал Раммар с хладнокровием, удивившим его самого, — раньше ты выглядел лучше.

— *Не утомляй меня мелочами, орк,* — язвительно ответил Маргок. — *Или ты думаешь, меня интересует, что думает о моей внешности толстопузое чудовище? Я, Маргок, обладаю силой уничтожить вас !*

С этими словами он поднял свою костлявую руку, и из нее снова вылетела черная молния.

Она попала бы в Раммара, если бы наперерез ей не бросился Бальбок. Худощавый орк снова схватился за секиру Грайшака и выставил ее в качестве щита между своим братом и смертоносным разрядом.

Молния затрещала, ударившись о лезвие орочьей секиры. Рукоять в лапах Бальбока внезапно оказалась охвачена огнем, так что ему пришлось выпустить ее из лап, и секира со звоном упала на золото.

Орки оказались безоружны перед властью колдуна. Они застыли словно статуи, не решаясь пошевелиться — из боязни, что их поразят черные молнии.

— *Что ж ,* — с наслаждением произнес Маргок, — *вот вы! И все усилия были только ради одного: ради того, чтобы умереть здесь и сейчас. Но утешьтесь, потому что один из вас продолжит свое существование. По крайней мере, телесно.*

— А почему только один? — спросил Раммар, пытаясь подавить дрожь в голосе.

— *Потому что мне нужен только один из вас, глупец, чтобы носить мой дух. И когда я гляжу на вас, то знаю даже, кого выберу .*

— М-меня? — с надеждой в голосе спросил Раммар.

— *Конечно, твоего брата !* — прогремел обидный ответ. — *Он высокий, сильный и ...*

— А также глупый, — раздраженно перебил его Раммар.

— *Разум ему не нужен, потому что его тело займет мой дух. Маргок вернется — в образе орка Бальбока.*

— А если я не хочу? — беспомощно спросил Бальбок.

— *Глупое чудовище! У тебя нет выбора !*

И с этими словами колдун поднял обе свои костлявые руки. Из растопыренных пальцев вот-вот вылетят молнии, убьют Раммара и перенесут дух Маргока в тело Бальбока...

Охваченные паникой и ужасом, орки не заметили огромную тень, проникшую через отверстие из тронного зала в сокровищницу. Она бесшумно опускалась на Маргока и расправляла крылья.

В тот самый миг, когда в глазах Маргока полыхнул огонь и он собирался выпустить смертоносные молнии, гигантская пасть обрушилась на колдуна, раскрылась над ним — и поглотила его!

Драгнадх явился, чтобы окончательно истребить зло в Тиргас Лане.

Издав оглушительный рык, не-мертвый дракон запрокинул голову, и сквозь приоткрытую пасть Стража орки увидели колдуна, швырявшего черные молнии, кричавшего при этом слова на непонятном языке — заклинания, которые должны были бы уничтожить Драгнадха.

Но не-мертвый дракон не позволил так просто победить себя. Из его груди вырвался рык, из пасти полыхнуло голубое пламя, чтобы сжечь остатки колдуна. Орки еще ненадолго увидели мерзавца, а затем челюсти Драгнадха снова сомкнулись, и Маргок исчез меж смертоносными зубами.

Мгновение витал в воздухе пронзительный вопль, впрочем, быстро утихший — и то, что в конце концов выплюнул Драгнадх, ни в коей мере уже не напоминало Темного Эльфа, который жаждал погрузить Землемирье во мрак и ужас.

Раммар и Бальбок глядели на разбитые и обуглившиеся кости — все, что осталось от Маргока. Но если они думали, что наконец-то могут вздохнуть спокойно, то были глубоко разочарованы, потому что теперь Драгнадх обратил внимание на них. Огромный череп опустился, и пасть, только что сжегшая и выплюнувшая колдуна, вновь разверзлась.

Бальбок и Раммар задрожали как осиновые листья, от страха они крепко вцепились друг в друга. Если сильному Маргоку оказалось не под силу справиться с Драгнадхом, то им и подавно.

— Р-раммар? — спросил Бальбок.

— Да, Бальбок?

— Есть кое-что, о чем я давно хотел тебя спросить.

— Да? — Раммар задрожал всем телом, когда из глотки Драгнадха послышалось угрожающее рычание, в точности такое же, как секунду назад, перед гибелью колдуна.

— Что именно? — задал Бальбок вопрос, который он непременно хотел прояснить перед тем, как рухнуть в темную яму Курула.

— Ты о чем говоришь? — удивленно спросил Раммар. — *Именно?*

— Ты в лесу хотел заставить меня поверить, что я не вылезал из лопнувшего гнойника Курула, — напомнил ему Бальбок, — и что есть еще кое-что, что ты объяснишь мне, когда придет время. Думаю, время пришло, иначе ты уже не успеешь. Итак — что именно?

И на этот раз Бальбок не получил ответа, потому что Раммар хрипло закричал, когда не-мертвый дракон громко втянул в себя воздух. Раммар закрыл глаза и, дрожа, стал ждать ужасного шипения и холодного голубого огня, который поглотит его.

Но не последовало ни того, ни другого...

— *Оль'док*, — раздался вместо этого звонкий серебристый голос — и когда Раммар снова открыл глаза, не-мертвого дракона нигде не было.

Драгнадх исчез без следа, и, если бы вокруг не валялись дымящиеся останки колдуна, можно было бы подумать, что его никогда не существовало.

Вместо этого внезапно появились Аланна и Корвин, изнуренные и израненные, но и крайне счастливые.

— Не беспокойтесь, мерзкие мои друзья, — смеясь, крикнула оркам эльфийка. — Все закончилось!

— Закончилось? — озадаченно переспросил Раммар. — Закончилось? Нужно всего лишь крикнуть *исчезни* по-орочьи, и все позади? Вот так просто?

— Как бывшая священнослужительница Шакары я знаю волшебное слово, способное нарушить запрет и обезвредить Драгнадха, — с невинной улыбкой пояснила ему Аланна.

— Ага, — сказал Раммар, у которого все еще дрожали колени. — А почему это волшебное слово на орочьем языке?

— Как вам теперь известно, — мягким голосом ответила священнослужительница, — у эльфов и орков одни корни, так же обстоит дело и с их языками. И Фаравин, и его люди были убеждены в том, что никому никогда не придет в голову, что формула изгнания Драгнадха произносится на языке врага.

— Это точно, — согласился с ней Бальбок, указывая на останки колдуна. — По крайней мере, Маргок до этого не додумался.

— В этом и заключается причина того, что ты говоришь на нашем языке, эльфийка? — спросил Раммар.

— Конечно, — подтвердила она и добавила. — У каждой вещи на этом свете есть две стороны, одна светлая, а другая — темная. Очень полезно помнить об этом всегда.

Раммар и Бальбок переглянулись.

— Сумасшедшая, — в один голос сказали они.

— Нужно позаботиться о том, чтобы исчезнуть отсюда, — напомнил Корвин, все еще казавшийся слабым и изнуренным, хотя его раны перестали кровоточить. Раммар предположил, что над ним поколдовала эльфийка.

— Зачем? — спокойно спросила Аланна.

— Потому что мы не можем быть уверены в том, что колдун не вернется. — Корвин недоверчиво огляделся по сторонам. — Этот негодяй уже один раз пережил драконий огонь, так почему бы ему не сделать это во второй раз?

— Потому что его тело было уничтожено, — ответила эльфийка. — Он не может вернуться.

Корвин покачал головой.

— Этого я не понимаю. Разве после битвы за Тиргас Лан его тело тоже не было уничтожено? Разве ты не говорила, что его сожгли? И тем не менее дух Маргока пережил столетия...

— Потому что собственное тело Маргока — тело эльфа, — пояснила Аланна, пожимая плечами. — И если бы его дух снова перенесся в тело эльфа, то дух Маргока выжил бы и на этот раз. Но Раммар и Бальбок нарушили церемонию, которая уже началась, и духу Маргока не оставалось ничего иного, кроме как войти в то единственное тело, которое попало под руку.

— Тело Рурака, — сказал Раммар.

— Правильно, — подтвердила Аланна. — Колдун из Гнилых земель жил много веков, и все же он был всего лишь человеком. А когда его смертное тело было уничтожено, умер и Маргок, причем умер окончательно, потому что его дух находился в теле Рурака и тем самым был связан законами смертных.

Раммар и Бальбок снова обменялись долгими взглядами. А потом у них с губ сорвались те единственные слова, которые как-то объясняли такую чепуху:

— Эльфийское колдовство.

Четверка как раз собиралась покинуть сокровищницу, когда у них появились гости. Спутники инстинктивно отпрянули, потому что подумали, что это опять орки и гномы, пережившие огненную бурю, устроенную Драгнадхом. Но в ведущий к сокровищнице зал ворвались эльфы.

Среди них было и несколько карликов...

— Сокровище! — закричал один из них, чье лицо, несмотря на обожженную бороду, Корвин тут же узнал. — Мы нашли его!.. — Ортмар фон Бут, сын Ортвина, хотел немедленно перебраться через парапет и прыгнуть прямо в блестящую роскошь. Но эльфы удержали предводителя карликов в измазанных сажах доспехах.

Вместо этого вперед вышел эльф, на доспехах которого не было ни малейших следов битвы и чьи утонченные и несколько высокомерные черты лица заставляли предположить, что в его жилах течет кровь благородного рода. Раммар и Бальбок заметили, что при виде его Аланна вздрогнула.

— Лорето...

— Да, Лорето, — мрачным голосом ответил эльф. — Князь Тиргас Дуна из рода Брихана, Верховный Мечник Высокого Совета, освободивший Тиргас Лан от сил Хаоса!

И, чтобы подчеркнуть свои слова, он поднял руку с зажатым в ней эльфийским мечом. На изогнутом клинке не было ни капли черной орочьей и зеленой гномьей крови.

— Что ты здесь делаешь? — озадаченно спросила Аланна; встретить в этом месте бывшего возлюбленного она ожидала меньше всего.

— Ха! — ликующе воскликнул Лорето. — То же самое я мог бы спросить у тебя, предательница!

— Я все могу объяснить, — заверила его Аланна.

— Сомневаюсь, — строго заметил эльфийский князь. — Я знаю о твоих злодеяниях, Аланна. Ты выдала местоположение Сокрытого Города врагу и отдала Тиргас Лан чудовищам. Если бы не я, зло победило бы, и все, за что так храбро когда-то сражались наши предки, пропало бы.

— Ты? — непрошенно вмешался Корвин. — О чем ты это говоришь? Это не-мертвый дракон победил Маргока и его орочье войско.

Лорето одарил Корвина презрительным взглядом.

— Ты собираешься дерзить, человек? — спросил он. — Ты кто вообще такой? И кто позволил тебе так просто со мной обращаться?

— Мое имя Корвин, — проворчал одноглазый охотник за головами. — И я говорю так, как мне удобно. Терпеть не могу, когда искажают факты.

— Ты хочешь обвинить меня во лжи? — язвительно поинтересовался Лорето. — Это дорого тебе обойдется, человек. Точно так же, как священнослужительница и вон те чудовища, ты являешься предателем, и я позабочусь о том, чтобы вы получили по заслугам. Капитан, возьмите их!

— Слушаюсь, мой князь, — ответил офицер и велел одному из своих подчиненных следовать за ним. Они ловко преодолели балюстраду и подошли к четверым спутникам.

— Схватить их! — приказал Лорето и громко добавил: — Они обвиняются в государственной измене, и все вы знаете, какая кара положена за это!

— Нет, Лорето! — решительно возразила Аланна. — Можно обвинять в предательстве меня, но не моих спутников. Этот человек и оба орка — храбрые воины, сразившиеся со злом и...

— ...и решившие, в конечном итоге, поживиться эльфийскими сокровищами, — перебил ее Лорето. — Я знаю то, что я видел, Аланна. Даже не пытайся переубедить меня. Освободитель Тиргас Лана не знает пощады!

— Так и есть! — с ненавистью в голосе подтвердил Ортмар фон Бут. — Близок час расплаты за твои дела, Корвин! Ты слишком долго грабил честных людей и соблазнял их дочерей!

Эльфы решительно приблизились к спутникам. Аланна, слишком хорошо знавшая, что воины ее народа великолепно владеют искусством боя на мечях, испуганно отпрянула, увлекая Корвина за собой. А Раммар и Бальбок остались на месте, заслонив собой эльфийку и человека.

— Что такое? — насмешливо поинтересовался Лорето. — Вы что, глупые чудища, торопитесь встретиться со смертью?

— Ни в коем случае, остроухий, — упрямо ответил Бальбок. — Но священнослужительница спасла нас, а охотник за головами храбро сражался плечом к плечу со мной и моим братом. Если они нужны тебе, придется твоим лизоблюдам сначала пройти мимо нас. Верно, Раммар?

— Чертовски верно, Бальбок, — согласился Раммар и сам не мог поверить в то, что произнес эти слова. Что заставило его вступить за эльфийку и человека, когда он всегда был достаточно разумным, чтобы отступить, когда становится слишком жарко?

— Как угодно, — скучающим голосом произнес Лорето и крикнул воинам:

— Расправьтесь с этими глупцами, если они так настаивают, а затем возьмите в плен священнослужительницу и человека!

— Нет! — умоляюще крикнула Аланна. — Поверь мне, Лорето, эти двое — не обычные орки. Им удалось открыть Врата Фаравина!

— Конечно, — ответил Лорето. — С твоей помощью!

— Как это я могла бы им в этом помочь? Священнослужительница Шакары не обладает для этого достаточной силой! И именно орки открыли Главные Врата Тиргас Лана, потому что судьба избрала их для высшей доли!

— Для высшей доли? Двух орков? — Лорето сочувствующе рассмеялся. — Боюсь, дорогая Аланна, время, которое ты провела в обществе этих ублюдков, помрачило твой рассудок. Но я, как ты знаешь, эльф. Освободитель Тиргас Лана дает тебе возможность раскаться в содеянном. Я обещаю доставить тебя в Тиргас Дун и позаботиться о том, чтобы состоялся честный процесс перед Высоким Советом. При условии, что ты здесь и сейчас отречешься от своих недостойных спутников.

Аланна покачала головой.

— Я не могу этого сделать.

— Не будь дурой, Аланна, я заклинаю тебя...

Черты лица эльфийки внезапно омрачились.

— Дурой? — тихо произнесла она. — Да, я была дурой, когда любила тебя и думала, что ты был достоин моей любви, Лорето. Но я ошиблась в тебе. Не благородное происхождение, а только поступки делают нас высшими существами. В твоих глазах эти орки и этот человек, может быть, ничего и не стоят, а я считаю их своими друзьями.

— Этих варваров? — раздраженно вскричал Лорето. — Ты не можешь так меня позорить...

— Более того, Лорето, — возразила Аланна и тесно прижалась к Корвину, который обнял ее, защищая. — Я люблю этого смертного.

— Ты... любишь его?

— Больше, чем когда-либо любила тебя, — заверила его Аланна. — Потому что Корвин показал мне новую жизнь и научил тому, что на самом деле значат любовь и верность, в отличие от некоего эльфийского князя, который попрощался и трусливо, но сопровождая все это красивыми словами, собирался бежать к Дальним Берегам.

Раммар громко засопел, а Бальбок не смог сдержаться и тихонько захихикал: так веселило орков то, что Аланна расправляется с этим заносчивым эльфийским князем. Для Раммара в этот момент окончательно подтвердилось подозрение, что в верховной бабе Шакары больше от орков, чем она сама себе в этом признается.

Лорето же было совершенно не до смеха. Его благородно бледные черты лица потемнели, узкие глаза засверкали гневом.

— Довольно! — яростно заревел он. — Такого освободитель Тиргас Лана не должен позволять! Вперед, мои воины! Схватите их, и если они окажут сопротивление, то не оставляйте в живых никого!

Эльфы решительно кивнули и с обнаженными мечами направились к невооруженным спутникам. У Раммара с губ сорвалось тихое «ой-ой», а затем налетели эльфы и...

В сокровищнице ярко сверкнула молния, на мгновение ослепив всех, а затем снова засветился луч голубого эльфийского света, спадавший через отверстие в полу тронного зала, и на этом луче, из кратера, оставленного не-мертвым драконом, поднялась эльфийская корона!

Все присутствующие — эльфы, карлики, а также четверка спутников — на мгновение словно застыли. Но на этот раз корона Сигвина не зависла посреди сокровищницы, а поплыла дальше к собравшимся, словно стремясь отыскать нового хозяина, на голову которого она могла бы опуститься.

Раммар невольно протянул к ней свои короткие пальцы, но корона пролетела мимо него и его брата. Миновала она и Ортмара фон Бута, который проводил жадным взглядом драгоценные камни, какими она была украшена. Эльфийская корона целеустремленно приближалась не к кому иному, как к Лорето, в глазах которого заплясали искорки.

— Да! — громко закричал он. — Иди ко мне, украшение Эльфийской империи! Иди к князю Лорето, освободителю Тиргас Лана и укротителю Маргока, и опустишь на его голову! Потому что я — Избранный, о котором сказано в пророчестве, а значит, полноправный наследник трона Сигвина!

В ожидании Лорето закрыл глаза...

Но корона изменила курс, удалилась от него и поплыла прямо к Корвину и Аланне.

И, к безграничному удивлению всех, она опустилась на голову охотника за головами!

— Ч-что это означает? — растерянно спросил Корвин.

— Это означает, что ты — Избранный, — ответила Аланна, и высвободилась из его объятий, чтобы отойти на почтительное расстояние.

— Но... этого же не может быть. Это ошибка!

— Предательство! — закричал Лорето, вне себя от гнева. — Это фокус, жалкий фокус! Какое гнусное колдовство ты использовала на этот раз, предательница?

— То же самое колдовство, при помощи которого ты только что собирался провозгласить себя королем Тиргас Лана, — ответила Аланна. — Ты усомнился бы в короне

в том случае, если бы она выбрала тебя?

Похоже, большинство эльфийских воинов придерживалось мнения, что это справедливое замечание, и Лорето заметил их недовольные взгляды. И даже Ортмар фон Бут с сомнением смотрел на эльфийского князя.

— Но ведь это не может быть новый король Тиргас Лана! — возразил Лорето. — Это же всего лишь ничтожный человечиска, да еще к тому же и охотник за головами!

— Где в пророчестве Фаравина сказано о том, что Избранный должен быть эльфом? — спросила Аланна. — Мы все всегда так считали, и, пожалуй, сам Фаравин придерживался этого мнения. Но я не знаю ни единой строчки в его предсказании, где говорилось бы, что человек не может получить корону Тиргас Лана, а можешь мне поверить, я знаю слова пророчества очень хорошо, в конце концов, я провела над их изучением три сотни лет. Так вот она, тайна пророчества Фаравина: не эльф взойдет на алебастровый трон и объединит *амбер*, а человек, потому что будущее принадлежит людям!

— Т-ты уверена в этом? — спросил Корвин, все еще выглядевший растерянным.

— В пророчестве Фаравина все правда, от первого до последнего слова, теперь я знаю это, — с улыбкой ответила ему священнослужительница, а потом склонила голову и преклонила перед ним колени.

— Аланна, что?.. — в отчаянии крикнул Лорето, но никто уже не слушал его.

Эльфийские воины, которые только что собирались напасть с обнаженными клинками на Корвина и его спутников, первыми последовали примеру жрицы, опускаясь на колени перед новым королем. Их товарищи у балюстрады сделали то же один за другим, чтобы выказать уважение новому повелителю *амбера*. Даже Ортмар, быстрый разум которого подсказал, что с варгами жить — по-варжьи выть, согнул колени.

— Мы тоже? — Бальбок бросил на Раммара неуверенный взгляд.

— А почему нет? — Толстенский орк вздохнул и пожал плечами. — Я так думаю, после всего того, что произошло, удивляться не приходится.

И с этими словами оба орка склонили головы, выказывая свое почтение новому повелителю Землемирья.

И только один стоял прямо, словно от гордости и упрямства у него не гнулись ноги.

Князь Лорето...

— Что случилось, Лорето? — насмешливо поинтересовалась Аланна. — Ты не хочешь присягнуть на верность своему королю?

— Сво-сво-своему королю? — озадаченно пробормотал эльфийский князь. — Человеку?

— На нем корона Сигвина, разве нет? — спросила Аланна. — И этой короне ты клялся в верности, если помнишь.

Среди эльфийских воинов послышалось одобрительное ворчание. Лицо Лорето стало еще на пару оттенков темнее, теперь не утешала даже мысль о Дальних Берегах. Он вполне согласился бы еще какое-то время провести в мире смертных как король *амбера*. Но, похоже, из этого ничего не выйдет.

Разбитый, под мрачными взглядами эльфийских воинов, Лорето преклонил колени.

Корвин стоял как громом пораженный.

Устремив взгляд единственного глаза на стоящую на коленях толпу, охотник за головами все никак не мог понять, что происходит. Он всегда был бездомным бродягой, который предлагал свои услуги там, где за это лучше платили. Почему же, ради всего святого, именно он был избран тем, кто займет королевский трон?

И тем не менее с той секунды, как на его голову опустилась древняя корона, он чувствовал внутреннюю силу и уверенность, каких не испытывал никогда прежде, даже тогда, когда Марена была еще жива.

У Корвина было такое чувство, что он вернулся домой после долгих странствий, и в сердце его теплилось неизведанное доселе чувство: благодарность.

Он был благодарен Аланне за то, что она вошла в его жизнь, и поймал себя на мысли,

что испытывает благодарность по отношению к обоим оркам, с которыми он постоянно спорил и ссорился, в то время как они на самом деле были самыми верными его союзниками. И он благодарил Марену за то, что она указала ему путь.

Проклятие было снято, началась новая эра.

11. Ур'морор тулл

Когда разгорелся новый день, все изменилось.

Еще под покровом ночи с древним городом королей произошли метаморфозы: вездесущая чернота, вчера покрывавшая все башни, все дома, все стены в Тиргас Лане, исчезла, и алебастр, гранит и мрамор засияли в былом великолепии. Вязкая масса во внутренних комнатах цитадели, наследие Драгнадха, исчезла на следующее утро. Блеск былых дней вернулся, и улицы и переулки города королей, казалось, только и ждали того, чтобы наполниться новой жизнью.

И это было не единственное превращение, произошедшее за ночь: лес Тровны, непроницаемые заросли которого на протяжении столетий скрывали и защищали Тиргас Лан от непрошенных гостей, изменился, когда первые лучи солнца показались над горизонтом. В лесу уже не властвовали лианы и отмирающие корни; освобожденный от древнего проклятия лес расцвел с новой силой. Густой зеленый покров пропускал солнечные лучи, и они пронизывали все до самой земли; мхи и папоротники, которые вчера грозили задушить все живое, сменились яркими цветами, что раскрылись с первыми лучами солнца, источая сладкий аромат. И даже улицы древней Эльфийской империи, прежде скрытые густыми зарослями, снова показались на свет, не старые и разбитые, а такие, словно их только что создали архитекторы.

Уже не руины выступали из черноты ночи на свет новой эры, а гордый город, бывший когда-то центром и жемчужиной Землемирья, чтобы обрести величие.

И все же оставались следы битвы за Тиргас Лан, которые не могло убрать эльфийское колдовство. Обугленные тела бесчисленного количества орков покрывали центральную улицу, лежали в переулках, и горький запах смерти последний раз пролетел над цитаделью, когда эльфийские воины разожгли огонь, чтобы превратить останки врагов в пепел.

О жестокой сече, всего лишь несколько часов бушевавшей у цитадели и в ней самой, напоминали и разрушения, оставленные Драгнадхом в его бешенстве, в первую очередь огромная дыра с рваными краями в купольном своде. Но битва подошла к концу, и на алебастровом троне, с которого правили Империей повелители от Сигвина до Фаравина, сидел новый король, впервые пребывавший в своей резиденции, в своей новой Империи.

На Корвине была одежда, которую ему дали эльфы: белая туника с богато украшенным краем. Его раны промыли и обработали целебными мазями, и он почти не чувствовал боли. На месте его левого глаза теперь была повязка из кожи. Потеря глаза всегда будет напоминать ему о том, каким образом он пришел к власти и в чем заключаются его обязанности как короля Тиргас Лана.

Церемонии коронации не было; корона сама решила, на чьей голове ей покоиться. А Корвин никак не мог поверить в то, что произошло прошлой ночью, но, будучи человеком дела, он ответил на брошенный ему вызов.

Двор, образовавшийся из лучших и благороднейших воинов эльфийского войска, стоял широким кругом, глядел на Корвина и ждал. То, что он был человеком, а не эльфом, казалось, не очень-то их тревожило: потребность в справедливом и верном предводителе у эльфов пересиливала высокомерие.

Корвин почувствовал, что все взгляды устремлены на него и понял, что должен что-то сказать. Он не был великим оратором, кроме того, у него не было достаточно времени для того, чтобы обдумать речь. И все же, когда он заговорил, слова его звучали громко и решительно:

— Воины Эльфийской империи, слушайте меня! Случилось чудо, которое никто из нас

не может осознать. Человек, к тому же такой, который не считал себя достойным, был избран новым правителем Тиргас Лана, и все, в чем он может вас заверить, — это то, что он будет ревностно выполнять свои задачи. Не будут больше править в Землемирье война и ненависть. Родится новый союз, в который войдут не только люди и эльфы, но и все расы доброй воли. Я разошлю гонцов в самые отдаленные уголки этого мира — к эльфам, людям, карликам и даже к оркам. Известие о том, что звезда Тиргас Лана воссияла вновь, должно звучать повсюду, и я приглашу предводителей, князей и вождей явиться сюда и присоединиться ко мне, чтобы годы войны и хаоса сменились миром и порядком, как это было когда-то.

Корвин оглядел собравшихся, ожидая реакции на свою речь. Но эльфийские воины молчали, что среди им подобных являлось знаком единодушного одобрения.

— И, чтобы скрепить новый союз, — продолжал Корвин, поднимаясь с алебастрового трона, — я выбираю Аланну, Верховную священнослужительницу Шакары, королевой Тиргас Лана.

Он вопросительно поглядел на стоявшую в стороне от трона Аланну, на которой снова было сияющее белое одеяние, и добавил:

— При условии, конечно, что она меня желает.

Эльфийка, все еще не оправившаяся от ужасов прошедшей ночи, ответила ему нерешительной улыбкой.

— Она желает тебя, — заверила она его. — Но она тебя недостойна. На ней лежит вина.

— Она искупила ее стократ, — ответил Корвин. — Я люблю тебя, Аланна. И ты нужна мне больше, чем воздух, больше, чем дыхание.

Он склонился и протянул к ней руки, и она поднялась к нему на пьедестал рядом с тронном. Эльфийская церемония в подобные моменты предписывала благородную сдержанность, однако новому королю Тиргас Лана было все равно. Он поднялся, быстро заключил Аланну в объятия и поцеловал долгим и нежным поцелуем.

И молодой эльфийский воин по имени Айлан вопреки привычкам и традициям эльфов возликовал. Многие из его товарищей присоединились к нему, и эльфы принялись восхвалять королевскую чету, пока Корвин не остановил их.

— Свадьбой, какой никогда еще не знало Землемирье, будет скреплен наш союз, — провозгласил он. — Но прежде следует провести суд над теми, кто пытался получить выгоду за счет других.

Он вновь поднялся на трон и приказал:

— Введите пленников!

Эльфы расступились и в зал ввели двоих, одного — высокого и худощавого, второго — низенького и приземистого.

Обоих избавили от позора оков, но мрачные взгляды воинов, сопровождавшие пленников, недвусмысленно говорили Лорето Тиргас-Дунскому и Ортмару фон Буту, что попытка бегства бесполезна.

— Ортмар фон Бут, сын Ортвина, — начал Корвин. — Ты обвиняешься в том, что являешься контрабандистом и разбойником, в том, что грабил и обманывал ради гнусной выгоды. Зная о том, что в Тиргас Лане хранится сокровище неизмеримой ценности, ты втерся в доверие к эльфийскому князю и обманул его. Тебе есть что сказать в свое оправдание?

Вокруг маленьких глаз Ортмара дрогнули мышцы. Сын Ортвина за словом в карман обычно не лез, и ему было что сказать охотнику за головами. Проблема только в одном: Корвин больше не был охотником за головами. А если у Ортмара фон Бута и имелась добродетель, так это способность вовремя промолчать. Поэтому он так и сделал, лишь угрюмо покачав головой.

— Я так и думал, — произнес Корвин. — Но, как я слышал, Ортмар, ты и твои люди храбро сражались в битве за Тиргас Лан. В темную годину, когда другие потеряли голову и бросились бежать, вы проявили мужество и доказали свою отвагу. Поэтому я позволю вам

покинуть Тиргас Лан как свободным карликам и вернуться домой.

— М-мы можем идти? — переспросил предводитель карликов, не веря своим ушам.

— Именно. Возвращайтесь в Острогорье и расскажите своим братьям о том, что здесь произошло. Я ожидаю, что король Царства карликов отправит ко мне посла. Молчание между нашими народами затянулось.

— Я-я передам ему, — ответил Ортмар, низко кланаясь; на этот раз ни у кого не возникло чувства, что ему приходится пересиливать себя. У человека, сидевшего там, на алебастровом троне, и охотника за головами, которого он так ненавидел, не было почти ничего общего. — Могу я высказать еще одну просьбу, ваше величество?

— Чего ты хочешь? — спросил Корвин. — Говори.

— Э-м-м-м.... — Карлик нервно подергал себя за бороду. — Сокровищница Тиргас Лана полна до краев, и, после того как мы так храбро сражались, как вы говорили, может быть, мы с моими людьми могли бы получить небольшое вознаграждение...

— Не перегибай палку, Ортмар, — предупредил Корвин. — А теперь убирайся.

— Непременно, ваше величество, — ответил карлик, поспешно отходя и бормоча себе, что кое-что общее у нового короля Тиргас Лана и некоего охотника за головами все-таки есть.

— Ортмар? — еще раз окликнул его Корвин, когда тот был уже в дверях.

— Да, мой король? — обернулся к нему карлик.

— Я не трогал твою дочь.

Лицо бородатого лица карлика озарила широкая улыбка.

— Я знаю, — тихо сказал он.

И он покинул тронный зал Тиргас Лана в сопровождении тех, кто остался жив и верен ему.

После этого взоры обратились на Лорето. Он провел ночь в не особенно комфортабельной подземной темнице, выглядел соответствующим образом и был весьма подавлен. По его покрасневшему лицу отчетливо читалось, что находиться здесь он считает для себя огромным позором.

— Князь Лорето Тиргас-Дунский, — начал Корвин. — Лично я после всего того, как вы обошлись с Аланной и своими людьми, вызвал бы вас на дуэль, один на один. Вы всегда думаете только о своем благополучии — это не достойно князя, будь он человек или эльф.

Узкие губы Лорето приоткрылись и пробормотали несколько слов, так тихо, что нельзя было ничего разобрать.

— И все же, — продолжал Корвин, — я не считаю себя вправе судить князя благородных эльфийских кровей. Высокий Совет эльфов должен узнать, что произошло здесь, в Тиргас Лане. Им решать, какая кара должна вас постигнуть. Поэтому я отправляю вас в сопровождении эскорта в Тиргас Дун.

— И хорошо сделаешь, охотник за головами, — высокомерно ответил Лорето. — Потому что скоро все это назовут глупой ошибкой и у тебя отберут эльфийскую корону, которую ты так нагло и противозаконно присвоил.

— О Лорето, — печально покачала головой Аланна. — Даже теперь, когда ты проиграл, ты отказываешься признать истину. Король Корвин не завладевал короной противозаконно. Он и никто другой — Избранный, тот, о ком идет речь в пророчестве Фаравина. Он будет мудрым и добрым правителем, потому что в отличие от тебя, Лорето, он знает жизнь, и кровь, текущая в его жилах, благороднее, чем твоя.

— Что? — возмущенно засопел Лорето. — Что ты себе позволяешь?..

— На протяжении всей своей жизни ты себя обманывал, Лорето, получив в наследство то, что другие заработали потом и кровью. Ты ослепил меня манерами и красивыми словами. Но в битве за Тиргас Лан ты показал свое истинное лицо. Ты бросил на произвол судьбы не только меня, но и тех, кто повиновался твоему приказу, только для того, чтобы спасти себя. Ты никогда не попадешь на Дальние Берега, Лорето, никогда.

И она одарила князя взглядом, в котором не было ни ненависти, ни удовлетворения, а

только грусть и сочувствие. Лорето глубоко вдохнул и, казалось, хотел ответить, но затем передумал. По его глубокому убеждению, ему не нужно было оправдываться перед Аланной, и уж тем более перед Корвином; все то, что он хотел сказать, он выскажет перед Высоким Советом.

Повинуясь жесту Корвина, стражники приблизились к Лорето и увели его, а эльфийские воины, стоявшие вдоль стен зала, повернулись к своему бывшему предводителю спиной — знак наивысшего презрения.

— Все в порядке? — спросил Корвин Аланну, которая со слезами на глазах смотрела вслед бывшему возлюбленному.

Эльфийская священнослужительница кивнула.

— Все в порядке, — заверила она его, пытаясь улыбнуться. — Кто бы мог подумать? Пророчество, в котором мы все уже начали сомневаться, в конце концов исполнилось, хотя и совершенно неожиданным образом. Не эльф, а человек взошел на трон Тиргас Лана с помощью двух орков, которые были избраны для того, чтобы открыть Врата в Сокрытый Город.

— С ума сойти, правда? — улыбнулся Корвин. — Эльфийское колдовство, как сказали бы Раммар и Бальбок.

— Раз уж мы о них заговорили — где эта парочка? Разве они не должны были присутствовать при том, как ты первый раз выступил в роли короля?

— Они покинули город еще на рассвете, — пожав плечами, ответил Корвин. — Похоже, орки не понимают смысла прощаний.

— Они ушли? — Аланна испуганно глядела на Корвина. — Просто так? Не потребовав награды?

— Именно так, — кивнул Корвин. — Хотя и сделали небольшой крюк...

— Крюк?

Корвин ухмыльнулся так широко, что за этой улыбкой на миг проглянул охотник за головами.

— Крюк через королевскую сокровищницу...

Эпилог

Дорога, проходившая через лес Тровны, вела на запад. Когда взошло солнце и его лучи пронизали лиственный покров, оказалось, что лес изменился: повсюду, где еще день тому назад царила пустота, кипела жизнь, гнилостный запах тления сменился сладким ароматом ярких цветов, и вернувшиеся за ночь птицы весело щебетали в ветвях деревьев.

Обычно Раммару такая идиллия была отвратительна до глубины души. Но низенький орк был настолько преисполнен мрачной радости, что даже не замечал всего этого веселья вокруг.

Вместе с Бальбоком они волокли по неровной дороге золотую колесницу, доверху нагруженную золотыми кубками и тарелками, серебряными бокалами и статуями, а также сундуками, полными бриллиантов, сапфиров и изумрудов, в которых, сверкая, играло солнце.

— Знаешь, что, Раммар, — протянул Бальбок. — Я все думаю, что нужно было попрощаться с Корвином и Аланной. Они ведь все-таки наши др...

— Не произноси этого слова, — перебил его брат. — Даже не думай об этом! У орков нет друзей, и уж тем более — среди эльфов и людей. Хочешь окончательно испортить нашу дурную репутацию? Она и без того подмочена тем, что мы им помогли, и это при том, что они постоянно все переиначивают и хотят выставить события в другом свете. Я уверяю тебя — никто никогда не узнает, что на самом деле этот *шноршевый* мир спасли двое орков.

— Очень может быть, — задумчиво произнес Бальбок.

— Но это не должно нас волновать, потому что мы сами позаботились о своей награде. Этот глупый охотник за головами и его эльфийские друзья даже не заметили, как мы

вытащили колесницу из сокровищницы прямо у них под носом.

— Раз уж ты заговорил о том, что мы тащим, — прохрипел Бальбок. — Может быть, не стоило мне убивать Грайшака.

— Это еще почему?

— Потому что тогда нам не пришлось бы волочь колесницу самим. Мы запрягли бы в нее Грайшака, а сами уютненько устроились бы на золоте.

— *Доук*, — возразил Раммар, отмахиваясь от него, — лучше уж я сам дотащу золото до дома. Ты только представь, что скажут в *больбоуге*, когда мы вернемся, нагруженные эльфийскими сокровищами.

— Они присягнут нам на верность, — заверил его Бальбок. — И возможно, выберут меня новым главным.

— Тебя? — Раммар уставился на брата сбоку. — А почему именно тебя?

— Потому что это я зарубил Грайшака, — недолго думая ответил Бальбок. — По нашей традиции я стану новым главным в *больбоуге*.

— Хм, — заметил Раммар — на это он даже не нашелся, что возразить.

— Но знаешь что? — спросил Бальбок.

— Ну, что еще?

— Я скажу, что мы сделали это вдвоем. Тогда мы оба станем главными. *Корр*?

— *Корр*.

Они молча потащили нагруженную золотом колесницу дальше по дороге, тянувшейся через лес Тровны. Наконец Бальбок вновь неуверенно заговорил.

— Раммар?

— Да, Бальбок?

— Есть кое-что, чего я никак не могу понять.

Раммар вздохнул, но поскольку брат собирался сделать его главным наравне с собой, впервые отказался от того, чтобы обругать его *умбалом*.

— Что ты хочешь знать? — спросил он поэтому, заставляя себя успокоиться.

Какое-то мгновение Бальбок колебался.

— Что именно? — спросил он затем.

Приложение А

Язык орков

Язык орков построен настолько просто, насколько это вообще возможно: его грамматические принципы безо всяких усилий может изучить любой желающий. Трудности состоят исключительно в произношении. Поэтому людей, когда они, чтобы их не узнали, переодеваются, как правило, без труда распознают среди орков по акценту, и тогда им уже приходится расхлебывать все драматические последствия такого карнавала, иногда ценой жизни.

Воинственная культура орков не знает ни профессии писарей, ни ученых, которые бы что-то записывали, поэтому, как следствие, у них нет ни исторических документов, ни литературных произведений. Даже немногочисленные орки-ученые никогда не фиксировали свои знания на письме. Поэтому происходящий изначально из эльфийского орочий передается устно и, таким образом, с течением столетий значительно упростился. Так, у идиом орочьего языка нет ни склонения, ни спряжения, а различные падежи и времена передаются исключительно контекстом или посредством орочьей особенности *тоугасга* (см. ниже). Единственное исключение составляет родительный падеж, выраженный путем подстановки к слову приставки *ур'-*. К словам часто добавляются приставки, существенно изменяющие их значения. Так, например, суффикс — *'хай*, выражающий множественное число (*умбал* — идиот; *умбал'хай* — идиоты).

Поскольку орки очень ценят точное обозначение принадлежности имущества,

последняя выражается путем добавления слогов, к примеру — '*мо* означает «мой», — '*нур* же «твой». Различия между прилагательным и наречием, обычно существующего в более развитом человеческом языке, язык орков в принципе не знает (к вящей радости молодых орчат).

Для построения предложения соответствующие слова просто подставляются одно к другому, причем используется, как правило, следующий порядок слов: подлежащее — сказуемое — дополнение, но придерживаться его не обязательно; и здесь существуют межплеменные различия. Глаголы — за редким исключением — образуются путем присоединения к существительному окончания — '*док* (делать, творить), например *коум'док* , что переводится как «обезглавить кого-либо». Значение образованных таким путем глаголов понятно в той или иной степени — иногда оно понятно сразу же, как, например, в слове *горе'док* (смеяться), в других случаях требуется некоторая интерпретация, как, например, в слове *лус'док* , что дословно переводится как «вести себя подобно овощу», но по причине общего отвращения орков к вегетарианской пище нужно понимать как «быть трусливым».

Числа получаются путем присоединения друг к другу цифр от нуля до девяти:

ноль — *оулла*

один — *ан*

два — *да*

три — *ри*

четыре — *кур*

пять — *кихг*

шесть — *сай*

семь — *соук*

восемь — *окд*

девять — *ноу*

Здесь тоже порядок не важен, так что, к примеру, когда говорят *окд-ан* , совершенно неясно, имеется ли в виду число 18 или 81. Но поскольку очень мало орков умеют считать, не говоря уже о том, чтобы вычислять, эта двойственность для орков значит гораздо меньше, чем можно было бы предположить. Количество выражается в основном только при помощи слов *иомаш* (много) или *боугум* (мало).

Этимология отдельных слов и понятий у орков в большей степени, чем у других народов, зависит от (существующего только частично) культурного развития. Поэтому неслучайно формальная отговорка *док* , слово, обозначающее питье *деок* и выражающее сильное отрицание или отвращение *доук* с совершенной очевидностью имеют один и тот же корень. Некоторые слова орочьего языка — хотя сами орки никогда бы не признали этого — позаимствованы из языка людей, например, такие как *мошгир* (мастер), *смок* (дым), *бирр* (пиво) или *тоунга* (язык), что в первую очередь объясняется союзом орков и людей времен Второй войны. Стоит задуматься о том, что орочье слово «смерть» (убийство) тоже заимствовано из человеческого: *мурт* .

Позволим себе сделать последнее замечание по поводу орочьего языка в связи с ритуалом *тоугасга* , что переводится как «учение»: в разговоре орки часто жестикулируют, а еще чаще пускают в ход кулаки, чтобы придать своим словам больше весу, а также чтобы в значительной степени облегчить понимание. Людям, задавшимся целью изучить орочий язык, следует в связи с различной анатомией и физиологией людей и орков также отсоветовать использовать *тоугасг* в разговоре с орком. Последствия могут быть значительные, вплоть до сильного ухудшения здоровья. За возможное несоблюдение этого правила как автор, так и издательство снимают с себя всяческую ответственность.

Далее следует алфавитный перечень некоторых важных слов и понятий орочьего языка:

абхайм — река

айрун — железо

акрас — голод
акрас'док — испытывать голод
альхарк — рог
ан — один
анмои — поздно
анн — в, у, при
анойс — вверх
аог — смерть (старческая слабость)
аохг — гость, попугчик
артум — камень
асар — зад
ахгал — страх
ахгор — утверждать
ахгои — лицо, физиономия
Ахгои доук ! — Привет! (досл. «Мне не нравится твоя физиономия»)
ахгои'хай-бонн — люди (собств. «молочнолицы»)
байи — провиант
бальбок — глупый
баркос — лоб
баррантас — сила, власть
барраид — больше
бас — смерть (в бою)
бирр — пиво
блар — поле (битвы)
бларк — теплый
блос — акцент
блоиму — год
бог — мягкий
богаи — болото
богаи-хгул — болотный дух
бог-ухг — слабак, мягкотелый
бодаи — старик
бокум — дух
боль — город
больбоуг — деревня (родина орка)
бонн — молоко
борб — жестокий, ужасный
боуб — баба
боугум — мало
боуртас — деньги, сокровища, богатство
боуртас-коум — награда за голову, премия
боутаи — дикий зверь, хищное животное
бохга — лук
браркор — брат
братаи — знамя
бру — желудок
бру-милл — засоритель желудка (национальное блюдо орков)
брунирк — гном
бруурк — приговор, суд
бунта — картофель
буол — удар, стук
буон — урожай

буунн — гора
бухг — удар, толчок
бхулл — шар
гаорк — ветер
гарг — горький
гаргоун — чеснок
глоикас — мудрость
гобха — кузнец
горе — смех
горе'док — смеяться
госгоиш — герой
гоу — до
гоулаш — луна
гоулл — обещание
гоида — ловушка
гоида'док — поставить на кого-либо ловушку
гранда — отвратительный, уродливый
грон — ненависть
груагаиш — девушка
губхирк — почти
гурк — голос
гурк'док — кричать
да — два
даораиш — отравление
дараиш — дуб
Дарнахг ! — Проклятье!
дарр — слепой
деок — напиток, пить
диаомоун — бриллиант
дилоуб — наследство, завещание
дилоуб'док — завещать что-либо
дирк — поражение
длурк — близко
док — делать
долл — лужайка
дораиш — темный
доук — мне не нравится... (Обобщ. отрицание)
доург — красный
дулиаиш — часть
дунн — мужчина
дуркаиш — страна
дуухг — лед
дхрууриц — колдун
иодаишу — ночь
иомаиш — много, многие
ирк — жрать
исоун — курица
их — она
калаиш — гавань
камханохг — вечерние сумерки, рассвет
каол — узкий
каррог — ущелье, расселина

карсок ? — почему?
кас — нога
каслар — карта местности
кеол — музыка
киод — кража, воровство
киодок — красть, воровать
кионноул — свеча
кионоум — встреча
кихг — пять
клуас — ухо (орка)
кнам — жевать, переваривать
кнум — червяк
ко, к' — кто
коинтаи — виновный
коинтаи доук — невиновный
колл — лес
команаи — охотник, охота
корр — обобщ. согласие
Корр ! — Согласен! (Обобщ. утверждение)
коррахг — палец
корцоул — (укрепленный) замок
коум — голова
коур'док — торговать
коурд — торговля
коурт — справедливо
коуртас — справедливость
криок — конец
Криок ! — Достаточно!
кро — смерть (насильственная)
кро-бухг — смертельный удар
кроиаш — граница
кроум — лук, луковица
кудаиш — паук
кудаишд — также
кум — оставлять
кунгаиш — лекарство
куннарт — опасность
кур — четыре
куроуиш — приглашение
куун — чужак, чужой
кхумне — память
кхумне'док — размышлять
лаохг — воин
ларка — день
лашар — пламя
лиосг — огонь
лииш — плохой
Лиш-кнам ! — Приятного аппетита! (досл. «Плохого переваривания»)
лорг — находка
лорхг — след
луарк — быстрый
лум — прыжок

лус — овощи
лус'док — быть трусом, бояться (врагов)
лус'ирк — вегетарианец (досл. «поедатель овощей»)
лут — рана
луусг — лень, ленивость
лухга — маленький
мадаи-аррали — волк
мадонн — утро
маинн — намерение
малаи — собака
матхум — медведь
милл — портить
миот — гордость
мои — я
морор — повелитель
мохгстир — мастер
му — если
му... ра — если бы не...
мук — свинья
мук'док — пачкать
мур — море
мурт — убийство, убийца
набои — сосед
намхал — враг
нокд — появляться
ноу — девять
ноуд — гнездо
нуарранаи — вой
'нур — твой
оизаль — низкий
оинзохг — атака, нападение
оир — золото
оиркир — берег, побережье
ойгаи — без
ойкиор — несправедливость
окд — восемь
оль — воздух
оль'док — исчезать
ольк — злой
омхруут — раздор
оргоид — деньги, плата
орд — молот
ордур-сохгаи — боевой молот (оружие)
орхгоид — серебро
оуаи — лошадь
оулла — ничего, нуль
оунхон — мозг
охган — ветка
охдраль — история
поль — грязь
раббаи — предупреждение
раммаи — толстый

рарк — крепость
ри — три
роуб — рвать, отрывать
рохгон — выбор
рухг — долина, ущелье
рушоум — вера
'с — и
сабаль — битва
сай — шесть
саобх — неистовство, безумие (от ярости)
сапарак — копье (оружие орков)
сгарк — щит
сгаркан — зеркало
сгимилоур — незванный гость
сгорн — горло, глотка
сгудар'хай — внутренности
сиолл — молния
слайи — меч
слихге — дорога
слок — яма
слуг — глоток
смок — дым
снагор — змея, рептилия
сноуида — снег
соубхаг — сокол
соук — семь
соукод — куртка, мундир
соулбх — счастье
сохгал — мир
сохгаи — война
сохгоуд — стрела
сохгоуд'с бохга — стрела и лук
споикаи — общий, простой
стурк — ткань, материал
суль — глаз
суль'хай-коул — эльфы (досл. «узкоглазые»)
суль'хай-коул-боун — эльфийская баба (пренебрежительно)
тог — ров, канава
тоголь — постройка, дом
торноумух — гром
тоугасг — учитель, учение
тоумполь — храм
тоунга — язык
туахг — топор
тулл — возвращение
туль — дыра
тур — башня
тур'док — бежать, удирать
турус — путешествие
тутоум — падение (с высоты)
умбал — идиот
унног — окно

унур — честь
ур'курул лаиар — пламя Курула
ур'курул слок — яма Курула
урку — ты
ууле — другой, другие
ухг — яйцо
ухль-бхуурц — чудовище
уш — интерес
фазаи — пустыня
файхок — дикий
факлор — словарный запас
фамбор — великан
фарамх — бустой
фахг — лист
фоисраиаш — информация
фойзахг — борода
фойзахг'хай-ироук — карлики (собств. «бородатые сморчки»)
фоук — видеть
фоуксиннаи — видимый
фоуксиннаи-доук — невидимый
фуль — кровь
фуль-бирр — кровавое пиво
фхада — длинный
фхуун — сам
хгул — гуль
хуам — пещера
инориш — дерьмо, испражнения
ишон — нос
ишон'док — дышать
ироук'док — сжиматься, сморщиваться
ироук'коум — отрубленная голова
эх — он, оно

Приложение Б Бру-милл Бальбока

Итак, вот и он, рецепт легендарного орочьего засорителя желудка. Состав этого невероятно популярного среди орков блюда варьируется от *больбоуга* к *больбоугу*. Далее благосклонный читатель найдет любимую рецептуру Бальбока:

Ингредиенты:

- мясо гнома (*свежее*) ,
- 1 пригоршня толстых личинок (*живых*) ,
- 4 кнум'хай набитых внутренностей гнома ,
- 4 луковицы, 2 зубчика чеснока и 1 стручок перца чили ,
- 5 пар глаз змеи ,
- мука костей варга ,
- 1 черпак прогорклого тролльского жира ,
- 1 кружка коричневого грязевого бульона ,
- соль и перец .

Приготовление:

Положить троллий жир на железную сковороду и нагреть ее, затем как следует поджарить приправленное перцем и солью гномье мясо. Затем снять мясо со сковороды и тщательно перемешивать костную муку из костей варга с зажаркой до тех пор, пока она не станет коричневой. Необходимо следить за тем, чтобы сковорода не слишком сильно нагрелась — только *умбал'хай* могут позволить *бру-миллу* пригореть. Добавить шинкованный лук, чеснок и стручок перца чили. Затем перелить содержимое сковороды в большой котел, добавить грязевой бульон и все тщательно перемешать. Постепенно добавлять поджаренное мясо, а также личинки и мелко порезанные внутренности гнома и варить на медленном огне до тех пор, пока мясо не будет готово, а соус не загустеет. Приправить перцем по вкусу, чтобы *бру-милл* обжигал горло. Перед подачей на стол добавить глаза змеи и дать настояться, но не варить. Лучше всего есть *бру-милл* горячим. К нему подают черствый хлеб. *Лис-кнам* !

Указание:

Люди с менее грубым желудком, а также те, кто в недостаточной степени является орками, чтобы заниматься оригинальными ингредиентами, могут заменить их следующим образом:

- 400 граммов курятины ,
- 200 граммов креветок ,
- 2 пары венских сосисок ,
- 2 луковицы, 2 зубчика чеснока и 1 стручок перца чили (не острый) ,
- 10 мелких круглых томатов ,
- 1 стакан муки ,
- 250 мл растительного масла ,
- 1,5 литра овощного или куриного бульона .